ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2022. Том 8, № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY

NEOPHILOLOGY

2022. Volume 8, No. 1

Неофилология. 2022. Т. 8, № 1

Сквозной номер выпуска – 29

Научно-теоретический журнал. Издаётся с марта 2015 г. Выходит 4 раза в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Издатель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России с 12 февраля 2019 г., по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология). Индексируется РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

Тематика журнала:
Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (филологические науки)
Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
Межязыковая и межкультурная коммуникация (филологические науки, культурология)
Теория и история культуры (культурология)

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учёными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор:
А.С. Щербак, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация)
Научный редактор:
С.А. Мызников, чл.-корр. РАН, д. филол. н. (г. Москва, Российская Федерация)
Ответственный секретарь:
И.В. Ильина (г. Тамбов, Российская Федерация)
Редакционная коллегия:
В.Г. Андреева, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Р. Гольдт**, д. филол. н., проф. (г. Майнц, Федеративная Республика Германия); **М.В. Горбаневский**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Е.И. Григорьева**, д. культурологии, проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Е.А. Зверева**, д. филол. н., доц. (г. Тамбов, Российская Федерация); **С.Н. Ильченко**, д. филол. н., доц. (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); **С.В. Кезина**, д. филол. н., проф. (г. Пенза, Российская Федерация); **И.В. Леонов**, д. культурологии, доц. (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); **Ю. Накано**, д. филол. н., ассист. проф. (г. Киото, Япония); **О.Н. Новикова**, д. филол. н., доц. (г. Уфа, Российская Федерация); **О.Ю. Осьмухина**, д. филол. н., проф. (г. Саранск, Российская Федерация); **Л.А. Пронина**, д. филос. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Л.В. Рацибурская**, д. филол. н., проф. (г. Н. Новгород, Российская Федерация); **В.И. Супрун**, д. филол. н., проф. (г. Волгоград, Российская Федерация); **П.В. Сысоев**, д. пед. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **З.К. Темиргазина**, д. филол. н., проф. (г. Павлодар, Республика Казахстан); **Г.Н. Трофимова**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Л.А. Фурс**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Л.Е. Хворова**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация) **Чжан Цзе**, д. филол. н., проф. (г. Нанкин, Китайская Народная Республика); **А.Л. Шарандин**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Ю.М. Шемчук**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **А.М. Шестерина**, д. филол. н., проф. (г. Воронеж, Российская Федерация); **Н.Н. Ярошенко**, д. пед. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация)

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций

Адрес редакции и издателя:
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
Тел.: +7(4752)72-34-34 доб. 0440
Эл. почта: ant_scherbak@mail.ru, ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: http://journals.tsutmb.ru/neophilology/;
http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng/

Редакторы: Ю.А. Бирюкова, М.А. Сенина, М.И. Филатова
Редактор английских текстов В.В. Клочихин
Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчановой
Дизайн обложки Т.О. Прокофьевой
Администратор сайта М.А. Сенина

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

ISSN 2587-6953 (Print) ISSN 2782-5868 (Online)

Подписной индекс 80303 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»
Территория распространения: РФ, зарубежные страны

Оригинал-макет подготовлен в объединённой редакции научных журналов
Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». 392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 190г.
Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Тираж 1000 экз. Заказ № 22238
Подписано в печать 21.03.2022
Дата выхода в свет 05.04.2022

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman»
Печать на ризографе. Печ. л. 25,5. Усл. печ. л. 24,7
Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2022
© Журнал «Неофилология», 2022

Для цитирования: Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. 204 с. DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 5

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Алтабаева Е.В., Мазанько И.Ф., Щербина С.И. К вопросу об образовании наречий места в древнерусском языке 6
Им С.Б. Роль морфонологических элементов в словообразовании абстрактных имён существительных с суффиксом -ость (-есть) 16
Матиив Н.Д. Диалектная лексикография русского языка в начале XXI века 30
Кушнир К.И. Вербализация образа *яблони* в поэзии В.А. Солоухина 43
Недоступова Л.В. Мужской антропонимикон в говоре посёлка Высокого Воронежской области 50
Верховых Л.Н. К вопросу о значении термина *лингвокраеведение* 61

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

Трусов Е.В., Андраханов А.А., Митчелл П.Дж. Английские заимствования в китайском языке в сфере блокчейн 73
Кащеева А.В. Грамматические средства выражения категории темпоральности в англоязычном естественнонаучном учебном тексте 81
Идзибагандова У.И. Сравнение концепта «Счастье» в русском и даргинском языках 91

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иванов Е.Е. Влияние этических идей Л.Н. Толстого и П.А. Кропоткина на творческие принципы Г. Газданова 98
Гудин Д.С. Топос кладбища в романах Е.Г. Водолазкина 107
Елепова М.Ю., Кабанова Н.Г. Трансформация библейских, мифологических и фольклорных моделей в «Трёх сказках о Змие крылатом, трёхголовом, огнедышащем» Радия Погодина 118

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

Шестерин Н.О., Шестерина А.М. Процесс взаимодействия человека и искусственного интеллекта в медиапространстве компьютерных игр 128
Прохоров А.В. Геймификация как инструмент повышения вовлеченности аудитории социальных сетей университета 137
Ильченко С.Н., Разина О.А. Трансформация культурно-просветительских программ в телевизионном эфире в условиях пандемического контекста (на примере проекта «Русский музей. 125 лет») 144
Пядышева Т.Г. Язык рекламы: структурные особенности рекламных текстов 154

МЕЖЯЗЫКОВАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Ескеева М.К., МусабековаУ.А. Эстетический образ тюркской паремической единицы 163

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Ян Бо. Стратегии продвижения культурно-языковой сферы в постсоветской Центральной Азии 169
Лавринова Н.Н., Чеботарёв С.А., Кожевникова Т.М. Социальные функции духовно-нравственных традиций в культуре 179

РЕЦЕНЗИЯ

Кара-Мурза Е.С. Лингвоэкспертология: актуальные издания 2021 года 193

ПЕРСОНАЛИИ

К юбилею Ларисы Васильевны Поляковой 199

16+

Neophilology. 2022. Vol. 8, no. 1
Continuous issue number – 29
Scientific-theoretical Journal. Published since March 2015. Issued 4 times a year

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Derzhavin Tambov State University" (33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

Publisher's: FSBEI of HE "Derzhavin Tambov State University"

The journal is on the "Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science" by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia since February 12, 2019, on the following fields of science: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences); 10.01.08 – Theory of literature. Textology (philological sciences); 10.02.01 – Russian language (philological sciences); 10.02.04 – Germanic languages (philological sciences); 24.00.01 – Theory and history of culture (culturology). Indexed by the RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, Scientific Electronic Library "eLIBRARY.RU", Electronic Library "CyberLeninka"

Basic headings of the journal:
Russian language. Languages of peoples of Russia (philological sciences)
Languages of peoples of foreign countries (Germanic languages) (philological sciences)
Russian literature and literature of peoples of Russian Federation (philological sciences)
Media Communications and Journalism (philological sciences)
Crosslanguage and crosscultural communication (philological sciences, culturology)
Theory and history of culture (culturology)

All articles are checked in the "Antiplaga" program and double-blind peer-reviewed by leading scientists in accordance with the subject and specialization of the journal.

Editor-in-Chief:
A.S. Shcherbak, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation)
Scientific Editor:
S.A. Myznikov, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philology (Moscow, Russian Federation)
Executive Editor:
I.V. Ilyina (Tambov, Russian Federation)
Editorial Board:
V.G. Andreeva, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **R. Goldt**, Doctor of Philology, Professor (Mainz, Federal Republic of Germany); **M.V. Gorbanevskiy**, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **E.I. Grigorieva**, Doctor of Culturology, Professor (Moscow, Russian Federation); **E.A. Zvereva**, Doctor of Philology, Associate Professor (Tambov, Russian Federation); **S.N. Ilchenko**, Doctor of Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); **S.V. Kezina**, Doctor of Philology, Professor (Penza, Russian Federation); **I.V. Leonov**, Doctor of Culturology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); **Y. Nakano**, Doctor of Philology, Assistant Professor (Kyoto, Japan); **O.N. Novikova**, Doctor of Philology, Associate Professor (Ufa, Russian Federation); **O.Y. Osmukhina**, Doctor of Philology, Professor (Saransk, Russian Federation); **L.A. Pronina**, Doctor of Philosophy, Professor (Tambov, Russian Federation); **L.V. Ratsiburskaya**, Doctor of Philology, Professor (Nizhny Novgorod, Russian Federation); **V.I. Suprun**, Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russian Federation); **P.V. Sysoyev**, Doctor of Pedagogy, Professor (Tambov, Russian Federation); **Z.K. Temirgazina**, Doctor of Philology, Professor (Pavlodar, Republic of Kazakhstan); **G.N. Trofimova**, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **L.A. Furs**, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation); **L.E. Khvorova**, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation); **Zhang Jie**, Doctor of Philology, Professor (Nanjing, People's Republic of China); **A.L. Sharandin**, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation); **Y.M. Shemchuk**, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **A.M. Shesterina**, Doctor of Philology, Professor (Voronezh, Russian Federation); **N.N. Yaroshenko**, Doctor of Pedagogy, Professor (Moscow, Russian Federation)

The opinions expressed by the publications authors may not coincide with those of the editorial

Editorial Office and Publisher address:
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: +7(4752)72-34-34 add 0440
E-mail: ant_scherbak@mail.ru, ilina@tsutmb.ru
Web-site: http://journals.tsutmb.ru/neophilology/;
http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng/

Editors: Y.A. Biryukova, M.A. Senina, M.I. Filatova
English texts editor V.V. Klochikhin
Computer layout T.Y. Molchanova
Cover design T.O. Prokofeva
Web-site administrator M.A. Senina

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
The mass media registration certificate ПИ no. ФС 77-70137 of June 16, 2017

ISSN 2587-6953 (Print) ISSN 2782-5868 (Online)

Subscription index in the catalogue LLC "Ural-Press" is 80303
Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

The original layout is prepared in the Incorporate Editorial of Scientific Journals
Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House "Derzhavinskiy" of FSBEI of HE "Derzhavin Tambov State University". 190g Sovetskaya St., Tambov 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Copies printed 1000. Order no. 22238
Signed for printing 21.03.2022
Release date 05.04.2022

Format A4 (60×84 1/8). Typeface "Times New Roman"
Printed on risograph. Pr. sheet 25,5. Conv. pr. sheet 24,7
Free price

© FSBEI of HE "Derzhavin Tambov State University", 2022
© The journal "Neophilology", 2022

For citation: Neophilology. 2022. Vol. 8, no. 1. 204 p. DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1

Content of the journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLES OF RUSSIA

Elena V. Altabayeva, Ivan F. Mazanko & Sergey I. Scherbina,To the formation issue of the adverbs of place in the Old Russian language 6

Svetlana B. Im, The role of morphonological elements in the abstract nouns word formation with the suffix -ost' (-est') 16

Nikolay D. Matijiv, Dialect lexicography of the Russian language at the beginning of the 21st century 30

Ksenia I. Kushnir, Verbalization of image of an *apple tree* in V.A. Soloukhin's poetry 43

Lubov V. Nedostupova, Male anthroponymicon in the patois of Vysokoye Village, Voronezh Region 50

Lyudmila N. Verkhovykh, On the issue of the meaning of the term *linguo-local studies* 61

LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC LANGUAGES)

Egor V. Trusov, Andrey A. Andrakhanov & Petr J. Mitchell, English loanwords in Chinese in the field of blockchain 73

Anna V. Kashcheyeva, Grammatical means of expressing temporality category in an English-language natural science educational text 81

Uzdiyat I. Idzibagandova, Comparison of the concept "Happiness" in Russian and Dargin languages 91

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF PEOPLES OF RUSSIAN FEDERATION

Evgeny E. Ivanov, The influence of the ethical ideas of L.N. Tolstoy and P.A. Kropotkin on G. Gazdanov's creative principles 98

Denis S. Gudin, Topos of cemetery in E.G. Vodolazkin's novels 107

Marina Y. Elepova & Natalia G. Kabanova, Transformation of biblical, mythological and folklore models in "Three fairy tales of the winged, three-headed, fire-breathing Serpent" by Radiy Pogodin 118

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Nikita O. Shesterin & Alla M. Shesterina, The process of interaction between human and artificial intelligence in the mediaspace of a computer game 128

Andrey V. Prokhorov, Gamification as a tool for increasing the engagement of the university social media audience 137

Sergey N. Ilchenko & Olga A. Razina, Transformation of cultural and educational programs on television in a pandemic context (on the example of the project "Russian Museum. 125 years old") 144

Tamara G. Pyadysheva, Advertising language: structural features of advertising texts 154

CROSSLANGUAGE AND CROSSCULTURAL COMMUNICATION

Magripa K. Eskeyeva & Urzada A. Mussabekova, Aesthetic image of Turkic paremic unit 163

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

Bo Yang, Strategies for the promotion of world languages in post-soviet Central Asia 169

Natalia N. Lavrinova, Sergey A. Chebotarev & Tatyana M. Kozhevnikova, Social functions of spiritual and moral traditions in culture 179

REVIEW

Elena S. Kara-Murza, Linguoexpertology: current editions of 2021 193

PERSONALIA

To Larisa Vasilievna Polyakova anniversary 199

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ
RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLES OF RUSSIA

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 811.161.1
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-6-15

К вопросу об образовании наречий места в древнерусском языке

Елена Владимировна АЛТАБАЕВА[1], Иван Филиппович МАЗАНЬКО[2], Сергей Иванович ЩЕРБИНА[2]
[1]ФБГОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1
[2]ФБГОУ ВО «Российский университет транспорта»
127994, Российская Федерация, ГСП-4, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9
✉ evaltabayeva@mail.ru

Аннотация. Изучен вопрос об образовании наречий места в древнерусском языке в историческом аспекте. Материалом для исследования послужили контексты с наречиями места, извлечённые методом сплошной выборки из опубликованных древнерусских памятников письменности. Для выявления пути возникновения производных наречий и установления их изначальной словообразовательной структуры в качестве основных в работе применялись словообразовательный и морфемный анализы в синхронном срезе, а также элементы контекстуального анализа, позволяющие выявить и уточнить зависимость лексического значения наречия от контекста. Установлено, что ведущим способом образования наречий места в древнерусском языке являлся префиксальный; роль производящей основы выполняло первичное полисемное наречие, которое благодаря значению словообразовательного форманта оформлялось в новое моносемное наречие. Сделан вывод о том, что воссоздание реальной истории наречий возможно только на основе сопоставления контекстов в связи друг с другом, на основе словообразовательного анализа структуры наречий в синхронном срезе и на основе выявления словообразовательных типов наречий в диахронии и синхронии.

Ключевые слова: древнерусский язык, наречия места, словообразовательный тип, первичные наречия, чередование суффиксов, редукция суффиксов

Для цитирования: *Алтабаева Е.В., Мазанько И.Ф., Щербина С.И.* К вопросу об образовании наречий места в древнерусском языке // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 6-15. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-6-15

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

OPEN ACCESS

© Алтабаева Е.В., Мазанько И.Ф., Щербина С.И., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-6-15

To the formation issue of the adverbs of place in the Old Russian language

Elena V. ALTABAYEVA[1], Ivan F. MAZANKO[2], Sergey I. SCHERBINA[2]
[1]Moscow Pedagogical State University
1 Bldg 1, Malaya Pirogovskaya St., Moscow 119991, Russian Federation
[2]Russian University of Transport
9 Bldg 9, Obrazcova St., GSP-4, Moscow 127994, Russian Federation
✉ evaltabayeva@mail.ru

Abstract. We study formation the issue of the adverbs of place in the Old Russian language in historical aspect. The material for the research is the contexts with adverbs of place, extracted by the method of continuous sampling from the published Old Russian writing monuments. To identify the way of derived adverbs origin and to establish its initial derivational structure, as the main ones in the work there are used derivative and morphemic analyzes in a synchronous environment, as well as elements of contextual analysis, which made possible to identify and clarify the dependence of lexical meaning of the adverb on the context. We establish that the leading way of forming the adverbs of place in the Old Russian language was the prefix; the role of the generating base was played by the primary polysemous adverb, which, because of the meaning of derivative formant, was formed into a new monosemous adverb. We conclude that the reconstruction of real history of the adverbs is possible only on the basis of comparing contexts in connection with each other, on the basis of a derivative analysis of the structure of adverbs in a synchronous cut and on the basis of identifying derivative types of the adverbs in diachrony and synchronicity.

Keywords: Old Russian language, adverbs of place, derivational type, primary adverbs, suffixes alternation, suffixes reduction

For citation: Altabayeva E.V., Mazanko I.F., Scherbina S.I. K voprosu ob obrazovanii narechiy mesta v drevnerusskom yazyke [To the formation issue of the adverbs of place in the Old Russian language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 6-15. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-6-15 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
OPEN ACCESS

ВВЕДЕНИЕ

Признание слова наречием, то есть единицей, обладающей грамматическими признаками этой части речи, разграничение наречий и похожих на них предложно-падежных сочетаний, поиск непротиворечивого, чёткого алгоритма для составления правил правописания наречий – вот основной круг вопросов отечественной науки, связанный с изучением этой части речи в исторической и описательной русистике.

Издавна в науке на природу наречий сформировался взгляд как на класс бесформенных, бессистемных по образованию, случайно возникающих слов. Перипетии спора исследователей о статусе наречий в системе частей речи и перспективах его изучения обстоятельно представлены в классическом труде В.В. Виноградова «Грамматическое учение о слове» [1, с. 280-285]. Анализ современной литературы показывает, что история этой части речи в научной и учебной литературе представлена схематично, а с позиции сегодняшней науки – односторонне, подбором случайных примеров и общими рассуждениями об адвербиализации: «В конечном счёте повышается степень отвлечённости признака с выходом его на признак действия»; «Так начиналось обозначение признака, по семантике очень напоминающего действие символа» [2, с. 256, 257]; «За-

вершение адвербиализации связано с процессом метатезы и интеграции <...> в некоторых случаях происходит ресегментация» [3]. Рассуждения об образовании наречий, которые, по выражению А.С. Шишкова, «зѢло темны уху слышатся», и отсутствие в исследованиях о древнерусских наречиях убедительного материала, действительно подтверждающего их формирование из сочетаний предлогов с существительными или прилагательными, обернулось в итоге плачевным результатом: ряд заслуженно уважаемых авторов (А.А. Дибров, В.С. Овчинникова, В.И. Левчук; К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев) вообще исключили из своих учебников по исторической грамматике русского языка материал об истории наречий как недостойный внимания.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В последнее время начали появляться работы, посвящённые проблеме образования наречий в альтернативном (деривационном) аспекте. Эта работа была инициирована преподавателями кафедр русского языка РУТ и МПГУ под руководством И.Ф. Мазанько [4–6]. Разработка названной проблемы представляется актуальной и значимой как для современной лингвистической науки, так и для школьно-вузовской практики изучения и преподавания русского языка.

Материалом исследования выступают извлечённые из памятников древнерусского языка предложно-субстантивные сочетания, которые отечественным языкознанием традиционно классифицируются как класс слов, выполнявших в нём роль наречий. При исследовании использовались метод лингвистического описания, словообразовательный анализ в синхронном срезе и элементы компонентного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во всех научных трудах и учебных пособиях наречия места, например, ***сверху, наверху, вверху, вверх, наверх*** служат классическими иллюстрациями теории адвербиализации, то есть превращения предложно-субстантивных или предложно-адъективных сочетаний в класс наречий. Однако данные письменных источников опровергают эту точку зрения на происхождение наречий места в диахронии, что признают и современные исследователи проблемы, по-прежнему отстаивая сомнительную теорию: «На наш взгляд, более правильным будет предполагать здесь эллипсис на уровне мысли, поскольку в имеющихся памятниках мы не встречаем соответствующих адъективно-субстантивных сочетаний»; «Эллипсис опорного существительного влечёт за собой интеграцию предлога и прилагательного, вбирающего значение эллиптированного существительного, то есть эллипсис и интеграция в данном случае являются последовательно протекающими видами ЭСП» [3, с. 13].

Наречия ***сверху, наверху, вверху, вверх, наверх***, как и многие другие, являются продуктом действия префиксального способа словообразования. В качестве производящей основы для них выступали полисемантичные первичные *наречия* **верху**, ***верхъ*.** Присоединяемые приставки дифференцировали многозначность первичного наречия, которая получала оформление в виде нового самостоятельного слова. Вместо одного полисемантичного наречия образовалось несколько лексических единиц.

Обратимся к примерам (табл. 1).

Производные, или вторичные наречия характеризуются морфемной прозрачностью, объясняющей их этимологию. Очевидно, что между формами, участвующими в деривации, устанавливается преемственность, обеспечивающая замену одной формы наречия другой, которая указывает на то, что наречия двухсловной формы имеют соотносительность не с предложно-субстантивными, предложно-адъективными и с синтаксическими сочетаниями, а с производящими наречиями в однословной форме. Гипотетически можно было бы предположить, что производные (вторичные) наречия происходят от перечисленных групп в результате их адвербиализации, если бы им не предшествовали наречия и если бы результатом словопроизводства были опять-таки не наречия. Но сопоставление однословных и двухсловных форм свидетельствует об обратном: вторичные наречия образуются от первичных, потому что производящая и производная единицы обнаруживают грамматическую тождественность и лексическую синонимич-

Таблица 1

верху + *на-* → *на верху* (*наверху*)	
Верху *(«наверху»)* «[Татары] городъ възяшь, и люди исѢкоша, и ту костью падоша; а князи имъше, издавиша, подъкладъше подъ дъскы, а сами **верху** сѢдоша обѢдати, и тако животъ ихъ концяша»[1].	**Наверху** «[Татары] городъ вземъ, людеи изсѢкоша, и ту костиию падоша, а князеи издавиша, подкладше подъ дощки, а сами **наверху** сѢдоша обѢдати, и тако издохошася и животъ свои скончаша»[2].
верху + *съ-* → *съ верху* (*съверх*)	
Верху *(«сверху»)* «Дѣлателемъ же покровъ от камениа и от стрѢл быша и волуяя кожи пропинаны («*натянуты*»), **верху** над ними» [7, с. 374].	**Съверху** «Дѣлателемь же покровъ от камениа и от стрѢл быша и волуями («*воловьи*») кожи пропинаны, **сверху** над ними» [8, с. 374].
верху + *въ-* → *въ верху* (*въверху*)	
Верху («*вверху*») «[Знамение] Около же круга ... посреди неба, по обе стороны и его повыше бело, но **верху** не снидеся, а вниз до полукруга конци ихъ»[3].	**Въверху** «Около же круга, иже бяше... посреди неба, по обе стороны и его повыше бело, но **вверху** не снидеся, а внизъ до полукруга конци ихъ»[4].
верху + *по-* → *по верху* (*поверху*)	
Верху («*вверху*») «Како можемъ с вами битися, а друзии **верху** васъ Ѣздяху въ оружии свѢтлѢ и страшнѢ, иже помагахуть вамъ»[5].	**Поверху** «Како можемъ с вами битися, а друзии **поверху** васъ Ѣздяху въ оружии свѢтлѢ и страшнѢ, иже помагахуть вамъ»[6].
верхъ + *въ-* → *въ верхъ* (*въверхъ*)	
Верхъ *(«вверху»)* «БѢ путь изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по ДнѢпру и **верхъ** ДнѢпра волокъ до Ловоти»[7].	**Въверхъ (**«*вверх, вверху*»**)** «И бѢ путь изъ Варягъ въ Грекы, изъ Грекъ **въврьхъ** по ДнѢпру, и **въврьхъ** ДнѢпра волокъ до Ловоти»[8].
верхъ + *на-* → *на верхъ* (*наверхъ*)	
Верхъ *(«вверху, в верховьях»)* «Кривичи, иже сѢдять **врьхъ** Влъгы..., ихъ же и градъ есть Смоленескъ»[9].	**Наверхъ** *(«вверху»)* «Кривичи же сѢдять **наверхъ** Волги... их же градъ есть Смоленскъ»[10].
въверхъ + *-у* → *въ верху (въверху)*	
Въверхъ *(«вверху»)* «А тѢ три солнца необычные снидошась вмѢсто, и бысть едино идяше за сущимъ солнцемъ посвыше его... около же круга, иже бяше краемъ посреди неба, по обѢ стороны его повыше бѢло, **вверхъ** не снидеся, а внизъ до полукруга конци ихъ»[11].	**Въверху** «А тѢ три солнца необычные, они снидошася вмѢсто и бысть едино, идяше за сущимъ солнцемъ посвыше его... Около же круга, иже... посреди неба, по обе стороны и его повыше, бело, но **вверху** не снидеся, а внизъ до полукруга конци ихъ»[12].

[1] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А.Н. Насонова. Москва; Ленинград: АН СССР, 1950. С. 63.

[2] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. Т. 15 / под ред. А.Ф. Бычкова. Спб.: Тип. Леонида Демиса, 1863. С. 342.

[3] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Никаноровская летопись. Сокращённые летописные своды конца XV века. Т. 27. Москва; Ленинград: АН СССР, 1962. С. 129.

[4] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Симеоновская летопись. Т. 18 / под ред. А.Е. Преснякова. Спб: Тип. М.А. Александрова, 1913. С. 229.

[5] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Софийская первая летопись. Т. 5 / под ред. П.Г. Васенко. Список Оболенского. Л.: Российская Академия наук, 1925. С. 158.

[6] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Софийская первая летопись. Т. 5 / под ред. П.Г. Васенко. Карамзинский список. Л.: Российская Академия наук, 1925. С. 158.

[7] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Лаврентьевская летопись. Т. 1 / под ред. И.Ф. Карского. Изд. 2-е. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1926. С. 7.

[8] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. Т. 15 / под ред. А.Ф. Бычкова. Спб.: Тип. Леонида Демиса, 1863. С. 19.

[9] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). Т. 41. М.: Археографический центр, 1995. С. 4.

[10] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Лаврентьевская летопись. Т. 1 / под ред. И.Ф. Карского. Изд. 2-е. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1926. С. 10.

[11] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). Т. 28 / под ред. М.Н. Тихомирова. Москва; Ленинград: АН СССР, 1963. С. 290.

[12] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Вологодско-Пермская летопись. Т. 26 / под ред. М.Н. Тихомирова. Москва; Ленинград: АН СССР, 1959. С. 229.

ность: ***верхъ → вьверхъ*** «Преставися Иванъ Юриевичь... и вземше тѢло его братиа его Борисъ и ГлѢбъ, идоста къ отцу къ Суждалю; а Святославъ иде **верхь** по ОцѢ, и ста на усть Поротвы въ ЛюбыньскѢ»[13] – «Преставися князь Иванко Юриевичь... и вземше тѢло его братия его... Борисъ ...и ...ГлѢбъ, и идоша... въ Суждаль; а Святославъ иде Олговичь **вверхъ** по Оке рѢцѢ»[14].

Чтобы признать факт существования этого словообразовательного способа наречий в древнерусском языке, воспользуемся принципом В.В. Лопатина и И.С. Улуханова, который они постулировали на этапе создания «Грамматики-70». Учёные справедливо провозгласили, что словообразование имеет место там, где оно строится «на принципе последовательного сопоставления мотивирующей и мотивированной основ» [9, с. 56]. Однако этот принцип применительно к наречиям оказался невольно нарушенным вследствие неразграничения синхронной и диахронной структуры наречий.

В частности, в разряд наречий, образованных от прилагательных, учёными были включены формы ***впервые, вдалеке, въяве, вкратце, неподалеку.*** Понимая, что наречия не полностью соотносятся с прилагательными и не «вписываются» в структуру современных словообразовательных типов, данный словообразовательный тип был охарактеризован ими как «непродуктивный» и «единичный по составу». Разумеется, с точки зрения синхронии, наречия соотносятся со словами родственного корня ***первый, далёкий, краткий, явный,*** **но** образовались они не от прилагательных. Доказательством этого служит структура современных наречий, сохраняющая в своём составе первичное наречие.

Наречие ***неподалёку*** только с большой натяжкой можно включить в группу мотивированного прилагательным, потому что в русском языке нет слова ***подалёкий***. С точки зрения диахронии, наречие ***неподалёку*** образовано непосредственно от наречия ***подалёку*** приставочным способом: «И вмѢсто, чтобъ имъ острошки ломать, а они тѢ острошки в то время по празникомъ и по воскресеньямъ крепили; дозорщикомъ, которымъ было Ѣхать дозирать, и тѢ другъ отъ друга **подалеку** («*далеко*») жили, и доколя они на пути были... Арнаудусъ тѢ острошки урепилъ и людьми осадилъ»[15].

Наречия **вдаль, *издали, издаль, одаль, поодаль*** в стабильных учебниках и пособиях по исторической грамматике русского языка также служат классическими иллюстрациями теории адвербиализации происхождения наречий, однако, полагаем, что связывать их образование с существительными «даль» или «далёко» было бы неправильным.

Исследователи, оставив без внимания древнерусские письменные источники, ссылаются на произведения писателей и поэтов нового времени, которые употребляют слово ***далёко*** как существительное и делают вывод, что от него и образовались наречия типа ***вдалеке, издалека, издали***: «Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного **далека** тебя вижу... у! какая сверкающая, чудная, незнакомая мне **даль**! Русь!»[16]; «Я к вам приду в коммунистическое **далекó** не так, как песенно-есененный провитязь»[17]; «Слышу голос из прекрасного **далёка**, Голос утренний в серебряной росе»[18].

Письменные источники подтверждают, что существительное «даль» выделено, точнее сконструировано исследователями из наречия, из которого существительное впоследствии и сформировалось. Дело в том, что существительного «даль» не было в древнерусском языке, собственно, этим и объясняется факт его отсутствия в вышедших к настоящему времени древнерусских словарях. Но и гипотетическое имя существительное

[13] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. Т. 15 / под ред. А.Ф. Бычкова. Спб.: Тип. Леонида Демиса, 1863. С. 208.

[14] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Т. 10 / под ред. А.Ф. Бычкова. Спб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1885. С. 171.

[15] Вести-Куранты 1600–1639 гг. / изд. подготовили Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1972. С. 165.

[16] *Гоголь Н.В.* Мёртвые души. URL: https://www.literaturus.ru/2016/05/liricheskoe-otstuplenie-mertvye-dushi-glava-xi.html (дата обращения: 24.05.2020).

[17] *Маяковский В.В.* Первое вступление к поэме «Во весь голос». URL: https://ilibrary.ru/text/2387/p.1/index.html (дата обращения: 24.05.2020).

[18] *Энтин Ю.* Прекрасное далёко. URL: https://textgotov.com/86-detskie/1548-prekrasnoe-daljoko.html (дата обращения: 24.05.2020).

не имеет отношения к образованию наречий: фактические данные древнерусских письменных источников не содержат никаких следов, подтверждающих роль слова «даль» в качестве производящей основы.

Обратимся к письменным источникам. Князь Владимир решил отвоевать Крым у греков. В 988 г. он подошёл к городку Корсунь (в настоящее время заповедная часть Севастополя), но взять его сразу не смог и вынужден был перейти к осаде. «И ста Володимеръ об онъ полъ града в лимени, **дали** града ст(р)Ѣлище едино»[19]. Авторы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» предположили, что «дали» является словоформой отсутствующего в реальном употреблении существительного «даль», которое по этой причине заключено в квадратные скобки. А пример в словарной статье стал иллюстрацией фактически сконструированного существительного женского рода: «**[Даль,]** *ж*. **Дали**, *в значении наречия*. *В отдалении, на расстоянии от чего-либо»*. (988): И ста Володимеръ об онъ полъ города в лимени дали града ст(р)Ѣлище едино» [10, с. 168].

Попробуем, применив элементы фонетического, синтаксического и словообразовательного анализа, установить грамматическую сущность заявленного слова.

Во-первых, с фонетической точки зрения слово «дали» – это вариант наречия ***далѣ***. На это обстоятельство указывают два факта: 1) в древнерусском языке многие наречия имели по два суффикса: ***последи-последѣ, передипередѣ, назади-назадѣ, сквози-сквозѣ, осени-осенѣ*** и т. д. (Ср.: «И ста Володимеръ обонполъ града, в лимени, **далѣ** (*«в отдалении, в расстоянии недосягаемости для стрел»*) града стрѢлища единого»[20] – «И ста Володимеръ об онъ полъ града в лимени, **дали** града ст(р)Ѣлище едино»[21]); 2) чередование **Ѣ/и** в основах существительных и глаголов, особенно в новгородских летописях. (Ср.: «И владыка проводилъ ту девицу... ходилъ со кресты всѢмъ соборомъ... и молебны **пѢлъ** въ церкве святыхъ мученикъ Фролъ и Лавра»[22] – «Архиепископъ Навгороцкы Леонид **пилъ** молебны в Софии премудрости божии... и царь... съ царевичи были у молебновъ»[23]; «А служилъ того дни на Лисьи горѢ обидню в манастыри книгы **литопистца** церковнаго, а сказывал, что **литописец** ЛѢсицкои **добри** (*«добрѢ»*) сполна, ажо не сполна развие в **лѢтописцѢ** в ЛѢсуцкомъ владыкы Навгороцькые...»[24]).

Во-вторых, особенности употребления древнерусского наречия в предложении заключалось в том, что оно в постпозиции не имело изначально предлога: «И постави лодья **далече края**» [7, с. 290]; «[Ярославъ]: се, азъ **отхожю свѢта сего**, сыновѢ мои»[25]. (Заметим, что форму беспредложного наречия, ввиду её кратости и выразительности, употреблял ещё А.С. Пушкин: «**Вдали камина** княгини Голицыной замёрзнешь и под небом Италии»; «**Далече** северной **столицы** Забыл я вечный ваш туман»[26].) Привычный постпозитивный предлог, управляющий родительным падежом имени существительного, наречие получило на рубеже XIII–XIV вв. (Ср.: «И приступивъ къ горѢ Елионстеи, иже **вдалѣ** Иерусалима 6 верстъ, и ту повелѢ обрытися на въ въстоцѢ противу града» [7, с. 362] – «Еже сказается Гора Саулова, близ Тириева устья, **вдалѣ отъ** Иерусалима 30 верстъ, поемъ оттуду 600 конникъ избранных» [7, с. 361].)

В-третьих, со словообразовательной точки зрения ***въдалѣ*** является производным от первичного наречия ***далѣ***, образованного с помощью приставки ***въ-*** (табл. 2).

[19] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Лаврентьевская летопись. Т. 1 / под ред. И.Ф. Карского. Изд. 2-е. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1926. С. 109.

[20] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. Т. 15 / под ред. А.Ф. Бычкова. СПб.: Тип. Леонида Демиса, 1863. С. 102.

[21] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Лаврентьевская летопись. Т. 1 / под ред. И.Ф. Карского. Изд. 2-е. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1926. С. 109.

[22] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Новгородская вторая (Архивская) летопись. Т. 30. М.: Наука, 1965. С. 192.

[23] Там же. С. 193.

[24] Там же. С. 195.

[25] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А.Н. Насонова. Москва; Ленинград: АН СССР, 1950. С. 181.

[26] *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. Дневники. Воспоминания. Письма (1815–1830). М.: Правда, 1981. С. 84, 83.

Таблица 2

далѢ + *въ* → въ далѢ (вьдалѢ)	
ДалѢ *(«отстоящий от...»)* «И на ту нощь ведоша его къ Звинигороду, иже есть городъ малъ у Киева, яко десяти врьстовь **далѢ»**[27].	**ВьдалѢ** *(«находящийся вдали от...»)* «И на ту нощь ведоша и [Василька] Звенигороду, иже есть городъ малъ у Киева, яко десяти веръстъ и **вьдалѢ**»[28].
ДалѢ *(«дальше»)* «Бояринъ же и воевода кнзь Иоан Никитич Хованскои повеле всем служивым ратным людем отъити прочь и велел **далѢ** града Пскова ити около до монастыря Святогорского и ста за буграми» [11, с. 286].	**ВьдалѢ** (*«на расстоянии»)* [Продолжение предложения]: «Стрелцом же и салдатом приказа шанцы строити от Святогорского монастыря ко граду Пскову по Великие реки по крежу **вдалѢ** трех верст от града»[29]].

[27] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Ипатьевская летопись (Погодинский список). Т. 2 / под ред. А.А. Шахматова. Изд. 2-е. Спб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. С. 232.

[28] Там же. Основной список. С. 232.

[29] Там же. С. 286.

И наконец, само наречие **вьдаль** появилось не в результате онаречивания предлога с существительным, как это можно предположить, ограничиваясь разбором слова по составу, – оно сформировалось в результате редукции наречия **вьдалѢ**. Этот факт устанавливается на основе сопоставления летописей, в которых употребляются полный и сокращённый варианты словоформы. Ср.: ***вьдалѢ*** («И теми часы сама [Софья Палеолог ещё как невеста на пути в Москву] вьсхоте с Ызмены и до обЪда **вдале** ехати, бе бо еи еще се хощеть от Немець отъехати»[30]) → ***вьдаль*** («И тѢми часы восхотѢ сама [Софья Палеолог через Псков едет в Москву] съ ИзмѢны и до обЪда **вдаль** Ѣхати: бѢ бо еи еще се хощетъ отъ НѢмецъ отъѢхати»[31]); ***вьдале*** («И паде вкупѢ пшеница, и рожь, и жито на полѢ и на лѢсѢ отъ града за 5 верстъ, **вдале** отъ Волховца и до МьстѢ рѢкѢ на 15 верстъ»[32] → ***вьдаль*** (И паде съ облакь пшеница, и роже, и жито на полѢ, на лѢсѢ отъ града 5 верстъ **вдаль** отъ Волховца до МьстѢ рѢкѢ на 15 верстъ»[33]).

Сокращение суффиксов у наречий древнерусского языка – это обычный фонетический процесс: **обаполы – обаполъ, посторонЕ – посторонь, позади-позадь, среди-средь.** Например, ***обаполы*** *(«по обе стороны»)* → ***обаполъ***: «Повергоша и и связаша и снемше доску с печи и возложиша на перси его и сЪдоста **обаполы** Сновидъ Изечевичь и Дмитръ и не можаста уддержати... и приступи Торчинъ держа нож и хотя и ударити в око»[34] – и «Повергоша и, и связаша и, и снемше доску с печи и положиша нам перси ему, и сЪдоста **обаполъ** Сновидъ и Дмитръ, и не можаху его удержати и... приступи торчинъ... хотя вывертети око ножемъ»[35].

Процесс сокращения суффиксов в наречиях не обошёл стороной и те из них, которые образовались от первичного наречия далѢ. Эти формы, не принятые во внимание учёными, не смогли препятствовать устоявшемуся убеждению о происхождении наречий из предложно-субстантивных сочетаний как единственно возможном. В наречиях ***одаль, издалѢ/издали*** корневая морфема, формально похожая на слово «даль», остаётся неизменной, варьируются только приставки. Отрезок **–даль-** в наречиях представляет собой не существительное «даль», а первич-

[30] Псковские летописи. Выпуск II / под ред. А.Н. Насонова. М.: АН СССР, 1955. С. 190.

[31] Псковские летописи. Выпуск I / отв. ред. Б.Д. Греков; подгот. к печати А. Насонов. Москва; Ленинград: АН СССР, 1941. С. 126.

[32] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А.Н. Насонова. Москва; Ленинград: АН СССР, 1950. С. 427.

[33] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. Т. 16 / под ред. А.Ф. Бычкова, К.Н. Бестужева-Рюмина. Спб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1889. С. 189.

[34] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Лаврентьевская летопись. Т. 1 / под ред. И.Ф. Карского. Изд. 2-е. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1926. С. 260.

[35] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Радзивиловская летопись. Т. 38 / ред. М.П. Ирошников, М.В. Кукушкина, Я.С. Лурье. Л.: Наука, 1989. С. 96.

ное наречие ***далѣ***, сократившее суффикс. Как и многие первичные наречия, ***далѣ*** тоже было многозначным (оно имело и значение времени), и приставки оформляли каждое значение в самостоятельное слово. Наречие ***поодаль*** представляет собой сокращённую форму наречия поодалѣ – оно не могло образоваться от существительного «даль», так как сочетания «по- о – даль», включающего в свой состав сразу два предлога, в языке не существовало.

Отсутствие в историческом языкознании хотя бы предположения о существовании первичных наречий в древнерусском языке, раздельное написание вторичных наречий способствовало появлению ложного убеждения о малочисленности или даже отстутствии в древнерусском языке наречий: «…наречия места и времени... были редки в древнерусском языке... иногда они не расчленяли характер признака» [2, с. 257]. И это сказано о самых распространённых и самых употребительных разрядах наречий, обходиться без которых просто было бы невозможно. Да и непонятно, какой характер и какой признак наречия времени и места «не расчленяли». Неужели многие поколения на Руси жили, строили дома, крепости, храмы, воевали, сеяли и снимали урожай, женились, умирали, отправлялись в путешествия без понятий и слов о времени и пространстве, не «расчленяя характер признака» и показывая всё на пальцах?

Вот лишь один эпизод, показывающий наличие наречий места уже в XII в. Князь Игорь, встретив неожиданно половцев, сразу **изрядиша** («*выстроил*») для битвы 6 полков в боевом порядке: «Игоревъ полкъ **середѣ,** а **поправу** брата его Всеволожь, а **полѣву** Святославль, сыновця его; **напередѣ** ему («*перед ним*») сынъ ВолодимѢръ и другии полкъ Ярославль... **напереди** («*впереди*») же стрѢлци, иже бяхуть отъ всихъ князии выведени»[36].

А разве отсутствуют наречия в славном ответе Дмитрия Донского воеводам, когда они стали упрекать израненного полководца в том, что он не должен был сам биться, а стоять в укромном месте: «Да како азъ возглаголю: братие, потягнемъ **заедино,** а самъ лице свое начну крыти или хоронитися **назади**?.. Да яко же рече, тако и сотвори: би бо ся **напередъ** ста всѢхъ, и бѢ **одесную** и **ошую** его множество битыхъ, а самого оступиша, **вкругъ обаполъ**... и многа ударения приятъ по главѢ и по всѢму тѢлу»[37].

Разумеется, наречия места в древнерусском языке, как и другие разряды, были, но имели форму, соответствующую законам их фонетического и грамматического состояния, но если воспринимать наречия буквально, с точки зрения их формы и состояния в современном языке, то, видимо, уместно, вслед за авторитетным мнением названных исследователей, согласиться с тем, что на данном синхронном срезе они отсутствуют. Но такой подход отнюдь не решает вопрос о реальной грамматической природе наречий места.

ВЫВОДЫ

Анализ фактического материала показал, что образование наречий места в древнерусском языке осуществлялось не вследствие онаречивания сочетаний предлогов с именами существительными, как принято считать в современной учебной литературе, а как деривационный процесс. Этот процесс представлен в виде словообразовательного типа, в котором в качестве производящей основы выступает первичное наречие, в роли словообразовательного средства – префикс, благодаря которому вместо старого полисемантичного наречия формируется новое, имеющее одно лексическое значение.

Однако основная масса наречий, образованных префиксальным способом, в отечественной грамматической традиции характеризуется как онаречившиеся предложно-падежные сочетания, что искажает реальную картину истории наречий.

Чтобы выявить реальную картину истории наречий, необходимо методично сравнивать и сопоставлять производящие и производные основы, наблюдая за их состоянием

[36] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Ипатьевская летопись (основной список). Т. 2 / под ред. А.А. Шахматова. Изд. 2-е. Спб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. С. 539.

[37] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43 т. / Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). Т. 28 / под ред. М.Н. Тихомирова. Москва; Ленинград: АН СССР, 1963. С. 82.

не только на разных хронологических срезах, но и в разных письменных источниках.

Выводы об образовании наречий, сделанные на разборе слова по морфологическому составу, на показаниях разрозненных контекстов, на применении понятия адвербиализации словосочетаний, манифестируемого как единственный способ образования наречий в древнерусском языке, не только далеки от реальной истории наречий, но и просто искажают её.

Поспешность и лёгкость получения выводов об эволюции наречий, основанных на разрозненных контекстах, словообразовательном и морфемном анализе без учёта хронологической соотнесённости словоформ, должны уйти в прошлое.

Список источников

1. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 3-е. М.: Высш. шк., 1986. 639 с.
2. *Колесов В.В.* Историческая грамматика русского языка. СПб.: СПбГУ, 2010. 512 с.
3. *Волошина Т.А.* Образование наречия на основе морфологизации обстоятельства (на материале древнерусских памятников XI–XIV вв.): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1985.
4. *Мазанько И.Ф.* Заметки об образовании наречий в древнерусском языке // Вопросы языкознания. 1976. № 5. С. 111-125.
5. *Мазанько И.Ф.* Образование наречий в русском языке XI–XVII вв. (на материале лексико-семантической группы со значением пространственной ориентации): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1977.
6. *Мазанько И.Ф., Зайцев А.А., Лукьянченко М.В.* История наречий – самая тёмная страница исторической грамматики русского языка // Гуманитарные науки и образование. 2019. № 2 (10). С. 154-166.
7. *Мещерский Н.А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Волоколамский список. Москва; Ленинград: АН СССР, 1958.
8. *Мещерский Н.А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Виленский список. Москва; Ленинград: АН СССР, 1958.
9. *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* Построение раздела «Словообразование» // Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1966.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. / отв. ред. С.Г. Бархударов. Вып. 4. М.: Наука, 1977.
11. *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М.: Наука, 1979. 383 с.

References

1. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoye ucheniye o slove). Izd. 3-e* [Russian Language (Grammar Teaching about the Word)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986, 639 p. (In Russian).
2. Kolesov V.V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. St. Petersburg, SPbU Publ., 2010, 512 p. (In Russian).
3. Voloshina T.A. *Obrazovaniye narechiya na osnove morfologizatsii obstoyatel'stva (na materiale drevnerusskikh pamyatnikov XI–XIV vv.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Formation of an Adverb Based on the Morphologization of the Circumstance (on the Material of Ancient Russian Monuments of the 11th–14th Centuries). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Rostov-on-Don, 1985. (In Russian).
4. Mazanko I.F. Zametki ob obrazovanii narechiy v drevnerusskom yazyke [Notes on the formation of adverbs in the Old Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*, 1976, no. 5, pp. 111-125. (In Russian).
5. Mazanko I.F. *Obrazovaniye narechiy v russkom yazyke XI–XVII vv. (na materiale leksiko-semanticheskoy gruppy so znacheniyem prostranstvennoy oriyentatsii): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Formation of Adverbs in the Russian Language 11th–17th Centuries (on the Material of Lexical-Semantic Group with the Meaning of Spatial Orientation). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1977. (In Russian).
6. Mazanko I.F., Zaytsev A.A., Lukyanchenko M.V. Istoriya narechiy – samaya temnaya stranitsa istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka [History of adverbs is the darkest page in the Russian language historic grammar]. *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye – The Humanities and Education*, 2019, no. 2 (10), pp. 154-166. (In Russian).

7. Meshcherskiy N.A. *Istoriya iudeyskoy voyny Iosifa Flaviya v drevnerusskom perevode. Volokolamskiy spisok* [History of the Jewish War of Josephus Flavius in Old Russian Translation. Volokolamsk List]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1958. (In Russian).
8. Meshcherskiy N.A. *Istoriya iudeyskoy voyny Iosifa Flaviya v drevnerusskom perevode. Vilenskiy spisok* [History of the Jewish War of Josephus Flavius in Old Russian Translation. Vilensk List]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1958. (In Russian).
9. Lopatin V.V., Ulukhanov I.S. Postroyeniye razdela «Slovoobrazovaniye» [Building the section "Word formation"]. *Osnovy postroyeniya opisatel'noy grammatiki sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The Basics of Constructing a Descriptive Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Nauka Publ., 1966. (In Russian).
10. Barkhudarov S.G. (executive ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 4* [Dictionary of the Russian Language 11th–17th Centuries. Issue 4]. Moscow, Nauka Publ., 1977. (In Russian).
11. Tikhomirov M.N. *Russkoye letopisaniye* [Russian Chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 383 p. (In Russian).

Информация об авторах

Алтабаева Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-6185-5801, evaltabayeva@mail.ru

Вклад в статью: анализ литературы, написание части текста статьи, редактирование.

Мазанько Иван Филиппович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков, Российский университет транспорта, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-4559-9910, if42@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, сбор иллюстративного материала, написание части текста статьи.

Щербина Сергей Иванович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского и иностранных языков, Российский университет транспорта, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-7869-8566, qerbina@mail.ru

Вклад в статью: анализ литературы, сбор иллюстративного материала, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 15.09.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 10.12.2021
Принята к публикации 23.12.2021

Information about the authors

Elena V. Altabayeva, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-6185-5801, evaltabayeva@mail.ru

Contribution: literature analysis, part manuscript text drafting, editing.

Ivan F. Mazanko, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Languages Department, Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-4559-9910, if42@yandex.ru

Contribution: study conception, literature analysis, illustrative material acquisition, part manuscript text drafting.

Sergey I. Scherbina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian and Foreign Languages Department, Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-7869-8566, qerbina@mail.ru

Contribution: literature analysis, illustrative material acquisition, part manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 15.09.2021
Approved after reviewing and revision 10.12.2021
Accepted for publication 23.12.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 811.161.1
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-16-29

Роль морфонологических элементов в словообразовании абстрактных имён существительных с суффиксом -ость (-есть)

Светлана Борисовна ИМ
Узбекский государственный университет мировых языков
100138, Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Кичик Халқа Ё`ли, квартал G-9а, 21-а
✉ imsb1985@mail.ru

Аннотация. Вопрос о статусе морфонологии и единицах её описания остаётся актуальным в современной лингвистике. Цель исследования – описание морфонологических правил выбора суффикса -ость (-есть), исследование иерархии морфонологических единиц, определяющих синтез звуковой структуры исследуемых производных, состоящей из совокупности морфонемы ударения, альтернации фонем и альтернации алломорфов. Использован в основном описательный метод, включающий в себя такие приёмы, как наблюдение, сравнение, сопоставление, обобщение, интерпретация. На основе описания сделан вывод о том, что словообразование рассмотренного класса слов отличает фузия, а не агглютинация. Выбор алломорфа зависит от морфонологических характеристик производящего, а алломорф определяет ударение и вид альтернанта производного, то есть морфонологическая единица включает в себя альтернацию фонем, альтернацию ударения и альтернацию алломорфов суффикса, который представляет собой 3 морфонологическую единицу. Результаты исследования, в частности, значимость суффикса в описании теоретических основ описания морфонологических явлений русского языка, а также сама модель морфонологического описания русского словообразования вносят определённый вклад в развитие морфонологии как самостоятельной науки. Практическая значимость заключается в том, что выводы и материалы исследования могут быть использованы при составлении специальных морфонологических словарей.

Ключевые слова: морфонология, ударение, чередование фонем, фузия, агглютинация, алломорф

Для цитирования: *Им С.Б.* Роль морфонологических элементов в словообразовании абстрактных имён существительных с суффиксом -ость (-есть) // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 16-29. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-16-29

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная
OPEN ACCESS

© Им С.Б., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-16-29

The role of morphonological elements in the abstract nouns word formation with the suffix -ost' (-est')

Svetlana B. IM
Uzbek State World Language University
21-a, G-9a Qtr., Kichik Xalqa Yo`li St., Tashkent 100138, Republic of Uzbekistan
✉ imsb1985@mail.ru

Abstract. The issue of morphonology status and units of its description remains relevant in modern linguistics. The purpose of study is to describe the morphonological rules for choosing suffix -ost' (-est'), to investigate the hierarchies of morphonological units that determine the synthesis of the sound structure of derivatives under study, consisting of a set of stress morphonemes, phonemes alternation and allomorphs alternation. We mainly use the descriptive method, which includes such techniques as observation, comparison, juxtaposition, generalization, interpretation. Based on the description, we conclude that word formation of considered class of words is distinguished by fusion, and not agglutination. The choice of an allomorph depends on morphological characteristics of generator, and allomorph determines the stress and the type of derivative's alternant, that is, the morphological unit includes phonemes alternation, stress alternation and allomorphs alternation of the suffix, which are 3 morphonological units. The results of study, in particular, the significance of suffix in describing the theoretical foundations for describing the morphonological phenomena of Russian language, as well as the model of morphonological description of Russian word formation, make a certain contribution to the development of morphonology as an independent science. The practical significance lies in the fact that the conclusions and materials of study can be used in the compilation of special morphonological dictionaries.

Keywords: morphonology, stress, phonemes alternation, fusion, agglutination, allomorph

For citation: Im S.B. Rol' morfonologicheskikh elementov v slovoobrazovanii abstraktnykh imën sushche-stvitel'nykh s suffiksom -ost' (-est') [The role of morphonological elements in the abstract nouns word formation with the suffix -ost' (-est')]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 16-29. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-16-29 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

Актуальность изучаемой проблемы. Создать адекватную, полную, универсальную морфонологическую теорию довольно сложно, так как термин морфонология является одним из самых противоречивых в современной лингвистике. В него вкладывается различное значение, отсюда различный объём задач и проблем морфонологии. Противоречивость была свойственна ей с самого начала её возникновения. Это объясняется, видимо, тем, что не был определён статус морфонологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. Вопрос о положении морфонологии в ряду языковых дисциплин до сих пор остаётся предметом споров, несмотря на то, что важность выделения морфонологии для изучения морфонологических особенностей в области морфологии и словообразования отмечается многими известными лингвистами (А.А. Реформатский, Е.А. Земская, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов, А.А. Зализняк, Т.В. Булыгина, М.В. Панов, Л. Блумфильд, Д.С. Ворт и др.). Пик развития морфонологии как науки относится к 60–80 гг. XX века. Затем наблюдается спад, но в настоящее время наблюдается явный

интерес к морфонологии. Появился ряд исследований, посвящённых изучению морфонологических особенностей различных языков. Впервые о морфонологии как об особой лингвистической дисциплине заявил Н.С. Трубецкой. Взгляды Н.С. Трубецкого получили дальнейшее развитие у составителей “Projet de terminologie phonologique standartisee”. Они пытаются выделить самостоятельные морфонологические единицы, считая объектом изучения **морфонему** и **альтернант.**

«Морфонологическая альтернация. – Альтернация фонемы с а) коррелятивной фонемой, или б) с дизъюнкционной фонемой, или в) с группой фонем, или г) с нулевой фонемой внутри одной и той же морфемы в зависимости от морфологической структуры слова... Альтернанты. – Члены одной и той же альтернации... Морфонема. – Общая идея о совокупности двух или нескольких членов альтернации» [1, с. 116].

В рамках Пражской школы морфонология так и не получила статуса самостоятельной дисциплины, так как единицы морфонологии определялись через фонему и морфему. Практически морфонология Н.С. Трубецкого оставалась фонологической теорией. В этом заключался её основной недостаток.

Дескриптивная школа морфонологии. Основные принципы этой школы сформулировал Л. Блумфилд. Он задачу морфонологии видит в том, чтобы «свести каждый морфологический элемент к теоретическим исходным формам и затем установить видоизменения, которые возникают в результате сочетаемости одних элементов с другими» [2, с. 105]. Но вопрос о выборе аффиксов и принципах их сочетаемости не ставится. Объектом описания являются результаты сочетаемости морфем. Дескриптивная школа последовательно синтагматична.

Порождающая грамматика. Она зародилась в недрах Дескриптивной лингвистики и сохраняет некоторые существенные её черты, а именно: принятие понятия абстрактной морфемы, взгляд на морфонологию как дисциплину, изучающую результаты сочетаемости морфем. Отличие от Дескриптивной школы состоит в том, что исходная основа считается искусственным объектом, содержащим достаточно необходимую информацию для того, чтобы объяснить все видоизменения, которые претерпевают морфемы в различном морфологическом окружении [3]. Доминирующей идеей в этой теории является идея глубинных структур и воплощение их в поверхностные структуры. В связи с этим Д. Ворт в своём докладе «Морфонология славянского словообразования» выделяет два направления в изучении русской морфонологии: **аналитическое** и **синтетическое** [4, с. 391].

Для аналитического направления характерно изучение языковых фактов с точки зрения воспринимающего. Объектом исследования являются поверхностные структуры. При синтетическом подходе исследователь стоит на точке зрения говорящего, тогда объектом исследования являются глубинные структуры и правила воплощения глубинных структур в поверхностные. «Интересы говорящего требуют, чтобы соединяемые элементы было легко произносить. Приспособляемость к разным контекстуальным условиям, к разным «соседям» обеспечивается путём варьирования формы соединяемых элементов» [5, с. 36].

Различия между указанными концепциями Д. Ворт рассматривает как различие между **аналитической** и **синтетической грамматиками**. Существенно отметить, что в обеих грамматиках возможна множественность решений. В аналитической грамматике любой наблюдаемый факт может быть признан начальным для построения описания. В синтетической грамматике, по мнению Д. Ворта, исходным элементом может быть признана морфема, «из которой с максимальной точностью и простотой можно предсказать на самом деле объективно существующие её фонетические варианты» [3, с. 57]. К этой школе из зарубежных лингвистов мы можем причислить М. Хаспельмата [6, с. 180-181].

Но в синтетической грамматике пока «нет общепризнанных критериев для установления допустимой степени абстрактности исходных основ» [4, с. 391].

В целом синтетическую школу отличает несистемный подход, так как связь выражается в виде правил. «В качестве ещё одного из недостатков генеративистских описаний морфонологии часто называлась крайняя

«неестественность» предлагаемых при этом правил» [7, с. 30].

Система – это отношения иерархии, то есть отношения необратимой предсказуемости. В.Б. Касевич считает, что «генеративно-синтетический подход к морфонологии неприемлем, поскольку, по сути дела, представляет собой «подготовку под ответ» [8, с. 59].

Для аналитической словообразовательной морфонологии характерно признание доминации аффиксации над ударением и альтернацией. Авторы раздела «Словообразование» В.В. Лопатин и И.С. Улуханов пишут об этом так: «Дополнительный, вспомогательный характер носят морфонологические различия мотивированного и мотивирующего слов – усечение и наращение основы мотивирующего слова, чередования, совмещение морфов, различие места ударения. Эти формальные различия не являются обязательными для всех образований и словообразовательных типов, относящихся к определённому способу словообразования. Они лишь сопровождают формант и не выступают в качестве единственного средства образования слов. Для каждого словообразовательного аффикса характерны определённые морфонологические изменения, отмечаемые в мотивирующей части слова и обусловленные определёнными формальными свойствами мотивирующих слов» [9].

Морфонологические явления не системны, хотя широко используются при суффиксации [10, с. 44]. После описания словообразовательного типа идёт перечисление различных морфонологических явлений, имеющих место при присоединении словообразовательного суффикса, например, следует описание производных на **-ц(о),** затем перечисляются альтернации фонем, ударения [10, с. 133-134], но не говорится о правилах выбора варианта **-ецо** или **-ице**. Однако такие правила существуют. Учёные исходят из посылки, что морфемы автономны, хотя предполагается, что на сочетания морфем накладываются некоторые ограничения, они могут быть семантического или формального порядка [10, с. 43, 172; 11].

Аналогичного мнения придерживается Е.А. Земская, автор книги «Современный русский язык. Словообразование». «Морфонологические явления сопутствуют аффиксации, но не являются определяющими в выборе аффиксов. Ударение также относится к области морфонологии. Однако в русском языке ударение не играет важной роли в словообразовании. Чередования в русском словообразовании – морфонологическое явление, как правило, не имеющее самостоятельного деривационного значения» [12, с. 112].

Целесообразность аналитического подхода, в отличие от синтетического, Т.В. Попова видит в том, что «в качестве исходных берутся реально существующие в языке формы, а не гипотетические формы – конструкты, недоступные непосредственному наблюдению» [13, с. 39].

И.Б. Иткин: «И общетеоретические соображения, и исследовательская практика убедительно свидетельствуют о том, что для проведения полного, непротиворечивого и адекватного описания морфонологии какого-либо языка или группы языков аналитический метод неприменим» [7, с. 35].

Очевидно, что сам по себе выбор аналитической или синтетической грамматики не даёт гарантии от плюрализма описания. Иначе бы принадлежность к одной из указанных школ приводила бы к однозначности описания, чего на самом деле не наблюдается. Как правильно отмечает И.Б. Иткин: «Любая научная теория должна оцениваться не сама по себе, а на основании результатов целостного описания той предметной области, к которой она применяется» [7, с. 30].

Дальнейшее развитие морфонологии привело к выделению её в самостоятельную лингвистическую дисциплину, к обособлению её от фонологии и морфологии. Здесь уместно привести высказывание О.С. Ахмановой о том, что «функционирование языковой материи является более сложным и гибким, чем может быть изображено с помощью только понятий собственно фонологии или морфологии. Поэтому необходимо исследование некоторой промежуточной области, в которой обнаруживается реальная связь и взаимодействие двух начал – фонологического и морфологического» [14, с. 52].

Признание статуса морфонологии даёт право на выделение автономных морфонологических единиц, не принадлежащих ни к уровню фонологии, ни к уровню морфологии. Эта задача решалась в рамках Москов-

ской фонологической школы, поэтому в работе она звучит **Московская школа морфонологии**.

По мнению А.А. Реформатского: «В морфонологии есть свои позиции, но они не те, что для фонологии. Это очень интересная тема, о ней можно писать и докладывать» [15, с. 22]. Понятие морфонологической позиции даёт основание для выделения автономных морфонологических единиц. Под позицией понимаются условия, определяющие реализацию и функционирование каких-либо единиц, характеризующихся определёнными дифференциальными признаками (ДП). Эта задача решается в работах В.А. Редькина.

В основе формирования представления о морфонологической единице лежит идея тождества морфемы Московской фонологической школы. Морфемы считаются тождественными, если их различия выражаются в некотором правиле. Но правило, определяющее тождество морфемы, является морфонологическим. Если тождество морфемы выражает единство слова, то тогда морфонологическое правило является средством, выражающим и определяющим единство слова. В этом заключается смысл дальнейшей эволюции морфонологических взглядов. Попытка обосновать существование автономных морфонологических единиц и построить аналитическую модель морфонологической единицы с ДП, способными подвергаться нейтрализации, сделана В.А. Редькиным. Основным принципом, на котором строится понимание морфонологических единиц, является понятие **варианта.** Под ним понимаются объекты, различия между которыми сводятся к некоторому правилу [16, с. 10].

Содержание морфонологической единицы, её дифференциальный признак. Морфонологическая единица включает в себя **альтернацию фонем, альтернацию ударения**.

Морфонологическими единицами ударения являются **акцентные кривые** и **акцентные парадигмы**.

«Акцентная кривая – это совокупность ударений словоформ некоторого множества слов, относящихся к данной части речи» [16, с. 6].

«Акцентная парадигма – это совокупность акцентных кривых производящих и производных слов» [16, с. 9]. Имеются две акцентные парадигмы (АП): неподвижная и подвижная. Неподвижная парадигма включает акцентные кривые слов, которые отличает словообразовательная неподвижность ударения.

Морфонологическими единицами альтернации фонем являются **альтернационный ряд** и **альтернационная парадигма**. Альтернационный ряд – это альтернации фонем, различающиеся признаком компактности или периферийности.

Описав морфонологические единицы ударения и чередования фонем, мы можем дать предварительное определение морфонемы как единице морфонологического уровня языка. **Морфонема** – это класс ДП альтернаций ударения или фонем, характеризующий данный класс слов.

В работах Московской морфонологической школы, куда относит себя и автор предлагаемой статьи, предлагается системное описание морфонологических явлений русского языка. Система – это отношения иерархии, то есть отношения необратимой предсказуемости.

В работе предлагается такая точка зрения, согласно которой морфонология, включая альтернации суффиксов, является автономной лингвистической дисциплиной, отличающейся своим объектом, способами исследования от словообразования [17]. Этой же точки зрения придерживается узбекский фонолог А.А. Абдуазизов. По его мнению, «морфонологические чередования обусловлены словообразованием», но являются объектом изучения морфонологии [11, с. 43].

Цель исследования состоит в том, чтобы доказать, что исследуемый класс слов характеризуется фузией, а не агглютинацией, что опровергает утверждение о доминации суффикса как проявлении агглютинативного характера русского словообразования.

Цель исследования диктует решение следующих задач.

1. Установление связи между классом ударения и классом альтернантов производящего при выборе суффикса производного.

2. Описание выбора морфонологического варианта производного, задаваемого данным алломорфом.

3. Суффикс является классом алломорфов и представляет 3 единицу морфонологии.

4. Выявление иерархии морфонологических единиц, определяющих синтез звуковой структуры исследуемых производных, и состоящей из совокупности морфонемы ударения, альтернации фонем и альтернации алломорфов.

Полем эксперимента являются производные абстрактные имена существительные женского рода с суффиксами -ость (-есть). Именно при аффиксальных способах словообразования применяются разнообразные морфологические средства. Абстрактные имена существительные позволяют рассмотреть межкатегориальные морфонологические явления.

Нами использовался в основном **описательный метод**, включающий в себя такие приёмы, как наблюдение, сравнение, сопоставление, обобщение, интерпретация.

Исследование проводится на паре слов. Морфологическое членение производных осуществляется в соответствии с описанием, произведённым в книге В.А. Редькина «Акцентология современного русского литературного языка» [16].

Анализируя каждую структурно-морфологическую группу, мы придерживались классификации по методу суффиксального словообразования имён прилагательных, предложенной В.В. Виноградовым [18, с. 173-190].

Содержание морфонологической единицы

Дифференциальный признак морфонологической единицы

Морфонологическая единица включает в себя альтернацию фонем, альтернацию ударения и альтернацию алломорфов. Поскольку имеется распространённое мнение о том, что морфонология не имеет своих имманентных признаков, а следовательно, и единиц, то следует подробнее остановиться на понятии дифференциальный признак (далее – ДП) морфонологической единицы.

ДП морфонологической единицы при описании единства слова в плане выражения позволяет отвлечься от конкретного вида фонем или последовательности слогов и отнести к морфонологической единице слова с разным составом фонем или слогов. ДП морфонологических единиц различают морфонологические единицы.

Дифференциальные признаки альтернационного ряда

Определяя морфонему альтернации фонем (альтернационного ряда), В.А. Редькин исходит из термина Н.С. Трубецкого. При этом у Н.С. Трубецкого морфонема трактовалась субстанционально. Отправной точкой для морфонемы является не парадигма морфонемы, а конкретный альтернант. В отличие от Н.С. Трубецкого морфонема В.А. Редькина задаётся функционально. Функциональная трактовка альтернации должна состоять в том, чтобы описать корреляции альтернантов и дать им имена. Эти имена корреляций альтернантов будут ДП морфонем [19].

Если представить, что фонемы в составе альтернантов являются вариантами, то содержание альтернанта бы свелось к парадигме, включающей в себя некоторое множество фонем, автономных с фонологической точки зрения, но тождественных с точки зрения морфонологии, то в этом случае имена корреляций этих парадигм явились бы ДП морфонемы. В этом случае ДП фонем, входящих в парадигму альтернанта, будут трактоваться как субстанции, или дифферентоиды, альтернанта.

Классы альтернантов, предложенные в работах В.А. Редькина, являются именами парадигм альтернантов, а фонемы, входящие в эти парадигмы, – дифферентоиды альтернантов. Для определения дифферентоидов альтернантов достаточно четырёх признаков фонем. Существенно то, что эти четыре признака релевантны для гласных, согласных и сонантов, а поэтому применимы для любой альтернации фонем: вокальность, консонантность, компактность, периферийность.

Значимость первых двух ДП фонем очевидна, но понятия периферийности и компактности нуждаются в пояснении.

Под компактностью понимается такая артикуляция, при которой отношение передней части полости рта к задней больше, чем у некомпактных фонем. Компактными являются фонемы /а/, /г/, /к/, /х/, /ч/, /ж/, /ш/, остальные фонемы некомпактны, относительно фонемы /j’/ будет сказано ниже.

Под периферийностью понимается такая артикуляция, при которой наблюдается большая, малорасчлененная полость рта, а препятствия потоку воздуха возникают на

периферии полости рта. Периферийными являются фонемы /а/, /о/, /у/, /г/, /к/, /х/, /б/, /б’/, /п/, /п’/, /ф/, /ф’/, /в/, /в’/, /м/, /м’/. Остальные фонемы неперифериины. Фонема /j’/ нерелевантна по признаку периферийности и не участвует в морфонологических альтернациях. Таким образом, необходимым условием принадлежности фонемы к парадигме альтернанта является её релевантность относительно признаков компактности и периферийности. Нерелевантность фонемы относительно одного из этих ДП исключает её из парадигмы альтернанта.

Ударение имён прилагательных

Анализ морфонологической структуры образований на -ость (-есть) удобнее начать с соотношения ударения и аффиксации. Для документации акцентной кривой прилагательных достаточно указать одну из акцентных характеристик полных форм (мы берём форму Им. п. ед. ч. мужского рода), женского и среднего рода кратких форм. Выбор этих форм объясняется тем, что ударение полных форм тождественно ударению формы Им. п. ед. ч. мужского рода, ударение форм сравнительной степени – ударению краткой формы женского рода, ударение краткой формы мн. ч. – ударению краткой формы среднего рода. На основе соотношения ударения этих форм В.А. Редькиным выделено пять акцентных кривых АА, АВ, АС, ВВ, ВС [16, с. 60-66]. В некоторых случаях краткие формы отсутствуют.

Акцентная кривая АА характеризуется неконечным ударением в Им. п. мужского рода ед. ч. полных форм и неконечным ударением в словоформах женского и среднего рода кратких форм: *дове́рчивый, а, о.*

Акцентная кривая АВ характеризуется неконечным ударением в Им. п. мужского рода и конечным ударением в женском и среднем роде кратких форм: *чёрный, а́, чёрно* (АВ и АС).

Акцентная кривая АС характеризуется неконечным ударением в Им. п. мужского рода в словоформе среднего рода, конечным ударением в словоформе женского рода: *ры́жий, а́, е.*

Акцентная кривая ВВ характеризуется конечным ударением во всех словоформах полных и кратких форм: *смешно́й, а́, о́.*

Акцентная кривая ВС характеризуется конечным ударением в словоформах полных форм и женском роде краткой формы, неконечным ударением в среднем роде краткой формы: *глухо́й, а́, о.*

Ударение имён существительных

При описании акцентологических характеристик имён существительных существенным является соотношение ударения Дат. п. ед. и мн. ч. Эти позиции считаются сильными, так как слова в этих формах не выступают в нулевой позиции. На основе этого соотношения В.А. Редькиным выделено четыре класса акцентных кривых, различающихся конечным и неконечным ударением в указанных падежах.

Класс **а** характеризуется неконечным ударением в Дат. п. ед. и мн. ч.: *боло́ту, боло́там,* класс **в** – конечным ударением в Дат. п. ед. и мн. ч.: *плечу́, плеча́м*, класс **с** – неконечным ударением в Дат. п. ед. ч. и конечным ударением в Дат. п. мн. ч.: *сло́ву, слова́м*, класс **d** – конечным ударением в Дат. п. ед. ч. и неконечным ударением в Дат. п. мн. ч.: *зиме́, зи́мам*. В каждом классе акцентных кривых выделяются подклассы акцентных кривых.

В класс **а** входят акцентные кривые А и $А_1$. Акцентная кривая А характеризуется неконечным ударением в словоформах ед. и мн. ч.: *ра́к, ра́ка, ра́ку, ра́ки, ра́ков, ра́кам* и т. п.; в $А_1$ в словоформах Род. и Твор. падежей мн. ч. наблюдается конечное ударение. Акцентная кривая $А_1$ является непродуктивным вариантом акцентной кривой А: *челове́к, челове́ка, челове́ку, лю́ди, люде́й, лю́дям* и т. п.

Класс **в** составляют четыре акцентных кривых В, $В_1$, $В_2$, $В_3$. Акцентная кривая В характеризуется конечным ударением во всех словоформах ед. и мн. ч.: *арма́к, армяка́, армяку́, армяки́, армяко́в, армяка́м* и т. п.; $В_1$ – конечным ударением во всех словоформах ед. и мн. ч., кроме Им. и Вин. падежей мн. ч.: *гво́здь, гвоздя́, гвоздю́, гво́зди, гвозде́й, гвоздя́м* и т. п. $В_1$ является непродуктивным вариантом акцентной кривой В. $В_2$ характеризуется конечным ударением во всех словоформах, кроме Вин. п. ед. ч., Им. и Вин. п. мн. ч.: *голова́, головы́, голове́, го́ловы, голо́в, голова́м* и т. п. $В_3$ характеризуется только

формами ед. ч., в которых наблюдается конечное ударение, кроме Тв. п.: *любо́вь, любви́, любви́, любо́вь, любо́вью, любви́.* Акцентная кривая B3 является непродуктивным вариантом акцентных кривых B_1 и D.

Класс **c** составляют две акцентных кривых C и C_1. Акцентная кривая C характеризуется неконечным ударением в словоформах ед. ч., конечным ударением в словоформах мн. ч.: *бо́к, бо́ка, бо́ку, бока́, боков, бока́м*, C_1 – неконечным ударением во всех словоформах ед. ч. и Им.-Вин. падежах мн. ч.: *зу́б, зу́ба, зу́бу, зу́бы, зубо́в, зуба́м* и т. п.

Класс **d** составляют акцентные кривые D и D_1. Акцентная кривая D характеризуется конечным ударением в словоформах ед. ч., неконечным ударением в словоформах мн. ч.: *ко́л, кола́, колу́, ко́лья, ко́льев, ко́льями* и т. п., D_1 – конечным ударением во всех словоформах ед. ч., кроме Вин. п., в котором, как и в словоформах мн. ч., наблюдается неконечное ударение: *вода́, воды́, воде́, во́ды, во́д, во́дам* и т. п. [16, с. 13-14].

Все производные имена существительные по ударению распределены по двум классам. Ударение производных I класса зависит от ударения производящих.

В производных I класса, если производящее имеет неконечное ударение во всех словоформах, то в производном ударение падает на тот же слог основы, что в производящем. Если в производящем слове хотя бы в одной словоформе возможно конечное ударение, то в производном ударение падает либо на финаль основы (слог основы, предшествующий непосредственно словообразовательному суффиксу) (I подкласс), либо на суффикс (II подкласс), либо на окончание (III подкласс).

Во II классе ударения выделяются те же подклассы, но ударение производных II класса не зависит от ударения производящих. Зависимость ударения производных от ударения производящих определяет в I классе существование двух АП: неподвижной и подвижной. В I класс по ударению входят производные с суффиксом -ость (-есть), во II класс – производные с суффиксами -ота (-ета), -ина, -изна.

Парадигматические характеристики абстрактных имён существительных первого класса ударения.

Неподвижная АП

Вариант 1. В производном акцентная кривая А на том же слоге основы, что в производящем, она может находиться на корне, суффиксе или префиксе, альтернанты II, IV, VI, VIII классов представлены в производящем и производном непалатальными вариантами.

1. Акцентная кривая А на корне.

Производящая основа – основа непроизводного качественного прилагательного II класс: *нелепость, нелепости (нелепый, а, о), багровость,* и *(багровый, а, о);* IV класс: *чумазость,* и *(чумазый, а, о);* VI класс: *лакомость,* и *(лакомый, а, о), угрюмость,* и *(угрюмый, а, о);* VIII класс: *алость,* и *(алый, а, о), дебелость,* и *(дебелый, а, о).*

Производящая основа – основа производного качественного прилагательного: II класс: суффикс -ив-: *юродивость,* и *(юродивый, а, о); суффикс -лив-: въедливость,* и *(въедливый, а, о)*; суффикс -чив-: *беззастенчивость,* и *(беззастенчивый, а, о);* IV класс: суффикс -чат-*: взрывчатость,* и *(взрывчатый, а, о);* суффикс -ист-: *болотистость,* и *(болотистый, а, о)*; VIII класс: суффикс -тельн-*: бдительность,* и *(бдительный, а, о))*; суффикс -ичн-: *будничность, и (будничный, а, о);* суффикс -н-: *алчность, и (алчный, а, о)*; суффикс -л-: *беглость, и (беглый -)*; VII класс: суффикс -ен-: *благоустроенность, и (благоустроенный, а, о));* суффикс -ан-: *безнаказанность, и безнаказанный, а, о);* IV класс: суффикс -т-: *вздутость, и (вздутый, а, о), о.*; VI класс: суффикс -ем-: *вменяемость, и (вменяемый, а, о)*; суффикс -им-: *видимость, и (видимый, а, о), зависимость, и (зависимый, а, о).* Производящая основа – основа страдательного причастия настоящего времени: VI класс: суффикс -ом-/-ем-: *возбуждаемость, и (возбуждаемый, а, о).*

Производящая основа – основа непроизводного качественно-относительного прилагательного: II класс*: готовость, и (готовый, а, о);* VIII класс: *комолость, и (комолый, а, о).* Производящая основа – основа производного качественно-относительного прилагательного: VIII класс: суффикс -н-: *абсо-*

лю́тность, и (абсолю́тный, а, о); суффикс -енн-: *ба́рственность, и (ба́рственный, а, о)*; суффикс -очн-: *зажи́точность, и (зажи́точный, а, о);* II класс: суффикс -ов-: *беспла́новость, и (беспла́новый -).*

2. Акцентная кривая А на суффиксе производящего.

Производящая основа – основа производного качественного прилагательного: II класс: *суффикс -ив-: вши́вость, и (вши́вый -)*; суффикс -лив-: *бережли́вость, и (бережли́вый, а, о)*; суффикс -ав-/-яв-: *гнуса́вость, и (гнуса́вый, а, о), кудря́вость, и (кудря́вый, а, о), курча́вость и (курча́вый, а, о), моложа́вость, и (моложа́вый, а, о), прыща́вость, и (прыща́вый, а, о); суффикс -ляв-: вертля́вость, и (вертля́вый, а, о), костля́вость, и (костля́вый, а, о), мозгля́вость, и (мозгля́вый, а, о), писклявость, и (писклявый, а, о), пухля́вость, и (пухля́вый, а, о), трухля́вость, и (трухля́вый, а, о)*; IV класс: суффикс -аст-: груда́стость, и (груда́стый, а, о)); суффикс -ат-: *брюха́тость, и (брюха́тый, а, о);* суффикс -ит-: *знамени́тость, и (знамени́тый, а, о);* суффикс -овит-/-евит-: *башкови́тость, и (башкови́тый, а, о), глянцеви́тость, и (глянцеви́тый, а, о)*; суффикс -оват-/-еват-*: аляпова́тость, и (аляпова́тый, а, о)*; VIII класс: суффикс -ичн-: *автомати́чность, и (автомати́чный, а, о));*суффикс -абельн-: *коммуника́бельность, и (коммуника́бельный, а, о);* суффикс -ебельн-: *фешене́бельность, и (фешене́бельный, а, о);* суффикс -овн-/-евн-: *вино́вность, и (вино́вный, а, о), задуше́вность, и (задуше́вный, а, о)*; суффикс -янн-: *деревя́нность, и (деревя́нный -), оловя́нность (оловя́нный-), стекля́нность, и (стекля́нный-)*; VIII класс: суффикс -ён-: *учёность, и (учёный, а, о), ядрёность, и (ядрёный, а, о);* суффикс -ённ-: *неодушевлённость, и (неодушевлённый -), неопределённость, и (неопределённый, а, о).*

Производящая основа – основа производного качественно-относительного прилагательного: VIII класс: суффикс -альн-: *букваль́ность, и (букваль́ный, а, о), гениа́льность, и (гениа́льный, а, о);* суффикс -ональн-: *диспропорциона́льность, и (диспропорциона́льный, а, о);* суффикс -уальн-: *актуа́льность, и (актуа́льный, а, о);* суффикс -арн-: *авторита́рность, и (авторита́рный, а, о)*; суффикс -ивн-: *агглютинати́вность, и (агглютинати́вный, а, о);* суффикс -онн-: *агитацио́нность, и (агитацио́нный -);* суффикс -озн-/-езн-: *грандио́зность, и (грандио́зный, а, о)*; суффикс -ильн-: *моби́льность, и (моби́льный, а, о);* суффикс -орн-: *апостерио́рность, и (апостерио́рный, а, о);* суффикс -ебн-*: вражде́бность, и (вражде́бный, а, о);* суффикс -ичн-: *первичность, и (первичный, а, о);* суффикс -ельн-: *смерте́льность, и (смерте́льный, а, о);* I класс: суффикс -ов-: *бестолко́вость, и (бестолко́вый. а, о), махро́вость, и (махро́вый, а, о)*; VIII класс*: суффикс -ицидн-: бактерици́дность, и (бактерици́дный, а, о);* суффикс -ёжн-: *неплатёжность, и (неплатёжный -)*; VI класс: суффикс -им-: *возбуди́мость, и (возбуди́мый, а, о).*

Производящая основа – основа страдательного причастия настоящего времени: VI класс: суффикс -им-: *дроби́мость, и (дроби́мый, а, о).*

3. Акцентная кривая А в производном на префиксе.

Производящая основа – основа производного качественно-относительного прилагательного: VIII класс: суффикс -н-: *на́божность, и (на́божный, а, о);* суффикс -енн-: *вы́мученность, и (вы́мученный, а, о);* суффикс -анн-: *вы́деланность, и (вы́деланный, а, о), вы́держанность, и (вы́держанный, а, о)*; суффикс -енн-: *вы́ветренность, и (вы́ветренный, а, о).*

В производящем акцентная кривая АА, в производном акцентная кривая А на корне, в производящем и производном альтернанты I, III классов.

Производящая основа – основа непроизводного качественного прилагательного: I класс: *упру́гость, и (упру́гий, а, о), па́дкость, и (па́дкий, а, о);* III класс: *неуклю́жесть, и (неуклю́жий, а, о), погожесть, и (погожий, а, о), пригожесть, и (пригожий, а, о).*

Подвижная АП

Вариант I

В производящем акцентная кривая АВ, в производном акцентная кривая А. Она может располагаться на: а) финали основы (слог основы, непосредственно предшествующий словообразовательному суффиксу; б) суффиксе производящего. Исходы основ могут

оканчиваться в производящем и производном на непалатальные варианты II, VIII классов.

1. Акцентная кривая находится на финали основы.

Производящая основа – основа непроизводного качественного прилагательного: II класс: *здоро́вость, и (здоро́вый, а́, о́)*; VIII класс: *ма́лость, и (ма́лый, а́, о́), све́тлость, и (све́тлый, а́, све́тло́)*[1], *ста́рость, и (ста́рый, а́, ста́ро), хи́трость, и (хи́трый, а́, хи́тро́)*[2].

Акцентная кривая находится на суффиксе.

Производящая основа – основа качественно-относительного прилагательного с суффиксом -енн-/-ённ-: VIII класс: *влюблённость, и (влюблённый, а́, о́).*

Вариант II

В производящем акцентная кривая АВ, в производном акцентная кривая А на финали основы, исходы основ в производящем и производном оканчиваются на альтернанты I, III классов.

Производящая основа – основа непроизводного качественного прилагательного: I класс: *высо́кость, и (высо́кий, а́, высо́ко́), глубо́кость, и (глубо́кий, а́, глубоко), далёкость, и (далёкий, а́, далёко́), коро́ткость, и (коро́ткий, а́, коро́тко́)*[3], *лёгкость, и (лёгкий, а́, о́), широ́кость, и (широ́кий, а́, широ́ко́);* III класс: *горячесть, и (горячий, а́, о́).* Элемент -ок- в производных на -ок- подвержен усечению.

Вариант III

В производящем акцентная кривая АС, в производном акцентная кривая А. Она располагается на финали основы, альтернанты II, IV, VIII классов представлены производящим и производным непалатальными вариантами.

Производящая основа – основа качественного прилагательного с суффиксом -т-: IV класс: *изви́тость, и (изви́тый, а́, о), необжи́тость, и (необжи́тый, а́, о).*

Производящая основа – основа непроизводного качественного прилагательного: II класс: *сла́бость, и (сла́бый, а́, о), глу́пость, и (глу́пый, а́, о);* VIII класс: *весёлость, и (весёлый, а́, о), бо́дрость, и (бо́дрый, а́, о).*

Производящая основа – основа производного качественного прилагательного с суффиксом -н-: VIII класс: *жи́рность, и (жи́рный, а́, о).*

Вариант IV

В производящем акцентная кривая АС, в производном акцентная кривая А, на финали основы в производящем и производном альтернанты I класса: *высо́кость, и (высо́кий, а́, высо́ко́), ги́бкость, и (ги́бкий, а́, о), глубо́кость, и (глубо́кий, а́, глубо́ко́), далёкость, и (далёкий, а́, далёко), ди́кость, и (ди́кий, а́, о), е́дкость, и (е́дкий, а́, о), коро́ткость, и (коро́ткий, а́, коро́тко́), широ́кость, и (широ́кий, а́, широ́ко́), ве́тхость, (ве́тхий, а́, о).*

Вариант V

В производящем акцентная кривая ВС, в производном акцентная кривая А на финали основы. Альтернанты IV, VIII классов представлены в производящем и производном непалатальных вариантах.

Производящая основа – основа непроизводного качественного прилагательного: IV класс: *мла́дость, и (младо́й, а́, о), свя́тость, и (свято́й, а́, о); VIII класс: ду́рность, и (дурно́й, а́, о).*

Вариант VI

В производящем акцентная кривая ВС, в производном акцентная кривая А на финали основы. Альтернанты I класса в производящем и производном.

Производящая основа – основа непроизводного качественного прилагательного: *бла́гость, и (благо́й, а́, о), ту́гость, и (туго́й, а́, о).*

Подводя итог акцентологическому анализу производных на -ость-/-есть-, можно отметить, что невозможен вариант с акцентной кривой ВВ в производящем, хотя теоретически такой вариант предполагается.

В производных с суффиксом -ость-/-есть- следует говорить об отсутствии противопоставления альтернантов по палатальности, так как в производном наблюдается непалатали-

[1] Для некоторых прилагательных свойственна дублетность ударения в кратких формах ед. и мн. ч. Дублетность в формах ед. ч. учитывается, а дублетность в формах мн. ч. не учитывается при условии, что в среднем роде дублетность не обнаруживается. Светлый относится к акцентным кривым АВ, АС.

[2] Старый, хитрый относятся к акцентным кривым АВ, АС.

[3] Высокий, глубокий, далёкий, короткий относятся к акцентным кривым АВ, АС.

зованный альтернант при любой альтернационной характеристике производящего – и палатальной и непалатальной, ср.: *вы́спренний – вы́спренность, да́вний – да́вность, но гла́сный – гла́сность, хла́дный – хла́дность.*

Морфонологические условия выбора алломорфов суффиксов абстрактных имён существительных I класса ударения

Суффикс является классом алломорфов. Алломорфы можно рассматривать как результат известных изменений этой основной формы при известных условиях. Алломорфы в рамках суффикса являются вариантами. Мы имеем множество алломорфов, связанных правилами выбора по морфонологическим характеристикам производящего. Это множество алломорфов и правила их выбора отражаются в табл. 1.

Из приведённой табл. 1 абстрактных существительных I класса ударения можно увидеть, что существуют общие ограничения по ударению производящих и классу альтернантов. Суффикс -ость(-есть) невозможен при акцентной кривой BB и основах на <j>.

Дальнейшие ограничения на выбор суффикса обнаруживаются в рамках данного класса альтернантов и обусловлены акцентной кривой производящего.

I, VIII классы альтернантов. Алломорф -ость возможен, если в производящем акцентная кривая AA, AB, AC, BC, но не BB, ср.: *упру́гость, и (упру́гий, а, о)* (AA), *глубо́кость, и (глубо́кий, а́, о́)* (AB), *ди́кость, и (ди́кий, а́, о)* (AC), *ли́хость, и (лихо́й, а́, о)* (BC); *кау́рость, и (кау́рый, а, о)* (AA), *хи́трость, и (хи́трый, а́, о́)* (AB), *вя́лость, и (вя́лый, а, о)* (AC), *ду́рность, и (дурно́й, а́, о)* (BC).

II класс альтернантов. Алломорф -ость возможен, если в производящем акцентная кривая AA, AB, AC, но не BC, BB, ср.: *нелепость, и (нелепый, а, о)* (AA), *здоро́вость, и (здоро́вый, а́, о́)* (AB), *глу́пость, и (глу́пый, а́, о)* (AC).

III класс альтернантов. Алломорф -есть возможен, если в производящем акцентная кривая AA, AB, но не AC, BC, BB, ср.: *дрему́честь, и (дрему́чий, а, е)* (AA), *горя́честь, и (горя́чий, а́, о́)* (AB).

IV класс альтернантов. Алломорф -ость возможен, если в производящем акцентная кривая AA, AC, BC, но не AB, BB, ср.: *чума́зость, и (чума́зый, а́, о)* (AA), *за́нятость, и (за́нятый, а́, о)* (AC), *мо́лодость, и (молодо́й, а́, о)* (BC).

VI класс альтернантов. Алломорф -ость возможен, если в производящем акцентная кривая AA, но не AB, AC, BC, BB, ср.: *ла́комость, и (ла́комый, а, о).*

Фузионная природа суффикса -ость (-есть) выражается как в общих запретах, так и в ограничениях по ударению производящего в рамках отдельно взятого класса альтернантов.

Вариабельность алломорфов суффиксов имён существительных I класса ударения

Под вариабельностью понимается принадлежность алломорфа к определённому классу АП и альтернационной парадигме (табл. 2).

Таблица 1

Выбор алломорфов суффиксов абстрактных имён существительных, задающих I класс ударения

Table 1

Choice of allomorphs of suffixes of abstract nouns defining the 1st stress class

Класс альтернантов	Ударение производящего				
	AA	AB	AC	BC	BB
I	-ость	-ость	-ость	-ость	
II	-ость	-ость	-ость		
III	-есть	-есть			
IV	-ость		-ость	-ость	
VI	-ость				
VIII	-ость	-ость	-ость	-ость	
j					

Таким образом, на основе морфонологического описания словообразования nomina abstracta с суффиксом -ость (-есть) можно сделать следующие **выводы**.

1. Имеется множество алломорфов, связанных правилами выбора по морфонологическим характеристикам производящего. Суффикс является классом алломорфов – морфонемой. Алломорфы можно рассматривать как результат известных изменений этой основной формы при известных условиях. Они в рамках суффикса являются вариантами, которые задаются морфонологическими характеристиками производящего. Так, суффиксы **-ость (-есть), -ота (-ета), -ина, -изна** являются членами одной парадигмы, а следовательно, вариантами одного словообразовательного суффикса. Их инвариант состоит в том, что они образуют абстрактные имена женского рода от прилагательных. Под инвариантом понимаются те характеристики, которые остаются неизменными при всех последовательных изменениях объекта. Различия между вариантами сводятся к некоторым морфонологическим правилам.

2. Выбор морфонологического варианта производного задаётся данным алломорфом. Принадлежность ударения производного к некоторому варианту класса АП или парадигмы альтернации фонем есть вариабельность данного алломорфа. В результате все производные с данным алломорфом варьируются по морфонологическим показателям класса АП с теми ограничениями на ударение производного, которые налагаются акцентными правилами выбора алломорфа, и принадлежностью к подвижной или неподвижной парадигме альтернации фонем с ограничениями на альтернацию фонем, которые присущи данному алломорфу каждого класса альтернантов производящего. Акцентная кривая А может располагаться в производном на том же слоге основы, что в производящем при неподвижности ударения, или на финали основы при подвижности ударения: *дога́дливость, и (дога́дливый, а, о)* (АА), *весёлость, и (весёлый, а, о)* (АС).

3. Рассмотренный класс суффиксов отличает фузия, а не агглютинация. Выбор алломорфа зависит от морфонологических характеристик производящего, а алломорф определяет ударение и вид альтернанта производного. Характер доминации между перечисленными морфонологическими средствами может меняться, то есть морфонологическая единица включает в себя альтернацию фонем, альтернацию ударения и альтернацию алломорфов.

Таблица 2

Вариабельность алломорфов суффиксов абстрактных имён существительных I класса ударения

Table 2

Variability of allomorphs of suffixes of 1st stress class abstract nouns

Альтернации фонем			Ударение производного			
К	П	Пал.	А	В	С	D
+	+	+				
+	+	-				
+	-	+				
+	-	-				
-	-	-	-ость-/-есть-			
-	+	+				
-	+	-				
-	-	+				

Примечание: К – компактность; П – периферийность; Пал. – Палатальность; + – наличие признака; - – отсутствие признака.

Список источников

1. *Трубецкой Н.С.* Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 115-119.
2. *Bloomfield L.* Minomini morphonemics // TCLP. Vol. 8. P., 1935. P. 105-115.
3. *Ворт Д.* О роли абстрактных единиц в русской морфонологии // Развитие современного русского словообразования. 1972. М., 1975. С. 53-68.
4. *Ворт Д.* Морфонология славянского словообразования // American contributions to the 7th international congress of slavists. Vol. 1. Linguistics and poetics. The Hague; Paris, 1973. С. 377-391.
5. *Кукушкина О.В.* Морфонология современного русского литературного языка. М.: Изд-во МГУ, 2016. 337 с.
6. *Haspelmath M.* Understanding morphonology. L.: Arnold, 2002. 290 p.
7. *Иткин И.Б.* Русская морфонология. М.: Гнозис, 2007. 272 с.
8. *Касевич В.Б.* Морфонология. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 160 с.
9. *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* Словообразование // Русская грамматика: научные труды: в 2 т. / ред. Н.Ю. Шведова и др. М.: Изд-во: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2005. Т. 1. С. 40-41.
10. *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2016. 812 с.
11. *Абдуазизов А.А.* О взаимосвязи словообразования и морфонологии // Иностранные языки в Узбекистане. 2015. № 5 (0). С. 40-48.
12. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта, 2016. 325 с.
13. *Попова Т.В.* Славянская морфонология. М.: Наука, 1987. 264 с.
14. *Ахманова О.С.* Фонология, морфонология, морфология. М.: Изд-во МГУ, 1966. 108 с.
15. *Реформатский А.А*. Каков статус морфонологии, где границы между фонологией и морфонологией // Базисные проблемы фонологии. (Ответы на вопросы). Донецк, 1968.
16. *Редькин В.А.* Акцентология современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1971. 223 с.
17. *Им С.Б.* Значимость морфонологических явлений в словообразовании диминутивов среднего рода // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7. С. 63-73.
18. *Виноградов В.В.* Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
19. *Редькин В.А.* Альтернации (чередования фонем) // Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. С. 462-465.

References

1. Trubetskoy N.S. Nekotoryye soobrazheniya otnositel’no morfonologii [Some considerations regarding morphonology]. *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Prague Linguistic Circle]. Moscow, 1967, pp. 115-119. (In Russian).
2. Bloomfield L. Minomini morphonemics. *TCLP*. Vol. 8. P., 1935, pp. 105-115.
3. Vort D. O roli abstraktnykh edinits v russkoy morfonologii [On the role of abstract units in Russian morphonology]. *Razvitiye sovremennogo russkogo slovoobrazovaniya. 1972* [Development of Modern Russian Word Formation. 1972]. Moscow, 1975, pp. 53-68. (In Russian).
4. Vort D. Morfonologiya slavyanskogo slovoobrazovaniya [Morphonology of Slavic word formation]. *American Contributions to the 7th International Congress of Slavists. Vol. 1. Linguistics and Poetics*. The Hague, Paris, 1973, pp. 377-391. (In Russian).
5. Kukushkina O.V. *Morfonologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Morphonology of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, MSU Publ., 2016, 337 p. (In Russian).
6. Haspelmath M. *Understanding morphonology*. London, Arnold Publ., 2002, 290 p.
7. Itkin I.B. *Russkaya morfonologiya* [Russian Morphonology]. Moscow, Gnozis Publ., 2007, 272 p. (In Russian).
8. Kasevich V.B. *Morfonologiya* [Morphonology]. Leningrad, LSU Publ., 1986, 160 p. (In Russian).
9. Lopatin V.V., Ulukhanov I.S. Slovoobrazovaniye [Word formation]. *Russkaya grammatika: nauchnyye trudy: v 2 t.* [Russian Grammar: Scientific Works: in 2 vols.]. Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS Publ., 2005, vol. 1, pp. 40-41. (In Russian).

10. Lopatin V.V., Ulukhanov I.S. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Word Formation Affixes of the Modern Russian Language]. Moscow, Publishing Center "Azbukovnik", 2016, 812 p. (In Russian).
11. Abduazizov A.A. O vzaimosvyazi slovoobrazovaniya i morfonologii [On the relationship between word formation and morphonology]. *Inostrannyye yazyki v Uzbekistane – Foreign Languages in Uzbekistan*, 2015, no. 5 (0), pp. 40-48. (In Russian).
12. Zemskaya E.A. *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovaniye* [Modern Russian Language. Word Formation]. Moscow, Flinta Publ., 2016, 325 p. (In Russian).
13. Popova T.V. *Slavyanskaya morfonologiya* [Slavic Morphonology]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 264 p. (In Russian).
14. Akhmanova O.S. *Fonologiya, morfonologiya, morfologiya* [Phonology, Morphonology, Morphology]. Moscow, MSU Publ., 1966, 108 p. (In Russian).
15. Reformatskiy A.A. Kakov status morfonologii, gde granitsy mezhdu fonologiyey i morfonologiyey [What is the status of morphonology, where are the boundaries between phonology and morphonology]. *Bazisnyye problemy fonologii. (Otvety na voprosy)* [Basic Problems of Phonology. (Answers on Questions)]. Donetsk, 1968. (In Russian).
16. Redkin V.A. *Aktsentologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Accentology of Modern Russian Literary Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971, 223 p. (In Russian).
17. Im S.B. Znachimost' morfonologicheskikh yavleniy v slovoobrazovanii diminutivov srednego roda [Morphonological phenomena in the Russian word formation as a manifestationof fusion (a case study of diminutives of the neuter gender)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2020, no. 7, pp. 63-73. (In Russian).
18. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk. (Grammaticheskoye ucheniye o slove)* [Russian Language. (Grammar Teaching about the Word)]. Moscow, Russian Language, 2001, 720 p. (In Russian).
19. Redkin V.A. Al'ternatsii (cheredovaniya fonem) [Alternations (alternation of phonemes)]. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Modern Russian Literary Language]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 462-465. (In Russian).

Информация об авторе

Им Светлана Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Узбекский государственный университет мировых языков, г. Ташкент, Республика Узбекистан, ORCID: 0000-0002-7066-2291, imsb1985@mail.ru

Вклад в статью: идея, концепция исследования, анализ словарей, анализ научной литературы, написание и редактирование текста статьи.

Статья поступила в редакцию 04.08.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 26.11.2021
Принята к публикации 23.12.2021

Information about the author

Svetlana B. Im, Doctor of Philology, Professor of Modern Russian Language Department, Uzbek State World Language University, Tashkent, Republic of Uzbekistan, ORCID: 0000-0002-7066-2291, imsb1985@mail.ru

Contribution: idea, study conception, dictionary analysis, scientific literature analysis, manuscript text drafting and editing.

The article was submitted 04.08.2021
Approved after reviewing and revision 26.11.2021
Accepted for publication 23.12.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81'374'.28:811.161.1"20"
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-30-42

Диалектная лексикография русского языка в начале XXI века

Николай Дмитриевич МАТИИВ
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в г. Армянске
296012, Российская Федерация, Республика Крым, г. Армянск, ул. Железнодорожная, 5
✉ matijiv62@mail.ru

Аннотация. Проанализирована диалектная лексикографическая ситуация в России в начале XXI века: выделены словари разных жанров, сгруппированы издания, представляющие отдельные регионы, области и районы, – как коллективные, так и индивидуальные работы. В целом дан краткий систематический обзор доступных автору 87 (весьма крупных, больших, средних и малых) диалектных лексикографических трудов. Отмечено, что диалектография последних десятилетий представлена преимущественно традиционными дифференциальными, отличающимися от литературного стандарта, и реже – недифференциальными, полного типа, словарями; она пополнилась и 9 тематическими словарями; 5 – идиолектными; 2 словарями диалектного просторечия; мотивационным словарём говора; образных единиц говора; эмоционально-оценочной лексики говоров; 7 фразеологическими словарями говоров. Из 87 словарей 4 являются продолжающимися (незаконченными) выпусками, томами, издаваемых со второй половины XX века трудов; 11 – завершенные (изданные) словари, работа над которыми была начата в конце 90-х гг. XX века; 65 – вышедшие издания с 2001 до 2021 г. (из них 4 словаря опубликованы спустя десятилетия после составления, 2 – дополнение к выпущенным ранее трудам, 10 словарей – это исправленные и дополненные; 7 – продолжают издаваться). Новые лексикографические работы покрывают почти полностью карту говоров России.

Ключевые слова: диалектные материалы, диалектография, дифференциальный словарь, областной словарь, русские говоры

Для цитирования: *Матиив Н.Д.* Диалектная лексикография русского языка в начале XXI века // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 30-42. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-30-42

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

OPEN ACCESS

© Матиив Н.Д., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-30-42

Dialect lexicography of the Russian language at the beginning of the 21st century

Nikolai D. MATIJIV
Institute of Pedagogical Education and Management (branch) of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky in Armyansk
296012, Russian Federation, Republic of Crimea, Armyansk, Zheleznodorozhnaya str., 5
✉ matijiv62@mail.ru

Abstract. We analyze the dialect lexicographic situation in Russia at the beginning of the 21st century: dictionaries of different genres are highlighted, publications of specific regions and districts are grouped, – both collective and individual works. In general, a brief systematic review of 87 (very large, large, medium and small) dialect lexicographic works is given. We note that the dialectography of recent decades is represented mainly by traditional differential dictionaries, which differ from the literary standard, and less often by non-differential, full-type dictionaries; it has been supplemented with 9 thematic dictionaries; 5 – idiolect dictionaries; 2 dictionaries of dialect vernacular; motivational dictionary of subdialect; figurative units of dialect; emotional-evaluative vocabulary of dialects; 7 phraseological dictionaries of dialects. Of the 87 dictionaries, 4 are ongoing (unfinished) issues, volumes of works published since the second half of the 20th century; 11 are completed (published) dictionaries, work on which was started in the late 90s of the twentieth century; 65 are published editions from 2001 to 2021 (4 dictionaries of which were published decades after compilation, 2 are additions to previously published works, 10 dictionaries are corrected and supplemented; 7 continue to be published). New lexicographic works almost completely cover the map of Russian dialects.

Keywords: dialect materials, dialectography, differential dictionary, regional dictionary, Russian dialects

For citation: Matijiv N.D. Dialektnaya leksikografiya russkogo yazyka v nachale XXI veka [Dialect lexicography of the Russian language at the beginning of the 21st century]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 30-42. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-30-42 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

ВВЕДЕНИЕ

Современная русская диалектная лексикография представлена преимущественно дифференциальными словарями разных регионов, областей и реже районов. Это монорегиональные и полирегиональные, монодиалектные и полидиалектные словари, созданные (создаваемые) лексикографами исследовательских институтов, профессорско-преподавательским составом кафедр филологических дисциплин высших учебных заведений.

Целью статьи является анализ современной диалектной лексикографической ситуации в России в начале XXI века. Научная новизна состоит в кратком систематизированном обзоре диалектных словарей: сгруппированы коллективные и индивидуальные лексикографические работы, выделены словари разных жанров. Сквозь призму этих трудов хорошо видно географию собранных материалов, которая свидетельствует о полноте сбора народной лексики в конкретных регионах и даёт представление о ещё не исследованных территориях диалектного пространства.

Проблемам развития диалектографии, теории и практики посвящены работы Ф.П. Сороколетова, О.Д. Кузнецовой [1], Р.И. Кудряшовой, Е.В. Брысиной, В.И. Супруна [2], Л.А Дмитрук [3], С.А. Мызникова [4; 5]. Данному вопросу особенно много труда и времени уделяет А.Ф. Журавлёв [6–8].

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В мировой диалектографической практике весомым успехом являются сводные диалектные словари, например, английского (в 6 томах), эстонского, японского и других языков. В этом русле российские лексикографы по проделанной работе вышли на первое место, они заканчивают весьма значительный сводный «Словарь русских народных говоров»[1] – источник для комплексного исследования диалектов русского языка на всей территории России. В последние два десятилетия вышли из печати его очередные 34–52 выпуски. Внушительная лексикографическая работа, как известно, публикуется на протяжении 56 лет (с 1965 г.), в 2021 г. читатели ознакомились с вып. 52, с реестром на **Храбаз – Цванки**. В словарь включены записи словарных особенностей всех русских народных говоров XIX–XX столетий. Издания СРНГ, вышедшие в начале двадцать первого века, также дополнены новыми сведениями из диалектологических работ данного периода. Перечень источников в СРНГ впечатляет большим количеством печатных трудов и рукописями, хранящимися в разных архивах, а также диссертациями, содержащими диалектную лексику (список размещён с 21 по 160 страницу первого выпуска словаря). «Значительная часть материалов по лексике русских народных говоров, – пишет главный редактор последних выпусков СРНГ С.А. Мызников, – хранится в основной картотеке Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН. Согласно приблизительным подсчетам, в ней насчитывается около 3 миллионов карточек-цитат (сведение 2018 г. – *Н. М.*)»[2]. Он также отметил, что «в 49 томах СРНГ представлен богатейший материал, например, имеется 9371 наименование растений, 1280 названий грибов, 172 названия рыболовных сетей и т. д.» [5, с. 348], фиксируется примерно и 1600 прозвищ[3].

В течение последних двух десятков лет продолжает издаваться «Архангельский областной словарь» – вып. 11–21[4]. В предисловии первого выпуска отмечается: «Работа по массовому сбору лексики для АОС была начата под руководством О.Г. Гецовой в 1959 году <…>. Картотека АОС включает более 2 миллионов карточек. Она составлена на материалах полевых записей участников диалектологических экспедиций МГУ, в работе которых за все годы приняло участие около 600 человек. Количество экспедиционных (полевых) тетрадей более 700, что составляет более 100 тысяч страниц текста. Материалы, вошедшие в АОС, записаны в более чем 280 населённых пунктах Архангельской области»[5]. В словаре отражена работа и преподавателей Архангельского государственного педагогического института. Уже в начальном выпуске АОС (1980 г.) только на буквы «А–Б» фиксируется более 2000 реестровых единиц, отсутствующих в «Словаре русских народных говоров». В результате ежегодного пополнения диалектной информации количество карточек составляет 5 миллионов единиц (сведения 2013 г.), см.[6] В 21 вып. (2020 г.) написаны словарные статьи на **Заубегать – Звянушка** (науч. ред. Е.А. Нефёдова). Всего ожидается около 60 выпусков.

[1] Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. Вып. 1–52. Москва; Ленинград (Санкт-Петербург): Наука, 1965–2021 (изд. продолжается).

[2] *Мызников С.А.* Словарь русских народных говоров: некоторые итоги лексикографической работы // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 335-350.

[3] Там же. С. 344.

[4] Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефёдовой. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1980–1996. М.: Наука, 1999– . Вып. 21. Заубега́ть – Звя́нушка [науч. ред. Е.А. Нефёдова] / 2020 (изд. продолжается).

[5] Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефёдовой. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1980–1996. М.: Наука, 1999– . Вып. 1. С. 6-7.

[6] *Нефёдова Е.А.* «Архангельский областной словарь»: традиции и новаторство // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 75.

В 2015 г. вышел в свет «Ярославский областной словарь: Дополнение: в 2 т.»[7], являющийся продолжением Ярославского областного словаря в 10 т. под ред. Г.Г. Мельниченко (80–90-е гг. XX в.). К 1150-летию Великого Новгорода в 2010 г. издан «Новгородский областной словарь», содержащий 25000 диалектных слов и около 2600 фразеологизмов[8].

Издаётся «Псковский областной словарь с историческими данными» – недифференциальный, полного типа, лексикографический труд, в котором описываются словесные единицы большого региона[9]. В нём, кроме солидной фиксации общерусской лексики, используются данные из памятников письменности и документов XIII–XVIII вв. Над многотомным словарём, стратегию и тактику которого определил Б.А. Ларин, продолжает работать группа лексикографов Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б.А. Ларина на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Словарь начал издаваться с 1967 г.; в 2019 г. читатели ознакомились с вып. 28 (под ред. Л.А. Ивашко, И.С. Лутовиной, М.А. Тарасовой), с реестром на *Подебожить – Пойничек*.

Диалектография русского языка пополнена недифференциальными словарями отдельных говоров: Акчимский словарь[10], Вершининский словарь[11] полного типа; в их реестр включены диалектные и общерусские лексико-фразеологические материалы.

Лидирует список областных лексикографических работ; содержащиеся в словарях слова, фразеологизмы и другие образцы народной речи покрывают почти полностью диалектологическую карту русского языка. Вышедшие в свет издания репрезентируют следующие **русские** говоры:

1. Центр европейской части: воронежские[12]; курские[13]; вятские[14]; Костромского Заволжья[15]; Нижегородской области[16]; Республики Мордовии[17]; Чувашской Республики[18].

2. Крайний северо-восток европейской части: Коми-Пермяцкого округа[19] и говоры населения в районе бассейна Нижней Печеры[20].

3. Северо-запад европейской части: Карелии и сопредельных областей[21]; Русского

[7] Ярославский областной словарь: Дополнение: в 2 т. / под науч. ред. Т.К. Ховриной. Ярославль: Ред.-изд. отдел Яросл. гос. пед. ун-та, 2015.

[8] Новгородский областной словарь / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников; авт.-сост. А.В. Клевцова и др.; ред. А.В. Клевцова, Л.Я. Петрова. СПб.: Наука, 2010. XXVII. 1435 с.

[9] Псковский областной словарь с историческими данными / ред. А.И. Лебедева, О.С. Мжельская, С.М. Глускина, Л.А. Ивашко, А.И. Корнев, И.С. Лутовинова и др. Вып. 1–28. Л. / СПб.: Изд-во Лен. ун-та; Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1967–2019 (изд. продолжается).

[10] Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): в 6 вып. / под ред. Ф.Л. Скитовой, Л.А. Грузберг. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1984–2011.

[11] Вершининский словарь: в 7 т. / гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1998–2002.

[12] Словарь воронежских говоров / под ред. Г.Ф. Ковалёва. Вып. 1–3. Воронеж: Изд. дом Воронеж. гос. ун-та, 2004–2019 (изд. продолжается).

[13] Словарь курских говоров / науч. ред. Т.А. Пименова. Вып. 1–5. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004–2014 (изд. продолжается).

[14] Областной словарь вятских говоров: в 12 вып. / под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров: Коннектика: Изд-во Вят. гос. гум. ун-та: Радуга-ПРЕСС, 1996–2018.

[15] *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: Изд-во Костр. гос. ун-та; М.: Книжный клуб Книговек, 2015. 512 с.; *Ганцовская Н.С., Маширова Г.И.* Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / отв. ред. Н.С. Ганцовская. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2006. 346 с.

[16] Диалектный словарь Нижегородской области / редкол.: Л.А. Климкова [и др.]. Вып. 1–3. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2013–2021 (изд. продолжается).

[17] Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 8 вып. / под ред. Р.В. Семенковой: Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 1978–2006; *Михалёва Т.В., Семенкова Р.В., Чикина Л.К.* Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 ч. СПб.: Наука, 2013. *Михалёва Т.В., Семенкова Р.В., Чикина Л.К.* Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Дополнительный выпуск. СПб.: Наука, 2015. 244 с.

[18] *Колесникова С.В., Корнилов Г.Е., Лотря Л.В.* Словарь русских говоров Чувашской Республики / отв. ред. Г.Е. Корнилов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 227 с.

[19] *Копытов Н.Ю., Подюков И.А., Черных А.В.* Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

[20] Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2 т. / под ред. Л.А. Ивашко. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2003–2005.

[21] Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1994–2005.

Севера[22]; Беломорья[23]; вологодские[24]; вологодский режский говор[25]; жителей в окрестности озера Селигер (Псковской, Новгородской, Тверской областей)[26].

4. Запад европейской части: смоленские говоры[27]; орловские[28].

5. Юг европейской части: донские говоры[29]; донского казачества[30]; кубанские[31].

6. Юго-восток европейской части: русских жителей Башкирии[32].

7. Юго-восточная окраина Восточно-Европейской равнины: населения Оренбургской области[33].

8. Восток на стыке Европы и Азии: пермские[34]; севера Пермского края[35]; Южного Прикамья[36].

9. Восточная и Северо-Восточная Сибирь: Кузбасса[37]; центральных районов Красноярского края[38]; Байкальской Сибири[39]; юга Тюменской области[40]; населения вдоль рек Тобола и Иртыша (Тюменская область)[41]; Якутии[42]; жителей земли Югорской (междуречье Оби и Иртыша; Югра упомянута Нестором Летописцем)[43]; Среднего Приртышья[44]; Крайнего Северо-Востока России[45]; Алтая (в историко-этимологическом

[22] Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева – 1–5 тт.; М.Э. Рут – гл. ред. 6–7 тт. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2001–2018 (изд. продолжается).

[23] *Мызников С.А.* Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб.: Наука, 2010. 496 с.; *Мызников С.А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. 1064 с.

[24] Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / ред. Т.Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда: Изд-во Вологод. гос. пед. ин-та (Вологод. гос. пед. ун-та); Русь, 1983–2007.

[25] Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / науч. ред. Л.Ю. Зорина. Вологда: Изд-во Вологод. гос. ун-та, 2017. 604 с.

[26] Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь: в 7 вып. / гл. ред. А.С. Герд. Санкт-Петербург; Тверь, 2003–2017.

[27] Словарь смоленских говоров: в 11 вып. / под ред. А.И. Ивановой, Л.З. Бояриновой, Е.Н. Борисовой. Смоленск: Изд-во Смолен. гос. пед. ин-та (Смолен. гос. пед. ун-та), 1974–2005.

[28] Словарь орловских говоров / под ред. Т.В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–17. Орел, 1992–2016 (изд. продолжается).

[29] *Брысина Е.В., Кудряшова Р.И., Супрун В.И.* Словарь донских говоров Волгоградской области: около 17000 слов. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.

[30] Большой толковый словарь донского казачества / ред. кол.: В.И. Дегтярев, Р.И. Кудряшова, Б.Н. Проценко, О.К. Сердюкова. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003. 608 с.

[31] Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион / авт.-сост. В.М. Пелих (отв. ред.), В.И. Андрющенко, Р.Я. Иванова и др. Армавир: Изд-во Армавир. гос. пед. ун-та, 2009. 262 с.

[32] Словарь русских говоров Башкирии: в 4 вып. / под ред. и науч. рук. З.П. Здобновой. Уфа: Гилем, 1997–2005; Словарь русских говоров Башкирии: А–Я [Электронный ресурс] / под ред. З.П. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008. 406 с. URL: https://elib.bashedu.ru/dl/read/ZdobnovaSlovarRusGovorov.pdf (дата обращения: 11.10.2021).

[33] *Моисеев Б.А.* Оренбургский областной словарь [послесл. Е.Н. Бекасовой]. Оренбург: ООО «Оренбургское кн. изд-во им. Г.П. Донковцева», 2019. 516 с.

[34] Словарь пермских говоров: в 2 т. / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь: Кн. мир, 2000–2002.

[35] Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И.И. Русинова. Вып. 1: А–В. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011. 364 с. (изд. продолжается).

[36] Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 вып. / И.А. Подюков (науч. ред.), С.М. Поздеева, Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та; Перм. гум.-пед. ун-та, 2010–2012.

[37] Областной словарь Кузбасса / под ред. Э.А. Васильевой. Вып. 1: А–Б. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 394 с. (изд. продолжается).

[38] Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. / под ред. О.В. Фельде (Борхвальд), С.П. Васильевой. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2003–2010.

[39] *Афанасьева-Медведева Г.В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / науч. ред. Ф.П. Сороколетов, В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск: [б. и.], 2007– . Т. 22. Ко́сти – Кровь / 2020 (изд. продолжается).

[40] Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области: в 2 т. / под ред. С.М. Беляковой. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014.

[41] *Выхрыстюк М.С.* Словарь народно-разговорной лексики Тоболо-Иртышья. Тобольск: Изд-во Тобол. соц.-пед. акад., 2011. 212 с.

[42] *Дружинина М.Ф.* Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: учеб. пособие: в 4 вып. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1997–2007.

[43] *Исламова Ю.В., Пыхтеева А.А., Калемина Ю.В., Белобородов В.К.* Русское слово на земле Югорской. Изд. 2-е, доп. и перераб. Тюмень: Формат, 2017. 540 с.; Русское слово на земле Югорской (опыт словаря старожильческих говоров Обь-Иртышского междуречья) / авт.-сост. Ю.В. Исламова, А.А. Пыхтеева, В.К. Белобородов, Ю.В. Калемина. Тюмень: Формат, 2014. 290 с.

[44] Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Дополнения: в 2 вып. / отв. ред. Б.И. Осипов. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1998–2003.

[45] *Зотов Г.В.* Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Соко-

освещении)[46]. Говоры Сибири также содержатся в толковом дифференциальном полидиалектном (сводном) словаре[47].

10. Дальний Восток: говоры Приамурья (1 изд. – 1983 г.; 2 изд., испр. и доп. – 2007 г.)[48].

Областные словари разные по объёму, они составлены (составляются) коллективом авторов от трёх до нескольких десятков человек. Из перечисленных выше лексикографических работ пять словарей написаны коллективами авторов: Т.В. Михалёвой, Р.В. Семенковой, Л.К. Чикиной[49]; Е.В. Брысиной, Р.И. Кудряшовой, В.И. Супруном[50]; Н.Ю. Копытовым, И.А. Подюковым, А.В. Черных[51]; С.В. Колесниковой, Г.Е. Корниловым, Л.В. Лотря[52], а шесть словарей написаны единолично: С.А. Мызниковым[53]; Г.В. Афанасьевой-Медведевой[54]; Б.А. Моисеевым[55]; М.С. Выхрыстюк[56]; Н.С. Ганцовской[57]; М.Ф. Дружининой[58]. Об индивидуальных (областных, региональных и других) трудах, вышедших в свет при жизни авторов или после их кончины, скажем более подробно.

1. Мызников С.А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря (2010 г., около 6500 слов и словосочетаний)[59]. Автор собирал лексику самостоятельно в течение двух десятков лет преимущественно в экспедициях, представил 64 населённых пункта Карелии, Мурманской и Архангельской областей. Лексикографический труд фиксирует как собственно диалектные данные, так и просторечную лексику, общенародный лексикон, различного рода профессиональные термины, а также некоторые словарные реестровые единицы, относящиеся к разряду ономастической лексики.

В 2019 г. вышла в свет очередная монументальная работа (1064 с.) видного учёного: «Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов», в которой проанализировано около 18000 лексем, представляющих диалектные материалы из двадцати областей и республик государства (от Северо-Запада России до Южного Урала), а также Казахстана, см.[60].

2. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. (2007–2018 гг., 20 тыс. реест-

лянского. Магадан: Изд-во Северо-Восточ. гос. ун-та, 2010. 539 с.

[46] Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая: в 7 вып. / под ред. Л.И. Шелеповой. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007–2013.

[47] Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006.

[48] Словарь русских говоров Приамурья. Изд. 2-е, испр. и доп. / авт.-сост. О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова и др. Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2007. 544 с.

[49] *Михалёва Т.В., Семенкова Р.В., Чикина Л.К.* Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 ч. СПб.: Наука, 2013; *Михалёва Т.В., Семенкова Р.В., Чикина Л.К.* Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Дополнительный выпуск. СПб.: Наука, 2015. 244 с.

[50] *Брысина Е.В., Кудряшова Р.И., Супрун В.И.* Словарь донских говоров Волгоградской области: около 17000 слов. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.

[51] *Копытов Н.Ю., Подюков И.А., Черных А.В.* Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

[52] *Колесникова С.В., Корнилов Г.Е., Лотря Л.В.* Словарь русских говоров Чувашской Республики / отв. ред. Г.Е. Корнилов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 227 с.

[53] *Мызников С.А.* Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб.: Наука, 2010. 496 с.; *Мызников С.А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. 1064 с.

[54] *Афанасьева-Медведева Г.В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / науч. ред. Ф.П. Сороколетов, В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск: [б. и.], 2007– . Т. 22. Ко́сти – Кровь / 2020 (изд. продолжается).

[55] *Моисеев Б.А.* Оренбургский областной словарь [послесл. Е.Н. Бекасовой]. Оренбург: ООО «Оренбургское кн. изд-во им. Г.П. Донковцева», 2019. 516 с.

[56] *Выхрыстюк М.С.* Словарь народно-разговорной лексики Тоболо-Иртышья. Тобольск: Изд-во Тобол. соц.-пед. акад., 2011. 212 с.

[57] *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: Изд-во Костр. гос. ун-та; М.: Кн. клуб Книговек, 2015. 512 с.; *Ганцовская Н.С., Маширова Г.И.* Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / отв. ред. Н.С. Ганцовская. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2006. 346 с.

[58] *Дружинина М.Ф.* Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: учеб. пособие: в 4 вып. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1997–2007.

[59] *Мызников С.А.* Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб.: Наука, 2010. 496 с.; *Мызников С.А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. 1064 с.

[60] Там же.

ровых единиц на **Аа – Колоколить**)[61]. Его особенностью является то, что значения диалектных слов и фразеологизмов иллюстрируются связными текстами разных жанров. Главным образом это *устный народный рассказ, предание, легенда, быличка, бывальщина* и др.[62] Кроме полевых записей самого автора, материалов многолетних экспедиций преподавателей и студентов Иркутского государственного педагогического университета, в словарь также включены записи М.Р. Соловьёвой и Е.И. Шастиной. В 2019 г. вышел 21 том «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири», в 2020 г. – т. 22 (на *Кости – Кровь*). За вклад в сохранение, изучение и развитие традиционной вербальной культуры русских старожилов Байкальской Сибири Г.В. Медведевой 18 июня 2020 г. присуждена Государственная премия Российской Федерации в области литературы и искусства 2019 года и присвоено почётное звания лауреата Государственной премии Российской Федерации.

3. Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь (1 изд. – 2010 г.; 2 изд., испр. и доп. – 2019 г., около 7 тыс. слов и словосочетаний)[63]. Борис Александрович (1925 г. р., работал доцентом, затем заведующим кафедрой русского языка Оренбургского педагогического института) создал словарь на основе картотеки, которая составлялась на протяжении длительного времени – с 50–80 гг. двадцатого столетия. Автор подал и «Список студентов Оренбургского пединститута (филологический факультет), представивших более или менее подробные сведения о говорах Оренбургской области»[64].

4. Выхрыстюк М.С. Словарь народно-разговорной лексики Тоболо-Иртышья (2011 г., более 5,5 тыс. просторечных и диалектных слов)[65]. Лексикографическая работа – результат диалектологических практик студентов и материалов автора с поселений Тюменской области.

5. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи (2015 г., более 4 тыс. слов и выражений)[66]. Труд, являющийся продолжением краткого костромского областного словаря (в соавторстве с Г.И. Машировой, см.[67]), отражает разные пласты живой речи. Материалы собраны во время студенческих полевых практик, использованы также и другие источники, в том числе народные слова из произведений костромских писателей.

6. Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: учебное пособие (1997–2007 гг., количество заголовочных слов и иных устойчивых сочетаний не указано)[68]. Основную часть словаря занимают материалы, собранные в диалектологических экспедициях (начиная с 1959 г.) преподавателями и студентами Якутского университета.

7. Маслов В.Г. Словарь говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области (1 изд. – 1993 г.; 2 изд., испр. и доп. – 2006 г., 152 с.)[69]. Издания отражают хопёрский говор, являющийся одним из групп донского диалекта.

8. Борисова О.Г. Кубанские говоры: Материалы к словарю (2005 г., количество заголовочных слов в словаре не указано; очевидно, их около 2500)[70]. Автором предложен проект словаря кубанских говоров, а также поданы материалы к словарю, представляющие собой лексикографическое описание диалектных слов и устойчивых сочета-

[61] *Афанасьева-Медведева Г.В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / науч. ред. Ф.П. Сороколетов, В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск: [б. и.], 2007– . Т. 22. Ко́сти – Кровь / 2020 (изд. продолжается).

[62] Там же. Т. 1. С. 41.

[63] *Моисеев Б.А.* Оренбургский областной словарь [послесл. Е.Н. Бекасовой]. Оренбург: ООО «Оренбургское кн. изд-во им. Г.П. Донковцева», 2019. 516 с.

[64] Там же. С. 511.

[65] *Выхрыстюк М.С.* Словарь народно-разговорной лексики Тоболо-Иртышья. Тобольск: Изд-во Тобол. соц.-пед. акад., 2011. 212 с.

[66] *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: Изд-во Костр. гос. ун-та; М.: Книжный клуб Книговек, 2015. 512 с.; *Ганцовская Н.С., Маширова Г.И.* Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / отв. ред. Н.С. Ганцовская. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2006. 346 с.

[67] Там же.

[68] *Дружинина М.Ф.* Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: учеб. пособие: в 4 вып. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1997–2007.

[69] *Маслов В.Г.* Словарь говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области. Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: Изд-во Тул. гос. ун-та, 2006. 152 с.

[70] *Борисова О.Г.* Кубанские говоры: Материалы к словарю. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2005. 252 с.

ний. Работа в основном опирается на картотеку «Говоры Кубани», являющейся результатом диалектологических экспедиций преподавателей и студентов Кубанского государственного университета, а также на диссертационные исследования и архив автора.

9. В 2002–2003 гг. издан колоссальный двадцатипятилетний труд (3419 страниц машинописного текста, более 26000 слов) – «Словарь говоров уральских (яицких) казаков» Н.М. Малечи (1887–1979)[71]. Составитель словаря начал собирать материалы с 1946 г., помогали ему в этом преподаватели и студенты Уральского педагогического института, а также учителя и другие знатоки уральского диалекта (в предисловии активным собирателям выражена благодарность). Как указывает автор, 87 % лексических карточек – это диалектные записи, 13 % – выписки из местных газет, краеведческих и фольклорных сборников, из сочинений местных писателей, а также из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, если при таких словах имеется пометка «урал. казч.», «ур. каз.» и др.[72]

10. Дуров И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении (2011 г., более 12 тыс. слов)[73]. В 1934 г. рукопись словаря поступила в Карельский научно-исследовательский институт, 20-летняя работа этнографа, краеведа и фольклориста опубликована спустя 73 года после смерти (в возрасте 43 лет) автора. Издание подготовили И.И. Муллонен (отв. ред.), В.П. Кузнецова, А.Е. Беликова.

11. Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России (2010 г., около 6 тыс. слов и выражений)[74]. Основу дифференциального словаря (с данными о части слов нерусского происхождения) Г.В. Зотова, доцента Магаданского государственного педагогического института, составляют материалы, собранные в 60–70-е гг. XX века во время экспедиций в районы проживания русского населения в бассейнах рек Анадырь, Гижига, Колыма, на Охотском побережье. Г.В. Зотов завершил работу над рукописью в конце 1980-х гг. (умер в возрасте 63 лет в 1995 г.). При подготовке к изданию словаря в него включены также лексика из «Областного словаря колымского русского наречия» В.Г. Богораза (Санкт-Петербург, 1901) и находящиеся в картотеке автора выписки из художественных и историко-этнографических произведений. Труд оценен доктором филологических наук и доктором исторических наук А.А. Бурыкиным: «Обсуждаемый словарь весьма перспективен для двух проектов – выявления севернорусского лексического фонда русских говоров Зауралья и Сибири и опыты картографирования лексики, характерной преимущественно для говоров Сибири или исключительно для говоров Сибири, т. к. с выходом данного словаря вся территория русских говоров Сибири оказывается покрытой собранными диалектными материалами»[75].

12. Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев (2005 г., 2920 словарных статей)[76]. Ольга Константиновна проработала в Ростовском государственном университете с 1953 до 2002 г., затем переехала в Украину, и связь коллег с ней была потеряна[77]. Словарь пролежал в издательстве РГУ более 20 лет, был опубликован за счёт средств университета.

Лексикографический труд составлен в процессе написания кандидатской диссертации «Лексика говоров казаков-некрасовцев (Исследование и словарь)» (1969 г.). В нём представлена лексика донских казаков, вынужденных жить в течение двух с половиной веков вне России. Сведения записаны автором (отдельно и в составе экспедиций под руководством Ф.В. Тумилевича) от 195 носи-

[71] *Малеча Н.М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2002–2003.

[72] Там же. С. 7.

[73] *Дуров И.М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2011. 455 с.

[74] *Зотов Г.В.* Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Сокольянского. Магадан: Изд-во Северо-Восточ. гос. ун-та, 2010. 539 с.

[75] *Бурыкин А.А.* Заметки к «Словарю региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г.В. Зотова (2010) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 158.

[76] *Сердюкова О.К.* Словарь говора казаков-некрасовцев / науч. ред. В.И. Дегтярев. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 2005. 320 с.

[77] Благодарим профессора В.И. Супруна за любезно предоставленную информацию.

телей родного диалекта. В словарных статьях сохранены слова и устойчивые выражения тех казаков, которые участвовали в булавинском восстании 1707–1708 гг. После смерти войскового атамана донских казаков Кондратия Булавина (в 1708 г.) один из отрядов восставших возглавил Игнат Некрасов. Участники мятежа были жестоко подавлены: уцелевшие казаки бежали с семьями на Кубань (в то время территория Крымского ханства), позже – в низовье р. Дунай, находящееся под властью Османской империи. Затем часть некрасовцев переселилась на левый берег р. Дунай, входящий в состав Российской империи, ещё позже, в начале XIX века, одна часть переселились в район озера Маньянс, расположенного на северо-западе полуострова Малая Азия (владение Турции), другая – на побережье Эгейского моря, в Энос (Восточная Фракия, в подчинении власти турков). Начиная с 1911 г. некоторые некрасовцы стали возвращаться (вначале в Грузию, затем на Кубань). Самая большая волна переселения была 22 сентября 1962 г., приблизительно тысяча потомков казаков-некрасовцев вернулись из Турции в родные места (в основном поселились в Левокумском районе Ставропольского края).

Эта уникальная лексика продолжает быть объектом изучения современных исследователей, см., например, «Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием»[78].

Словари составлены (составляются) не только филологами, но и, к примеру, писателями: П.И. Ткаченко, коренной представитель Краснодарского края, в изданиях своего словаря отразил словесные единицы кубанского говора[79], С.М. Мишнев в «Тарногский говор» поместил слова и устойчивые выражения, записанные им от жителей своего района[80]; В.Н. Ремчуков, потомок казаков станицы Клетской Волгоградской области, написал «Толковый казачий словарь»[81]; А.Г. Чикачев зафиксировал лексику односельчан в «Диалектном словаре Русского Устья» (75 с.)[82]; поэт А.Ф. Карнаухов подал речь родных ангарцев в «Кратком словаре Кежемского говора (Кежемского Приангарья)» (109 с.)[83].

Желание записать словесные единицы родного говора привлекает любителей (материалы для словаря, как правило, небольшие – до 3 тыс.), например, «Словарь озёрского говора (Озёрский район Московской области)» Т.А. Хреновой (Озёры, 2018); «Черпачок из святколодца (о языке родной деревни)» Б.Н. Жукова (Нижний Новгород, 2008); «ПомОрьска говОря. Краткий словарь поморского языка» И.И. Мосеева[84] (подробно см.[85]).

В диалектографии последних десятилетий развивается идиолектный жанр словаря[86]. О развитии словарного идиолектного дела см. в основательной статье А.Ф. Журавлёва «Диалектный словарь личности (заметки о специфике жанра)»[87].

[78] Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием / под ред. В.М. Грязновой. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2012. 608 с.

[79] *Ткаченко П.И.* Кубанский говор. Опыт авторского словаря. Изд. 2-е, уточн. и доп. Краснодар: «Традиция», 2008. 288 с.; Кубанский говор: балакачка: опыт авторского словаря. Изд. 3-е, уточн. и доп. Краснодар: Традиция, 2011. 397 с.

[80] *Мишнёв С.М.* Тарногский говор. Вологда: Полиграф-Книга, 2013. 343 с.

[81] *Ремчуков В.Н.* Толковый казачий словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. Волгоград: Станица-2, 2007. 192 с.

[82] *Чикачёв А.Г.* Диалектный словарь Русского Устья / отв. ред. А.Е. Аникин. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 2005. 75 с.

[83] *Карнаухов А.Ф.* Краткий словарь Кежемского говора (Кежемского Приангарья). Кодинск: Бизнес-прессинформ, 2003. 109 с.

[84] *Мосеев И.И.* ПомОрська говОря: краткий словарь поморского языка. Архангельск: [б. и.], 2005. 138 с.

[85] *Букринская И.А., Кармакова О.Е.* Взгляд лингвиста на любительские диалектные словари // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы исследования) 2020 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: Ин-т лингв. исслед., 2020. С. 108-120.

[86] Полный словарь диалектной языковой личности: в 4 т. / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2006–2012; *Тимофеев В.П., Тимофеева О.В.* Диалектный словарь личности: около 11500 слов. Изд. 3-е, испр. и доп. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2010. 595 с.; *Нефёдова Е.А.* Экспрессивный словарь диалектной личности. М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 2001. 143 с.; *Толстова Г.А.* Словарь языка Агафьи Лыковой. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2004. 562 с.; *Иванцова Е.В.* Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. 162 с.

[87] *Журавлёв А.Ф.* Диалектный словарь личности (заметки о специфике жанра) // Исследования по славянской диалектологии. 19–20. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 171-187.

Читатель ознакомился со словарями, содержащими определённую тематическую лексику говоров, – это «Тематический словарь говоров Тверской области»[88]; «Тематический словарь вятских говоров»[89]; «Комплексный тематический словарь лексики современных русских говоров Урала» К.И. Демидовой[90].

«Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура)» В.В. Губаревой, Т.В. Махрачёвой, С.В. Пискуновой[91]; «Словарь тамбовских говоров (лексика питания)» В.В. Губаревой[92]; «Словарь тамбовских говоров (растительный, животный мир, ландшафт, метеорология)», «Словарь тамбовских говоров (Человек: анатомические названия, физические особенности, социальные и семейные отношения, духовная культура)» С.В. Пискуновой, А.С. Щербак, И.В. Поповичевой и др.[93]

«Владимирский областной словарь: лексика природы» Р.С. Кануновой, Е.М. Матсапаевой, К.В. Епифановой[94]; «Тематический словарь орловских говоров: (слова на букву Х)»[95].

С 2001 до 2021 г. опубликованы труды следующего направления: «Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья» Т.Б. Банковой, О.И. Блиновой, С.В. Сыпченко, в котором содержатся слова и фразеологизмы, общие для говора и городского просторечия[96]; «Словарь диалектной и просторечной лексики Тоболо-Иртышья» М.С. Выхрыстюк[97]; дифференциальный «Мотивационный словарь сибирского говора» О.И. Блиновой, С.В. Сыпченко[98]; «Словарь образных единиц сибирского говора» О.И. Блиновой, М.А. Толстовой, Е.А. Юриной[99]; «Словник-толкователь эмоционально-оценочной лексики говоров Сибири» М.С. Выхрыстюк, Е.А. Бакулиной[100].

Вышли в свет индивидуальные фразеологические диалектные словари, которые представляют следующие говоры русского языка: пермские[101]; новгородские (материалы для идеографического словаря)[102]; говоры территорий Республики Коми[103]; Республики Мордовии[104]; а также говоры Нижней Печоры[105]; Якутии (материалы для словаря)[106];

[88] Тематический словарь говоров Тверской области: в 5 вып. / под ред. Т.В. Кирилловой, Л.Н. Новиковой. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2003–2006.

[89] Тематический словарь вятских говоров / отв. ред. З.В. Сметанина. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2013. 311 с.

[90] *Демидова К.И.* Комплексный тематический словарь лексики современных русских говоров Урала: учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. [Электронный ресурс]: Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2015. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

[91] *Пискунова С.В., Махрачёва Т.В., Губарева В.В.* Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура) / отв. ред. С.В. Пискунова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 281 с.

[92] *Губарева В.В.* Словарь тамбовских говоров (лексика питания). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. 76 с.

[93] Словарь тамбовских говоров (растительный, животный мир, ландшафт, метеорология) / авт.-сост. С.В. Пискунова (отв. ред.), А.С. Щербак, И.В. Поповичева и др. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. 185 с.; Словарь тамбовских говоров (Человек: анатомические названия, физические особенности, социальные и семейные отношения, духовная культура) / авт.-сост. С.В. Пискунова (отв. ред.), А.С. Щербак, И.В. Поповичева и др. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. 268 с.

[94] Владимирский областной словарь: лексика природы / авт.-сост. Р.С. Канунова, Е.М. Матсапаева, К.В. Епифанова; под ред. М.В. Пименовой. Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2012. 126 с.

[95] *Власова Л.А.* Тематический словарь орловских говоров: (слова на букву Х). Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та, 2016. 156 с.

[96] *Банкова Т.Б., Блинова О.И., Сыпченко С.В.* Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. 270 с.

[97] *Выхрыстюк М.С.* Словарь диалектной и просторечной лексики Тоболо-Иртышья. Тобольск: Изд-во Тобол. соц.-пед. акад., 2010. 147 с.

[98] *Блинова О.И., Сыпченко С.В.* Мотивационный словарь сибирского говора. Т. 2: П–Я. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. 310 с.

[99] *Блинова О.И., Толстова М.А., Юрина Е.А.* Словарь образных единиц сибирского говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2014. 218 с.

[100] *Выхрыстюк М.С., Бакулина Е.А.* Словник-толкователь эмоционально-оценочной лексики говоров Сибири. Тобольск: Полиграфист, 2013. 104 с.

[101] *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 472 с.

[102] *Сергеева Л.Н.* Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та, 2004. 307 с.

[103] *Кобелева И.А.* Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктыв. гос. ун-та, 2004. 312 с.

[104] *Семенкова Р.В.* Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 2007. 332 с.

[105] *Ставшина Н.А.* Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. СПб.: Наука, 2008.

[106] *Дружинина М.Ф.* Фразеологизмы в старожильческих русских говорах на территории Якутии: материалы для фразеологического словаря русских говоров. Якутск: Изд. дом Сев.-Вост. федер. ун-та, 2013. 280 с.

Забайкальского края[107]. Опубликован «Человек в русской диалектной фразеологии: словарь» М.А. Алексеенко, Т.П. Белоусовой, О.И. Литвинниковой, представляющий собой свод сведений (1700 заголовочных единиц) из картотек составителей, материалов, хранящихся в Самаркандском и Каменец-Подольском университетах, а также из диалектных словарей[108].

В 2011 г. В.М. Мокиенко предложил проект составления сводного словаря русской диалектной фразеологии «Фразеологического словаря русских народных говоров»[109].

Таким образом, в начале XXI века наука обогатилась 87 (доступными автору) диалектными словарями русского языка: 4 лексикографические работы являются продолжающимися (незаконченными) выпусками, томами, издаваемых со второй половины XX века трудов; 11 – завершённые (изданные) словари, робота над которыми была начата в конце 90-х гг. XX века; 65 – вышедшие издания с 2001 до 2021 г. (из них 4 словаря опубликованы спустя десятилетия после составления, 2 – дополнение к выпущенным ранее трудам, 10 словарей – это исправленные и дополненные; 7 – продолжают издаваться).

По объёму среди анализированных работ есть весьма крупные (многотомные с реестром в десятки тысяч заголовочных слов), большие (11–20 тыс.), средние (5–10 тыс.) и малые (2–4 тыс.).

Стремительный словарный прогресс сложно переоценить, однако известный учёный А.Ф. Журавлёв обнаружил в современных диалектных словарях «серьёзные недостатки, затрагивающие различные стороны лексикографического описания»[110]. Так, в работе «Из наблюдений над нынешним состоянием русской диалектной лексикографии: словарные толкования» (I Международная научная конференция «Славянская диалектная научная лексикография», Санкт-Петербург, 2011) А.Ф. Журавлёв отмечает: «Материал показывает, что есть необходимость в выработке т и п о л о г и и реальных и возможных словарных ошибок, которая, будь она принята в качестве контролирующего списка «областей риска» и «подводных камней», подстерегающих лексикографа, могла бы способствовать существенному повышению качества словарной продукции, обращённой к региональной лексике»[111].

Сбор в экспедициях надежных диалектных материалов и их точная, в полной мере лексикографическая интерпретация эффективно может осуществиться после внимательного изучения названных выше трудов с учётом всех положений теории и практики, которые, несомненно, поспособствуют лексикографу в создании качественного словаря.

ВЫВОДЫ

В перспективе развития диалектной лексикографии русского языка желательно, чтобы материал (слова, фразеологизмы и иные устойчивые сочетания) собирали ответственные филологи-энтузиасты в отдельных (1–3) говорах путём опроса старожилов, представителей среднего и младшего поколений непосредственно на местах их проживания во избежание неточностей, допускаемых в экспедициях студентами и другими непрофессиональными собирателями.

На создание среднего по объёму индивидуального словаря в 8000–8500 заголовочных единиц, как показывает практика, требуется потратить тысячи часов в течение четверти века, поэтому при определении величины исследования и жанра будущего словаря важно реально рассчитать силы и возможности для полного логического завершения запланированной работы.

[107] *Пащенко В.А.* Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края / под ред. Т.Ю. Игнатович. Изд. 2-е, испр. и доп. Чита: Изд-во Забайкал. гос. ун-та, 2015. 484 с.

[108] *Алексеенко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И.* Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2004. 238 с.

[109] *Мокиенко В.М.* Проект «Фразеологического словаря русских народных говоров» // Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск: Магнитогор. гос. тех. ун-т; Ин-т археологии РАН, 2011. № 3 (33). С. 190-198.

[110] *Журавлёв А.Ф.* Диалектный словарь личности (заметки о специфике жанра) // Исследования по славянской диалектологии. 19–20. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 33.

[111] Там же. С. 36.

Список источников

1. *Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д.* Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. 231 с.
2. *Кудряшова Р.И., Брысина Е.В., Супрун В.И.* Современная диалектная лексикография: проблемы и тенденции развития // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 3 (12). С. 3-10.
3. *Дмитрук Л.А.* Проблемы лингвофольклористики: костромские говоры // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 429-435. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-20-429-435
4. *Мызников С.А.* Современная региональная лексикография: традиции и новации // Исследования по славянской диалектологии. 18: Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2016. С. 19-32.
5. *Мызников С.А.* Словарь русских народных говоров: некоторые итоги лексикографической работы // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 авг. 2018 г. Доклады российской делегации / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 335-350.
6. *Журавлёв А.Ф.* Лексикографические фантомы. 1: СРНГ, А–З // Dialectologia slavica. Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна. М., 1995 (Исследования по славянской диалектологии. 4). С. 183-193; *Он же.* 2: СРНГ, И–К // Слово и культура. К 75-летию Никиты Ильича Толстого. М., 1998. Т. 1. С. 93-104; *Он же.* 3: СРНГ, Л–М // Слово во времени и пространстве. К 60-летию профессора В.М. Мокиенко. СПб., 2000. С. 265-282; *Он же.* 4: СРНГ, Н–О // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 265-281; *Он же.* 5: СРНГ, О–П // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова. М., 2002. С. 382-389; *Он же.* 6: Словарь русских народных говоров, П // Известия Уральского государственного университета. 2. Гуманитарные науки. Вып. 4. История, филология, искусствоведение. Екатеринбург, 2001. С. 172-178; *Он же.* 7: СРНГ, П // Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 120-131; *Он же.* 8: СРНГ, П // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. III. Диалектология. М., 2014. С. 168-187; *Он же.* 9: СРНГ, Р // Palaeoslavica. XX. 2012. № 1. P. 261-276; *Он же.* 10: СРНГ, Б–Р (дополнение к предыдущему) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. XII. Диалектология. М., 2017. С. 159-175.
7. *Журавлёв А.Ф.* Из наблюдений над нынешним состоянием русской диалектной лексикографии: словарные толкования // Славянская диалектная лексикография: материалы конф. / отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова, И.В. Бакланова. СПб.: Наука, 2011. С. 33-36.
8. *Журавлёв А.Ф.* Диалектный словарь личности (заметки о специфике жанра) // Исследования по славянской диалектологии. 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 171-187.

References

1. Sorokoletov F.P., Kuznetsova O.D. *Ocherki po russkoy dialektnoy leksikografii* [Essays on Russian Dialect Lexicography]. Leningrad, Nauka, Leningrad branch Publ., 1987, 231 p. (In Russian).
2. Kudryashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I. Sovremennaya dialektnaya leksikografiya: problemy i tendentsii razvitiya [Modern dialect lexicography: problems and development trends]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Ivzestia of the Volgograd State PedagogicalUniversity*, 2005, no. 3 (12), pp. 3-10. (In Russian).
3. Dmitruk L.A. Problemy lingvofol'kloristiki: kostromskiye govory [Issues of linguistic folklore studies: Kostroma dialects]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 429-435. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-20-429-435 (In Russian).
4. Myznikov S.A. Sovremennaya regional'naya leksikografiya: traditsii i novatsii [Modern dialect lexicography traditions and innovations]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. 18: Aktual'nyye aspekty izucheniya leksiki slavyanskikh dialektov* [Studies of Slavic Dialectology. 18.: Current Aspects of Studying the Vocabulary of Slavic Dialects]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 19-32. (In Russian).
5. Myznikov S.A. Slovar' russkikh narodnykh govorov: nekotoryye itogi leksikograficheskoy raboty [Dictionary of Russian folk dialects: some results of lexicographic work]. *Slavyanskoye yazykoznaniye. XVI Mezhdunarodnyy s"yezd slavistov. Belgrad, 20–27 avg. 2018 g. Doklady rossiyskoy delegatsii* [Slavic linguistics.

The 16th International Congress of Slavists. Belgrad, 20–27 Aug. 2018. Reports of the Russian Delegation]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 335-350. (In Russian).

6. Zhuravlev A.F. Leksikograficheskiye fantomy. 1: SRNG, A–Z [Lexicographical phantoms. 1: SRNG, A–Z]. *Dialectologia slavica. Sbornik k 85-letiyu Samuila Borisovicha Bernshteyna* [Dialectologia Slavica. Collection for the 85th Anniversary of Samuil Borisovich Bernshtein]. Moscow, 1995 (Studies of Slavic dialectology. 4), pp. 183-193; Idem. 2: SRNG, I–K. Slovo i kul'tura. *K 75-letiyu Nikity Il'icha Tolstogo* [Word and Culture. To the 75th Anniversary of Nikita Ilyich Tolstoy]. Moscow, 1998, vol. 1, pp. 93-104; Idem. 3: SRNG, L–M. Slovo vo vremeni i prostranstve. *K 60-letiyu professora V.M. Mokiyenko* [Word in Time and Space. To the 60th Anniversary of Professor V.M. Mokienko]. St. Petersburg, 2000, pp. 265-282; Idem. 4: SRNG, N–O. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. 7. Slavyanskaya dialektnaya leksika i lingvogeografiya* [Studies of Slavic Dialectology. 7. Slavic Dialect Vocabulary and Linguogeography]. Moscow, 2001, pp. 265-281; Idem. 5: SRNG, O–P. *Avanesovskiy sbornik. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta AN SSSR R.I. Avanesova* [Avanesov Collection. On the Occasion of the 100th Anniversary of the Birth of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences R.I. Avanesova]. Moscow, 2002, pp. 382-389; Idem. 6: Slovar' russkikh narodnykh govorov, P [6: Dictionary of Russian folk dialects, P]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2. Gumanitarnyye nauki. Vyp. 4. Istoriya, filologiya, iskusstvovedeniye – Izvestia. Ural Federal University. Series 2. Humanities. Issue 4. History, Philology, Art*, Yekaterinburg, 2001, pp. 172-178; Idem. 7: SRNG, P. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. 8. Vostochnoslavyanskaya dialektologiya, lingvogeografiya i slavyanskiy kontekst* [Studies of Slavic Dialectology. 8. East Slavic Dialectology, Linguistic Geography and Slavic Context]. Moscow, 2002, pp. 120-131; Idem. 8: SRNG, P. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. III. Dialektologiya* [Proceedings of the Institute of Russian Language. V.V. Vinogradov. 3rd. Dialectology]. Moscow, 2014, pp. 168-187; Idem. 9: SRNG, R. *Palaeoslavica. XX*, 2012, no. 1, pp. 261-276; Idem. 10: SRNG, B–R (dopolneniye k predydushchemu) [10: SRNG, B–R (addition to previous)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. XII. Dialektologiya* [Proceedings of the Institute of the Russian Language. V.V. Vinogradov. 12th. Dialectology]. M., 2017, pp. 159-175. (In Russian).
7. Zhuravlev A.F. Iz nablyudeniy nad nyneshnim sostoyaniyem russkoy dialektnoy leksikografii: slovarnyye tolkovaniya [From Observations on the current state of russian dialect lexicography: dictionary interpretations]. *Materialy konferentsii «Slavyanskaya dialektnaya leksikografiya»* [Conference Proceedings "Slavic Dialect Lexicography"]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 33-36. (In Russian).
8. Zhuravlev A.F. Dialektnyy slovar' lichnosti (zametki o spetsifike zhanra) [Dialect dictionary of personality (notes on the specifics of the genre)]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. 19–20. Slavyanskiye dialekty v sovremennoy yazykovoy situatsii. Dialektnyy slovar' kak sposob issledovaniya slavyanskikh dialektov* [Studies of Slavic Dialectology. 19–20. Slavic Dialects in the Modern Language Situation. Dialect Dictionary as a Way to Study Slavic Dialects]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 171-187. (In Russian).

Информация об авторе

Матиив Николай Дмитриевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Институт педагогического образования и менеджмента (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в г. Армянске, г. Армянск, Республика Крым, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-7372-5905, matijiv62@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ лексикографической литературы, работа с лексикографическимпи источниками, систематизация лексикографического материала, обзор диалектографии XXI века, статистический анализ, написание и оформление статьи.

Статья поступила в редакцию 14.11.2021
Одобрена после рецензирования 20.01.2022
Принята к публикации 27.01.2022

Information about the author

Nikolay D. Matijiv, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Humanities, Institute of Pedagogical Education and Management (branch) of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky in Armyansk, Armyansk, Republic of Crimea, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-7372-5905, matijiv62@mail.ru

Contribution: main study conception, lexicographic literature analysis, work with lexicographic sources, lexicographic material systematization, review of the 21st century dialectography, statistical analysis, manuscript drafting and design.

The article was submitted 14.11.2021
Approved after reviewing 20.01.2022
Accepted for publication 27.01.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81.42
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-43-49

Вербализация образа *яблони* в поэзии В.А. Солоухина

Ксения Игоревна КУШНИР
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский просп., 14
✉ ksyu.kushnir.93@mail.ru

Аннотация. Проанализированы языковые особенности стихотворных текстов В.А. Солоухина, вошедших в сборник «Стихотворения» (1990). Предметом исследования выступает образ *яблони* с точки зрения специфики его вербализации в индивидуально-авторской картине мира В.А. Солоухина в сравнении с языковым воплощением образа *яблони* в языковой картине мира русского народа. Актуальность исследования заключается в том, что поэтическая картина мира В.А. Солоухина анализируется с различных лингвокультурологических позиций, что связано со способностью лексемы вбирать в себя как этнокультурную информацию, так и индивидуально-авторскую. Цель исследования – осмысление в творчестве автора роли дендронима *яблоня* как носителя образных фольклорных и мифологических смыслов. Образ дерева рассматривается в контексте проявления русского менталитета, культуры и истории. Исследование может иметь практическую направленность в рамках преподавания русского языка, в том числе русского языка как иностранного; при изучении творчества В.А. Солоухина в литературоведческом курсе и при составлении авторских словарей. Сделан вывод, что *яблоня* в художественной картине мира В.А. Солоухина неразрывно связана с образом русского сада. Автор, ассоциативно соединяя с *яблоней* понятие жизни и смерти, напоминает о вреде, который может причинить живой природе человек, а включая в свои произведения лексемы, описывающие цветение яблони, красоту её плодов, увядание листьев, огрубление стволов и корней, показывает цикличность жизни не только дерева, но и человека.

Ключевые слова: текст, лингвистический анализ, В.А. Солоухин, лексема, сад, яблоня, дендроним, фитоним

Для цитирования: *Кушнир К.И.* Вербализация образа *яблони* в поэзии В.А. Солоухина // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 43-49. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-43-49

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

OPEN ACCESS

© Кушнир К.И., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-43-49

Verbalization of image of an *apple tree* in V.A. Soloukhin's poetry

Kseniya I. KUSHNIR
Voronezh State Technical University
14 Moskovskiy Ave., Voronezh 394026, Russian Federation
✉ ksyu.kushnir.93@mail.ru

Abstract. We analyze linguistic features of poetic texts by V.A. Soloukhin, included in the collection "Poems" (1990). The subject of research is the image of an *apple tree* from the point of view of the specifics of its verbalization in the individual author's picture of the world by V.A. Soloukhin in comparison with the linguistic embodiment of the image of an *apple tree* in the linguistic picture of the world of Russian people. The relevance of research lies in the fact that V.A. Soloukhin's poetic picture of the world is analyzed from various linguistic and cultural positions, which is associated with the ability of a lexeme to absorb both ethnocultural information and individual author's information. The purpose of study is to comprehend the role of the dendronym *apple tree* in the author's work as a carrier of figurative folklore and mythological meanings. The image of a tree is considered in the context of the manifestation of the Russian mentality, culture and history. The study may have a practical focus in the teaching of Russian, including Russian as a foreign language; when studying the creativity of V.A. Soloukhin in the literary course and in the compilation of author's dictionaries. It is concluded that the *apple tree* in the artistic picture of the world of V.A. Soloukhina is inextricably linked with the image of the Russian garden. The author, associating the concept of life and death with the *apple tree*, recalls the harm that a person can cause to wildlife, and by including in his works lexemes describing the flowering of an apple tree, the beauty of its fruits, wilting of leaves, coarsening of trunks and roots, he shows cyclicality life not only of a tree, but also of a person.

Keywords: text, linguistic analysis, V.A. Soloukhin, lexeme, garden, apple tree, dendronym, phytonym

For citation: Kushnir K.I. Verbalizatsiya obraza yabloni v poezii V.A. Soloukhina [Verbalization of image of an *apple tree* in V.A. Soloukhin's poetry]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 43-49. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-43-49 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

ВВЕДЕНИЕ

Исследование авторской картины мира как составляющей картины мира всего народа невозможно без рассмотрения флористической лексики, заключающей в себе информацию об окружающей природной среде, о её функционировании в культурной общности. Исследованию лексики, называющей растения, посвящены труды М.А. Бобуновой, Ю.А. Дьяченко, А.М. Летовой, Т.Н. Бурмистровой, С.А. Щербакова [1–5]. Национальные константы служат элементом пристального внимания художников слова и определённым образом преломляются в ткани их произведений, поскольку писатели используют лексемы, обладающие традиционной семантикой, в соответствии с индивидуальными творческими задачами.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Главенствующая роль природы в жизни этноса является вопросом давно решённым, не вызывающим дискуссий. Природа, наделяемая славянами душой, – источник вдох-

новения многих русских писателей. Это неудивительно, поскольку растения кормят, лечат, оберегают человека с момента зарождения цивилизации. Это отражено во многих русских пословицах, поговорках, фразеологизмах, например, *Каковы берёзки, таковы и отростки*[1], *Были вишни, да все вышли*[2], *Яблоко от яблони недалеко падает*[3], *Ободрать как липку*[4]. В данной работе представлено исследование репрезентантов образа *яблони* в лирических текстах В.А. Солоухина. Цель исследования – осмысление в творчестве автора роли дендронима *яблоня* как носителя образных фольклорных и мифологических смыслов. Данная цель предполагает решение ряда задач: осуществление контекстного анализа дендронима *яблоня* с привлечением лексикографического материала; анализ смыслового наполнения дендронима *яблоня* в контексте поэтической картины мира В.А. Солоухина, включая мифологические и фольклорные коннотации; выявление ассоциативной связи дендронима *яблоня* как культурного и языкового факта.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При исследовании дендронимов, используемых для наименования культурных растений, сначала необходимо обратиться к наименованию скопления деревьев, репрезентированному через лексему *сад*. Итак, по данным лексикографии, *сад* представляет собой «участок земли, засаженный разного рода растениями (деревьями, кустарниками, цветами), обычно с проложенными дорожками»[5]. В.И. Даль так же отмечает, что топос сада неразрывно связан с посадкой в почву растений, их прорастанием и облагораживанием земельного участка[6]. Образ *сада* в русском культурном сознании связывается с ограниченностью, замкнутостью, упорядоченностью. *Сад* – прилегающая к дому территория, где флора прочно вписывается в человеческий быт, именно здесь прослеживается положительное взаимовлияние человека и природы: человек ухаживает за растительным миром, а тот, в свою очередь, кормит его и способствует творческой активности. Несмотря на малую частотность употребления дендронимов культурных пород в сравнении с дендронимами дикорастущих, необходимо отметить их беспрекословно важное значение для В.А. Солоухина как писателя-деревенщика. Каждый писатель в своих произведениях стремится отобразить окружающую его действительность, акцентируя наиболее значимые для него самого моменты. Так, в современную автору эпоху каждый надел земли, находящийся в собственности, семья стремилась использовать максимально выгодно, выращивая там плодовые культуры. Это и отразилось в лирике В.А. Солоухина при описании *сада*: «Словно тихой песней зазвучали / *Белые вишнёвые сады...*»[7]; «*Яблоня в нашем саду* росла, / Очень крепкой она была»[8]; «(О, моя рябиновая родина! / Росный мой *смородиновый сад!*)»[9]; «Над *садами*, где *яблони*»[10]; «Но мы *в саду*. Хозяева нам рады. / И цвет и плод возделанного *сада*»[11]. Следует отметить, что В.А. Солоухин не отступает от народной традиции, где во взаимодействии представлены вода и земля: «Раскрошились *литые льды*. / *Тёплый дождик* омыл *сады*»[12] – с помощью антитезы *литые льды – тёплый дождик* подчёркивается плодоносящее начало воды по отношению к земле, тёплый дождик омывает *сады*, после чего в них всё оживает, просыпается, расцветает, то есть при отсутствии воды не будет и урожая; «А *сад* то вечерней сыростью, / То

[1] *Рыбникова М.А.* Русские пословицы и поговорки. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 96.
[2] Там же. С. 196.
[3] *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 2000. С. 369.
[4] *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). Спб.: Тип. Академии наук, 1896–1912. 2208 с.
[5] *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М., 2017. С. 709.
[6] *Даль В.И.* Толковый словарь живого Великорусского языка: в 4 т. / ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М., 2000.
[7] *Солоухин В.А.* Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1990. С. 45.
[8] Там же. С. 49.
[9] Там же. С. 63.
[10] Там же. С. 139.
[11] Там же. С. 263.
[12] Там же. С. 49.

лёгким теплом дышал»[13]; «Жить надо всем. Уже дождя мне мало. / Я в *сад* бегу, и тонкие деревья – / Рябину, / Вишенье, / Цветущую сирень – / Стряхаю на себя, усиливая дождь»[14].

Кроме того, в одном из стихотворений автор явно вводит образ райского *сада*, «прежде всего огороженного участка земли с наиболее благоприятными условиями для жизни растений и животных»[15], называя *сад девственным*, где лирический герой планирует провести особое таинство вступления в брак: «Я в этот *сад* с невестою приду / И свадьбу справлю в *девственном саду*!»[16].

В деревенских *садах*, характерных для эпохи В.А. Солоухина, главенствующая роль отводится *яблоне*, что ярко отражено в лирике. Дендроним *яблоня* входит в подгруппу «Культурные породы», которая выступает одной из составляющих ЛСГ «Наименования деревьев», употребляется 6 раз, что составляет 5,8 % к числу репрезентантов в группе, 2 % – к общему числу репрезентантов. Это дерево является одним из самых популярных плодовых деревьев в фольклоре восточных славян, в нашей культуре оно полноправно награждено разнообразными эпитетами: «ароматная, корявая, кудрявая, нежная»[17]. *Яблоня* принадлежит к виду деревьев рода Pyrus, обладает рядом положительных коннотаций, чему способствуют её рост, плодородие, цветение. Названные качества обычно ассоциируются со здоровьем, красотой, счастьем, любовью и воплощаются как в фольклорных, так и в христианских образах. Например, одна из белорусских легенд гласит, что при схождении Богородицы на землю местом её отдыха является *яблоня*, в связи с чем возникает запрет срубать «живую» *яблоню*[18]. Также *яблоня* служит одним из воплощений Мирового древа в песенном фольклоре[19], в её образе узнаваем «чудесный» помощник, оказывающий поддержку героям восточнославянских сказок[20].

Яблоня, бесспорно, «женское» дерево, что объясняется не только грамматическим родом названия в различных славянских языках, но и способностью к плодоношению. *Яблоня* традиционно символизирует мать, а яблоко, её плод, – ребёнка. Эта коннотация, пришедшая из фольклора, прослеживается во фразеологии: «От *яблони* яблоко родится, а от ёлки – шишка»[21]; в обрядах, гласящих, что для обретения здорового потомства необходимо беременной посмотреть на *яблоневые ветви* зимой или на *плоды* летом; для большого потомства молодым дарили *яблоки*; в сказках. Здесь ярким примером, подчёркивающим материнское начало *яблони,* служит сказка «Гуси-лебеди», где это дерево, как мать, укрывает детей от беды[22]. Всё это наблюдается в лирике В.А. Солоухина: «Сучья тяжко к земле склонив, / Зрели *яблоки белый налив*»[23].

Примечательно, что контексты, связанные с образом *яблони-матери*, наполнены трагизмом и горечью утраты. Человек здесь выступает потребителем, стремящимся «до срока»[24] отнять у матери дитя, «срывая жёсткие плоды»[25]. Само дерево понимает, что расставание с ребёнком неизбежно, но просит продлить их совместное радостное время, чтобы плод пожил подольше, успел набраться сил: «Оставьте *яблоко* хотя бы / На мне висеть до сентября. / Узнайте, люди, как бывают / Прекрасны *яблоки* мои»[26]. Важно отметить здесь, что мать готова пожертвовать своими детьми ради блага человека, несмотря на то, что сама «останется сиротой»[27]. В монологе, обращённом деревом к прохо-

[13] *Солоухин В.А.* Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1990. С. 81.

[14] Там же. С. 127.

[15] *Ринекер Ф., Майер Г.* Библейская энциклопедия Брокгауза. М.: Российское библейское общество, 1999. 1120 с.

[16] *Солоухин В.А.* Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1990. С. 33.

[17] *Зеленский А.* Словарь литературных эпитетов (1111 слов): занимат. словарь-помощник для школьников и учителей. М.: Грамотей, 2005. 149 с.

[18] *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897. С. 127.

[19] Биље у традиционалној култури Срба / ред. Г. Живковић. Нови Сад, 2013. С. 144.

[20] Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг и др. Л., 1979. 442 с.

[21] *Рыбникова М.А.* Русские пословицы и поговорки. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 96.

[22] Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг и др. Л., 1979. 442 с.

[23] *Солоухин В.А.* Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1990. С. 49.

[24] Там же. С. 19.

[25] Там же.

[26] Там же.

[27] Там же.

жему, на наш взгляд, содержится отсылка к материнскому причитанию по умершему младенцу: «Як *яблочко* од *яблоньки* одкотылося, так ты од мене, мое дытяточко, одрознилося» [Как *яблочко* от *яблони* откатилось, так и ты от меня, мое дитячко, отделилось][28]. С другой стороны, в этом контексте прослеживается традиционный для фольклорных сказок мотив похищения яблок, что, вероятно, связано с желанием обладать знаниями, мудростью, богатством.

Отметим, что у В.А. Солоухина при описании *яблони* мотив потери ребёнка передаётся не только через утрату плодов, но и через обрубание / срезание / обламывание *яблоневых* прутьев: «И вот подошёл я к *прутику*, / Который так прямо рос» «Я был для него чудовищем / Убийцей зловещим был»[29]. Реакция *яблони* вполне очевидна и обоснована материнскими чувствами: «Ветви печально свесила, / Снега и то белей!»[30], «*Яблоня* белая-белая / Ходит ко мне во сне!». Дерево не может противостоять человеческой силе и мощи оружия, оно здесь беспомощно. В этом контексте лирический герой осознаёт вину, но в то же время ясно понимает, что содеянное исправить не имеет возможности. Его мучает совесть, что проявляется на подсознательном уровне: *яблоня*-мать ежегодно «Ходит ко мне во сне!»[31].

В исследуемом сборнике также прослеживается свадебная символика, традиционно приписываемая *яблоне,* что подтверждается цветовой ассоциацией *белое цветение яблони – белый наряд невесты*, отмечается, помимо плодоношения, её цветение и красота: «*Яблоня* в нашем саду росла, / *Очень крепкой* она была. / Самой сладкой она слыла, / *Самым белым цветом цвела*»[32], что вполне предсказуемо, поскольку яблоко выступало древнеславянским символом целомудрия невесты; юность: «Она *полна задорных соков*, / Она ещё из *молодых*»[33].

В рассматриваемых контекстах наблюдается дуализм колоронима *белый* при описании *яблони.* Этот цвет используется автором, во-первых, для передачи переживаний, грусти, тоски, вызванных утратой близкого: «Ветви печально свесила, / Снега и то *белей*!»[34], «*Яблоня белая-белая* / Ходит ко мне во сне!»[35], во-вторых, для изображения цветения этого дерева: «*Самым белым* цветом цвела»[36], здесь с целью воссоздания большой жизненной активности используется лексический усилитель *самый*. Во втором случае важна традиционная цветовая антитеза белый – чёрный: белый – цвет жизни, чёрный – цвет смерти: «Вы стоите *черны-черны* Посреди молодой травы»[37], а раньше цвели «самым белым цветом» – показана гибель этого садового дерева. Автору важно обратить внимание читателя на трагичность случившегося, поэтому в данных строках он использует контраст: чёрные умершие деревья представляются ещё темнее на фоне сочной живой молодой травы, чему подтверждением служит цветопередача, ведь колороним зелёный – это символ жизни.

Полагаем, что лексема *яблоня* в лирике В.А. Солоухина является средством вербализации, с одной стороны, памяти о прошлом, а с другой, – надежды на будущее. Так, в понятии жизненного цикла растений времена замыкаются друг в друге, словно семя в растении и растение в семени. В стихотворении «Яблони» автор через описание этапов существования этих деревьев показывает цикличность жизни: сначала «*Яблоня* в нашем саду *росла*, / Очень *крепкой она была*. / Самой *сладкой она слыла*, / Самым *белым цветом цвела*»[38] – показан рост, развитие, взросление, далее – способность к плодоношению: «*Сучья* тяжко к земле *склонив*, / *Зрели яблоки белый налив*»[39] (необходимо отметить, что белый налив – наименование старого сорта яблок, служащих символом русского сада, что для В.А. Солоухина как писателя-деревенщика, несомненно, играет важную роль), после чего приходит осень, за ней – зима: «Вот покраснела в лесу листва, / Вот забурела в лугах трава, / Вот затрещали в пе-

[28] Голосіння / Упоряд. І. Коваль-Фучило. Київ, 2012. № 181. 520 с.
[29] *Солоухин В.А.* Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1990. С. 81.
[30] Там же. С. 82.
[31] Там же.
[32] Там же.
[33] Там же. С. 19.
[34] Там же. С. 82.
[35] Там же.
[36] Там же. С. 19.
[37] Там же.
[38] Там же.
[39] Там же.

чах дрова, / Я не перечу – зима права»[40], которые закономерно несут за собой увядание, засыпание, часто – смерть: «Все *мёртво* под луной в саду»[41], «И до нежных живых корней / Уж добрался лютой мороз. / *Спят деревья* – не видно слёз. / *Всё случилось в глубоком сне*, / Не помог и глубокий снег»[42], наступает весна, но «От дыханья самой весны / *Не проснулись*, деревья, вы»[43]. Однако поскольку жизненный цикл непрерываем, очевидно, что весной появляется новая жизнь: «Но выходят из семени / Клён, берёза, трава», «И побеги упорно / Пробивают кору»[44], «Будут сильные листья, / Наливные плоды: / Только встать, / Только выстоять, только быть молодым!»[45]. Здесь прослеживается явная антитеза *молодость-старость*, *жизнь-смерть*. Жизненный цикл *яблони* в лирике В.А. Солоухина неразрывно связан со сменой времен года.

ВЫВОДЫ

Лексема я*блоня* в творчестве В.А. Солоухина исследуется впервые. Так, дерево с чудесными плодами передаёт символику бессмертия и вечного возрождения. Выявлено, что в творческой лаборатории автора дендроним используется для обозначения жизнестойкого терпения, которое осиливает все превратности годового цикла – из осеннего увядания и зимней наготы возрождается к новой цветущей жизни. Вероятно, таким образом автор напоминает читателю о необходимости стойкого преодоления всех проблем и жизненных неурядиц, дерево здесь – нравственный образец, утверждённый законами естества. Жизнь деревьев, по В.А. Солоухину, – это урок молчаливого стоического претерпевания скорбей и невзгод, которые так же неотъемлемы в судьбе человека, как осень и зима в судьбе дерева: необходимо достойно перенести страдания и болезни, чтобы в душе пробился росток обновления.

Таким образом, в лирическом пространстве В.А. Солоухина дендроним *яблоня* связан с темой замужества, материнства, подтверждением чего служат образы *укрывающей яблони*, «*яблочка от яблони*», известные в русском фольклоре, что, безусловно, важно при исследовании творчества писателя в целом, может послужить значимым вкладом при составлении авторского словаря и исследовании жизни и писательского труда В.А. Солоухина. Автор, ассоциативно связывая с яблоней понятие жизни и смерти, напоминает о вреде, который может причинить живой природе человек. Однако, если дикая природа может себя оберегать и защищать, то культурные породы не наделены подобной функцией, они полностью находятся во власти человека. Автор, вводя в свои произведения лексемы, описывающие цветение *яблони*, красоту её плодов, увядание листьев, огрубение стволов и корней, показывает цикличность жизни не только дерева, но и человека.

[40] *Солоухин В.А.* Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1990. С. 19.
[41] Там же. С. 49.
[42] Там же. С. 19.
[43] Там же.
[44] Там же.
[45] Там же.

Список источников

1. *Бобунова М.А.* Динамика народно-песенной речи (на материале фитонимической лексики в необрядовой русской народной лирической песне): автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 1990. 22 с.
2. *Дьяченко Ю.А.* Фитонимическая лексика в художественной прозе Е.И. Носова: автореф. дис. … канд. филол. наук. Курск, 2010. 18 с.
3. *Летова А.М.* Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: дис. … канд. филол. наук. М., 2012. 198 с.
4. *Бурмистрова Т.Н.* Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
5. *Щербаков С.А.* Флористические образы и мотивы в русской поэзии XX века. М.: Моск. госун-т леса, 2011. 171 с.

References

1. Bobunova M.A. *Dinamika narodno-pesennoy rechi (na materiale fitonimicheskoy leksiki v neobryadovoy russkoy narodnoy liricheskoy pesne): avtoref. dis. … kand. filol. nauk* [Dynamics of Folk-Song Speech (On the Material of Phytonymic Vocabulary in Non-Ritual Russian Folk Lyrical Song). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 1990, 22 p. (In Russian).
2. Dyachenko Y.A. *Fitonimicheskaya leksika v khudozhestvennoy proze E.I. Nosova: avtoref. dis. … kand. filol. nauk* [Phytonymic Vocabulary in the Artistic Prose of E.I. Nosov. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Kursk, 2010, 18 p. (In Russian).
3. Letova A.M. *Semanticheskiye osobennosti fitonimov v russkom fol'klore: dis. … kand. filol. nauk* [Semantic Features of Phytonyms in Russian Folklore. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2012, 198 p. (In Russian).
4. Burmistrova T.N. *Sakral'naya fitonimiya: lingvokul'turologicheskiy aspekt: avtoref. dis. … kand. filol. nauk* [Sacred Phytonymy: Linguoculturological Aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2008, 24 p. (In Russian).
5. Shcherbakov S.A. *Floristicheskiye obrazy i motivy v russkoy poezii XX veka* [Floral Images and Motifs in Russian Poetry of the 20th Century]. Moscow, Moscow State Forest University Publ., 2011, 171 p. (In Russian).

Информация об авторе

Кушнир Ксения Игоревна, ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-4561-6322, ksyu.kushnir.93@mail.ru

Вклад в статью: обобщение опыта исследователей, подбор первичного материала, работа с литературными источниками, обработка и редактирование материала, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 27.10.2021
Одобрена после рецензирования 31.01.2022
Принята к публикации 24.02.2022

Information about the author

Ksenia I. Kushnir, Assistant of Russian Language and Intercultural Communication Department, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-4561-6322, ksyu.kushnir.93@mail.ru

Contribution: synthesis of researches experience, source material acquisition, work with literature references, material processing and editing, manuscript drafting and design.

The article was submitted 27.10.2021
Approved after reviewing 31.01.2022
Accepted for publication 24.02.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81.282.2
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-50-60

Мужской антропонимикон в говоре посёлка Высокого Воронежской области

Любовь Виниаминовна НЕДОСТУПОВА
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский пр., 14
✉ nedospowa2009@yandex.ru

Аннотация. Актуальность настоящего исследования определяется возрастающим интересом к народному языку – хранителю истории и представителю современных знаний о человеке. Фиксация неофициальных именований, маркирующих языковую личность в сельском социуме, позволяет увидеть существующие формы общения и взаимоотношения внутри коллектива. Целью данного исследования является описание антропонимических единиц, именующих мужчин по известным фактам, подражанию знаменитым людям, героям или сходству с ними, национальной принадлежности или приверженцев религии, событию или факту из жизни, кулинарным предпочтениям в говоре посёлка Высокого Таловского района Воронежской области, определение значения, обнаружение имён-метафор, уточнение частеречной принадлежности, эмоциональной оценки и продуктивных словообразовательных суффиксов. Предметом анализа стали сельские мужские неофициальные имена. Объектом исследования выступает народный говор. В процессе работы выявлено 40 именований, репрезентированных 4 тематическими группами. Доказано, что самую продуктивную составляют антропонимы по известным фактам, по подражанию знаменитым людям, непродуктивную – прозвища по национальной принадлежности. Имена-метафоры с заключёнными в них смыслами соотносятся с разными номинациями: ягодой, мучным кулинарным изделием, сладким кушаньем, вождём пролетариата, руководителем СССР, президентом США, героями и режиссёром кинофильма и мультфильма, персонажем поэмы, гладиатором, генералом, хоккеистом, актёром, деревом и мн. др. Указаны немногочисленные прозвища, вызывающие положительные ассоциации, связанные с официальными лицами государства и известными людьми. Отмечены именования с отрицательной эмоциональной оценкой, вызывающие осуждение деревенскими жителями. Среди продуктивных способов словообразования выступают суффиксальный и перехода из одной части речи в другую. Сделано заключение: носителями рассмотренных антропонимических единиц являются только коренные жители. Использование уличных имён в своём коллективе позволяет сохранять своеобразную форму общения, отличающуюся своими нормами и правилами, в течение всей жизни человека.

Ключевые слова: антропонимические единицы, неофициальные и некалендарные именования, прозвища, имена-метафоры, народная речь, говор

Для цитирования: *Недоступова Л.В.* Мужской антропонимикон в говоре посёлка Высокого Воронежской области // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 50-60. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-50-60

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

OPEN ACCESS

© Недоступова Л.В., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-50-60

Male anthroponymicon in the patois of Vysokoye Village, Voronezh Region

Lubov V. NEDOSTUPOVA
Voronezh State Technical University
14 Moskovskiy Ave., Voronezh 394026, Russian Federation
✉ nedospowa2009@yandex.ru

Abstract. The relevance of this research is determined by the growing interest in folk language – the history keeper and the representative of modern knowledge about man. The fixation of unofficial names that mark the linguistic personality in the rural society allows one to see the existing forms of communication and relationships within the collective. The purpose of this study is to describe anthroponymic units that name male according to known facts, imitation of famous people, heroes or similarities to them, nationality or adherents of religion, event or fact from life, culinary preferences in the patois of Vysoky village Talovsky district of Voronezh region, determining the meaning, detection of names-metaphors, clarification of part-of-speech affiliation, emotional assessment and productive word-formation suffixes. Rural male unofficial names became the subject of analysis. The object of research is the folk patois. In the course of work, 40 names are identified, represented by 4 thematic groups. It is proven that the most productive are anthroponyms based on known facts, imitating famous people, unproductive – nicknames based on nationality. The names-metaphors with the meanings contained in them correspond to different nominations: berry, flour culinary product, sweet food, leader of the proletariat, leader of the USSR, President of the United States, heroes and director of a film and cartoon, character of a poem, gladiator, general, hockey player, actor and many others. etc. A few nicknames are indicated that cause positive associations associated with state officials and famous people. Names with a negative emotional assessment, causing condemnation by the villagers, are noted. Among the productive ways of word formation are the suffix and the transition from one part of speech to another. The conclusion is made: only indigenous people are carriers of the considered anthroponymic units. The use of street names in your team allows you to maintain a peculiar form of communication, which differs in its norms and rules, throughout a person's life.

Keywords: anthroponymic units, unofficial and non-calendar naming, nicknames, metaphorical names, folk speech, patois

For citation: Nedostupova L.V. Muzhskoy antroponimikon v govore poselka Vysokogo Voronezhskoy oblasti [Male anthroponymicon in the patois of Vysokoye Village, Voronezh Region]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 50-60. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-50-60 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

ВВЕДЕНИЕ

Изучение неофициальных имён людей, активно функционирующих в народной речи деревенских жителей, – интересная деятельность. Во-первых, лингвист погружается в диалектную среду, бытующую по своим законам и правилам. Во-вторых, перед исследователем открывается жизнь человека во всех её проявлениях. И чем дольше происходит общение с селянами, тем больше драгоценных сведений он получает и приходит к пониманию: это мир людей с особым мировоззрением и отношением к себе и окружающим.

Анализ именника своей малой родины помогает лучше понять тех, с кем долгие го-

ды жил бок о бок, рядом, открыть реалии прошлого в настоящем.

А.С. Щербак очень точно подметила: «не человек живёт в языке, а язык живёт в человеке» [1, с. 10]. Важность фиксации его проявлений в народной речи, сохраняющей диалектные черты, имеет большое значение в силу разных причин, в том числе ведущих к постепенному исчезновению многих небольших населённых пунктов с карты России. И как следствие, их жителей – представителей старшей возрастной группы – хранителей ценной информации.

Наше внимание обращено на говор самобытного посёлка Центрального Черноземья с названием Высокий: «Он был основан в 1922 г. в шести километрах южнее Таловой, вблизи дороги, ведущей в Бутурлиновку. Получил своё название по возвышенности, склоны которой сбегают на север до долины почти исчезнувшей теперь реки Таловая, на восток до Таловской балки, на юг и на запад до верхнеозёрских и вознесенских прудов… Стечение ряда обстоятельств: экспедиция Докучаева, возникновение станции Таловая, деятельность Огаркова, близость к тракту Бутурлиновка–Бобров – объективно должно было привести к освоению территории, на которой находится сегодня посёлок» [2, с. 1, 4].

Известно, что «большая часть населения Воронежской области – это выходцы из Центральных районов страны. Несколькими потоками стекались они на воронежскую землю.

Один из них из Подмосковья и Ярославля… Другой поток – из Рязани, Тамбова. Именно из г. Козлов (ныне Мичуринск), который находится в Тамбовской области, выселялись люди в село Козловка на территории современного Бутурлиновского района. В этом селе уже отчётливо видны корни высочан» [2, с. 5, 6]. Действительно, основная масса коренного населения посёлка Высокого переселилась сюда в начале XX века именно из Козловки и Озёрок Бутурлиновского района Воронежской области.

Фонетические черты отражают особенности говора местных жителей: [ɣ] фрикативный (*авра́ɣи, ɣвари́ли, до́лɣа);* сильное аканье (*аднаго́, матацикле́т, прадражни́ли*); ассимилятивно-диссимилятивное яканье (*вярну́лси, яго́, рябя́ты*), однако перед [е] исконным произносится [и] (*дириве́нских, ниме́цкага*); выпадение гласных *(пака́звали, димбилизава́лси, скама́ндвал);* переход [а] в [о] после твёрдых согласных (*сво́ря, пасо́дим, надо́рють)* и [о] в [э] после мягких *(ждеть, цвите́ть);* фонема [к] может реализовываться как [х] и [т] *(нихто́, трахтари́ст; се́мечти, рыбёшти);* [т] мягкий в окончаниях глаголов (*гвари́ть*, *дра́жнють, кли́чуть*) и мн. др. Яркие особенности свидетельствуют о его принадлежности к южнорусским диалектам.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью настоящего исследования является описание антропонимических единиц, именующих мужчин по известным фактам, подражанию знаменитым людям, героям или сходству с ними, национальной принадлежности или приверженцев религии, событию или факту из жизни, кулинарным предпочтениям, определение значения, обнаружение имён-метафор, уточнение частеречной принадлежности, эмоциональной оценки и продуктивных словообразовательных суффиксов в говоре посёлка Высокого Таловского района Воронежской области.

Предметом исследования стали сельские мужские неофициальные имена.

Объектом работы выступает живой народный говор.

В качестве информаторов выступили представители старшей возрастной группы (мужчины и женщины), в том числе долгожители, проживающие здесь: Бочарниковы, Воронины, Гридневы, Кончаковы, Матвеевы, Черных, Шишлянниковы, Юрьевы (сотни людей носят такие фамилии, они являются самыми распространёнными).

Антропонимические единицы выявлены *методами* интервьюирования и опроса коренных жителей. Анализ диалектного материала производился *методами* наблюдения, сравнения, сопоставления, подсчёта и описания. В научный оборот вводится новый материал.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обратимся к определению: «антропони́мия (антропонимико́н) – совокупность ан-

тропонимов, то есть собственных имён для именования человека в каком-либо языке»[1]. «В антропонимическую систему входят и набор имён – именник, и большая или меньшая их распространённость, и мотивы наречения имени, и способы именования человека вне официального круга общения и т. п.[2] Здесь уместно привести слова А.С. Щербак: «За любым именем, за любым названием скрывается особый смысл, особое содержание»[3]. Для нас этот аспект представляет особый интерес.

Разными областями изучения антропонимов в говорах занимались многие исследователи. В XXI веке деятельность в названном направлении отмечена изысканиями учёных, среди которых: В.И. Супрун [3], А.С. Щербак [1; 4–8], С.А. Фёдорова [9], Е.И. Сьянова [10], А.В. Чуб [11–12], Е.С. Ерёмина[4], А.В. Шевляков [13], Е.Е. Королёва [14–15], А.Ф. Рогалёв [16], Л.Н. Верховых [17–18], Л.В. Недоступова [19–23] и др. Считаем, что эта работа должна быть продолжена.

Представим материал, зафиксированный автором статьи в посёлке Высоком в течение нескольких лет, начиная с 2013 г. по настоящее время, в ходе бесед с коренными жителями. Заметим, что ранее был фрагментарно освещён деревенский именник [19; 21–22].

В настоящей работе рассмотрим антропонимы более подробно. Разные черты людей позволили запечатлеть мужской именник из 40 прозвищ, в ходе анализа которого мы смогли выстроить интересную классификацию по семантическому принципу. Функционирующие в говоре неофициальные именования репрезентируются разными тематическими группами.

Первая группа представлена 19 лексемами.

1. Прозвища по известным фактам, по подражанию знаменитым людям, героям или сходству с ними*: *Бархи́д, Бархи́дка – ‘прозвище по сходству с участником Великой Отечественной войны Джахаровым Бархидом’: *И́горь тады́ служи́л в Азирбаджа́ни, а ямý так гвари́ли , чё он дю́жа паходи́л на йихнига пачётнага чилавека , какога́ не́мцы уби́ли, на Бархи́да. Э́нтат димбилиза́валси и ту́та пахва́стался этим . Ну на́ши ямý сра́зам приляпи́ли э́таю кли́чку . Так и пражи́л фсю жи́зню Бархи́ дом, да Бархи́дкой зва́ли.* ***Бо́рман*** – ‘прозвище по сходству с Мартином Борманом’: *То́лик Воро́нин как вы́рос, уж дю́жа стал на лицо́ пахо́ж на н имéцкага сикретаря́ Ги́тлера . Да и так он бальшу́ший, здаро́вый. Прадражни́ли Бо́рманом.* ***Бре́жнев*** – ‘прозвище по сходству с генсеком СССР’: *Лёник вон уж как пахо́жий был на Лиани́да Ильича́, прадражни́ли Бре́жнев.* ***Бурна́ш*** – ‘прозвище по герою кинофильма о революции’: *Васи́лич, по́мню, кама́ндвать люби́л. Он сабра́л в авра́ги дир ивéнских рябя́т и скама́ндвал «За мно́ю, бурнаши́!» Вот и ста́ли яго́ звать Бурна́ш .* ***Ги́тлер*** – ‘прозвище по сходству с немецким политиком’: *То́лик как вярну́лси с а́рмии, тут и усы́ атпусти́л , и причёска но́вая у няго́ . Маладёш яго́ ма́хом окрести́ла Ги́тлер . Он хучь на няго́ тро́шки пахо́ж , ну фсю жи́зню э́таю кли́чку таска́л .* ***Кенне́ди, Кенне́дин*** – ‘прозвище по сходству с американским президентом’: *Сярёга Ди́нкин када́ с а́рмии ди мбилизава́лси, ту́та пака́зывали кино́ пра Джо́на Ке́ннеди. А он с ним вон как пахо́жий. Сра́зам и яго́ прадражни́ли Ке́ннеди, а пато́м ишшо́ и Кеннедин .* ***Ле́нин*** – ‘прозвище по совпадению с именем и отчеством вождя пролетариата’: *У Во́фки Матвéева отчéство Ильи́ч. Так вот к няму́ прили́пла про́звиша Ле́нин. Вро́де маладо́й , а вси равно́ Ле́нин .* ***Маза́й*** – ‘прозвище по сходству с литературным персонажем’: *О́ська пахо́жий на де́да Ма́зая, рябя́ты яго́ ф шко́ли как нача́ли дражни́ть, так и приляпи́лася .* ***Мо́ник, Мо́ника*** – ‘прозвище по сходству с киногероиней Пани Моникой’: *Мо́ник гуся́тником стал, када́й-та пагляде́ли рябя́ты фильм, да Во́фку Ка́рпова Мо́ником прадражни́ли . Дю́жа, гваря́, пахо́жий на Па́ни . Ну яго́ з а-вуть Мо́ника и Мо́ник , а так эт фсё ади́н чилове́к.* ***Му́льтик*** – ‘прозвище по сходству с героем мультфильма’: *Алёшка маладе́ц , такой вясёлый , задо́рнай. Он вро́ди как пахо́ж на актёра из де́тскага му́льтика. На сва́дьби*

[1] Антропонимия. URL: https://wiki2.org/ru/Антропонимия (дата обращения: 20.04.2021).

[2] История – лекции. URL: https://studizba.com/lectures/15-istoriya/ (дата обращения: 20.04.2021).

[3] *Щербак А.С.* Беседа о географических названиях Тамбовского края. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vteBdYQoNoo (дата обращения: 20.05.2021).

[4] *Ерёмина Е.С.* Отражение диалектных черт в современных русских фамилиях (на материале фамилий жителей г. Волгограда): дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005.

у ун'ука фсех висял'ил , ну на няго́ аднаго́ гля́нишь и рассми́ешьси . Му́льтиком дра жнют. ***Се́лик*** – ‘прозвище по сходству с кинорежиссёром’: *Гри́шка в де́цтви был п ахо́жий на ри́жисёра из Аме́рики , кино́ како́й сыма́л. Яму́ ряб'я́ты сра́зу про́звишшу да́ли Се́лик, как у э́нтага .* ***Спарта́к*** – ‘прозвище по сходству с храбростью и неукротимым духом гладиатора’: *Я́шка тако́й был в мо́ладасти сме́лай, ряши́тельнай. Ничаго́, ни Бо́же мой, ни баялси. Прадражни́ли Спартако́м. Ток вить жить долга ни пришло́ся , уби́ли на хро́нте яго́ .* ***Сте́ссель*** – ‘прозвище по внешнему сходству с русским генералом’: *Я́шка Воро́нин попа́л служи́ть, а в а́рмии яму́ каза́ли, чё он дю́жа паху́ж на гинера́ла Сте́сселя, како́й был в Ру́сско-япо́наскай вайне́. Он димбилизова́лси и ту́та фсем хв али́лси, чё паху́жий . Яго́ на́чили дражни́ть Сте́сселем.* ***Тро́цкий, Тро́цков*** – ‘прозвище по внешнему сходству с революционером Троцким’: *Вале́рку у Лёвиных тады́ пра дражни́ли Тро́цким , а хто и Тро́цковым . Он чёжа, уж дю́жа паходи́л на э́нтага Тро́цкага, како́й был ф па́ртии ни у Ле́нина , а в друго́й.* ***Харла́м*** – ‘прозвище по сходству с хоккеистом Валерием Харламовым’: *Са́шка в шко́ле дю́жа люби́л игра́ть в хаке́й . У няго́ и дв е клю́шки бы́ли . Ани́ с ребя́тами на пруду́ в ароты ста́вили и ганя́ли . Да́ли кли́чку Харла́м. Щас в мили́ции рабо́тая , а вси равно́ зову́ть Харла́м.* ***Ча́плин*** – ‘прозвище по сходству с Чарли Чаплиным’: *Ча́плин то́чнай сын у Михе́довых. Ма́лентий, уси́шки ат пусти́л, пинжа́к наде́ня, вы́литый Ча́рлик.*

Вторую группу составляют 4 именования.

2. Прозвища по национальной принадлежности и приверженцев религии: Жид – ‘прозвище по еврейской религии’: *То́лик дю́жа ве́руший был , чита́л мали́тники, ф суббо́ту ни рабо́тал . Да ишшо́ и скря́гой был . Ря́бяты прадражни́ли Жид .* ***Евре́ёв*** – ‘прозвище по еврейской религии’: *Я́шка Евре́ёв ра́на по́мир , бале́зня плаха́я зашла́ . Ну ани́ евре́и, яго́ кли́кали Евре́ёв , а так он Гри́днев .* ***Молдава́н*** – ‘прозвище по национальности’: *Пе́тька р або́тал трахтари́стам в ОПЭХА́ . До́лга рабо́тал, ну а жил ади́н. Где сямья́, как чё была́ , ня зна́я нихто́ . Зва́ли яго́ про́ста Малдава́н, эт хто табли́жи , и́мю зна́ли . Сам он из Малда́вии прие́хал давны́м -давне́нька.* ***Поп*** – ‘прозвище по христианской религии’: *Сярёга дю́жа ве́руший , как выхадно́й , он ф це́рковь е́дя. Ну и ста́ли дражни́ть яго́ Поп.*

Третья группа репрезентируется 7 лексическими единицами.

3. Прозвища по событию или факту из жизни : Кре́ня, Креня́к – ‘прозвище по травме руки’: *Ми́шка тады́ трахтари́стам рабо́тал в сафхо́зи . А он кре́пкай мужи́к , бальшо́й. Да слама́л ру́ку . Ана́ сраслася , да кри́ва. Яго прадражни́ли Кре́ня , Креня́к.* ***Ли́па*** – ‘прозвище по дереву’: *Ми́шка тады́ шо́фирам рабо́тал , иде́й-та е́здил и привёз дамо́й ли́пу , пасади́л. Дю́жа ана́ яму́ па нра́вилася. И цвите́ть харашо́ , и па́хня . Ту́та сра́зам сасе́ди прадражни́ли Ли́пой .* ***По знатью́*** – ‘прозвище по знакомству с влиятельным человеком’: *Ко́льтя тады́ заду́мал паку́пать матаци́кал , а вить рани́ йих дю́жа ни даста́ть была . Где́й-та е́здил в каманд иро́фку да пазна́комилси с каки́м-та мужуко́м. Э́нтат яму́ и памагну́л . А када́ приган́ал м атацикле́т, хвали́лси, чё купи́л по знатью́ . Так фсю жи́зню и дражни́ли По знатью́ .* ***Поздны́ш, Поздны́шёв*** – ‘прозвище по позднему началу ходьбы ребёнка’: *Ми́шка тады́ дитём фсе ня мох ходить . Пашти́ да читырёх г адо́ф сиде́л . Апася́ пашёл . На́шинские яго́ прадражни́ли Позны́ш. А тады́ и Поздны́ш ёвым кли́кали .* ***Сиони́ст*** – ‘прозвище по выступлению’: *Ми́шка Шишля́нников када́й -та ту́та речь талкну́л м ужука́м, иде́ далжны́ жить евре́и, гвари́л, чё йих ме́ста в Изра́илю. Тут жа яго́ прадражни́ли Сиони́ст.*

Четвёртая группа представлена 10 неофициальными именованиями.

4. Прозвища по кулинарным предпочтениям или событию, связанному с пищей и напитками: Арбу́з – ‘прозвище любителя арбузов’: *Лёник так арбу́зы люби́л в де́цтви , чё да́жа с ряб'я́тами ходи́ли па нача́м вар ава́ть на калхо́зную по́лю . Набира́ли в мяшки́ , тады́ сади́лися йисть . Он уплята́л йих так , чё у няго́ из но́су се́мечти вылята́ли . Вот и прадражни́ли яго́ Арбу́зом.* ***Блин*** – ‘прозвище любителя блинов’: *Жана́ у няго́ Ма́ньтя х арашо́ пякла́ блины́ и бли́нчики . А он йих так люби́л уплята́ть , чё прадражни́ли Блино́м .* ***Варе́ничный*** – ‘прозвище любителя варенья’: *В де́цтве Андрю́ха дю́жа люби́л в аре́нию, а рани вышнёвую де́лали. Вот он фсю вре́мю расси́л ба́бку дать яму́ варе́нию . Так и кли́чуть яго́ Варе́ничный .* ***Кара́сь*** – ‘прозви-

ще любителя речной рыбы': *Ми́шка тады́ жи́ли ря́дам с пру́дам . А оте́ц у няго́ ра́на по́мир, он фсяды́ бе́гал там игра́л. Хто лави́л ры́бу, зна́ють, дитё биз атца́ , фсяды́ яго́ угашша́ли. Наклады́ть ме́лкай рыбёшти он панёс дамо́й . Мать пажа́ря , и он так йие́ уплята́л, аж трёсси . Празва́ли Кара́сь .* ***Куко́ня*** – 'прозвище любителя куриных яиц': *Лёник в де́цтви так люби́л я́йцы кури́наи, а́шник трёсси за них . Мать спро́ся: «Чё, ря́бяты, йисть бу́дите ?» А он гвари́ть : «Куко́ню бу́дем ». И так ка́жный раз . Да́ли ему́ кли́чку Куко́ня.* ***Мала́шка, Мала́шкин*** – 'прозвище любителя манной каши': *Тады́ дю́жа йисть бы́ла не́чига . Каро́ф фсе д яржа́ли. Дятя́м вари́ли ка́шу ма́ннаю. Ми́шка йие́ звал ка́шка-мала́шка. И съяда́л йие́ , и праси́л д аба́фку. Прадражни́ли Мала́шкой , Мала́шкинам.* ***Пе́нкин*** – 'прозвище любителя пенки': *Ва́ньтя Пе́нкин пачаму́ стал йим , он люби́л в де́цтви йисть пе́нку. Мать сво́ря варе́нию, а он ждеть , сабя́руть све́рху и яму́ даду́ть. Он йие́ ли́жа языко́м , как люби́л !* ***Пи́во, Пи́вин*** – 'прозвище любителя пива': *Ра́ни пи́ва ни доста́ть бы́ла , а Лёник дю́жа йие́ люби́л. А тады́ вдавля́ ста́ли прада́вать, он на ка́жный рас сабе́ брал буты́лку. Прадражни́ли Пи́во, Пи́вин.*

Итак, мужской антропонимикон в высоковском говоре представлен 4 тематическими группами: ***прозвища по известным фактам, по подражанию знаменитым людям, героям или сходству с ними*** (*Бархи́д, Бо́рман, Бре́жнев, Бурна́ш, Ги́тлер, Ке́ннеди, Кенне́дин, Ле́нин, Маза́й, Мо́ник, Мо́ника, Му́льтик, Се́лик, Спарта́к, Сте́ссель, Тро́цкий, Тро́цков, Харла́м, Ча́плин);* ***прозвища по национальной принадлежности и приверженцев религии*** *(Евреёв, Жид, Молдава́н, Поп);* ***прозвища по событию или факту из жизни*** *(Кре́ня, Креня́к, Ли́па, По знатью́, Позды́ш, Подзнышёв, Сиони́ст);* ***прозвища по кулинарным предпочтениям или событию, связанному с пищей и напитками*** *(Арбу́з, Блин, Варе́ничный, Кара́сь, Куко́ня, Мала́шка, Мала́шкин, Пе́нкин, Пи́во, Пи́вин).* Как видно, самую продуктивную из них составляют прозвища по известным фактам, по подражанию знаменитым людям, героям или сходству с ними (19 именований), непродуктивную – прозвища по национальной принадлежности или приверженцев религии (4 именования). Естественно, самое важное для селянина становится отражением в языке.

Примечательно, что в трёх из четырёх представленных группах зафиксированы носители одновременно двух прозвищ: *Мала́шка (Мала́шкин), Пи́во (Пи́вин), Ке́ннеди (Кенне́дин), Мо́ник (Мо́ника), Тро́цкий (Тро́цков), Кре́ня (Креня́к), Позды́ш (Позны́шёв).* Их обладателями являются 7 высочан. 26 мужчин выступают носителями одного уличного имени (по результатам анализа тематических групп).

Значение антропонимов, как кажется, понятно, легко читаемо. Однако знать все оттенки заложенных в слове смыслов представляется возможным, на наш взгляд, только местным жителям, тем, кто является нечужим в этом небольшом социуме. И даже если человек в деревенской среде меняется (в лучшую или худшую сторону) в течение жизни, уличное имя остаётся неизменным. Оно может только обрасти словообразовательными элементами, как, например, *Ке́ннеди – Ке́ннедин, Кре́ня – Креня́к, Мала́шка – Мала́шкин, Поздны́ш – Позднышёв, Троцкий – Троцков* и др. Отметим, что в настоящее время не представляется возможным точно определить, какой из антропонимов появился раньше, но мы уверены, что второй из них был дан мужчине, чтобы подчеркнуть особенность личности. И такие некалендарные имена имеют самые старые жители посёлка.

Укажем, что изобразительно-выразительным средством мужского антропонимикона являются метафоры с заключёнными в них мыслами. Броские признаки легли в основу ярких уличных имён. Вызывающие ими разнообразные ассоциации связаны с пищей, отдельными фактами из жизни, фамилиями известных людей и др. Так, в частности, зафиксированные прозвища соотносятся с ягодой (*Арбу́з);* мучным кулинарным изделием *(Блин);* сладким кушаньем, сваренным на сахаре (*Варе́ничный);* куриным яйцом *(Куко́ня);* промысловой рыбой (*Кара́сь);* детской кашей *(Мала́шка);* слабоалкогольным напитком с добавлением хмеля (*Пи́во);* вождём пролетариата, основателем Союза Советских Социалистических Республик (*Ле́нин);* руководителем СССР (*Бре́жнев);* президентом

США (*Ке́ннеди);* основателем немецкого нацизма, фюрером (*Ги́тлер);* личным секретарём фюрера *(Бо́рман);* героем кинофильма (*Бурна́ш);* персонажем поэмы Некрасова *(Маза́й);* женщиной *(Мо́ника);* героем мультфильма (*Му́льтик);* известным кинорежиссёром (*Се́лик);* гладиатором *(Спарта́к);* русским генералом (*Сте́ссель);* меньшевиком *(Тро́цкий);* хоккеистом *(Харла́м);* актёром (*Ча́плин);* деревом *(Ли́па);* влиятельным человеком (*По знатью́)* и др.

Важно заметить, что «метафора является одним из основных приёмов познания объектов действительности, их наименования, создания художественных образов и порождения новых значений, выполняет когнитивную, номинативную, художественную и смыслообразующую функции… Метафора отбирает признаки одного класса объектов и прилагает их к другому классу или индивиду – актуальному субъекту метафоры [24, с. 70]. Творческая составляющая народного языка проявилась в присвоении своим среди своих таких интересных уличных имён.

Эмоционально-экспрессивная оценка свидетельствует о разном отношении диалектоносителей к обладателям прозвищ. Получается, что положительные ассоциации в соответствии с их значениями в говоре вызывают следующие неофициальные именования: *Бре́жнев, Ле́нин, Спартак, Стессель, Харлам*. Считаем, объясняется названный факт высоким статусом официальных лиц нашего государства и известных людей, носящих такие фамилии, их достойной репутацией и высокой общественной оценкой деятельности в деревенском социуме. Однако такие прозвания немногочисленны.

Напротив, отрицательную эмоциональную оценку получили антропонимы: *Бо́рман, Ги́тлер, Мо́ник, Мо́ника, Му́льтик, Тро́цкий, Тро́цков, Ча́плин, Жид, Поп, По знатью́, Сиони́ст, Пи́во, Пи́вин* и др. Перечисленные некалендарные имена являются свидетельством того, что селяне, маркируя ими своих земляков, осуждают немецкого диктатора и его окружение *(Ги́тлер, Бо́рман)*, женоподобность *(Мо́ник, Мо́ника)*, детские качества представителя мужского пола *(Му́льтик)*, меньшевизм *(Тро́цкий, Тро́цков),* маленький рост и усы *(Ча́плин),* скупость *(Жид),* излишнюю религиозность *(Поп)* и пропагандирование веры *(Сиони́ст),* хвастовство *(По знатью́),* употребление спиртных напитков (*Пи́во, Пи́вин)* и др. Экспрессивная окраска чётко проявляется в контексте диалектной речи, что свидетельствует о выражении разных эмоций посредством слова.

Частеречная принадлежность выявленных в говоре неофициальных именований выглядит следующим образом: прозвища-существительные: *Арбу́з, Бархи́д, Бо́рман, Бре́жнев, Блин, Бурна́ш, Ги́тлер, Жид, Кара́сь, Ке́ннеди, Кре́ня, Креня́к, Куко́ня, Ли́па, Ле́нин, Маза́й, Мала́шка, Молдава́н, Мо́ник, Мо́ника, Му́льтик, Пи́во, Позды́ш, Поп, Се́лик, Сиони́ст, Спарта́к, Сте́ссель, Харла́м, Ча́плин.* Прозвища, выраженные прилагательными, в том числе притяжательными: *Варе́ничный, Евреёв, Кенне́дин, Мала́шкин, Пе́нкин, Пи́вин, Подзнышёв, Тро́цкий, Тро́цков.* Прозвище-наречие: *По знатью́.*

Анализ позволил выявить, что в большинстве своём они выражаются существительными (30 именований), меньше – прилагательными (9 именований). Отмечен единичный случай выражения наречием (1 именование). Преимущественное употребление существительных является показателем того, что имена, а не характеристики имён становятся продуктом номинации в диалекте.

Обращает на себя внимание тот факт, что рассматриваемые прозвания образованы путём присоединения к основе слова соответствующих *суффиксов:* ***-ан-*** *(Молдава́н);* ***-ин-*** *(Мала́шкин, Пе́нкин, Пи́вин, Кенне́дин);* ***-ик-*** *(Мо́ник, Мо́ника, Му́льтик);* ***-ичн-*** *(Варе́ничный),* ***-ист-*** *(Сиони́ст);* ***-к-*** *(Креня́к, Пе́нкин);* ***-ыш*** *(Позны́ш);* ***-ёв-*** *(Евреёв, Позднышёв);* ***-ов-*** *(Тро́цков);* ***-ть-*** *(По знатью́);* ***-я-*** *(Кре́ня),* а также соединением *предлога с* устаревшим *словом* «знатьё» *(По знатью́).* Словообразовательные модели указывают на принадлежность или имеют оценочное значение.

Среди неофициальных имён отмечены и образованные в результате перехода из одной части речи в другую: *Варе́ничный, Евреёв, Кенне́дин, Мала́шкин, Пе́нкин, Пи́вин, Подзнышёв, Тро́цкий, Тро́цков.* Мы продемонстрировали 9 таких прозвищ.

Констатируем, что продуктивными в говоре выступают суффиксальный способ об-

разования слов и перехода из одной части речи в другую.

ВЫВОДЫ

Таким образом, мужской именник, состоящий из 40 антропонимических единиц и представленный 4 группами, свидетельствует о богатом языковом творчестве высочан. Он отражает жизнь людей, проживающих в сельской среде, специфичную и своеобразную. Более того, текстовые иллюстрации позволили раскрыть идеалы и составляющие картины мира диалектоносителей.

Исследование доказало, что, используя уличные имена наряду с официальными для идентификации односельчан внутри территориально ограниченного социума, люди сохраняют традицию и форму местного общения. Она бытует десятилетиями и отличается своими неповторимыми нормами и правилами, известными только селянам, в течение всей жизни человека.

Прозвища являются компонентами лексикона всего взрослого населения деревни, и их употребление частотно. Они используются в речи не только с номинативной функцией, но и выражают субъективное отношение говорящего, особый смысл.

Разумеется, мир некалендарных именований открыт для тех, кто живёт в Высоком давно и кто приехал сюда недавно. Однако носителями рассмотренного именника выступают только коренные жители.

Настоящее исследование раскрыло компоненты народного языка, доказало факт оригинальности и устойчивости прозвищ в роли вторичной номинации селян, о чём свидетельствует их функционирование в говоре. Изучение речи жителей малоизвестного посёлка позволило раскрыть и своеобразие языковой культуры как составляющей культурной карты страны, ведь «антропонимы несут в себе историческую, социокультурную, этнографическую информацию, изучение антропонимики имеет важное значение для истории народа, его культуры и языка» [13, с. 93].

Считаем, что представленные сведения пополняют имеющуюся базу ВГПУ и ВГУ современными уникальными данными по изучению диалектного атропонимикона. К сожалению, круг исследователей Воронежского края в XXI веке невелик.

Примечание: В статье используется русская упрощённая транскрипция. Звук «г» в говоре фрикативный. Для определения антропонимических единиц в качестве синонимов используем термины: прозвища, неофициальные имена, уличные имена, некалендарные именования, прозвания, именник.

Список источников

1. *Щербак А.С.* Семантика ономалексемы с диалектной основой (на материале Тамбовской области) // Вестник ОГУ. 2005. № 1 (48). Т. 1. Гуманитарные науки. С. 10-15.
2. *Гриднева Л.М.* Высокий. Время, события, люди. 1922–2007. Таловая: Таловская районная редакция, 2007.
3. *Супрун В.И.* Фамилии волгоградцев с неканоническими именами в основе // Ономастика Поволжья: материалы 8 конф. по ономастике Поволжья. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 22-26.
4. *Щербак А.С.* Антропоцентрический принцип отражения картины мира в ономастике (на материале говоров Тамбовской области) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. 2000. СПб.: Наука, 2003. С. 54-59.
5. *Щербак А.С.* Региональный антропонимикон (этнолингвистическое осмысление) // Русский язык: исторические судьбы и современность: 2 Междунар. конгресс исследователей русского языка: тр. и материалы. М.: МГУ, 2004. С. 179.
6. *Щербак А.С.* Диалектная лексика в ономастиконе Тамбовской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004. СПб., 2004. С. 206-212.
7. *Щербак А.С., Бурыкин А.А.* К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. № 9 (77). С. 213-217.
8. *Межуева О.В., Щербак А.С.* Региональные прозвища: вторичная номинация // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. № 10 (90). С. 150-154.

9. *Фёдорова С.А.* Антропонимия села Александровка Хохольского района Воронежской области // Край Воронежский: Межвуз. студ. сб. Вып. IV. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2002. С. 90-92.
10. *Сьянова Е.И.* «Ты чей?» О прозвищах и кличках людей в воронежских говорах // Русская речь. 2006. № 2. С. 91-95.
11. *Чуб А.В.* Андронимы в контактирующих говорах // Ономастика Поволжья: тез. докл. 9 Междунар. конф. Волгоград: Перемена, 2002. С. 196-198.
12. *Чуб А.В.* Ономастика современных украинских говоров Волгоградской области (на материале Еланского и Николаевского районов) // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге: тез. докл. и сообщений. Вып. 3. Волгоград: Перемена, 2002. С. 272-275.
13. *Шевляков А.В.* Антропонимикон диалектной языковой личности: аспекты изучения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 93-97.
14. *Королёва И.А.* Материалы к словарю смоленских прозвищ. Смоленск: Смядынь, 2009. 100 с.
15. *Королёва Е.Е.* Русские прозвища Латгалии // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2013: сб. ст. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 299-312.
16. *Рогалёв А.Ф.* Имя и личность // Материалы по русско-славянскому языкознанию: междунар. сб. науч. тр. Вып. 32. Воронеж: Истоки, 2014. С. 340-352.
17. *Верховых Л.Н.* Фамилии с диалектной основой в лексико-семантическом аспекте // Научный вестник ВГАСУ. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2007. № 1 (8). С. 87-95.
18. *Верховых Л.Н.* Уличные фамилии с. Абрамовка Таловского района Воронежской области // Воронежское лингвокраеведение: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: ВГУ, 2016. № 3. С. 152-159.
19. *Недоступова Л.В.* Уличные фамилии в Воронежской области // Русская речь. 2014. № 3. С. 107-110.
20. *Недоступова Л.В.* Прозвища как компонент лингвориторической картины мира (на материале речи жителей посёлка 2-я Вознесеновка Таловского района Воронежской области) // Научный вестник ВГАСУ. Серия: «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Воронеж, 2014. № 15. С. 24-28.
21. *Недоступова Л.В.* Мужские прозвища в Воронежской области // Русская речь. 2016. № 1. С. 92-95.
22. *Недоступова Л.В.* Женские уличные имена в Воронежской области // Русская речь. 2018. № 2. С. 89-95.
23. *Недоступова Л.В.* Мужские некалендарные именования (на материале говора жителей посёлка Высокого Таловского района Воронежской области) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж, 2021. № 2 (41). С. 19-25.
24. *Жданова Э.А., Абжамалова Н.Д., Свич Н.А.* Метафора и процесс метафоризации значения слов // INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW. Караганда, 2017. № 4 (35). С. 69-72.

References

1. Shcherbak A.S. Semantika onomaleksemy s dialektnoy osnovoy (na materiale Tambovskoy oblasti) [Semantics of an onomalexeme with a dialect base (based on the material of the Tambov region)]. *Vestnik OGU – Vestnik of OSU*, 2005, no. 1 (48), vol. 1. Humanitarian sciences, pp. 10-15. (In Russian).
2. Gridneva L.M. *Vysokiy. Vremya, sobytiya, lyudi. 1922–2007* [Vysokiy. Time, Events, People. 1922–2007]. Talovaya, Talovskaya District Editorial Office, 2007. (In Russian).
3. Suprun V.I. Familii volgogradtsev s nekanonicheskimi imenami v osnove [Surnames of Volgograd residents with non-canonical names at the base]. *Materialy 8 konferentsii po onomastike Povolzh'ya «Onomastika Povolzh'ya»* [Proceedings of the 8th Conference on Onomastics of the Volga Region "Onomastics of the Volga Region"]. Moscow, Institute of Anthropology and Ethnography Publ., 2001, pp. 22-26. (In Russian).
4. Shcherbak A.S. Antropotsentricheskiy printsip otrazheniya kartiny mira v onomastike (na materiale govorov Tambovskoy oblasti) [The anthropocentric principle of reflection of the picture of the world in onomastics (based on the dialects of the Tambov region)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniya. 2000* [Lexical Atlas of Russian Folk Patois: Materials and Research. 2000]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, pp. 54-59. (In Russian).
5. Shcherbak A.S. Regional'nyy antroponimikon (etnolingvisticheskoye osmysleniye) [Regional anthroponymicon (ethnolinguistic comprehension)]. *2 Mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka «Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost'»* [The 2nd International Congress of Researchers of the Russian Language "Russian Language: Historical Fates and the Present"]. Moscow, MSU Publ., 2004, pp. 179. (In Russian).
6. Shcherbak A.S. Dialektnaya leksika v onomastikone Tambovskoy oblasti [Dialectal vocabulary in the onomasticon of the Tambov region]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledova-*

niya) 2001–2004 [Lexical Atlas of Russian Folk Patois (Materials and Research) 2001–2004]. St. Petersburg, 2004, pp. 206-212. (In Russian).
7. Shcherbak A.S., Burykin A.A. K probleme vyyavleniya otlichitel'nykh osobennostey prozvishch ot lichnogo imeni [To a problem of revealing of distinctive features of nicknames from a personal name]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review: Series Humanitie,* 2009, no. 9 (77), pp. 213-217. (In Russian).
8. Mezhuyeva O.V., Shcherbak A.S. Regional'nyye prozvishcha: vtorichnaya nominatsiya [Regional nicknames: secondary nomination]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review: Series Humanities*, 2010, no. 10 (90), pp. 150-154. (In Russian).
9. Fedorova S.A. Antroponimiya sela Aleksandrovka Khokhol'skogo rayona Voronezhskoy oblasti [Anthroponymy of the village of Aleksandrovka, Khokholsky district, Voronezh region]. *Kray Voronezhskiy. Vyp. IV* [Voronezh Territory. Issue 4]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2002, pp. 90-92. (In Russian).
10. Syanova E.I. «Ty chey?» O prozvishchakh i klichkakh lyudey v voronezhskikh govorakh ["Whose are you?" About nicknames and nicknames of people in Voronezh patois]. *Russkaya rech' – Russian Speech*, 2006, no. 2, pp. 91-95. (In Russian).
11. Chub A.V. Andronimy v kontaktiruyushchikh govorakh [Andronyms in contacting dialects]. *Tezisy dokladov 9 Mezhdunarodnoy konferentsii «Onomastika Povolzh'ya»* [Abstracts of the 9th International Conference "Onomastics of the Volga Region"]. Volgograd, Peremena Publ., 2002, pp. 196-198. (In Russian).
12. Chub A.V. Onomastika sovremennykh ukrainskikh govorov Volgogradskoy oblasti (na materiale Elanskogo i Nikolayevskogo rayonov) [Onomastics of modern Ukrainian patois of the Volgograd region (based on the material of Elansky and Nikolaevsky districts)]. *Kirillo-Mefodiyevskiye traditsii na Nizhney Volge. Vyp. 3* [Cyril and Methodius Traditions on the Lower Volga. Issue 3]. Volgograd, Peremena Publ., 2002, pp. 272-275. (In Russian).
13. Shevlyakov A.V. Antroponimikon dialektnoy yazykovoy lichnosti: aspekty izucheniya [Anthroponymicon of a dialectal linguistic personality: aspects of the study]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 294, pp. 93-97. (In Russian).
14. Koroleva I.A. *Materialy k slovaryu smolenskikh prozvishch* [Materials for the Dictionary of Smolensk Nicknames]. Smolensk, Smyadyn Publ., 2009, 100 p. (In Russian).
15. Koroleva E.E. Russkiye prozvishcha Latgalii [Russian nicknames of Latgale]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya) 2013* [Lexical Atlas of Russian Folk Patois (Materials and Research) 2013]. St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2013, pp. 299-312. (In Russian).
16. Rogalev A.F. Imya i lichnost' [Name and identity]. *Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov «Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniyu». Vyp. 32* [International Collection of Scientific Works "Materials on Russian-Slavic linguistics". Issue 32]. Voronezh, Istoki Publ., 2014, pp. 340-352. (In Russian).
17. Verkhovykh L.N. Familii s dialektnoy osnovoy v leksiko-semanticheskom aspekte [Surnames with a dialectal stem in the lexical and semantic aspect]. *Nauchnyy vestnik VGASU. Seriya: «Sovremennyye lingvisticheskiye i metodiko-didakticheskiye issledovaniya»* [Scientific Bulletin of VSUACE. Series: "Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches"], 2007, no. 1 (8), pp. 87-95. (In Russian).
18. Verkhovykh L.N. Ulichnyye familii s. Abramovka Talovskogo rayona Voronezhskoy oblasti [Street surnames of the Abramovka village, Talovsky district, Voronezh region]. *Voronezhskoye lingvokrayevedeniye* [Voronezh Linguistic Studies]. Voronezh, VSU Publ., 2016, no. 3, pp. 152-159. (In Russian).
19. Nedostupova L.V. Ulichnyye familii v Voronezhskoy oblasti [Street surnames in the Voronezh region]. *Russkaya rech' – Russian Speech*, 2014, no. 3, pp. 107-110. (In Russian).
20. Nedostupova L.V. Prozvishcha kak komponent lingvoritoricheskoy kartiny mira (na materiale rechi zhiteley posëlka 2-ya Voznesenovka Talovskogo rayona Voronezhskoy oblasti) [Nicknames as a component of language and hetorical picture of the world (on the material of speech of village 2nd voznesenovka, Voronezh region habitants)]. *Nauchnyy vestnik VGASU. Seriya: «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya»* [Scientific Bulletin of VSUACE. Series: "Linguistics and Intercultural Communication"], 2014, no. 15, pp. 24-28. (In Russian).
21. Nedostupova L.V. Muzhskiye prozvishcha v Voronezhskoy oblasti [Male nicknames in the Voronezh region]. *Russkaya rech' – Russian Speech*, 2016, no. 1, pp. 92-95. (In Russian).
22. Nedostupova L.V. Zhenskiye ulichnyye imena v Voronezhskoy oblasti [Women's street names in the Voronezh region]. *Russkaya rech' – Russian Speech* , 2018, no. 2, pp. 89-95. (In Russian).
23. Nedostupova L.V. Muzhskiye nekalendarnyye imenovaniya (na materiale govora zhiteley poselka Vysokogo Talovskogo rayona Voronezhskoy oblasti) [Male anthroponyms in the Voronezh region (on the example of data on a person's appearance, speech features, mental abilities and character traits)]. *Aktual'nyye voprosy*

sovremennoy filologii i zhurnalistiki – Actual Issues of Modern Philology and Journalism, 2021, no. 2 (41), pp. 19-25. (In Russian).
24. Zhdanova E.A., Abzhamalova N.D., Svich N.A. Metafora i protsess metaforizatsii znacheniya slov [Metaphor and the process of metaphorizing the meaning of words]. *INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW*, 2017, no. 4 (35), pp. 69-72. (In Russian).

Информация об авторе

Недоступова Любовь Виниаминовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-1978-4725, nedostupowa2009@yandex.ru

Вклад в статью: идея, цель, сбор первичного материала, анализ полученных данных, статистический анализ, обработка результатов, написание текста статьи, редактирование статьи.

Статья поступила в редакцию 04.06.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 28.09.2021
Принята к публикации 25.11.2021

Information about the author

Lubov V. Nedostupova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Crosscultural Communication Department, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-1978-4725, nedostupowa2009@yandex.ru

Contribution: idea, purpose, source material acquisition, obtained results analysis, statistical analysis, research results processing, manuscript drafting, manuscript editing.

The article was submitted 04.06.2021
Approved after reviewing and revision 28.09.2021
Accepted for publication 25.11.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81'373
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-61-72

К вопросу о значении термина *лингвокраеведение*

Людмила Николаевна ВЕРХОВЫХ
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394036, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1
✉ lverhovyh@mail.ru

Аннотация. Посвящено изучению особенностей функционирования термина *лингвокраеведение* в современном русском литературном языке. Актуальность лингвокраеведческих исследований в современной лингвистике, активное включение лингвокраеведческого материала в обучение русскому языку в общеобразовательных учреждениях и вузах способствуют широкому употреблению лексемы *лингвокраеведение*. Цель работы – изучить лексикографические источники с точки зрения представленности в них термина *лингвокраеведение* и уточнить его значение в современном научном дискурсе с учётом изменившихся реалий употребления лексемы. На основании анализа справочной литературы был сделан вывод о том, что значительная часть современных лингвистических словарей не фиксирует термин *лингвокраеведение*, несмотря на активное использование его в научных исследованиях, теории и методике обучения русскому языку и русскому языку как иностранному. С учётом особенностей функционирования лексемы *лингвокраеведение* в настоящее время и на основе сопоставительного анализа дефиниций терминов, называющих смежные дисциплины, были высказаны предположения относительно уточнения значения термина *лингвокраеведение*.

Ключевые слова: лингвистика, современный русский литературный язык, лексикография, краеведение, методика преподавания русского языка, лингвокраеведение, терминологическая система

Для цитирования: *Верховых Л.Н.* К вопросу о значении термина лингвокраеведение // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 61-72. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-61-72

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

OPEN ACCESS

© Верховых Л.Н., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-61-72

On the issue of the meaning of the term *linguo-local studies*

Lyudmila N. VERKHOVYKH
Voronezh State University
1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394018, Russian Federation
✉ lverhovyh@mail.ru

Abstract. We devote to the study of the functioning features of the term *linguo-local studies* in the modern Russian literary language. The relevance of linguo-local studies in modern linguistics, the active inclusion of linguo-local studies material in the teaching of the Russian language in educational institutions and universities contribute to the widespread use of the lexeme *linguo-local studies*. The purpose of work is to study lexicographic sources from the point of view of representation of the term *linguo-local studies* in them and to clarify its meaning in modern scientific discourse, taking into account the changed realities of the use of lexeme. Based on the analysis of reference literature, we conclude that a significant part of modern linguistic dictionaries does not fix the term *linguo-local studies*, despite its active use in scientific research, theory and methodology of teaching the Russian language and Russian as a foreign language. Due to the features of the functioning of lexeme *linguo-local studies* at the present time and on the basis of a comparative analysis of the definitions of terms that name related disciplines, assumptions are made regarding the clarification of the meaning of the term *linguo-local studies*.

Keywords: linguistics, modern Russian literary language, lexicography, local studies, methods of teaching the Russian language, linguo-local studies, terminological system

For citation: Verkhovykh L.N. K voprosu o znachenii termina lingvokrayevedeniye [On the issue of the meaning of the term *linguo-local studies*]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 61-72. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-61-72 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важных задач современной лингвистики является совершенствование терминологических систем вслед за изменившимися условиями функционирования языковых единиц. К числу требующих уточнения лингвистических понятий относится и термин *лингвокраеведение*.

Лингвокраеведческой проблематике посвящено значительное число научных исследований и учебных и учебно-методических пособий (см.: [1–10] и др.).

Исследователи отмечают важное научное и практическое значение лингвокраеведения в лингвистике и методике обучения русскому языку, поскольку в ходе лингвокраеведческих исследований «собирается преходящий материал, имеющий непреходящую ценность для науки о языке, для познания культуры, менталитета народа» [2, с. 96]. Лингвокраеведческая работа воспитывает любовь к малой родине, «внимание к слову: его форме, значению и употреблению в устной и письменной речи, обостряет интерес к языку русского народа – государственному языку Российской Федерации» [7, с. 18].

В современном научном узусе функционируют следующие термины, отражающие взаимосвязь изучения языка региона и краеведения: традиционный термин *лингвокраеведение*, который прежде всего обозначает «научное направление, имеющее огромный потенциал для обучения и воспитания подрастающего поколения, сформировавшееся в недрах диалектологии, выделившееся из неё и объединившееся с краеведением и шире – регионоведением» [2, с. 96]; понятие *крае-*

ведческая ономастика [11, с. 142-144]; термин *лингворегионоведение* [12].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Актуализация лингвокраеведческого подхода к изучению региональных языковых систем, выполнение научных исследований на лингвокраеведческом материале, вовлечение лингвокраеведческой составляющей в проектную исследовательскую работу студентов и школьников – всё это способствует активному употреблению термина *лингвокраеведение*, что и обусловливает актуальность данной работы, цель которой – уточнение содержания понятия *лингвокраеведение* на основе анализа лексикографических источников.

К задачам исследования относятся следующие: изучение научной, справочной и учебно-методической литературы по лингвокраеведению для установления семантики термина *лингвокраеведение* (лингвистическое краеведение) и времени его включения в современные лингвистические словари и справочники; сопоставление результатов анализа различных научных источников и описание проведённого исследования; определение актуальных значений лексико-семантических вариантов лексемы *лингвокраеведение*.

Основными методами, применяемыми в исследовании, являются метод текстологического анализа, описательный метод и сравнительно-сопоставительный.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нами были изучены толковые словари и словари лингвистических терминов для того, чтобы установить, зафиксирован ли в них актуальный в настоящее время термин *лингвокраеведние.*

Рассмотрим лексикографические источники XVIII–XIX веков. «Словарь Академии Российской» конца XVIII века не включает лексем *краеведение* и *лингвокраеведение*, слово *край* фиксирует[1]. Словарь В.И. Даля также не отмечает лексему *краеведение*[2], хотя и включает слово, обозначающее край чего-либо.

«Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847) включает многозначную лексему *край* в значениях «предел протяжения тел; оконечность», *церк*. «берег», «страна, земля», «конец, окончание», «близость» (в выражении *быть на краю погибели*)[3].

Только в 1935 г. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова фиксирует термин *краеведение*[4]. Понятие же *краеведение лингвистическое* включено в 1988 г. в «Словарь-справочник по методике русского языка» М.Р. Львова в значении «вид внешкольной работы учащихся»[5].

Современные толковые и лингвистические словари и справочники термин *лингвистическое краеведение/лингвокраеведение* не отмечают[6], понятия же, обозначающие

[1] Словарь Академии Российской: в 6 т. Спб.: Императорская Академия наук, 1792. Т. 3. С. 896-898.

[2] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург; Москва: Тип. М.О. Вольфа, 1880–1882. Т. 2. С. 186-187.

[3] Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Спб.: Тип. Императорской Академии наук, 1847. Т. 2. С. 214-215.

[4] Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935. Т. 1. С. 1494.

[5] *Львов М.Р.* Словарь-справочник по методике русского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1988. С. 87.

[6] Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. 685 с.; *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.; *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.; *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.; Словарь социолингвистических терминов. М.: Ин-т языкознания Рос. акад. наук, 2006. 312 с.; *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. URL: http://enc.biblioclub.ru/Tetrad/12913 (дата обращения: 17.08.2021); *Марчук Ю.Н., Яковлева С.А.* Русско-английско-испанско-французско-китайский словарь лингвистических терминов: около 1000 терминов. М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. 228 с.; *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.; Словарь современного русского литературного языка. Т. 6. Л–М. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 1460 с.; Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт,

смежные дисциплины, – *лингвокультурология* и *лингвострановедение* – словари фиксируют. Если лингвокультурология рассматривается как теоретическая научная дисциплина, то *лингвострановедение* – как «аспект в практическом курсе иностранного языка и учебная дисциплина»[7], при этом даётся пояснение: «среди методистов и лингвистов нет единого мнения о существовании принципиальных различий между названными дисциплинами»[8].

Заметим, что вторая половина XX века характеризуется активной лингвокраведческой работой в вузах (экспедиционная работа с целью сбора диалектного материала), что даёт толчок научным диалектологическим и ономастическим исследованиям. Кроме того, материалы, собранные в ходе диалектологических практик, активно используются в научно-исследовательской работе студентов, в ряде случаев – и школьников (если были организованы совместные экспедиции студентов и школьников).

Лингвокраеведение в его различных вариантах постепенно вводится в школьную и вузовскую практику преподавания (курсы «Лингвокраеведение», «Региональная ономастика», «Русская ономастика», «Славянская ономастика», «Региональные варианты языка» и др.).

Значительная часть научных исследований языка региона (как диалектологических, так и ономастических) опирается на лингвокраеведческие данные, что, безусловно, повышает объективность проведённого научного исследования, поскольку полученные лингвистические выводы подтверждаются историко-культурными сведениями о крае. Формат данной работы не позволяет рассматривать в исчерпывающем объёме данные исследования, отметим лишь, что это монографии и диссертации по диалектологии, региональной ономастике, отчасти этнолигвистике, выполненные на основе привлечения историко-культурных, географических, этнографических и иных сведений о крае (см.: [4; 7; 13–18] и мн. др.). Поскольку научное изучение языка региона выполняется с привлечением краеведческих данных, то можно констатировать, что лингвокраеведение в настоящее время становится важным научным направлением.

Рассмотрим в словарях значение лексем, называющих смежные понятия: *страноведение, обществоведение, языкознание (языковедение), краеведение, лингвокраеведение.*

Страноведение – «научная дисциплина в системе географических наук, занимающаяся комплексным изучением стран или отдельных крупных районов, их природы, населения, хозяйства, культуры, социальной организации»[9]; о*бществоведение* – «1) совокупность наук об обществе; 2) школьная дисциплина, излагающая основы Конституции России»[10]. *Языкознание* (языковедение, лингвистика) – «наука о естественном человеческом языке вообще и о всех языках мира как индивидуальных его представителях»[11] [18, с. 618].

Отметим, что смежные лингвокраеведению дисциплины *страноведение, обществоведение, языкознание* в словарях названы понятиями, обозначающими науки, научные дисциплины. Особо обратим внимание на термин *страноведение*, включающий сему ‘научная дисциплина’, являющийся родовым по отношению к понятию *краеведение*.

Термин *краеведение* в настоящее время в лексикографических источниках отмечен в значении «совокупность знаний о том или другом крае (4 знач.), изучение его природы, истории, экономики, быта и т. п.»[12]. *Краеведение* – «изучение какого-н. края, изучение отдельных местностей, районов со стороны их природы, истории, экономики, быта и т. п., производимое преимущественно ме-

2014 // Грамота.ру. URL: http://www.gramota.ru/slo-vari/info/bts/ (дата обращения: 26.08.2021).

[7] *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. С. 127, 128.

[8] Там же.

[9] Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014 // Грамота.ру. URL: http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 26.08.2021).

[10] Там же.

[11] Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 618.

[12] Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014 // Грамота.ру. URL: http://www.gramota.ru/slo-vari/info/bts/ (дата обращения: 26.08.2021).

стными силами»[13]. В данном значении слова актуализированы семы ‘совокупность знаний’, ‘изучение’. ‘тот или другой край’, ‘производимое местными силами’, сема ‘научный’ отсутствует. Логично предположить, что обозначающий более узкое понятие термин *краеведение* также должен включать в структуру значения сему ‘научная дисциплина’, как и термин *страноведение*.

Сема ‘производимое местными силами’ применительно к 1935 г. – году издания первого тома толкового словаря русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова – характеризует субъект краеведческой деятельности, соотносимый, видимо, не с академической наукой, а с жителями края, изучающими его историю, географию, этнографию и др.

В настоящее же время, кроме общественного, воспитательного, культурно-просветительского, памятникоохранительного аспектов, краеведение рассматривается и в научном аспекте. Учёными подчёркивается специализированный характер научного краеведения [19, с. 23; 20, с. 26]. Действительно, изучение родного края осуществляется не только в рамках школьного краеведения, но и академического, научного (как правило, лингвисты, историки, биологи, выполняя краеведческие исследования, изучают именно родной край). Д.С. Лихачёв обозначил статус краеведения как комплексной науки, научной дисциплины [21].

На основании изменившихся условий функционирования термина в настоящее время предлагаем рассматривать его в следующих значениях: *краеведение* – это 1) комплексная наука, изучающая историю, культуру, язык, географию и другие особенности края; 2) учебный предмет, изучающий эту науку; 3) совокупность знаний о том или ином крае, а также процесс получения этих знаний.

Изучение языка региона с учётом краеведческих сведений позволяет говорить об исследованиях лингвокраеведческого плана. Объект исследования лингвокраеведения – язык края, функционирующий в устной или письменной речи жителей, в текстах местных художественных произведений, местных исторических документов, предмет исследования – особенности языка края в соотношении с краеведческими данными. М.Р. Шумарина отмечает лингвистический характер объекта исследования в лингвокраеведении [8].

В зависимости от поставленных целей и выбора методов исследования можно выделить два направления лингвокраеведческих исследований – *школьное лингвокраеведение* и *академическое, или научное лингвокраеведение.*

В рамках школьного лингвокраеведения язык местного края изучается с образовательными (ознакомительными, учебно-исследовательскими), воспитательными целями (субъектами учебно-исследовательской деятельности выступают учителя и школьники), а в рамках научного лингвокраеведения осуществляется изучение местной лингвосистемы с целью фиксации лингвистических фактов и определения их места в системе языка, научного описания, классификации, подготовки научных монографических описаний языка определённой местности, создания словарей и справочников, включающих функционирование нарицательной и проприальной лексики края, а также подготовка методических материалов для школьного и вузовского изучения лингвокраеведения – разработка учебных программ, учебных и учебно-методических пособий (субъектами научно-исследовательской и учебно-научной деятельности выступают учёные-лингвисты).

Основная цель научного лингвокраеведения – изучение и научное описание языка региона в качестве системы, которая отражает историко-культурные, этнографические и иные особенности региона. В этом случае исследователь привлекает краеведческие сведения, содержащиеся в местных исторических источниках и документах, газетах, фольклоре. Например, Е.Н. Полякова в «Региональной лексикологии и ономастике» рассматривает многочисленные вопросы лингвистического краеведения, среди которых «заселение региона и формирование на его территории русских говоров, взаимодействие их с другими языками, состав и закономерности развития лексики и ономастики края, методы их изучения, происхождение и история отдельных лексем и онома» и др. [16, с. 3].

В научных исследованиях лингвистами отмечается тесная связь региональных лексем с историей и культурой изучаемого края:

[13] Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935. Т. 1. С. 1494.

«Сложение и развитие системы названий населённых пунктов Тамбовской области связано с историей заселения этого региона различными территориальными и социопрофессиональными группами русского населения и взаимоотношением между этими группами в имущественной и социальной сфере» [18, с. 243]; «фамилии окрашивают язык города в особый местный цвет, создают нечто вроде диалекта», «русские фамилии несут в себе ценнейшую историческую информацию» [4, с. 242].

Содержание современных научных лингвистических работ, включающих в качестве источников исследования и краеведческий материал, краеведческие сведения, даёт основание рассматривать лингвокраеведение как комплексную, интегративную дисциплину, которая образована единением краеведения, диалектологии, ономастики, отчасти – этнолингвистики и лингвистической географии.

Поскольку лингвокраеведение имеет лингвистический предмет изучения и образуется на стыке смежных лингвистических дисциплин (диалектологии и ономастики) и комплексной научной дисциплины краеведение, то, следовательно, лингвокраеведение имеет лингвистический характер (ср.: социолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, психолингвистика; лингворегионоведение – «комплексная наука, возникшая на стыке диалектологии, социолингвистики, лингвокультурологии и др. наук» [12, с. 11]).

Лингвокраеведение постепенно закрепляется и в качестве учебной дисциплины в высших учебных заведениях и ряде общеобразовательных учреждений. В настоящее время учёными-лингвистами и методистами ведётся разработка актуальных вопросов лингвокраеведения, учебных и учебно-методических пособий, справочных изданий для конкретного региона, предлагаются различные варианты организации лингвокраеведческой деятельности (см.: [1; 5; 13–18; 22–38] и др.). Эта работа является крайне важной для лингвистики и образования.

Новейший этап развития лингвистической сферы научного знания как в России, так и за рубежом отмечен научными исследованиями, выполненными на региональном материале с использованием краеведческих данных, потому что комплексное описание диалекта или ономастикона региона практически всегда сопровождается привлечением краеведческих данных, что повышает объективность сделанных выводов (см., например: [39–44] и др.). Всё это свидетельствует о научном характере лингвокраеведческих исследований, о том, что в настоящее время завершается процесс формирования новой научной лингвистической дисциплины лингвокраеведение.

Отметим важный факт: более двадцати лет назад авторитетный лингвистический энциклопедический словарь указывал на общность таких разделов языкознания, как лингвистическая география, диалектология, социальная диалектология, социолингвистика, ономастика, топонимика и отмечал, что эти разделы пока ещё не образовали единого целого[14]. Отмеченные выше науки, изучающие социальные, региональные, временные особенности функционирования языка, имеют такие интеграционные признаки, как социум и региональные варианты языка, а диалектология, ономастика и краеведение образуют интеграционные зоны языка региона и отражают историко-культурную специфику региона. То есть на данном этапе развития науки мы можем полагать, что такой интеграционной дисциплиной, объединяющей диалектологию, ономастику и краеведение, стало лингвокраеведение.

В современном научном узусе термин *лингвокраеведение* (лингвистическое краеведение) употребляется в следующих значениях, являясь многозначным:

лингвокраеведение – 1) это комплексная лингвистическая наука, изучающая особенности языка какого-либо края с учётом данных краеведения; научное направление исследований; 2) учебный предмет, изучающий данную науку; 3) система знаний об особенностях языка того или иного края и процесс получения подобных знаний.

В зависимости от предмета изучения и с учётом сложившейся практики выполнения научных лингвокраеведческих исследований можно выделить следующие разновидности академического, или научного лингвокраеведения: *диалектное и ономастическое*.

[14] Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 268, 620.

Диалектное лингвокраеведение – раздел лингвокраеведения, который изучает диалектные особенности языка региона в соотношении с краеведческими данными. Предмет изучения диалектного лингвокраеведения – языковые свойства диалектных единиц края (состав, происхождение, особенности употребления, фонетика, словообразование, лексические и грамматические свойства) в связи с историко-культурной, этнографической, географической спецификой региона.

Ономастическое лингвокраеведение – раздел лингвокраеведения, который изучает ономастическую лексику региона на основе привлечения краеведческого материала. Объект ономастического лингвокраеведения – это региональные имена собственные всех разрядов, к числу которых относятся отдельные слова и словосочетания, служащие для выделения именуемого объекта среди других объектов, для его индивидуализации и идентификации в рамках того или иного региона. Предмет изучения ономастического лингвокраеведения – языковые свойства ономастических единиц края (их структура, происхождение, особенности употребления, фонетика, словообразование, лексические и грамматические свойства) в связи с историей, этнографией, культурой, географией региона.

ВЫВОДЫ

На основании анализа работ научного и научно-методического характера нами было определено значение термина *лингвокраеведение* в современном русском языке, что и обусловливает теоретическое значение проведённого исследования.

В лингвистические словари и справочники, за исключением «Словаря-справочника по методике русского языка» М.Р. Львова, пока не включён термин *лингвокраеведение* (*лингвистическое краеведение*), несмотря на то, что в современном научном узусе термин *лингвокраеведение* широкоупотребителен. Устоявшимися значениями лексемы *лингвокраеведение* являются «учебный предмет», «система знаний об особенностях языка того или иного края и процесс получения подобных знаний», также в научных исследованиях отмечено функционирование термина *лингвокраеведение* в значениях «научное направление исследований; комплексная лингвистическая наука, изучающая особенности языка какого-либо края с учётом данных краеведения».

Практическое значение проведённого исследования определяется возможностью использования материалов статьи в лексикографической работе. Данная публикация затрагивает лишь отдельные вопросы лингвокраеведческого направления изучения языка, и в перспективе возможно изучение прикладных вопросов лингвокраеведения, что будет востребовано в современном языкознании, а также системе школьного и вузовского обучения русскому языку.

Список источников

1. *Климкова Л.А.* Лингвокраеведение: объём, содержание, значимость // Русское слово и костромской край: сб. ст. / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 457-465.
2. *Климкова Л.А.* Лингвокраеведение в отечественном научном и образовательном пространстве // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. Специальный выпуск. С. 92-96.
3. *Ковалёв Г.Ф.* Лингвокраеведение в средней школе как средство воспитания патриотов родного края // Культура в системе общественного воспитания: прикладные проблемы. Воронеж, 1998. Кн. 1. С. 127-132.
4. *Ковалёв Г.Ф.* Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2014. 440 с.
5. *Щербак А.С.* Лингвокраеведение: учеб.-метод. пособие для бакалавров и магистрантов по направлению «Филология», профиль «Отечественная филология (русский язык и литература)» и для иностранных студентов-филологов. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. 64 с.
6. *Щербак А.С.* Ономастика и краеведение // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований / науч. ред. В.И. Супрун, С.И. Ильясова. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. С. 183-200.
7. *Майорова Т.В.* Лингвистическое краеведение и его роль в формировании личностных качеств подростка. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2007. 285 с.
8. *Шумарина М.Р.* Лингвистическое краеведение. Методические указания к курсу. Саратов, 2011. 30 с.

9. *Верховых Л.Н.* Лингвокраеведение в школе. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2017. 255 с.
10. *Верховых Л.Н.* Лингвокраеведческая работа на уроках русского языка и русского родного языка как способ активизации познавательной деятельности обучающихся // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 4. С. 21-30.
11. *Супрун В.И.* Краеведческая ономастика // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Лингвистическое изучение материальной и духовной культуры: тез. докл. Всерос. науч. конф. Сыктывкар, 1994. С. 142-144.
12. *Новикова Т.Ф.* Лингворегионоведение. Ч. 1: программа и программно-метод. материалы. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. 76 с.
13. *Гордова Ю.Ю.* Лингвистические проблемы региональной ономастики в исторической перспективе (на материале рязанской топонимии и антропонимии): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.21 – прикладная и математическая лингвистика. М.: Ин-т языкознания Рос. академии наук, 2018. 46 с.
14. *Климкова Л.А.* Нижегородская микротопонимия в языковой картине мире. Москва: Моск. пед. гос. ун-т; Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.
15. *Кюршунова И.А.* Историческая антропонимия Карелии в новых парадигмах лингвистического знания: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 – русский язык. Петрозаводск, 2017. 643 с.
16. *Полякова Е.Н.* Региональная лексикология и ономастика: Материалы для самостоятельной работы. Пермь: Пермский ун-т, 2006. 256 с.
17. *Попов С.А.* Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин. Воронеж: Изд. Дом Алейниковых, 2003. 285 с.
18. *Щербак А.С.* Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. 293 с.
19. *Шмидт С.О.* Вступительное слово на Первом Всероссийском съезде историков-регионоведов в Санкт-Петербурге (11–14 сентября 2007) // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Региональная история. Краеведение. М., 2012. № 6 (86). С. 15-24.
20. *Громов М.Н.* Теоретические принципы структурирования российского краеведения // Вестник РГГУ. № 6 (86). Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». М., 2012. С. 25-33.
21. *Лихачёв Д.С.* Краеведение как наука и деятельность // Русская культура: сб. / сост. Л.Р. Мариупольская. М.: Искусство, 2000. С. 159-173.
22. *Верховых Л.Н.* Актуальные вопросы методики преподавания русского родного языка // Неофилология. 2021. Т. 7. № 28. С. 618-625. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-618-625
23. *Брысина Е.В., Супрун В.И.* Преподавание русского языка в условиях южнорусского диалекта // Русский язык в школе. 2017. № 6. С. 27-31.
24. *Казанкова А.А.* Изучение лингвокраеведческого материала в школе // Ономастика Поволжья: материалы 14 Междунар. науч. конф. / под ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. С. 342-344.
25. *Карасёва Т.В.* Спецкурс «Воронежское лингвокраеведение» на филологическом факультете ВГУ // Родной язык: проблемы теории и практики преподавания: материалы 2 Междунар. науч.-метод. конф. / под ред. Е.В. Борисовой, М.В. Шамановой. Борисоглебск, 2009. С.158-160.
26. *Климкова Л.А.* Диалектолого-ономастическая работа в вузе и школе. Арзамас, 1988. 91 с.
27. *Ковалёв Г.Ф.* Изучение ономастики в школе как межпредметная интеграция на уроках русской словесности // Русский язык в школе. 2017. № 12. С. 22-28.
28. *Ковалёв Г.Ф.* Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2 т. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2017. Т. 1. 410 с.; Т. 2. 420 с.
29. *Ковалёв Г.Ф.* Ономастические исследования и изучение родного края // Воронежское лингвокраеведение: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1 / науч. ред. Г.Ф. Ковалёв. Воронеж: ВГУ, 2005. С. 3-23.
30. Лингвистическое отечествоведение: в 2 т. / авт.-сост. Л.И. Анохина, Г.Н. Абреимова, Н.В. Борисова и др. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. Т. 1. 275 с.; Т. 2. 239 с.
31. Лингвокраеведение: учеб. пособие для 8–9 кл. общеобразоват. учреждений / авт.-сост.: С.В. Пискунова (отв. ред.), И.В. Поповичева, А.С. Щербак, Л.С. Моисеева, М.И. Иванова, В.В. Губарева, Т.В. Махрачёва. Тамбов, 2005. 187 с.
32. *Лыжова Л.К.* Региональный компонент в преподавании русского языка // Русский язык в школе. 1994. № 1. С. 11-14.
33. *Моисеев А.П.* Топонимическое краеведение. Челябинская область: (лингвистическое). Челябинск: Абрис, 2013. 156 с.
34. *Огдонова Ц.Ц.* Лингвистическое краеведение. Иркутск: Изд-во «Аспринт», 2016. 170 с.

35. *Попов С.А., Пухова Т.Ф., Грибоедова Е.А.* Топонимия Воронежского края. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2018. 336 с.
36. *Филатова В.Ф.* Курс краеведения как возможность реализации вариативной части ООП в свете требований ФГОС: лингвистическое краеведение // Педагогическое регионоведение. Научно-методический журнал. 2016. № 2 (10). С. 5-20.
37. *Филатова В.Ф.* Лингвистическое краеведение: Программа курса. Специальность 032900 – Литературное и лингвистическое краеведение. Борисоглебск: БГПИ, 2002. 19 с.
38. *Шенкман В.И.* Русская речь Прикамья: Лингвистическое краеведение. Пермь: Книжный мир, 2004. 15 с.
39. *Королёва И.А.* Региональная топонимия: общность топонимической системы смоленско-витебского пограничья // Неофилология. 2021. Т. 7. № 27. С. 425-433. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-425-433
40. *Брысина Е.В., Супрун В.И.* Страноведческий потенциал донской казачьей культуры и диалекта // Мир русского слова. 2021. № 3. С. 4-13. https://doi.org/10.24412/1811-1629-2021-3-4-13
41. *Неганова Г.Д.* Названия берега и форм берегового рельефа в говорах Костромской области: ландшафтно-географический аспект // Неофилология. 2021. Т. 7. № 26. С. 227-234. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-227-234
42. *Попов С.А.* Героические меморативы в российском топонимиконе // Неофилология. 2021. Т. 7. № 28. С. 596-604. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-596-604
43. *Nash J.* Official and Unofficial Toponyms on Norfolk Island // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 2. С. 228-236. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.027
44. *Schaarschmidt G.* Some Good Reasons for Renaming Places, and Some not so Good Ones: a Cross-Cultural Sketch. In Honour of Canadàs 150th Birthday and the Year of Reconciliation // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1. С. 181-187. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.009

References

1. Klimkova L.A. Lingvokrayevedeniye: ob"yem, soderzhaniye, znachimost' [Linguo-local studies: volume, content, significance]. *Russkoye slovo i kostromskoy kray* [Russian Word and Kostroma Region]. St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2013, pp. 457-465. (In Russian).
2. Klimkova L.A. Lingvokrayevedeniye v otechestvennom nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve [Linguistic area study in national scientific and educational system]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostromf State University*, 2017, vol. 23, Special issue, pp. 92-96. (In Russian).
3. Kovalev G.F. Lingvokrayevedeniye v sredney shkole kak sredstvo vospitaniya patriotov rodnogo kraya [Linguo-local studies in secondary school as a means of educating patriots of the native land]. *Kul'tura v sisteme obshchestvennogo vospitaniya: prikladnyye problemy* [Culture in the System of Public Education: Applied Problems]. Voronezh, 1998, bk 1, pp. 127-132. (In Russian).
4. Kovalev G.F. *Izbrannoye. Etnonimika. Voronezhskoye lingvokrayevedeniye. Raznoye* [Favorites. Ethnonymy. Voronezh Regional Linguistics. Miscellanea]. Voronezh, Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2014, 440 p. (In Russian).
5. Shcherbak A.S. *Lingvokrayevedeniye: ucheb.-metod. posobiye dlya bakalavrov i magistrantov po napravleniyu «Filologiya», profil' «Otechestvennaya filologiya (russkiy yazyk i literatura)» i dlya inostrannykh studentov-filologov* [Linguo-local studies: Educational and Methodical Manual for Bachelors and Undergraduates in the Direction of "Philology", Profile "Domestic Philology (Russian Language and Literature)" and for Foreign Students of Philology]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publishing House, 2011, 64 p. (In Russian).
6. Shcherbak A.S. Onomastika i krayevedeniye [Onomastics and linguo-local studies]. *Teoriya i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Onomastic and Dermatological Research]. Maykop, Magarin O.G. Publ., 2017, pp. 183-200. (In Russian).
7. Mayorova T.V. *Lingvisticheskoye krayevedeniye i ego rol' v formirovanii lichnostnykh kachestv podrostka* [Linguistic Local Studies and Its Role in the Formation of Personal Qualities of a Teenager]. Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University Publ., 2007, 285 p. (In Russian).
8. Shumarina M.R. *Lingvisticheskoye krayevedeniye. Metodicheskiye ukazaniya k kursu* [Linguistic Local Studies. Methodological Instructions for the Course]. Saratov, 2011, 30 p. (In Russian).
9. Verkhovykh L.N. *Lingvokrayevedeniye v shkole* [Linguo-Local Studies at School]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2017, 255 p. (In Russian).

10. Verkhovykh L.N. Lingvokrayevedcheskaya rabota na urokakh russkogo yazyka i russkogo rodnogo yazyka kak sposob aktivizatsii poznavatel'noy deyatel'nosti obuchayushchikhsya [Linguocultural work on the lessons Russian and Russian as a native language as a means to promote learners' cognitive activity]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 2021, vol. 82, no. 4, pp. 21-30. (In Russian).
11. Suprun V.I. Krayevedcheskaya onomastika [Local study onomastics]. *Tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Dukhovnaya kul'tura: problemy i tendentsii razvitiya. Lingvisticheskoye izucheniye material'noy i dukhovnoy kul'tury»* [Abstracts of the All-Russian Scientific Conference "Spiritual Culture: Problems and Trends in Development. Linguo-Local Study of Material and Spiritual Culture"]. Syktyvkar, 1994, pp. 142-144. (In Russian).
12. Novikova T.F. *Lingvoregionovedeniye. Ch. 1: programma i programmno-metodicheskie materialy* [Linguo-Local Studies. Pt 1: Program and Program Materials]. Belgorod, BelSU Publ., 2010, 76 p. (In Russian).
13. Gordova Y.Y. *Lingvisticheskiye problemy regional'noy onomastiki v istoricheskoy perspektive (na materiale ryazanskoy toponimii i antroponimii): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.21 – prikladnaya i matematicheskaya lingvistika* [Linguistic Problems of Regional Onomastics in a Historical Perspective (on the Material of Ryazan Toponymy and Anthroponymy). Dr. philol. sci. diss. abstr.: 10.02.21 – Applied and Mathematical Linguistics]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, 46 p. (In Russian).
14. Klimkova L.A. *Nizhegorodskaya mikrotoponimiya v yazykovoy kartine mire* [Nizhny Novgorod Microtoponymy in the Language Picture of the World]. Moscow, Moscow Pedagogical State University; Arzamas, Arzamas Branch of Lobachevsky University Publ., 2007, 394 p. (In Russian).
15. Kyurshchnova I.A. *Istoricheskaya antroponimiya Karelii v novykh paradigmakh lingvisticheskogo znaniya: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01 – russkiy yazyk* [Historical Anthroponymy of Karelia in New Paradigms of Linguistic Knowledge. Dr. philol. sci. diss.: 10.02.01 – Russian Language]. Petrozavodsk, 2017, 643 p. (In Russian).
16. Polyakova E.N. *Regional'naya leksikologiya i onomastika* [Regional Lexicology and Onomastics]. Perm, Perm State University Publ., 2006, 256 p. (In Russian).
17. Popov S.A. *Oykonimiya Voronezhskoy oblasti v sisteme lingvokrayevedcheskikh distsiplin* [Oikonymy of the Voronezh Region in the System of Local Linguistic Disciplines]. Voronezh, Aleynikovy Publishing House, 2003, 285 p.
18. Shcherbak A.S. *Problemy izucheniya regional'noy onomastiki. Onomastikon Tambovskoy oblasti* [Problems of Studying Regional Onomastics. Onomasticon of the Tambov Region]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2006, 293 p.
19. Shmidt S.O. Vstupitel'noye slovo na Pervom Vserossiyskom s"yezde istorikov-regionovedov v Sankt-Peterburge (11–14 sentyabrya 2007) [Opening speech at the first All-Russian congress of regional historians in Saint-Petersburg (11-14 September 2007)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoricheskiye nauki. Regional'naya istoriya. Krayevedeniye – RGGU Bulletin. Series: Historical Sciences. Regional and Local History*, Moscow, 2012, no. 6 (86), pp. 15-24. (In Russian).
20. Gromov M.N. Teoreticheskiye printsipy strukturirovaniya rossiyskogo krayevedeniya [Theoretical principles of structuring of Russian local studies]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoricheskiye nauki. Regional'naya istoriya. Krayevedeniye – RGGU Bulletin. Series: Historical Sciences. Regional and Local History*, Moscow, 2012, no. 6 (86), pp. 25-33. (In Russian).
21. Likhachev D.S. Krayevedeniye kak nauka i deyatel'nost' [Local study as a science and activity]. *Russkaya kul'tura* [Russian Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2000, pp. 159-173. (In Russian).
22. Verkhovykh L.N. Aktual'nyye voprosy metodiki prepodavaniya russkogo rodnogo yazyka [Current issues of teaching methods of Russian native language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 618-625. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-618-625. (In Russian).
23. Brysina E.V., Suprun V.I. Prepodavaniye russkogo yazyka v usloviyakh yuzhnorusskogo dialekta [Teaching the Russian language in the conditions of the South Russian dialect]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 2017, no. 6, pp. 27-31. (In Russian).
24. Kazankova A.A. Izucheniye lingvokrayevedcheskogo materiala v shkole [The study of linguistic and local history material at school]. *Materialy 14 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Onomastika Povolzh'ya»* [Proceedings of the 14th International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region"]. Tver, Marina Batasova Publ., Alfa-Press Publ., 2014, pp. 342-344. (In Russian).
25. Karaseva T.V. Spetskurs «Voronezhskoye lingvokrayevedeniye» na filologicheskom fakul'tete VGU [Special course "Voronezh linguo-local studies" at the Faculty of Philology of the Voronezh State University]. *Materialy 2 Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii «Rodnoy yazyk: problemy teorii i prakti-*

ki prepodavaniya» [Proceedings of the 2nd International Scientific and Methodological Conference “Native Language: Problems of Theory and Practice of Teaching”]. Borisoglebsk, 2009, pp.158-160. (In Russian).
26. Klimkova L.A. *Dialektologo-onomasticheskaya rabota v vuze i shkole* [Dialectological and Onomastic Work at the University and School]. Arzamas, 1988, 91 p. (In Russian).
27. Kovalev G.F. Izucheniye onomastiki v shkole kak mezhpredmetnaya integratsiya na urokakh russkoy slovesnosti [The study of onomastics at school as an interdisciplinary integration in the lessons of Russian literature]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 2017, no. 12, pp. 22-28. (In Russian).
28. Kovalev G.F. *Slovar’ mikrotoponimov Voronezhskoy oblasti: v 2 t.* [Dictionary of Microtoponyms of the Voronezh Region: in 2 vols.]. Voronezh, Nauka-Unipress Publ., 2017, vol. 1, 410 p.; vol. 2, 420 p. (In Russian).
29. Kovalev G.F. Onomasticheskiye issledovaniya i izucheniye rodnogo kraya [Onomastic research and study of the native land]. *Voronezhskoye lingvokrayevedeniye. Vyp. 1* [Voronezh Linguo-Local Studies. Issue 1]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2005, pp. 3-23. (In Russian).
30. Anokhina L.I., Abreimova G.N., Borisova N.V. et al. (auth.-compilers). *Lingvisticheskoye otechestvovedeniye: v 2 t.* [Linguistic Homeland Studies: in 2 vols.]. Elets, Yelets State University named after I.A. Bunin Publ., 2001, vol. 1, 275 p.; vol. 2. 239 p. (In Russian).
31. Piskunova S.V. (executive ed.), Popovicheva I.V., Shcherbak A.S., Moiseyeva L.S., Ivanova M.I., Gubareva V.V., Makhracheva T.V. (auth.-compilers). *Lingvokrayevedeniye* [Linguo-Local Studies]. Tambov, 2005, 187 p. (In Russian).
32. Lyzhova L.K. Regional’nyy komponent v prepodavanii russkogo yazyka [Regional component in the teaching of the Russian language]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School,* 1994, no. 1, pp. 11-14. (In Russian).
33. Moiseyev A.P. *Toponimicheskoye krayevedeniye. Chelyabinskaya oblast’: (lingvisticheskoye)* [Toponymic Local History. Chelyabinsk Region: (Linguistic)]. Chelyabinsk, Abris Publ., 2013, 156 p. (In Russian).
34. Ogdonova T.T. *Lingvisticheskoye krayevedeniye* [Linguistic Local Studies]. Irkutsk, Asprint Publ., 2016, 170 p. (In Russian).
35. Popov S.A., Pukhova T.F., Griboyedova E.A. *Toponimiya Voronezhskogo kraya* [Toponymy of the Voronezh Territory]. Voronezh, Center for Spiritual Revival of the Chernozem Territory Publ., 2018, 336 p. (In Russian).
36. Filatova V.F. Kurs krayevedeniya kak vozmozhnost’ realizatsii variativnoy chasti OOP v svete trebovaniy FGOS: lingvisticheskoye krayevedeniye [The course of local history as an opportunity to implement the variable part of the OOP in the light of the requirements of the Federal State Educational Standard: linguistic local history]. *Pedagogicheskoye regionovedeniye. Nauchno-metodicheskiy zhurnal* [Pedagogical Regional Studies. Scientific and Methodical Journal], 2016, no. 2 (10), pp. 5-20. (In Russian).
37. Filatova V.F. *Lingvisticheskoye krayevedeniye: Programma kursa. Spetsial’nost’ 032900 – Literaturnoye i lingvisticheskoye krayevedeniye* [Linguistic Local Study: Course Program. Specialty 032900 – Literary and Linguistic Local Study]. Borisoglebsk, Borisoglebsk State Pedagogical University Publ., 2002, 19 p. (In Russian).
38. Shenkman V.I. *Russkaya rech’ Prikam’ya: Lingvisticheskoye krayevedeniye* [Russian Speech of the Kama Region: Linguistic Local Study]. Perm, Knizhny Mir Publ., 2004, 15 p. (In Russian).
39. Koroleva I.A. Regional’naya toponimiya: obshchnost’ toponimicheskoy sistemy smolensko-vitebskogo prigranich’ya [Regional toponymy: toponymic system commonality of the Smolensk-Vitebsk borderland]. *Neofilologiya – Neophilology,* 2021, vol. 7, no. 27, pp. 425-433. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-425-433. (In Russian).
40. Brysina E.V., Suprun V.I. Stranovedcheskiy potentsial donskoy kazach’yey kul’tury i dialekta [Areal studies potential of the Don Cossack culture and dialect]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*, 2021, no. 3, pp. 4-13. https://doi.org/10.24412/1811-1629-2021-3-4-13. (In Russian).
41. Neganova G.D. Nazvaniya berega i form beregovogo rel’yefa v govorakh Kostromskoy oblasti: landshaftno-geograficheskiy aspect [The names of the coast and forms of coastal relief in the Kostroma Region’s patois: landscape and geographical aspect]. *Neofilologiya – Neophilology,* 2021, vol. 7, no. 26, pp. 227-234. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-227-234. (In Russian).
42. Popov S.A. Geroicheskiye memorativy v rossiyskom toponimikone [Heroic memoratives in the Russian toponymicon]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 596-604. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-596-604. (In Russian).
43. Nash J. Official and Unofficial Toponyms on Norfolk Island. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics,* 2021, vol. 18, no. 2, pp. 228-236. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.027. (In English).

44. Schaarschmidt G. Some Good Reasons for Renaming Places, and Some not so Good Ones: a Cross-Cultural Sketch. In Honour of Canadàs 150th Birthday and the Year of Reconciliation. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2018, vol. 15, no. 1, pp. 181-187. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.009. (In English).

Информация об авторе

Верховых Людмила Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета, г. Борисоглебск, Воронежская область, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-2690-5716, lverhovyh@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ материала, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 22.09.2021
Одобрена после рецензирования 06.12.2021
Принята к публикации 27.01.2022

Information about the author

Lyudmila N. Verkhovykh, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department, Borisoglebsk Branch of Voronezh State University, Borisoglebsk, Voronezh Region, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-2690-5716, lverhovyh@mail.ru

Contribution: main study conception, material analysis, manuscript text drafting.

The article was submitted 22.09.2021
Approved after reviewing 06.12.2021
Accepted for publication 27.01.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)
LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC LANGUAGES)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81.373.45
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-73-80

Английские заимствования в китайском языке в сфере блокчейн

Егор Вадимович ТРУСОВ, Андрей Алексеевич АНДРАХАНОВ, Пётр Джонович МИТЧЕЛЛ ✉
Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Российская Федерация, г. Томск, просп. Ленина, 36
✉ peter_mitchell@mail.ru

Аннотация. В настоящее время внимание учёных всё больше привлекает сфера блокчейн. Это связано с высоким интересом мирового сообщества к данной теме, высокими темпами развития технологии блокчейн и внедрения её в жизнь общества XXI века. Стоит отметить, что технология блокчейн является важной для будущего человечества, потому что она позволяет построить доверие. Доверие будет во всём – в финансовой сфере, недвижимости, здравоохранении, бизнесе и других сферах жизни общества. В связи с большими перспективами развития этой технологии внимание лингвистов привлекает факт появления лексических единиц, связанных с ней. В первую очередь, это заимствования – переход элементов одного языка в другой как результат взаимодействия языков или же сами элементы, перенесённые из одного языка в другой. Ввиду того, что статьи о блокчейне изначально появлялись на английском языке, в китайский язык лексические единицы данной тематики пришли как раз из английского. Дана классификация и также определены наиболее частые способы заимствования из английского в китайский язык в сфере блокчейн. Актуальность исследования определена малоизученностью англоязычных заимствований в китайском языке в сфере блокчейн. При подготовке специалистов-переводчиков тема блокчейна остается неизученной в полной мере из-за трудностей при переводе терминологии. Таким образом, изучение заимствований может улучшить навыки переводчиков, поможет им избежать ошибок при переводе с английского языка на китайский и наоборот.

Ключевые слова: заимствование, блокчейн, перевод, английский язык, китайский язык

Для цитирования: *Трусов Е.В., Андраханов А.А., Митчелл П.Дж.* Английские заимствования в китайском языке в сфере блокчейн // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 73-80. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-73-80

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная
OPEN ACCESS

© Трусов Е.В., Андраханов А.А., Митчелл П.Дж., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-73-80

English loanwords in Chinese in the field of blockchain

Egor V. TRUSOV, Andrey A. ANDRAKHANOV, Petr J. MITCHELL ✉
National Research Tomsk State University
36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation
✉ peter_mitchell@mail.ru

Abstract. Nowadays, blockchain attracts the attention of more and more scientists. This is due to the high interest of the world community in this topic, the high pace of development of blockchain technology and its introduction into the life of society in the 21st century. It is worthwhile noting that blockchain technology is important for the future of humanity, because it allows people to build trust. Trust will be built in every area in the finances, real estate, healthcare, business and other life areas of society. Owing to the great prospects for the development of this technology, the attention of linguists is attracted by the fact of the appearance of lexical formatives connected with blockchain. First of all, loanwords are the transition of elements of one language to another as a result of the interaction of languages, or the elements themselves transferred from one language to another. Due to the fact that works about the blockchain initially appeared in English, the lexical units of this topic came to Chinese from English. We provide a classification and also determine the most common ways of loanwords from English to Chinese in blockchain. The relevance of study is determined by the lack of knowledge of English loanwords in Chinese in the field of blockchain. When training specialists in translation, the topic of blockchain remains understudied, due to the difficulties in translation terminology. Thus, studying loanwords can improve the skills of translators, help them avoid mistakes when translating from English to Chinese and vice versa.

Key words: loanword, blockchain, translation, English, Chinese

For citation: Trusov E.V., Andrakhanov A.A., Mitchell P.J. Angliyskiye zaimstvovaniya v kitayskom yazyke v sfere blokcheyn [English loanwords in Chinese in the field of blockchain]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 73-80. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-73-80 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

ВВЕДЕНИЕ

Технология блокчейн была реализована в 2009 г. как составная часть криптовалюты Bitcoin (биткоин).

Говоря простым языком, блокчейн является особым видом базы данных, информация в котором не может быть изменена или удалена. Блокчейн – это превосходный гарант сделки, поскольку технология позволяет совершать транзакции напрямую, без участия третьих лиц. При этом данный метод гораздо безопаснее традиционных, ведь передаваемая информация хранится на децентрализованном сервере, и украсть её невозможно. Кроме того, за счёт технологии блокчейн скорость транзакций значительно увеличивается, а стоимость снижается. Благодаря данным преимуществам блокчейн можно по праву считать технологией будущего, которая способствовала эволюции финансовой системы [1; 2].

Однако её применение не ограничивается системой финансов.

Например, У. Могайар подчёркивает, что технологию блокчейн можно реализовать и в бизнесе [3]. А Д. Тапскотт к финансовому сектору и бизнесу добавляет здравоохранение, электроэнергетику, культуру, таможен-

ное дело, правовую систему и государственную систему.

Таким образом, технология блокчейн может применяться повсеместно в жизни каждого из нас [4].

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Современный мир находится на этапе повсеместной глобализации. В эпоху глобализации возникает множество новых культурных и лингвистических контактов, в результате которых и образуется новая лексика. Такая лексика появлялась и в прошлом, однако сейчас, с появлением всё большего количества новых технологий, всё чаще образуется новая лексика в различных языках. В китайском языке новая лексика зачастую образуется в результате процесса заимствования.

В современной лексикологии существует несколько подходов к определению термина «заимствование». Отечественные исследователи по-разному раскрывают данное понятие.

Так, А.Л. Семенас пишет: «Заимствование (иностранное) – полное или частичное использование единиц других языков» [5].

Однако И.Д. Кленин и В.Ф. Щичко отмечают, что к иноязычным заимствованиям относятся все лексические единицы, появление которых в одном языке связано с копированием внешней или внутренней структуры соответствующих прототипов других языков [6].

Р. Вервет в своей работе утверждает: «В лингвистике «заимствование» – это попытка воссоздания на одном языке образов, ранее обнаруженных в другом» [7].

В данном исследовании за основу будет взято определение, которое дали учёные И.Д. Кленин и В.Ф. Щичко, поскольку мы считаем данное определение более точным и полным.

Исследователи дают разную классификацию заимствованиям в китайском языке.

Например, А.Л. Семенас выделяет 5 способов образования лексических заимствований в китайском языке.

Первый способ – фонетический. Его суть заключается в передаче звучания иноязычного элемента. Например:

恤 xù «майка» (shirt);

咖啡 kāfēi «кофе»;

卡路里 kǎlùlǐ «калория».

Второй способ – гибридный способ семантически-фонетического характера: китайская морфема + фонетическое заимствование. Рассмотрим этот способ на примере китайской морфемы 卡 kǎ (card) «карточка, обычно из картона, плотной бумаги прямоугольной формы»:

绿卡 lǜkǎ (lǜ «зелёный» + kǎ «карта») «зелёная карта, вид на жительство в США»;

登记卡 dēngjìkǎ (dēngjì «регистрировать» + kǎ «карта») «регистрационная карта».

Третий способ – гибридный способ фонетически-семантического характера: фонетическое заимствование + китайская морфема. Рассмотрим также на примере морфемы 卡 kǎ с другим значением, «кассета»:

单卡 dānkǎ «однокассетник» (dān «единичный, одно-» + kǎ «кассета»);

双卡 shuāngkǎ «двухкассетник» (shuāng «пара» + kǎ «кассета»).

Четвёртый способ – это способ, при котором фонетическое заимствование соединяется с родовым словом. При этом родовое слово выступает как классифицирующий компонент.

Спецификой фонетических заимствований в китайском языке является стремление сделать их более понятными, для этого в них вносятся определённые семантические классы. Рассмотрим это на конкретных примерах:

来复枪 láifùqiāng «ружьё» (láifù англ. rifle + qiāng «винтовка»);

坦克车 tǎnkèchē «танк» (tǎnkè англ. tank + chē «транспортное средство»);

吉普车 jípǔchē «джип» (jípǔ англ. jeep + chē «транспортное средство»).

Пятый способ – семантический. Специфика китайского языка (иероглифическая письменность, фонетическая система, слоговый характер) объясняет тот факт, что при переводе иностранных слов часто происходит переход не только от семантических заимствований к фонетическим, но и наоборот. Так, например, произошло со словом 德律风 délǜfēng «телефон», которое было вытеснено семантическим 电话 diànhuà [5].

И.Д. Кленин и В.Ф. Щичко утверждают, что зачастую заимствование иностранных слов в китайском языке осуществляется двумя способами – звуковым заимствованием (кит. 译音词 yìyīncí) и калькированием (кит. 译意词 Yìyìcí). Где в первом способе заимствуется внешняя, звуковая оболочка иноязычного слова, а во втором – его словообразовательная структура, признак понятия, положенный в основу его названия [6].

Китайский исследователь Мяо Жуйцинь выделяет четыре способа заимствования в китайском языке.

Первый способ – фонетический. Суть его заключается в адаптации иностранных слов с помощью фонетической транслитерации. При этом способе для передачи фонетической структуры иностранных слов используется Путунхуа. Фонетические заимствования также подразделяются на «чистые фонетические заимствования» и «фонетические заимствования со смысловой ассоциацией».

Слова первой категории имеют такую форму, в которой иероглифы не влияют на значение слова. Они объединены с целью передачи произношения, близкого к исходной форме.

Слова из второй категории заимствованы таким образом, что лексическая единица, пришедшая в китайский язык из иностранного языка, одновременно заимствует произношение и определённое значение у единицы другого языка. Так, английское слово Disney (название американской компании) передаётся на китайский язык с помощью чистого фонетического заимствования **迪斯尼** dísīní. А название бренда английской автомобильной компании Hummer при передаче на китайский язык звучит как **悍**马 hànmǎ, где **悍** hàn имеет значение «храбрый», 马 mǎ в свою очередь имеет значение «лошадь».

Второй способ – семантический. Иностранные слова заимствуются исходя из их значения. Так, например, английское слово download на китайском языке будет звучать как **下**载 xiàzài.

Третий способ – графическое заимствование. Обычно этот способ применялся при заимствовании японских слов в китайский язык. Это обусловлено тем, что Япония заимствовала систему письменности Китая. Графические заимствования можно наблюдать в образовательной, научной и военной сферах. Например, японская лексическая единица **文学** bungaku «литература» была заимствована в китайский язык, таким образом появилось слово **文学** wénxué.

Четвёртый способ – гибридный. Чаще всего включает в себя сочетание различных способов. Обычно комбинируется семантический и фонетический. В этом типе заимствования фонематический и семантический компоненты представляют собой две отдельные части, которые отличают их от заимствований со смысловой ассоциацией [8].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В работе фундаментом для исследования выбрана классификация, предложенная Мяо Жуйцинем.

Согласно выбранной характеристике Мяо Жуйциня, заимствования можно разделить на фонетические, семантические, графические и гибридные. Поскольку все заимствования, обнаруженные в ходе исследования, образованы из английского языка, графические заимствования невозможны (так как графические заимствования возникают только в ходе заимствования с японского языка). Однако существуют гибридные заимствования с графическими элементами. Следовательно, речь пойдёт только о заимствованиях фонетических, семантических и гибридных.

Материал для анализа взят из русских и английских словарей блокчейна, а также из новостных и научных статей на китайском языке[1].

[1] Полный словарь блокчейна. URL: https://incrussia.ru/understand/polnyj-slovar-blokchejna/; От А до Я: Словарь блокчейна. URL: https://ru.ihodl.com/tutorials/2017-06-23/ot-do-ya-slovar-blokchejna/; Blockchain dictionary. URL: https://hackernoon.com/blockchain-dictionary-f4d098c9ef89; Blockchain glossary of terms: 128 Blockchain terms and their definitions. URL: https://object-computing.com/expertise/blockchain/glossary#network; **沈鑫**，**裴**庆祺，**刘雪峰**，**区**块链技术综述，网络与信息安全学报，2016, p. 11-20; **袁勇**，**王**飞跃．**区**块链技术发展现**状与展**，**自**动化学报, 2016, 42 (4), p. 481-494; **邵奇峰**，**金澈清**，张召，钱卫宁，**周傲英**. **区**块链技术：架构及进展，计算机学报，2017, p. 21; **比特**币一度跌破48000**美元** 24**小**时内近50**万人爆**仓 // **新**华网. URL: http://www.xinhuanet.com/fortune/2021-

ЗАИМСТВОВАНИЯ В СФЕРЕ БЛОКЧЕЙН

Всю терминологию блокчейн можно условно поделить на подгруппы. Первая подгруппа – лексические единицы, относящиеся к криптовалютам.

К первой подгруппе можно отнести следующие заимствования:

1) **数字**货币 shùzì huòbì – англ. digital currency – цифровая валюта.

Образовано с помощью гибридного способа, где семантический элемент **数字** shùzì «число, цифра» присоединяется к 货币 huòbì «валюта».

2) **加密**货币 jiāmì huòbì – англ. cryptocurrency – криптовалюта.

Образовано с помощью гибридного способа, где семантический элемент **加密** jiāmì «шифровать, кодировать» присоединяется к 货币 huòbì «валюта».

3) **比特**币 bǐtèbì – англ. bitcoin – Биткойн.

Образовано с помощью гибридного способа, где фонетический элемент **比特** bǐtè присоединяется к 币 bì «валюта».

4) **以太坊** yǐtàifāng – англ. Ethereum – Эфириум.

Образовано с помощью фонетического способа.

5) **瑞波**币 ruìbōbì – англ. Ripple – криптовалюта Ripple.

Образовано с помощью гибридного способа, где фонетический элемент **瑞波** ruìbō присоединяется к 币 bì «валюта».

6) **点点**币 diǎndiǎnbì – англ. Peercoin – Пиркоин.

Образовано с помощью гибридного способа, где семантический элемент **点点** diǎndiǎn «из точки в точку» присоединяется к 币 bì «валюта».

7) **莱特**币 láitèbì – англ. Litecoin – Лайткоин.

Образовано с помощью гибридного способа, где фонетический элемент **莱特** láitè присоединяется к 币 bì «валюта».

8) **极光**币 jíguāngbì – англ. Auroracoin – криптовалюта Аврора.

Образовано с помощью гибридного способа, где семантический элемент **极光** jíguāng «Аврора» присоединяется к 币bì «валюта».

9) **狗**币 gǒubì – англ. Dogecoin – криптовалюта Dogecoin.

Образовано с помощью гибридного способа, где семантический элемент **狗** gǒu присоединяется к 币 bì «валюта».

10) **未来**币 wèiláibì – англ. NXT – криптовалюта NXT.

Образовано с помощью гибридного способа, где семантический элемент **未来** wèiлái «будущее» присоединяется к 币 bì «валюта».

11) 竞争币 jìngzhēngbì – англ. Altcoin – Альткоин.

Образовано с помощью гибридного способа, где семантический элемент 竞争 jìngzhēng «соперничество, конкуренция» присоединяется к 币bì «валюта».

12) **恒星**币 héngxīngbì – англ. Stellar – криптовалюта Stellar.

Образовано с помощью гибридного способа, где семантический элемент **恒星** héngxīng «звезда» присоединяется к 币 bì «валюта».

13) **微支付** wēizhīfù – англ. micropayment – микроплатёж.

Образовано с помощью семантического способа, **微** wēi «микро» присоединяется к **支付** zhīfù «платёж».

14) **挖**矿 wākuàng – англ. mining – майнить, майнинг (криптовалюты).

Образовано с помощью семантического способа. Слово **挖**矿 wākuàng может применяться и к полезным ископаемым.

15) **挖**矿者 wākuàngzhě – англ. miner – майнер (человек).

Образовано с помощью гибридного способа, где к семантическому элементу **挖**矿

04/24/c_1127368850.htm;
中汽协发布汽车数据可信存证区块链平台 // **新**华网. URL: http://m.xinhuanet.com/2021-04/28/c_1127388026.htm; «**区**块链工程技术人员» «**区**块链应用操作员» **是做什么的？** // **人民日**报. URL: http://blockchain.people.com.cn/n1/2020/0706/c417685-31772971.html;
李军：把区块链植入数字雄安 // **人民日**报. URL: http://he.people.com.cn/n2/2021/0401/c192235-34652943.html;
区块链技术推动国内版权保护 腾讯打造»**至信**链»**平台** // **新**华网. URL: http://www.jjckb.cn/2021-04/25/c_139905216.htm (accessed: 06.04.2021).

wākuàng «майнить» добавляется суффикс активно действующего лица 者 zhě.

16) 代币 dàibì – англ. token – токен.

Образовано с помощью семантического способа.

Исходя из материалов выше можно увидеть, что почти все заимствованные слова, обозначающие названия криптовалют, передаются на китайский язык с английского при помощи гибридного способа (исключение – 以太坊 yǐtàifāng «Эфириум»). Гибридный способ заимствования применяется для того, чтобы избежать недопонимания или ошибочной интерпретации слов. Так, например, если в 狗币 gǒubì отсутствовал бы элемент 币 bì, лексическая единица не имела бы смысла.

Ко второй подгруппе можно отнести лексику, связанную с операциями в блокчейне.

Так, ко второй подгруппе будут относиться следующие лексические единицы:

1) 区块 qūkuài – англ. block – блок (составной элемент сети «блокчейн»).

Образовано с помощью семантического заимствования.

2) 区块链 qūkuàiliàn – англ. blockchain – блокчейн.

Образовано с помощью семантического способа, элемент 区块 qūkuài «блок» присоединяется к 链 liàn «цепь».

3) 密码学 mìmǎxué – англ. cryptography – криптография.

Образовано с помощью семантического способа, элемент 密码 mìmǎ «пароль, шифр» присоединяется к 学 xué «наука».

4) 智能合约 zhìnéng héyuē – англ. smart-contract – смарт-контракт.

Образовано с помощью семантического способа, элемент 智能 zhìnéng «ум, интеллект» присоединяется к 合约 héyuē «соглашение, контракт».

5) 加密算法 jiāmì suànfǎ – англ. cryptographic algorithm – алгоритм шифрования.

Образовано с помощью семантического способа, элемент 加密 jiāmì «шифровать, кодировать, засекречивать» присоединяется к 算法 suànfǎ «алгоритм».

6) 工作量证明 gōngzuòliàng zhèngmíng – англ. Proof of Work – доказательство выполнения работы.

Образовано с помощью семантического способа, элемент 工作量 gōngzuòliàng «объём работы» присоединяется к 证明 zhèngmíng «доказательство».

7) 权益证明 quányì zhèngmíng – англ. Proof of Stake – доказательство владения.

Образовано с помощью семантического способа, элемент 权益 quányì «право, преимущество» присоединяется к 证明 zhèngmíng «доказательство». Также встречается вариант 股权证明 gǔquán zhèngmíng. Образуется также с помощью семантического способа, 股权 gǔquán «право долевой собственности» присоединяется к 证明 zhèngmíng «доказательство».

8) 私钥 sīyào – англ. private key – секретный ключ.

Образовано с помощью семантического способа, элемент 私 sī «секретный, приватный» присоединяется к 钥 yào «ключ».

9) 公钥 gōngyào – англ. public key – открытый ключ.

Образовано с помощью семантического способа, элемент 公 gōng «открытый, гласный» присоединяется к 钥 yào «ключ».

10) 节点 jiédiǎn – англ. node – узел.

Образовано с помощью семантического способа.

11) 共识机制 gòngshí jīzhì – англ. Consensus Mechanism – схема достижения консенсуса, механизм консенсуса.

Образовано с помощью семантического способа, элемент 共识 gòngshí «договоренность, консенсус» присоединяется к 机制 jīzhì «механизм».

12) 哈希 hāxī – англ. hash – хэш.

Образовано с помощью фонетического способа. Встречался также вариант 散列 sǎnliè, однако он менее частотный по употреблению.

13) SHA算法 suànfǎ – англ. Secure Hash Algorithm – алгоритм хеширования.

Образовано с помощью гибридного способа, где графический элемент SHA присоединяется к семантическому элементу 算法 suànfǎ «алгоритм».

14) Merkle 树 shù – англ. Merkle tree – дерево Меркла.

Образовано с помощью гибридного способа, где графический элемент Merkle присоединяется к семантическому элементу 树 shù «дерево».

15) P2P网络 – англ. Peer-to-peer – сеть Peer-to-peer, одноранговая децентрализованная сеть.

Образовано с помощью гибридного способа, где графический элемент P2P присоединяется к семантическому элементу 网络 wǎngluò «сеть».

ВЫВОДЫ

Таким образом, в ходе анализа отобранного лексического материала было выявлено, что наиболее продуктивным способом образования заимствований китайского языка в сфере блокчейн, в частности криптовалют, является гибридный способ заимствования (9 из 16 отобранных для анализа элементов). В программировании наиболее продуктивной моделью является семантическое заимствование (11 из 15 отобранных для анализа элементов). Наименее продуктивная модель образования заимствований – графический способ, заимствований этого типа в ходе исследования не было обнаружено. Преобладание семантического и гибридного способов заимствования может свидетельствовать о тенденции к использованию средств китайского в процессе заимствования иноязычной лексики.

Общеизвестно, что иностранные слова, несущие в себе определённую смысловую связь с родным языком, воспринимаются носителями как более естественные слова. Семантический способ предполагает раскрытие средствами другого языка значения иностранной единицы, при копировании её структуры. Гибридный же способ сочетает в себе не только семантический и фонетический элемент, но и иноязычный элемент.

Исходя из вышеперечисленных фактов можно сделать вывод, что китайский язык стремится к заимствованию гибридным и семантическим способами, поскольку данные способы позволяют максимально понятно и комфортно для носителей привнести в язык иностранную лексику.

Список источников

1. *Ландэ Д.* P2P – по секрету всему свету. О пиринговых сетях // Журнал «Сети и бизнес». Киев, 2008. № 2 (39). С. 104-110.
2. *Ященко С.Д., Коханов В.С.* Блокчейн – технология будущего // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2018. № 1. С. 394-396.
3. *Моргайар У.* Блокчейн для бизнеса. М.: Эксмо, 2018. 286 с.
4. *Тапскотт Д.* Технология блокчейн – то, что движет финансовой революцией сегодня. М.: Эксмо, 2017. 448 с.
5. *Семенас А.Л.* Лексика китайского языка. М.: Восток-Запад, 2005. 310 с.
6. *Кленин И.Д., Щичко В.Ф.* Лексикология китайского языка. М.: Восточная книга, 2013. 272 с.
7. *Vervaet R.* English Loanwords in the Chinese Lexicon. Ghent: Ghent University. Faculty of Arts and Philosophy, 2017. P. 128.
8. *Miao Ruiqin*. Loanword Adaptation in Mandarin Chinese: Perceptual, Phonological and Sociolinguistic Factors. N. Y.: Stony Brook University, 2005. P. 171.

References

1. Lande D. P2P – po sekretu vsemu svetu. O piringovykh setyakh [P2P is a secret around the world. About peer-to-peer networks]. *Zhurnal «Seti i biznes»* [Journal “Networks and Business”]. Kiev, 2008, no. 2 (39), pp. 104-110. (In Russian).
2. Yashchenko S.D., Kokhanov V.S. Blokcheyn – tekhnologiya budushchego [Blok-chein-tehnologias future]. *Intellektual’nyye resursy – regional’nomu razvitiyu* [Intellectual Resources for Regional Development], 2018, no. 1, pp. 394-396. (In Russian).
3. Morgayar U. *Blokcheyn dlya biznesa* [Blockchain for Business]. Moscow, Eksmo Publ., 2018, 286 p. (In Russian).

4. Tapskott D. *Tekhnologiya blokcheyn – to, chto dvizhet finansovoy revolyutsiyey segodnya* [Blockchain Technology is what Drives the Financial Revolution Today]. Moscow, Eksmo Publ., 2017, 448 p. (In Russian).
5. Semenas A.L. *Leksika kitayskogo yazyka* [Chinese Vocabulary]. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2005, 310 p. (In Russian).
6. Klenin I.D., Shchichko V.F. *Leksikologiya kitayskogo yazyka* [Lexicology of the Chinese Language]. Moscow, Vostochnaya kniga Publ., 2013, 272 p. (In Russian).
7. Vervaet R. *English Loanwords in the Chinese Lexicon*. Ghent, Ghent University. Faculty of Arts and Philosophy Publ., 2017, p. 128.
8. Miao Ruiqin. *Loanword Adaptation in Mandarin Chinese: Perceptual, Phonological and Sociolinguistic Factors*. New York, Stony Brook University Publ., 2005, p. 171.

Информация об авторах

Трусов Егор Вадимович, ассистент кафедры перевода и языковых коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-3688-3701, egor.trusov.2000@mail.ru

Вклад в статью: поиск и анализ научной литературы, отбор примеров, написание части статьи.

Андраханов Андрей Алексеевич, ассистент кафедры перевода и языковых коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-5537-7129, andrashanov@mail.ru

Вклад в статью: поиск и анализ научной литературы, отбор примеров, написание части статьи.

Митчелл Пётр Джонович, доктор педагогики (Doctor of Education, Университет Дерби, г. Дерби, Великобритания); профессор, заведующий кафедрой перевода и языковых коммуникаций, руководитель международной магистерской программы “Global MA in ELT Leadership”, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация, действительный член Института лингвистов Великобритании, ORCID: 0000-0001-9228-903X, Scopus ID: 57194280974, peter_mitchell@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, редактирование и одобрение текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 06.09.2021
Одобрена после рецензирования 02.12.2021
Принята к публикации 23.12.2021

Information about the authors

Egor V. Trusov, Assistant of Translation and Language Communications Department, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-3688-3701, egor.trusov.2000@mail.ru

Contribution: scientific literature search and analysis, examples selection, manuscript part drafting.

Andrey A. Andrakhanov, Assistant of Translation and Language Communications Department, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-5537-7129, andrashanov@mail.ru

Contribution: scientific literature search and analysis, examples selection, manuscript part drafting.

Peter J. Mitchell, Doctor of Education (University of Derby, Derby, Great Britain); Professor, Head of Translation and Language Communications Department, Head of the International Master’s Degree Programme “Global MA in ELT Leadership”, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Active Member of the Institute of Linguists of Great Britain, ORCID: 0000-0001-9228-903X, Scopus ID: 57194280974, peter_mitchell@mail.ru

Contribution: study idea, manuscript editing and approval.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 06.09.2021
Approved after reviewing 02.12.2021
Accepted for publication 23.12.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81.42
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-81-90

Грамматические средства выражения категории темпоральности в англоязычном естественнонаучном учебном тексте

Анна Владимировна КАЩЕЕВА
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ kashcheyeva@mail.ru

Аннотация. Поставлена проблема влияния категории темпоральности на когнитивный потенциал англоязычного учебного текста. Актуальность проблемы обусловлена тем, что когнитивные аспекты учебных текстов недостаточно разработаны, несмотря на многообразие в разных тематических областях. Цель заключается в исследовании темпоральности как онтологической тестовой категории, анализе её влияния на когнитивную специфику текстов и выявлении типичных грамматических средств выражения темпоральности в учебных естественнонаучных текстах. Использованы методы анализа теоретических положений о природе категории темпоральности, а также качественный и концептуальный анализ языкового материала на примере естественнонаучных учебных текстов на английском языке. Полученные результаты свидетельствуют о том, что теоретическими предпосылками описания структуры текстовой категории темпоральности являются семантический и функционально-семантический аспекты и принцип поля. Практически выявлено, что используемые грамматические средства категории темпоральности в учебных текстах указанного типа способствуют передаче знаний о закономерных, статичных явлениях, истории и результатах исследований в широком промежутке времени. Показано, что грамматические средствам темпоральности, традиционно считающиеся периферийными, значительно влияют на когнитивный потенциал учебных текстов указанного типа за счёт выражения фокуса. На основании анализа сделан вывод о том, что категория темпоральности учебных естественнонаучных текстов обусловливает особенности их стиля и способность передавать универсальные знания, которые нечётко структурированы во времени.

Ключевые слова: естественнонаучный учебный текст, категория темпоральности, когнитивный потенциал текста, широкое настоящее, формы глагола

Для цитирования: *Кащеева А.В.* Грамматические средства выражения категории темпоральности в англоязычном естественнонаучном учебном тексте // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 81-90. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-81-90

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

OPEN ACCESS

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-81-90

Grammatical means of expressing temporality category in an English-language natural science educational text

Anna V. KASHCHEYEVA
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ kashcheyeva@mail.ru

Abstract. We raise the problem of the influence of temporality category on the cognitive potential of the English-language educational text. The relevance of the problem is due to the fact that the cognitive aspects of educational texts are not sufficiently developed, despite the diversity in different thematic areas. The goal is to study temporality as an ontological test category, analyze its influence on the cognitive specificity of texts, and identify typical grammatical means of expressing temporality in educational natural science texts. We use the methods of analysis of theoretical provisions about the nature of temporality category, as well as qualitative and conceptual analysis of linguistic material on the example of natural science educational texts in English. The results obtained indicate that the theoretical prerequisites for describing the structure of the textual temporality category are semantic and functional-semantic aspects and the field principle. It is practically revealed that the grammatical means of temporality category used in educational texts of this type contribute to the transfer of knowledge about natural, static phenomena, history and research results over a wide period of time. We show that grammatical means of temporality, traditionally considered peripheral, significantly affect the cognitive potential of educational texts of this type due to the expression of focus. Based on the analysis, it is concluded that the temporality category of educational natural science texts determines the peculiarities of their style and the ability to transmit universal knowledge that is not clearly structured in time.

Keywords: natural science educational text, temporality category, cognitive potential of text, broad present, verb forms

For citation: Kashcheyeva A.V. Grammaticheskiye sredstva vyrazheniya kategorii temporal'nosti v angloyazychnom estestvennonauchnom uchebnom tekste [Grammatical means of expressing temporality category in an English-language natural science educational text]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 81-90. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-81-90 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

ВВЕДЕНИЕ

Изучение текста в рамках когнитивной лингвистики опирается, в первую очередь, на понимание языка как «особой когнитивной способности». Когнитивная функция языка состоит в том, что с помощью языка человек осмысливает окружающий мир, формирует и структурирует полученные знания о нём [1, с. 31]. Текст является «наиболее очевидной языковой реальностью» [2, с. 73] и, пожалуй, единственным системным лингвистическим объектом, в котором представлен структурированный фрагмент знаний, что обусловлено свойством целостности, или информационной самодостаточности текста вообще [3; 4].

Кроме того, текст полифункционален, поскольку одновременно выполняет когнитивную и коммуникативную языковые функции [4]. Представляется, что текст также является эффективным способом реализации ориентирующей, или «миросозидающей» функции языка, объединяющей когницию и коммуникацию. Ориентирующая функция

языка реализуется преимущественно в процессе обучения, поскольку язык есть инструмент описания объектов окружающей действительности [5, с. 7-8]. Выбрав текст в качестве объекта нашего исследования, мы полагаем, что ориентирующая функция языка наиболее очевидно и эффективно реализуется с помощью учебного текста, который, в свою очередь, создаётся в учебном институциональном дискурсе.

Отмеченные особенности текста и утвердившееся антропоцентрическое направление в современной когнитивной лингвистике определяют устойчивость интереса исследователей к изучению текста. Лингвистический вектор исследований направлен на свойства текста и языковые способы их выражения [6; 7]. Когнитивно-дискурсивные исследования раскрывают характерные особенности текстов разных типов, относящихся к разным институциональным дискурсам [8–13].

Проблемы учебного текста нередко освещаются в лингвистических исследованиях. Исследовано влияние фактора тематической области, типа дискурса на особенности создаваемого текста [14–19]. Тем не менее, исследования учебных текстов в конкретных тематических областях единичны. Кроме того, факторы, обусловливающие способность учебного текста осуществлять ориентирующую и когнитивную функции, также недостаточно изучены. Одним из перспективных направлений исследований мы считаем анализ когнитивного потенциала учебного текста, под которым мы понимаем способность текста накапливать, организовывать и передавать знания об окружающем мире.

Известно, что тематическая область определяет когнитивные особенности текста. Материалом для данной статьи послужила естественнонаучная область, поскольку она содержит разнообразные знания о физических объектах. Выбор категории темпоральности в качестве предмета исследования объясняется, во-первых, тем, что время есть одна из основных форм существования физических объектов и условие осуществления коммуникации, а следовательно, неотъемлемая область знания об окружающей действительности, передаваемого в языке[1]. Во-вторых, темпоральность относится к базовым категориям текста [4; 20].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Задачи настоящего исследования заключаются в том, чтобы обобщить исследования по проблеме темпоральности как текстовой категории, выявить и систематизировать способы её выражения в англоязычных естественнонаучных учебных текстах и сделать вывод об их роли в формировании когнитивного потенциала текстов указанного типа.

Для реализации поставленной задачи были использованы методы анализа теоретических источников по проблеме, качественного анализа языкового материала, а также метод концептуального анализа. Материалом для настоящей статьи послужили тексты обучающего характера, размещённые в электронной энциклопедии Британника. Выборка включает тексты, однородные по стилю и объёму. Тематика текстов разная, каждый представляет отдельную словарную статью. Данный вид текстов мы относим к учебным, поскольку энциклопедии, справочники и словари являются вспомогательными средствами обучения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В лингвистике темпоральность принято понимать как характеристику объекта, связанную с «обозначением реального времени» и «выражением категории времени»[2]. Категория темпоральности текста отражает временную соотнесённость передаваемой информации с «внеязыковой действительностью» [4, с. 86]. Известно, что темпоральность свидетельствует о дейктической природе взаимосвязи текста и объективной реальности: «…темпоральность – это «внешнее время» с явной дейктической характеристикой» [20, с. 5].

А.В. Бондарко отмечает двойственность значения категории темпоральности, которая

[1] Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010.

[2] *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.

заключатся в том, что данная категория имеет семантический и функционально-семантический статус. Последний характеризует категорию темпоральности как функционально-семантическое поле, включающее языковые способы выражения данной категории [20, с. 5]. З.Я. Тураева рассматривает темпоральность в качестве неотъемлемого свойства текста, лежащего в основе его темпоральной структуры, которая представляет собой «…сеть отношений, связывающую языковые элементы, включающиеся в передачу временных отношений и объединённые функциональной и семантической общностью» [4, с. 86]. Таким образом, темпоральность относят к базовым содержательным, или «концептуальным», категориям текста [4], она передаёт знания о временном компоненте коммуникативного контекста лексико-грамматическими средствами.

В современных исследованиях семантический аспект категории темпоральности в тексте рассматривается в связи с относительностью восприятия времени человеком. Отмечается разница в качественном восприятии и репрезентации времени (статичность и динамичность), направлении его движения (линейность и цикличность), а также возрастающее влияние социокультурного контекста [21; 22]. Представляется, что такое направление исследований позволит расширить, в первую очередь, представление о категории темпоральности как когнитивном контексте ВРЕМЯ, репрезентируемом соответствующей лексической категорией [23, с. 108]. Вместе с тем, учитывая функционально-семантический аспект категории темпоральности и его полевую структуру [4; 20], следует рассматривать взаимосвязь репрезентирующих его лексических и грамматических категорий. Поскольку грамматические категории являются естественными для языка и имеют онтологическую природу [23, с. 156], то они могут объяснить некоторые дейктические принципы функционирования учебного текста. Далее обратимся к грамматическим способам выражения темпоральности в учебных текстах естественнонаучной тематики.

Указанная тематика относится к области точных наук. В теории текста научный стиль наиболее часто противопоставлен художественному стилю. При этом некоторым жанрам научного и учебного текста (учебникам, пособиям) присваивают аналогичные семантические темпоральные характеристики [4; 20]. В частности, свойство научного и учебного текста моделировать объективный мир через «отражение реального времени» в противовес вымышленному времени художественного текста [4]. В терминах когнитивной лингвистики можно утверждать, что темпоральная модель мира, представленная в учебном тексте, соответствует уровню обыденного познания [23, с. 40] и отличается меньшей степенью абстракции по сравнению с художественным текстом. Сказанное имеет значение для формирования когнитивного потенциала естественнонаучного учебного текста, потому что для школьников – участников учебного процесса, наиболее характерно познание именно через категоризацию на базовом уровне [23, с. 42].

Кроме того, концепт ВРЕМЯ выполняет структурирующую функцию по формированию профессионального контекста знаний, фокусируя знание в определённой области, что обусловлено его метаконцептуальной природой [24]. Неоднократно отмечалось, что темпоральность в научном и учебном тексте может характеризовать обобщённый, статичный («невременной», «всевременной») и динамичный контексты [4; 20; 21]. В частности, статичность отражаемого контекста связывают с тем, что фокус смещён на передачу типичного знания, а именно правил, законов и постоянных истин, а динамичность характерна для описания практических действий, процессов и экспериментов [4, с. 88; 24].

Следовательно, можно предположить, что категория темпоральности в учебном естественнонаучном тексте служит средством выполнения им ориентирующей прагматической функции путём структурирования знания об окружающей действительности за счёт сужения или расширения его временных границ, локализации во времени. Формируемый в данном виде текстов когнитивный потенциал заключается в передаче как общеизвестного, закономерного, типичного, так и процессуального знания о природных явлениях.

Рассмотрим грамматические средства реализации категории темпоральности в учебном естественнонаучном тексте. Обнаружено, что в научных текстах лексические и

грамматические единицы взаимодействуют для выражения темпоральности [4, с. 91]. Выделяя грамматические единицы в качестве предмета анализа, отметим, что в большинстве работ по теории текста их организация в тексте определяется по принципу поля [4; 19]. Центром функционально-семантического темпорального поля в английском языке являются видо-временные формы глагола; к периферии относятся формы страдательного залога, причастий, инфинитива, конструкции с used to/would, сослагательное наклонение, модальные глаголы и лексические показатели времени [4, с. 89; 20, с. 42-44]. Однако инвариантность значения одного из ядерных элементов, формы настоящего времени, в частности, оспаривается [20, с. 31]. Это не позволяет однозначно определить полноту семантических признаков разных грамматических форм категории темпоральности. Более универсальное представление о категории темпоральности может дать прототипический принцип организации языковых единиц, согласно которому характеристики входящих в категорию единиц свойственны всем элементам категории [22, с. 220]. Оставляя за рамками статьи анализ полевого и прототипического принципов структурирования грамматических единиц, выражающих категорию темпоральности, отметим, что мы будем их рассматривать с точки зрения частотности употребления в англоязычных естественнонаучных учебных текстах.

Для анализа нами выбраны статьи по биологической тематике в разделе «Естественные науки» энциклопедии Британника (Британника)[3]. Остановимся на особенностях употребления видо-временных глагольных форм, залога, неличных форм глагола и модальных глаголов в учебных текстах *Marine biology, Genetics, Bacteria, Enterobacter, Metabolism*.

В результате анализа обнаружено, что наиболее часто употребляемыми видо-временными формами глагола являются формы настоящего времени. Например: *It also **deals with** airborne and terrestrial organisms. Marine biologists **study** the way, Genetics **forms** one of the central pillars of biology and **overlaps with** many other areas, Modern genetics **focuses on**, Bacteria **lack** a membrane-bound nucleus, they **carry out** important functions for the host, Traditional approaches to treating Enterobacter infections **involve** single-agent antimicrobial therapy.*

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что в естественнонаучных учебных текстах на английском языке распространены формы настоящего неопределённого времени, основным значением которых считается «современность» в широком смысле. Это значение предполагает, что действие не локализовано в точном моменте или имеет общий, «всевременной» или «вневременной» характер [4; 20, с. 22; 25]. Полагаем, что в анализируемых текстах формы настоящего времени выражают, в первую очередь, универсальность действий и употребляются для объяснения норм и правил. Например: *A Babylonian tablet **shows** pedigrees of horses and **indicates** possible inherited characteristics. Bacteria and Archaea **are** superficially similar; for example, they **do not have** intracellular organelles, and they **have** circular DNA.*

Отметим также, что формы настоящего времени выражают результаты научных наблюдений и экспериментов. Например: *Two well-characterized single-gene diseases **include** phenylketonuria (PKU) and Tay-Sachs disease. The computer program **scans** the DNA looking for genes, determining their probable function based on other similar genes…*

Выявлено, что для этих целей в анализируемых текстах часто используются глаголы состояния *be, have* и глаголы действия, имеющие значение статичности: *depend, dwell, introduce, include, contribute, concern, attribute, provide, occur, remain, constitute, differ* и др. Например: *Free-living Enterobacter **are** capable of nitrogen fixation. Examples of bacteria utilizing such mechanisms **include** ciprofloxacin-resistant E. aerogenes and multidrug-resistant E. aerogenes, which in many instances **is resistant** to ciprofloxacin and imipenem. Deposits of insoluble ferric iron **are common** in many environments*. Мы также отмечаем типичность использования глагола *be* в синтаксической функции части составного именного сказуемого, значение которого состоит в передаче постоянного признака [4, с. 91].

Что касается значения динамики, передаваемого глаголами, отметим, что в анали-

[3] *Britannica.* URL: https://www.britannica.com/ (accessed: 19.08.2021).

зируемых текстах практически отсутствуют формы длительного и перфектного длительного времени. Этот факт можно объяснить широтой значения форм простого настоящего времени, предполагающего «открытость» ситуации во времени [20, с. 23]. Вместе с тем наблюдается использование синтаксической конструкции составного глагольного сказуемого, которая выражает значение длительности действия [4, с. 91]. В анализируемых учебных текстах указанные конструкции также имеют значение перспективы и цели действия. Например: *began to shift/study, made it possible to inspect, continue to yield, used fruit flies to prove, interact to impinge, statistical methods are used to analyze, genes use it to duplicate themselves*, *bacteria allow them to grow and flourish*.

Ещё одна особенность анализируемых учебных текстов естественнонаучной тематики данного ресурса заключается в том, что в каждом из них содержатся абзацы, отсылающие к истории развития и исследования проблемы, в которых перечисляются этапы работы и полученные результаты. Этим объясняется использование форм прошедшего простого времени, например: *methods* ***evolved****, This research* ***combined*** *studies,* ***applied*** *its principles, Mendel* ***suspected*** *that, the discipline* ***stemmed from****, American geneticist Hermann Joseph Müller* ***showed****, His linear map* ***indicated****…* Отмечаются также единичные случаи использования форм прошедшего перфектного времени для выражения результата в прошлом, например: *By the time of its completion in 2003, HGP researchers* ***had*** *successfully* ***determin****ed, By the early 20th century, oceanographers* ***had begun to*** *intensively* ***study****…*

Выявлено, что формы настоящего перфектного времени в анализируемых текстах менее частотны, чем формы простого прошедшего и настоящего, например: *Technical advances* ***have played*** *an important role, Human population geneticists* ***have traced*** *the origins, DNA comparisons* ***have pointed*** *to, Newer approaches to Enterobacter infections* ***have adopted*** *combination-therapy regimens, Bacteria that* ***have aggregated*** *into biofilms…* Отмеченная особенность свидетельствует о том, что отдельные фрагменты текстов содержат информацию об актуальных и важных достижениях и результатах в конкретной научной области, полученных к настоящему моменту. Следовательно, можно утверждать, что формы настоящего перфектного времени есть способы фокусирования важных и актуальных знаний.

Анализ учебных текстов ресурса показал примерно равное количество употреблений форм действительного и страдательного залога. В выборке преобладают формы настоящего простого, настоящего перфектного, прошедшего простого, а также перфектного инфинитива после модальных глаголов. Приведём примеры: *Nomadic tribes* ***were interested in****, In 1910 this idea* ***was strengthened****, they* ***are transmitted****, humankind* ***must have been interested*** *in, Curiosity* ***must*** *first* ***have been based*** *on, genetics* ***have been applied*** *to viruses,* ***have been bred*** *in this way, Biochemical techniques* ***are used*** *to, differences in their structures* ***can be revealed****, If radioactive thymine* ***is placed****, Chemical tests* ***are used****, This* ***is carried out*** *by…* Отмеченная типичность форм страдательного залога в анализируемых учебных текстах, безусловно, является маркером формальности стиля. Кроме того, данные грамматические формы также относят действие к настоящему и прошедшему времени в широком смысле [4], служат способом обобщения передаваемой информации и ссылкой на известный контекст знаний.

В анализируемых текстах отмечается типичность употребления модальных глаголов *can/could, may/might, must* с неперфектным и перфектным инфинитивами в действительном и страдательном залоге. Наблюдались единичные формы модальных глаголов *need, have to*. Наибольшее количество примеров было зафиксировано с использованием модальных глаголов *can, may* и *could*. Глагол *can* передаёт значение типичных характеристик и возможностей исследуемых феноменов, например: *they* ***can*** *therefore* ***utilize*** *lactose, a cell* ***can grow****, enzymes* ***can interact*** *with, bacteria and protozoa* ***cannot tolerate*** *oxygen, they* ***can descend*** *to great depths, others* ***cannot survive*** *unless.* Случаи использования модального выражения *be able to* в значении специфической способности в текстах единичны*: Some bacteria* ***are able to produce/synthesize****, keratin-like properties* ***are able to resist****, anaerobes* ***are able to thrive.*** Формы

could также выражают общую возможность и способность в прошлом, например: *they* ***could see*** *miniature replicas, a specific nucleotide sequence of DNA* ***could contain*** *a code, He believed that giraffes* ***could arise*** *from, the distance between genes on the same chromosome* ***could be calculated.***

Отметим характерную стилистическую особенность учебных текстов естественнонаучной тематики. Выявлено, что глаголы *can и could* заменяют формы страдательного залога для смягчения формулировок, типичных для научного стиля. Например: *research in genetics* ***can be traced*** *back to, These methods/genetic engineering* ***can be used****, random changes* ***can be incorporated*** *into, differences in their structures* ***can be revealed****, tests* ***can be carried out/applied to****…* С этой целью, а также в значении предположения использован глагол *may*: *they* ***may be maintained*** *in seawater, Genetics* ***may be defined*** *as, These traits* ***may be sex-linked****, various disorders* ***may indicate****, it* ***may determine*** *the ease the genes, the genes* ***may be located*** *by….* Случаи употребления формы *might* единичны: *host's immune system* ***might account for****, they* ***might prevent*** *that protein from.*

Модальные глаголы *must* и *have to* передают значение долженствования, установленного правила: *The cell* ***must grow*** *over its entire surface, The genetic code* ***must be read*** *in triplets of nucleotides, bacteria* ***have to be stained*** *with, The cell would otherwise* ***have to*** *make for itself.* Однако использование форм этих глаголов мы также можем трактовать как способ фокусирования важной информации, что является стилистической особенностью учебных текстов. Например: *It* ***must*** *also* ***be borne in*** *mind, It* ***must*** *also* ***be remembered****, It* ***must be noted*** *that…*

Очевидно, что отмеченные стилистические особенности употребления модальных глаголов в учебных текстах характеризуют логику изложения как часть темпоральной структуры [4, с. 89].

Причастия, относимые к периферийным способам выражения темпоральности, достаточно частотны в анализируемых учебных текстах. Приведём примеры: *the energy* ***stored*** *in food materials; many* ***living*** *organisms; amounts of energy* ***liberated*** *in phase I; genes* ***containing*** *the information; Hippocrates,* ***known*** *as the father of medicine;* ***miniaturized*** *building components.* Приведённые примеры демонстрируют, что причастия выражают постоянный признак явления безотносительно ко времени.

ВЫВОДЫ

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Категория темпоральности является одной из базовых текстовых категорий, характеризующих онтологическую природу текста. В рамках данной статьи уточнена роль категории темпоральности в формировании когнитивного потенциала учебного текста и проведён анализ грамматических способов её выражения в англоязычных естественнонаучных учебных текстах. Сочетание предмета и направления исследования представляют собой научную новизну, поскольку категория темпоральности, традиционно рассматриваемая как семантическая и функционально-семантическая текстовая категория, не изучалась ранее как фактор, влияющий на когнитивный потенциал учебного текста.

Анализ языкового материала выявил, что грамматические способы выражения категории темпоральности в англоязычных учебных текстах естественнонаучной тематики характеризуют их когнитивный потенциал как способность передавать преимущественно знания о закономерных явлениях, о типичных свойствах и способностях явлений и предметов, а также результатах исследований и экспериментов. Обнаружено, что большинство используемых видо-временных форм глагола имеют значение статичности, постоянства действий и состояний. Вместе с тем отмечены частые случаи использования грамматических средств выражения протяжённого, широко трактуемого настоящего, предполагающего динамичную перспективу. Следовательно, можно предположить, что категория темпоральности в учебном естественнонаучном тексте служит средством формирования его когнитивного потенциала путём структурирования знания об окружающей действительности за счёт сужения или расширения его временных границ, локализации во времени.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она дополняет существующие исследования по проблеме текстовой категории темпоральности, уточняет виды грамматических средств её выражения и анализирует их типичность, демонстрирует взаимосвязь текстовой категории темпоральности с когнитивным потенциалом англоязычных естественнонаучных учебных текстов. В частности, показано, что для передачи текстом протяжённого временного промежутка, отражения взаимосвязи прошлого с настоящим наряду с изученными и теоретически обоснованными формами глаголов в настоящем простом времени часто используются глаголы простого прошедшего и настоящего совершенного времени. Анализ материала также позволил обосновать использование грамматических форм модальных глаголов в указанных текстах как средств, формирующих стиль текста и маркирующих когнитивный фокус.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные данные могут быть использованы для дальнейшего сравнительного анализа учебных текстов различной тематики и выявления иных языковых средств и специфических особенностей, характеризующих когнитивный потенциал текста.

Список источников

1. *Болдырев Н.Н.* Взаимодействие первичных и вторичных структур в языковой картине мира как фактор её динамики // Когнитивные исследования языка. Вып. № 3 (46). Язык и мышление в эпоху глобальных перемен. Москва; Тамбов; Н. Новгород, 2021. С. 26-30.
2. *Кубрякова Е.С.* О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М.: СпортАкадемПресс, 2001. С. 72-80.
3. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
4. *Тураева З.Я.* Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
5. *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5-12.
6. *Копытов О.Н.* О фундаментальных категориях текста // Вестник ИГЛУ. 2011. № 3 (15). С. 149-157.
7. *Москальчук Г.Г.* О лингвистических измерениях текста // Вестник ЧелГУ. 2016. № 4 (386). С. 135-138.
8. *Баженова Е.А.* Структура нового знания в научном тексте // Вестник ТГПУ. 2020. № 4 (210). С. 144-151.
9. *Галич Г.Г., Клёстер А.М.* Профессиональный дискурс как среда функционирования категорий мышления // Вестник ЧелГУ. 2018. № 6 (416). С. 28-35.
10. *Должич Е.А.* Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста // Учёные записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2 (71). С. 121-123.
11. *Кокова А.В., Сорокина Т.В.* Объективация когнитивной структуры building (строительство) в англоязычном научно-техническом дискурсе // МНКО. 2020. № 2 (81). С. 409-411.
12. *Манерко Л.А., Суханова А.С.* Понимание соотношения концептуальной области и дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. № 4 (47). Методы когнитивной лингвистики: гордость или предубеждение? Москва; Тамбов; Н. Новгород, 2021. С. 127-133.
13. *Степанова Е.С.* Лингвокогнитивные особенности научно-популярного медицинского дискурса // Вестник ТГПУ. 2019. № 4 (201). С. 95-101.
14. *Гелдилиева А.А.* Цвет как паралингвистическое средство реализации текстовых категорий в учебных поликодовых текстах // Современное педагогическое образование. 2020. № 11. С. 223-227.
15. *Гиловая Е.А.* Лингвистические и феноменологические когнитивные структуры как отражение смысловой организации математического текста // Сервис +. 2021. № 2. С. 45-50.
16. *Коновалова Н.И.* Современный учебный текст по русскому языку: механизмы восприятия и принципы конструирования // Филологический класс. 2020. № 1. С. 164-172.
17. *Лысакова И.П., Железнякова Е.А.* Лингвокогнитивные особенности учебного текста // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2018. № 3. С. 166-173.
18. *Мартынова Е.В., Солнышкина М.И., Мерзлякова А.Ф., Гизатулина Д.Ю.* Лексические параметры учебного текста (на материале текстов учебного корпуса русского языка) // Вестник ТГГПУ. 2020. № 3 (61). С. 72-80.
19. *Панюшкина П.Ю.* Особенности и характеристика учебных текстов для студентов медицинского вуза // The Scientific Heritage. 2021. № 61-3. С. 43-45.
20. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 264 с.

21. *Нильсен Е.А.* Репрезентация темпоральности в текстах интервью (на материале американских газет) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 4 (38). С. 211-218.
22. *Усенко Н.М.* Некоторые аспекты функционирования темпоральности в лингвистике // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2019. № 1. С. 220-223.
23. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. 236 с.
24. *Дубровская О.Г.* Когнитивно-дискурсивная интерпретанта как приём анализа социокультурной специфики дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. № 4 (47). Методы когнитивной лингвистики: гордость или предубеждение? Москва; Тамбов; Н. Новгород, 2021. С. 535-542.
25. *Конькова А.С.* Реализация текстовой категории темпоральности в ток-шоу как типе дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 5 (744). С. 150-158.

References

1. Boldyrev N.N. Vzaimodeystviye pervichnykh i vtorichnykh struktur v yazykovoy kartine mira kak faktor eye dinamiki [Interaction of primary and secondary structures in the language picture of the world as a factor of its dynamics]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Vyp. № 3 (46). Yazyk i myshleniye v epokhu global'nykh peremen – Cognitive Studies of Language. Issue no. 3 (46). Language and Thinking in the Era of Global Change*. Moscow, Tambov, Nizhny Novgorod, 2021, pp. 26-30. (In Russian).
2. Kubryakova E.S. O tekste i kriteriyakh ego opredeleniya [About the text and criteria for its definition]. *Tekst. Struktura i semantika. T. 1* [Text. Structure and Semantics. Vol. 1]. Moscow, SportAkademPress Publ., 2001, pp. 72-80. (In Russian).
3. Kubryakova E.S. *Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World]. Moscow, Languages of Slavic Cultures Publ., 2004, 560 p. (In Russian).
4. Turayeva Z.Y. *Lingvistika teksta* [Text Linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986, 127 p. (In Russian).
5. Kubryakova E.S. V poiskakh sushchnosti yazyka [In search of the essence of the language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2009, no. 1, pp. 5-12. (In Russian).
6. Kopytov O.N. O fundamental'nykh kategoriyakh teksta [On the fundamental categories of the text]. *Vestnik IGLU – ISLU Philological Review*, 2011, no. 3 (15), pp. 149-157. (In Russian).
7. Moskalchuk G.G. O lingvisticheskikh izmereniyakh teksta [Linguistic measurements of the text]. *Vestnik ChelGU – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2016, no. 4 (386), pp. 135-138. (In Russian).
8. Bazhenova E.A. Struktura novogo znaniya v nauchnom tekste [The structure of new knowledge in a scientific text]. *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2020, no. 4 (210), pp. 144-151. (In Russian).
9. Galich G.G., Klester A.M. Professional'nyy diskurs kak sreda funktsionirovaniya kategoriy myshleniya [Professional discourse as an area for mental categories functioning]. *Vestnik ChelGU – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2018, no. 6 (416), pp. 28-35. (In Russian).
10. Dolzhich E.A. Kognitivno-diskursivnoye prostranstvo nauchnogo teksta [Cognitive-discursive space of scientific text]. *Uchenyye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki – Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2016, no. 2 (71), pp. 121-123. (In Russian).
11. Kokova A.V., Sorokina T.V. Ob"yektivatsiya kognitivnoy struktury building (stroitel'stvo) v angloyazychnom nauchno-tekhnicheskom diskurse [Objectification of the cognitive structure building in English scientific-technical discourse]. *MNKO – World of Science, Culture and Education*, 2020, no. 2 (81), pp. 409-411. (In Russian).
12. Manerko L.A., Sukhanova A.S. Ponimaniye sootnosheniya kontseptual'noy oblasti i diskursa [Defining conceptual domain and discourse]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Vyp. № 4 (47). Metody kognitivnoy lingvistiki: gordost' ili predubezhdeniye? – Cognitive Studies of Language. Issue no. 4 (47). Methods of Cognitive Linguistics: Pride or Prejudice?*, Moscow, Tambov, Nizhny Novgorod, 2021, pp. 127-133. (In Russian).
13. Stepanova E.S. Lingvokognitivnyye osobennosti nauchno-populyarnogo meditsinskogo diskursa [Linguocognitive peculiarities of the scientific and popular medical discourse]. *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2019, no. 4 (201), pp. 95-101. (In Russian).
14. Geldiliyeva A.A. Tsvet kak paralingvisticheskoye sredstvo realizatsii tekstovykh kategoriy v uchebnykh polikodovykh tekstakh [Color as a paralinguistic means of realizing text categories in polycode educational texts]. *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye – Modern Pedagogical Education*, 2020, no. 11, pp. 223-227. (In Russian).

15. Gilovaya E.A. Lingvisticheskiye i fenomenologicheskiye kognitivnyye struktury kak otrazheniye smyslovoy organizatsii matematicheskogo teksta [Linguistic and phenomenological cognitive structures as a reflection of the sending organization of the mathematical text]. *Servis+ – Service+*, 2021, no. 2, pp. 45-50. (In Russian).
16. Konovalova N.I. Sovremennyy uchebnyy tekst po russkomu yazyku: mekhanizmy vospriyatiya i printsipy konstruirovaniya [Modern didactic text in russian: mechanisms of perception and principles of construction]. *Filologicheskiy klass – Philological Class*, 2020, no. 1, pp. 164-172. (In Russian).
17. Lysakova I.P., Zheleznyakova E.A. Lingvokognitivnyye osobennosti uchebnogo teksta [The linguocognitive characteristics of educational text]. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznaniye – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2018, no. 3, pp. 166-173. (In Russian).
18. Martynova E.V., Solnyshkina M.I., Merzlyakova A.F., Gizatulina D.Y. Leksicheskiye parametry uchebnogo teksta (na materiale tekstov uchebnogo korpusa russkogo yazyka) [Lexical parameters of the academic text (based on the texts of the academic corpus of the Russian language)]. *Vestnik TGGPU – TSHPU Bulletin*, 2020, no. 3 (61), pp. 72-80. (In Russian).
19. Panyushkina P.Y. Osobennosti i kharakteristika uchebnykh tekstov dlya studentov meditsinskogo vuza [Description and specific features of study texts for medical students]. *The Scientific Heritage*, 2021, no. 61-3, pp. 43-45. (In Russian).
20. Bondarko A.V. (executive ed.). *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [The Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, 264 p. (In Russian).
21. Nilsen E.A. Reprezentatsiya temporal'nosti v tekstakh interv'yu (na materiale amerikanskikh gazet) [Temporality representation in interviews (on the material of American newspapers)]. *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya – Sign: Problematic Field in Mediaeducation*, 2020, no. 4 (38), pp. 211-218. (In Russian).
22. Usenko N.M. Nekotoryye aspekty funktsionirovaniya temporal'nosti v lingvistike [Some aspects of the functioning of temporality in linguistics]. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova – Journal of the A.P. Chekhov Taganrog Institute*, 2019, no. 1, pp. 220-223. (In Russian).
23. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika. Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku* [Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2021, 236 p. (In Russian).
24. Dubrovskaya O.G. Kognitivno-diskursivnaya interpretanta kak priyëm analiza sotsio-kul'turnoy spetsifiki diskursa [Cognitive-discursive interpretant as a method of sociocultural discourse analysis]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Vyp. № 4 (47). Metody kognitivnoy lingvistiki: gordost' ili predubezhdeniye? – Cognitive Studies of Language. Issue no. 4 (47). Methods of Cognitive Linguistics: Pride or Prejudice?*, Moscow, Tambov, Nizhny Novgorod, 2021, pp. 535-542. (In Russian).
25. Konkova A.S. Realizatsiya tekstovoy kategorii temporal'nosti v tok-shou kak tipe diskursa [Verbilization of the textual category of time in talk show discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2016, no. 5 (744), pp. 150-158. (In Russian).

Информация об авторе

Кащеева Анна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-2560-4340, kashcheyeva@mail.ru

Вклад в статью: разработана общая концепция статьи, проведён поиск и анализ литературы по теме статьи, обобщён теоретический и практический опыт исследователей в области текста, проведены изучение источника материала и анализ полученных результатов, осуществлено написание и оформление статьи.

Статья поступила в редакцию 04.10.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 09.02.2022
Принята к публикации 24.02.2022

Information about the author

Anna V. Kashcheyeva, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Philology and Applied Linguistics Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-2560-4340, kashcheyeva@mail.ru

Contribution: main study conception is developed, search and analysis of literature on the topic is carried out, theoretical and practical experience of researchers in the field of text is summarized, study of material source and obtained results analysis are conducted, manuscript drafting and design is carried out.

The article was submitted 04.10.2021
Approved after reviewing and revision 09.02.2022
Accepted for publication 24.02.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81-26
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-91-97

Сравнение концепта «Счастье» в русском и даргинском языках

Уздият Исмаиловна ИДЗИБАГАНДОВА
ФГБОУ «Московский государственный психолого-педагогический университет»
127051, Российская Федерация, г. Москва, ул. Сретенка, 29
✉ uzdiyat@bk.ru

Аннотация. Предметом исследования является рассмотрение содержания концепта «Счастье» в русской и даргинской языковой картинах мира, отражающих специфику менталитета говорящих на русском и даргинском языках в восприятии действительности. Актуальность исследования определяется интересом современного языкознания к проблеме соотношения народного сознания и языка как ключевого компонента усвоения культуры, хранения и передачи национальной культурной информации. Установлено, что языковая единица «счастье», объективирующая чувственный мир человека, позволяет говорить о языковой ментальности и сути духовного пространства языка. При анализе фактического материала применяются описательный и структурно-семантический методы. Выявленная значимость употребления лексемы счастье в культурах русского и даргинского народов свидетельствует о том, что восприятие концепта «Счастье» носителями рассматриваемых языков различается, о чём свидетельствуют паремические единицы и фразеологизмы, репрезентирующие самобытную языковую картину мира. Сделан вывод, что носители данных языков понимают под «счастьем» благодать, высшее блаженство, семейное благополучие, успехи в трудовой деятельности. Устанавливается, что концепт «Счастье» имеет национальные особенности содержания. Материал статьи намечает перспективу в исследовании сопоставления фрагментов картины мира в разных языках.

Ключевые слова: лингвокультура, концепт «Счастье», паремические и фразеологические единицы, русский и даргинский языки

Для цитирования: *Идзибагандова У.И.* Сравнение концепта «Счастье» в русском и даргинском языках // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 91-97. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-91-97

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

OPEN ACCESS

© Идзибагандова У.И., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-91-97

Comparison of the concept “Happiness” in Russian and Dargin languages

Uzdiyat I. IDZIBAGANDOVA
Moscow State University of Psychology & Education
29 Sretenka str., Moscow, 127051, Russian Federation
✉ uzdiyat@bk.ru

Abstract. The subject of research is the content consideration of the concept “Happiness” in Russian and Dargin language pictures of the world, reflecting the mentality specifics of Russian and Dargin speakers in the perception of reality. The relevance of study is determined by the interest of modern linguistics in the problem of the relationship between people’s consciousness and language as a key component of the assimilation of culture, storage and transmission of national cultural information. We establish that the linguistic unit “happiness”, which objectifies the human sensory world, allows us to speak about the linguistic mentality and the essence of spiritual space of language. Descriptive and structural-semantic methods are used in the analysis of factual material. The revealed significance of the use of happiness lexeme in the cultures of Russian and Dargin peoples indicates that the perception of the concept “Happiness” by the speakers of languages under consideration differs, as evidenced by the paremic units and phraseological units representing the original linguistic picture of the world. We conclude that native speakers of these languages understand “happiness” as grace, supreme bliss, family well-being, and success in work. We establish that the concept of “Happiness” has national features of the content. The material of work outlines a perspective in the study of fragments comparison of picture of the world in different languages.

Keywords: linguoculture, concept “Happiness”, paremic and phraseological units, Russian and Dargin languages

For citation: Idzibagandova U.I. Sravneniye kontsepta «Schast’ye» v russkom i darginskom yazykakh [Comparison of the concept “Happiness” in Russian and Dargin languages]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 91-97. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-91-97 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время наблюдается значительный интерес к изучению языковой культуры мира отдельного человека в аспекте языковой личности, что способствует рассмотрению человека как носителя конкретной культурной традиции, говорящего на конкретном языке, находящегося в межкультурной коммуипации с представителями других народов.

Современные труды исследователей в области когнитивной лингвистики определяют концепт как структурную единицу, отображающую менталитет народа, ментальную глубину его обычаев, ценностей, традиций, «это вербализованный культурный смысл, и он «по умолчанию является лингвокультурным концептом (лингвоконцептом) – семантической единицей языка культуры» [1, с. 10].

Анализ содержания концепта «Счастье» в народном сознании позволяет исследовать этническую специфичность. Концепт «Счастье» относится к единицам области эмоционального состояния человека и отличается от многих единичных концептов тем, что имеет смысловую пару «счастье – несчастье». Отметим попутно, что в Словаре В.И. Даля оп-

позиции счастье – несчастье отведено 11 страниц.

Содержательное сходство и различие в сознании носителей русского и даргинского языков объективируют лексические единицы (устойчивые слова, фразеологизмы, пословицы, поговорки). Они имплицитно отражают эмоциональную жизнь человека, базовые эмоции, способствуют яркому образному выражению, ассоциируясь с культурно-национальными представлениями и характеризуя для определённой лингвокультурной общности менталитет. Речь идёт о том, что понятие «счастье» отражает не только субъективную интерпретацию реальности, но и социально одобряемый стандарт интерпретации тех или иных чувствований, представлений, событий.

Сравнительное исследование картины мира двух языков открывает перспективы в исследовании» концепта «Счастье», универсального маркера картины мира лингвокультурного сообщества.

В последние годы российская и зарубежная лингвистика демонстрируют успешные попытки изучения различных концептов для определения общего и различного в языках и менталитете народов. Между тем концепт «Счастье» в сопоставительном аспекте на материале русского и даргинского языков не становился предметом лингвистических исследований.

Принято считать, что С.А. Аскольдов-Алексеев в 1927 г. ввёл в научный обиход слово концепт. Под термином «концепт» в научной литературе понимаются «семантические образования, стоящее за словами, которые не находят однословных эквивалентов при переводе на другие языки» [1, с. 11]. Ю.С. Степанов отмечает, что концепт – «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нём человека» [2, с. 41].

У разных людей в зависимости от возраста, национальности, образования концептуальные картины мира могут различаться, что свидетельствует о взаимодействии языка с многоплановой когнитивной средой [3, с. 75]. С.М. Махмудова отмечает, что «лексика – это наиболее подверженный изменениям ярус языка, – в лексике впервые отображаются экономические и политические, культурные и социальные изменения, происходящие в жизни носителей», особенно это касается значимых категорий [4, с. 51].

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В РУССКОМ И ДАРГИНСКИХ ЯЗЫКАХ

Концепт «Счастье» имеется во всех языках и относится к базовым понятиям национальной культуры. Словарь В.И. Даля даёт следующие определения понятию «счастье»:

1. Рок, судьба, часть и участь, доля.
2. Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут и тревоги; покой и довольство; вообще всё желанное, всё то, что покоит и доводит человека, по убежденьям, вкусам и привычкам его» [5]. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера выделяет в слове «счастье» индоевропейские корни sъ и cestь (su – «благо»; cestь – «часть» / «доля»). Лексикограф подчёркивает, что в славянских языках это слово имело значение «благая часть», «хороший удел», отмечается позднецерковно-славянское слово «причастный», означавшее «совместное участие» [6, с. 816].

В русской культуре значение слова «счастье» претерпело изменения, его семантическая и эмоционально-стилистическая структура в наши дни стала восприниматься как понятие, отражающее, как правило, состояние материального удовлетворения (ср. рекламный слоган: «Счастье – это запах новой машины»).

В составе книжной и разговорной лексики русского языка слово «счастье» входит в синонимический ряд, например:

а) книжная лексика («нега», «благодать», «блаженство», «фортуна», «идиллия»);

б) разговорная лексика («удача», «радость», «благополучие»).

Концепт «Счастье» репрезентируют многочисленные русские пословицы, поговорки и присловья, собранные В.И. Далем. Этот объёмный материал имеет бинарную группировку по разделам, например: вера – грех, причина – следствие и т. п. Посредством оппозитивных паремий о счастье и несчастье определяются нравственные идеалы человека, характеризуется отношение народа к поступкам, чувствам, чертам характера че-

ловека; укладу жизни, отношениям в семье и обществе, понимание человеческой жизни, её цели.

В русском языке концепт «Счастье» объективирует языковые единицы, отражающие положительные и отрицательные коннотации, часто обладает двойственным значением – определяется, что счастье зависит не только от человека, но, главное, от Бога и то, что оно временно и конечно, как и сама человеческая жизнь:

«Заколодило счастье – что ни возьмёшь» (счастье переменчиво), «Где нет доли – там и счастье невелико» (счастливая судьба и удача идут вместе), «Счастье на крыльях, несчастье на костылях» (радость и горе идут рука об руку), «Счастью не вовсе верь» (не всегда случившееся бывает действительно счастьем), «Легко счастье найти, а потерять легче» (сохранить счастье нелегко), «Не было бы счастья, да несчастье помогло» (горе помогло счастью), «Счастье – вешнее вёдро» (счастье переменчиво), «Счастье искать – от него бежать» (стремиться к счастью – значит отдалять его от себя), «Со счастьем на клад набредёшь, без счастья и гриба не найдёшь» (важны не только собственные действия и цель, но и удача).

Концепт «Счастье», как показывает материл, имеет различные средства репрезентации в русском языке (однословные, словосочетания, предложения), что обозначает его аксиологическую значимость, которая в ходе развития культуры обогащается новыми когнитивными слоями.

В русской лингвокультуре определяется, что счастье является мимолетным, но оно создаётся усилием воли, ума, которые обусловлены трудовой деятельностью человека. Счастье является наградой, в русских пословицах и поговорках акцентируется внимание на том, что не есть счастье, при этом редко даётся определение данного слова. Значимую роль играет ценностный аспект счастья, которое заключается не только в материальном благосостоянии. Счастье можно «спугнуть», и оно бывает непродолжительным. В настоящее время счастье всё больше понимается как всецелое благополучие с акцентом на материальной стороне.

Даргинский язык насыщен экстралингвистическими фактами, в которых запечатлены культурно-исторические события, особенности экономики и этнографии региона [7]. Данные особенности являются локальными, они отмечены, например, в паремическом фонде жителей сельской местности Дагестана – в селах Губден, Сулевкент, Кубачи и др. С.М. Махмудова отмечает, что «каждый кавказский народ, независимо от его численности, – это богатая непознанная культура, неразгаданная история для человечества» [8, с. 104].

Устойчивые даргинские единицы, репрезентирующие концепт «Счастье», входят в национальную концептосферу. Концепт «Счастье» относится к доминантным культурным концептам в даргинском языке, включающим также такие понятия, как душа, совесть, время, терпение, судьба, стыд [9]. Данные абстрактные представления находят отражение во множестве номинативных единиц аргинского литературного языка.

Устойчивые сочетания слов классифицируются по характеру обозначаемых ими действий:

обретение мудрости жизни

«Берх1ила удир лерилра цагъунтира» – Все одинаковы под солнцем; «Х1униразити г1ячру дерки» (Чтобы ты прожил радостную жизнь!). «Х1ура х1ерии, царх1илтира бати» – Сам живи и дай жить другим.

быть достойным «жить и умереть»

«Тахана лийр волуш санна нехан г1уллакх де, цкъа а лийр воцуш санна дуьне даа» – Работай так, как будто ты сегодня умрёшь, наслаждайся жизнью, как будто ты будешь жить вечно [10].

Особую важность имеет семья (и особенное значение в языковой картине мира даргинского народа имеет брат): «Ваша воцу йиша – марг1ал-сара» – Сестра без брата, что голая хворостина (Братская любовь надёжнее каменных стен) [11].

благое пожелание здоровья

«Арадсшра г1ях1дешра х1ед дулгулра» – Желаю тебе здоровья и всего хорошего; счастья – «Татх! биахъаб!» (Пусть будет счастье!); счастливой дороги – «Г1ях1 сяг1ят бнаб!» – В добрый час!

«Х1ед гьуии г1ях1бираб, шачаси гьункья, х1епа мурад бетааб» (при рождении ребёнка) – «У дгрхьаб, г1ямру дерхьаб, тшихЬievси ветааб!» – Чтобы имя подошло, что-

бы жизнь удалась, чтобы вырос счастливым. Благопожелания часто являются двусоставными предложениями с побудительной и восклицательной формами [12].

Обращает на себя внимание, что в даргинском языке в синонимичный ряд со словом «счастье» входит слово «свет» (шача) как символ счастья, любви, радости, надежды. Этот символ являет собой значимый метафорический образ, лежащий в основе интерпретации различных областей жизнедеятельности человека [13]. Слово «свет» связано с оценочным значением процессов познания, нравственно-этической деятельности и метафорически передаёт смысл житейского счастья, например:

«Шшгати г1ямру дерк1аби!» – Чтобы прожил светлую жизнь; «Шаддешра, шшадешра хьурадиаб даштис х1ела хъулир!» – Пусть радость и свет поселятся в твоём доме навсегда!

Слово «свет» используется для пожелания удачи в выздоровлении:

«Ара-шача виаби!» – Чтобы выздоровел-посветлел; «Ара-шалачи варгаби» – Чтобы в следующий раз нашёл светлым и здоровым!

Синонимичным является «слово судьба» – «кьисмат», которое играет заметную роль в языковой картине мира и является важнейшим элементом национальной даргинской культуры: «Г1ях1си кьисмат кьадарбараб х1ед!» – Чтобы судьба хорошая оказалась у тебя; «Кьисмапии вархьмаватаби!» – Чтобы судьба не покинула тебя!

С развитием когнитивной лингвистики при изучении национальной языковой картины мира важным является привлечение культурологического контекста – осмысление языка сферы культуры с самобытным видением мира [14]. Комплексное изучение языка позволяет глубже изучить лексику национального языка, пополнить современные толковые словари, учитывающие культурологические особенности, о чём свидетельствует концепт «Счастье», который обогащён национальной семантикой.

Таким образом, в русском и даргинском языках концепт «Счастье» отражает ключевое житейское понятие, обозначающее особенности каждого народа. Устойчивые единицы являются наиболее репрезентативным материалом для изучения специфики выражения эмоциональности человека. В силу своей образности они способны показать своеобразие языковой картины мира и культурного менталитета. Они являются хранилищем фактов истории и культуры, отражают уникальные национальные традиции, аспекты жизнедеятельности человека и в то же время содержат мысли, которые относятся к общечеловеческим ценностям, позволяют определить универсальные и уникальные элементы в создании связи между языком, субъектом и объектом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показало, что обращение к лексеме «счастье» в русском и даргинском языках с позиции выявления ключевых репрезентантов представления о счастье в структуре картины мира, динамики и трансформации социокультурных ценностей находится в русле активно развивающихся идей когнитивной лингвистики.

Концепт «Счастье» во многом имеет единую смысловую нагрузку в исследуемых языках – добрые отношения с родственниками, спокойная совесть, трудовая деятельность.

Национальный корпус устойчивых единиц демонстрирует самобытную языковую картину мира с помощью такого явления, как метафоризации. В процесс метафоризации включаются экстралингвистические факторы, определяемые историей народа, его привычками, культурными и бытовыми особенностями. Устойчивые единицы содержат национально-культурное своеобразие языковой картины мира.

Общим в понимании концепта «Счастье» в русском и даргинском языках является наличие образности. Присутствие положительных и отрицательных коннотаций в лексической системе языков обусловлено различными историческими и социальными обстоятельствами, условиями жизни.

В даргинском языке, как и в русском, счастье детерминировано понятиями «судьба», «рок», что объясняется территорией совместного проживания.

Список источников

1. Антология концептов / под ред. В.И. Красика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
2. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 40-43.
3. *Алефиренко Н.Ф.* Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Т. 1. № 2. С. 75-78.
4. *Махмудова С.М.* Рутульская литература. Махачкала: Изд. дом «Народы Дагестана», 2008.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз. Медиа, 2003. Т. 4. 688 с.
6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Астрель: АСТ, 2003. Т. 3. 832 с.
7. *Исмаилов А.Т.* Слово. (Размышления о чеченском языке). Элиста: АПП «Джангар», 2005. 928 с.
8. *Махмудова С.М.* Устаревшая лексика в рутульском языке // Язык и текст. 2020. Т. 7. № 3. С. 100-106. https://doi.org/10.17759/langt.2020070310
9. *Арсалиева Э.Х.* Лингвокультурологические особенности концепта «Счастье» (на материале русского, чеченского и английского языков) // Успехи современной науки. 2016. Т. 8. № 11. С. 70-73.
10. *Исаев М.Ш.* Русско-даргинский словарь. Махачкала: Дагучпедгиз, 1988. 508 с.
11. *Магомедов Н.Г.* Даргинско-русский фразеологический словарь. Махачкала, 1997. 213 с.
12. *Гасанова У.У.* Фразеологический словарь даргинского языка. Махачкала: Тагиев Р.Х., 2018. 299 с.
13. *Гюльмагомедов А.Г.* Социальная жизнь народа и фразеологический фонд языка // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала: Даг. ф-л АН СССР, Ин-т истории, яз. и лит. им. Г. Цадасы, 1989. С. 146-151.
14. *Махмудова С.М.* Фразеологический словарь рутульского языка. Махачкала: Эпоха, 2016. 215 с.

References

1. Krasika V.I., Sternina I.A. (eds.). *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Moscow, Gnozis Publ., 2007, 512 p. (In Russian).
2. Stepanov Y.S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. Moscow, 1997, pp. 40-43. (In Russian).
3. Alefirenko N.F. Kognitivnaya lingvistika: predposylki, predmet, kategorii [Cognitive linguistics: background, subject, categories]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University*, 2008, vol. 1, no. 2, pp. 75-78. (In Russian).
4. Makhmudova S.M. *Rutul'skaya literature* [Rutul Literature]. Makhachkala, Publishing House "Narody Dagestana", 2008. (In Russian).
5. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Media Publ., 2003, vol. 4, 688 p. (In Russian).
6. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2003, vol. 3, 832 p. (In Russian).
7. Ismailov A.T. *Slovo. (Razmyshleniya o chechenskom yazyke)* [Word. (Reflections on the Chechen Language)]. Elista, Joint Stock Printing Establishment "Dzhangar", 2005, 928 p. (In Russian).
8. Makhmudova S.M. Ustarevshaya leksika v rutul'skom yazyke [Outdated vocabulary in the Rutul language]. *Yazyk i tekst – Language and Text*, 2020, vol. 7, no. 3, pp. 100-106. https://doi.org/10.17759/langt.2020070310. (In Russian).
9. Arsaliyeva E.K. Lingvokul'turologicheskiye osobennosti kontsepta «Schast'ye» (na materiale russkogo, chechenskogo i angliyskogo yazykov) [Linguocultural features of the concept "Happiness" (based on the Russian, Chechen and English languages)]. *Uspekhi so-vremennoy nauki – Modern Science Success*, 2016, vol. 8, no. 11, pp. 70-73. (In Russian).
10. Isayev M.S. *Russko-darginskiy slovar'* [Russian-Dargin Dictionary]. Makhachkala, Daguchpedgiz Publ., 1988, 508 p. (In Russian).
11. Magomedov N.G. *Darginsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Dargin-Russian Phraseological Dictionary]. Makhachkala, 1997, 213 p. (In Russian).
12. Gasanova U.U. *Frazeologicheskiy slovar' darginskogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Dargin Language]. Makhachkala, Tagiyev R.K. Publ., 2018, 299 p. (In Russian).
13. Gyulmagomedov A.G. Sotsial'naya zhizn' naroda i frazeologicheskiy fond yazyka [The social life of the people and the phraseological fund of the language]. *Sotsial'naya terminologiya v yazykakh Dagestana* [Social Terminology in the Languages of Dagestan]. Makhachkala, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art Publ., 1989, pp. 146-151. (In Russian).

14. Makhmudova S.M. *Frazeologicheskiy slovar' rutul'skogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Rutul Language]. Makhachkala, Epokha Publ., 2016, 215 p. (In Russian).

Информация об авторе

Идзибагандова Уздият Исмаиловна, аспирант (10.02.01 Русский язык), кафедра зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-0749-2023, uzdiyat@bk.ru

Вклад в статью: формирование идеи; формулировка или развитие ключевых целей и задач; проведение исследования, сбор данных, анализ и интерпретация полученных данных; составление черновика рукописи, его критический пересмотр с внесением ценного замечания интеллектуального содержания, написание текста статьи; принятие ответственности за все аспекты работы, целостность всех частей статьи и её окончательный вариант.

Статья поступила в редакцию 04.10.2021
Одобрена после рецензирования 02.02.2022
Принята к публикации 24.02.2022

Information about the author

Uzdiyat I. Idzibagandova, Post-Graduate Student (10.02.01 Russian Language), Foreign and Russian Philology Department, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-0749-2023, uzdiyat@bk.ru

Contribution: idea formation; formulation or development of key purposes and objectives; conducting research, collecting data, data obtained analyze and interpreting; drawing up a draft of manuscript, its critical revision with the introduction of a valuable comment of intellectual content, manuscript text drafting; taking responsibility for all aspects of the work, the integrity of all parts of work and its final version.

The article was submitted 04.10.2021
Approved after reviewing 02.02.2022
Accepted for publication 24.02.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF PEOPLES OF RUSSIAN FEDERATION

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1.09"20"
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-98-106

Влияние этических идей Л.Н. Толстого и П.А. Кропоткина на творческие принципы Г. Газданова

Евгений Евгеньевич ИВАНОВ
Иркутский государственный университет
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
✉ ayaom@list.ru

Аннотация. Актуальность исследования вызвана необходимостью изучения этических оснований художественного мира писателя. Выявлена соотнесенность произведений Г. Газданова и его публицистики с концепцией искусства Л.Н. Толстого и оригинальной этикой П.А. Кропоткина. Творчество Г. Газданова освещено в аксиологическом ключе, в связи с чем искусство позиционируется сферой общественной жизни, которая выступает эволюцией духовного развития человечества как части природы, мыслимой в проекции божественного начала. Задачей художника определяется побуждение читателя к моральному самосовершенствованию. Для этого важнейшим оказывается жизненный опыт автора, который противопоставляется «литературной искусственности» и техницизму. Дело художника интегрируется в социум как специфический род деятельности, сопрягающей уникальность личностного самовыражения, культурные паттерны и эволюционный элемент нового слова в виде высокого послания миру. Типологическая связь метапоэтики писателя с претекстами раскрывается имплицитно в текстах произведений («Вечер у Клэр», «Полёт», «Пленник» и др.) и эксплицитно в его публицистике. В результате анализа удалось проследить, что в эйдологическом поле Г. Газданова соединяется аполоническое и дионисийское начало, «заразительная» душевность Л.Н. Толстого и духовные поиски Ф.М. Достоевского. Следуя символисткой концепции «всеединства», Г. Газданов «собирает камни» и, ориентируясь на предшественников, снимает противоположность «элитарного» искусства и «литературы для масс». Тенденция от лиризма к сюжетности в метаповествовании предстаёт обоснованным выбором, направленным на «отзвук» читателя и ответственной гражданской позицией.

Ключевые слова: «заражение», самость, искусственность, нравственность, синтез

Для цитирования: *Иванов Е.Е.* Влияние этических идей Л.Н. Толстого и П.А. Кропоткина на творческие принципы Г. Газданова // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 98-106. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-98-106

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

OPEN ACCESS

© Иванов Е.Е., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-98-106

The influence of the ethical ideas of L.N. Tolstoy and P.A. Kropotkin on G. Gazdanov's creative principles

Evgeny E. IVANOV
Irkutsk State University
1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russian Federation
✉ ayaom@list.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the need to study the ethical foundations of the writer's artistic world. The correlation of G. Gazdanov's works and his journalism with the concept of art by L.N. Tolstoy and the original ethics of P.A. Kropotkin is revealed. G. Gazdanov's work is illuminated in an axiological manner, in connection with which art is positioned as a sphere of social life, which is the evolution of the spiritual development of mankind as a part of nature, conceivable in the projection of the divine principle. The task of the artist determines the motivation of reader to moral self-improvement. For this, the most important is the life experience of the author, which is opposed to "literary artificiality" and technicalism. The artist's action is integrated into society as a specific type of activity that combines the uniqueness of personal self-expression, cultural patterns and the evolutionary element of a new word in the form of a high message to the world. The typological connection between the writer's metapoetics and pretexts is revealed implicitly in the texts of his works ("An Evening with Claire", "Flight", "The Prisoner", etc.) and explicitly in his journalism. As a result of the analysis, it was possible to trace that in the eidological field of G. Gazdanov, the Apolonic and Dionysian principles, the "infectious" soulfulness of L.N. Tolstoy and the spiritual searches of F.M. Dostoevsky are combined. Following the symbolist concept of "total unity", G. Gazdanov "collects stones" and, focusing on his predecessors, removes the opposition between "elite" art and "literature for the masses". The tendency from lyricism to plot in meta narration appears to be a reasonable choice aimed at the "echo" of the reader and a responsible civic position.

Keywords: "infection", selfhood, artificiality, morality, synthesis

For citation: Ivanov E.E. Vliyaniye eticheskikh idey L.N. Tolstogo i P.A. Kropotkina na tvorcheskiye printsipy G. Gazdanova [The influence of the ethical ideas of L.N. Tolstoy and P.A. Kropotkin on G. Gazdanov's creative principles]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 98-106. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-98-106 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

ВВЕДЕНИЕ

В творчестве Г. Газданова постоянно открываются новые области изучения. Вместе с тем этические основания художественного мира писателя изучены в недостаточной степени. Отметим близкую к теме нашего исследования статью Н.И. Шитаковой «Лев Толстой и Гаито Газданов: творческие связи» [1, с. 158], где утверждается: «по Газданову, необходимо не только иметь талант, но и обладать нравственным внутренним миром – воспоминаниями и мечтами о будущем. Данная мысль, на наш взгляд, сформировалась у Газданова под влиянием творчества и личности Толстого». В статье «Мысли о литературе» Г. Газданов замечает: «Наше поколение пришло на готовое; ему, казалось, следовало только не затыкать себе уши, чтобы понять и услышать те истины, о которых знал ещё

Толстой»[1]. Г. Газданов вслед за неизменным авторитетом Л.Н. Толстого ценил непосредственный, незагромождённый дефинициями и витиеватостью подход как к созданию литературных произведений, так и к пониманию искусства в целом. В своей статье «Литература для масс» он выдвигает проблему несоответствия «современности», «нового» и «эстетствующей», «чудовищной культуры»[2] стереотипов, с одной стороны, и, с другой – «халтуры» «массовой» и ангажированной литератур. «Эффект безыскусности и непроизвольности сопровождает чтение газдановских текстов» [2, с. 202]. Основным критерием качества, как и отличительной особенностью русской литературы Г. Газданов называет её «душевность»[3], которая является не только художественным импульсом, но и генерализующей идеей творчества самого Г. Газданова. По мнению газдановеда Е.В. Кузнецовой, «рассматривая авторскую идею на уровне всех романов, можно понять систему мировоззрения художника» [3, с. 95]. Принципы художественности, постулируемые писателем, совпадают со взглядами Л.Н. Толстого, изложенными в опусе «Что такое искусство?». О.В. Аронсон полагает, что ряд положений этого труда и сейчас «звучит не просто актуально, а почти новаторски» [4, с. 195]. Первое, на что хочется обратить внимание, это сближение позиций по вопросу о восприятии искусства. Оба писателя считают, что «культурная толпа»[4], загипнотизированная интеллектуальными гуру, уступает в адекватности рецепции искусства «почтенному, умному, грамотному деревенскому рабочему человеку»[5]. У Г. Газданова – «Эти рабочие и солдаты понимали вопросы общего порядка быстрее и глубже, чем мои образованные друзья, и, главное, индивидуальнее; то есть у каждого было какое-то своё понимание, отличное от других»[6]. Г. Газданов полагал необходимым «преодолевание границ между людьми» [5, с. 186], а «эстетствующая литература, то есть литература чаще всего дурного вкуса, требует особенной словесной подготовки»[7], то есть является препятствием для сближения людей. И если уж сложность понимания, как в случае с А. Белым, необходима, то содержание, message автора должен того «стоить».

Отправной точкой для сближения социокультурных взглядов на искусство Л.Н. Толстого и П.А. Кропоткина стало номологическое сравнение процессов упадка общества и «отмирания кораллов» в разговоре Николая с дядей Виталием перед уходом на фронт. Разговор с «мудрым наставником» является началом духовного поиска газдановского метагероя от совершения ошибки ухода на фронт в первом романе до становления альтруистом в «Пробуждении» и мудрым писателем в романе «Эвелина и её друзья». Время Г. Газданова требовало поисков синтетической всеохватности разных сфер жизни для решения накопившихся в обществе проблем.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Целью исследования стало обнаружение преемственности во взглядах на литературу у Г. Газданова и Л.Н. Толстого как органичного процесса, в котором ясность и простота формы сочетается с глубоким содержанием, отражающим невидимый «божественный» смысл жизни, а также синхронизация представлений о творчестве Г. Газданова с современным ему миром идей П.А. Кропоткина. Ставилась задача обнаружения «закона сохранения творческой энергии» [6, с. 114], о котором пишет теоретик художественного синтеза П.М. Сакулин. До сих пор актуальным представляется и поиск «закона внутреннего единства» [6, с. 90] русской литературы, советской или эмигрантской, классической или модернисткой, которую также наметил этот учёный в переломный этап русской жизни.

В качестве гипотезы в данной работе выступает положение о том, что важнейшая для Серебряного века идея «всеединства» в метапоэтике Г. Газданова реализуется слиянием «художественных энергий» таких непохожих классиков, как Ф.М. Достоевский и

[1] *Газданов Г.* Собрание сочинений: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1. С. 732.

[2] Там же. С. 753.

[3] Там же. С. 75.

[4] *Толстой Л.Н.* Что такое искусство? // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 15. С. 125.

[5] Там же. С. 153.

[6] *Газданов Г.* Собрание сочинений: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1. С. 754.

[7] Там же.

Л.Н. Толстой, корреляцией литературы как социального феномена и этическими постулатами П.А. Кропоткина. Для этой цели задействован культурологический, компаративистский и интертекстуальный методы анализа. Определён источник данной проблематики в творческих исканиях А.С. Пушкина. Найденные параллели обнаруживают эманацию художественной философии А.С. Пушкина и моральных императивов Л.Н. Толстого в литературной деятельности Г. Газданова и синхронизацию последней с эволюционной этикой П.А. Кропоткина. Сплошная выборка из работ данных авторов о нетривиальной роли искусства в жизни человека выявляет эстетическую позицию Г. Газданова как прямое отражение концепции Л.Н. Толстого.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.Н. Толстой напрямую связывал искусство как духовную базу общества с «религиозным сознанием», отделяя его (как и Г. Газданов) от «культа религии»: «Сознание это выражено не только Христом и всеми лучшими людьми прошедшего времени и не только повторяется в самых разнообразных формах и с самых разнообразных сторон лучшими людьми нашего времени, но и служит уже руководящею нитью всей сложной работы человечества, состоящей, с одной стороны, в уничтожении физических и нравственных преград, мешающих единению людей, и, с другой стороны, в установлении тех общих всем людям начал, которые могут и должны соединять людей в одно всемирное братство»[8]. Сходные мысли, воплощённые в рассказах и романах Г. Газданова, исследуются в статьях А.Г. Черчесова [7], Д.Л. Сапрыкина [8] и др.

Обратимся к ещё одному претексту Г. Газданова, атрибутированному в «Вечере у Клэр» обращением автобиографического персонажа Николая Соседова к авторитету П.А. Кропоткина как аргументу в споре с дядей Виталием[9]. Переход к этому имени обусловлен и почитанием самим П.А. Кропоткиным Л.Н. Толстого, которое он высказывает в своих лекциях для западных слушателей, изданных под названием «Идеалы и действительность в русской литературе»: «он, как сознательная часть Божественного Неведомого, должен выполнять волю этого Неведомого, которая состояла в том, что каждый должен работать для общего блага» [9]. Сопрягая писателя-творца с «Божественным Неведомым», П.А. Кропоткин манифестирует творчество в духе Р. Отто [10] и К. Юнга [11] как нуминозное, сакральное, онтологическое начало, соответствующее самой сути человеческого. А именно всеобъемлющая категория нуминозного позволяет представлять произведение эйдологической артикуляцией Высшего разума как «беседу «тварного» существа с всепонимающим Абсолютом, случайным свидетелем которой становится читатель… Гений оказывается реинкарнацией Бога» [12, с. 58]. В этой же работе П.А. Кропоткин, солидарно с Л.Н. Толстым и созвучно с позицией Г. Газданова, пишет: «Русская литература представляет такие богатейшие сокровища оригинального поэтического вдохновения; в ней чувствуются свежесть и юность, которые отсутствуют в более старых литературах; ей присущи искренность и простота выражения, делающие её ещё особенно привлекательной для тех, кому приелась уже литературная искусственность» [13].

Вслед за Л.Н. Толстым Г. Газданов в «Вечере у Клэр» указывает на то, что в простой народной песне больше настоящего, неподдельного чувства, чем в модной псевдокультуре: «это искусство, столь же непохожее на настоящее искусство, как поддельный жемчуг на неподдельный»[10]. Репрезентацией развращающих «специалистов, умеющими только вертеть ногами, языком или пальцами»[11], в романе «Полёт» стала «эта старая вертушка» бездарная Лола Энэ, кумир «foule quil'a toujours adoree»[12], на спектаклях которой «никто не плакал от волнения»[13]. А в «Вечере у Клэр» «слабый голос няни... с

[8] *Толстой Л.Н.* Что такое искусство? // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 15. С. 170.

[9] *Газданов Г.* Собрание сочинений: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1. С. 121.

[10] Там же. С. 44.

[11] *Толстой Л.Н.* Что такое искусство? // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 15. С. 42.

[12] *Газданов Г.* Собрание сочинений: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1. С. 427.

[13] Там же. С. 436.

другого берега синей невидимой реки», исполняющий незамысловатый народный куплет, воспринимается как «сила, думал я, точно громадный магнит», помогающая преодолеть «душевные блуждания»[14].

«Движение чувств»[15], как модус сюжетного действия, то есть организованная авторская интуиция, это не только авторское кредо героя-писателя в последнем романе Г. Газданова, но и амальгама аксиологии и метапоэтики, итог духовной эволюции метагероя. Телеологическая установка финала «Вечера у Клэр» – создать «совершенно иное»[16], в «искусственном… небожественном»[17], сумасшедшем мире насилия и похоти-потребления, воплотилась в последнем романе писателя «Эвелина и её друзья» в дружбу, согласие и взаимопомощь. П.А. Кропоткин, опираясь на полную версию теории Ч. Дарвина, полагал, что взаимная помощь, а не борьба за выживание – главный закон эволюции как физической, так и духовной. «Взаимопомощь, Справедливость, Нравственность… эти три инстинкта представляют инстинкты самосохранения» [13]. Проблема органичности добра его человеческой сути волновала ещё А.С. Пушкина, если вспомнить цитату – «Нравственность в природе вещей. Неккер», ставшую эпиграфом к 4-й главе «Евгения Онегина»[18]. А именно это произведение предваряет метароманное творчество Г. Газданова в качестве эпиграфа из «Письма Татьяны» к дебютному «Вечеру у Клэр». В предпоследнем романе «душевная болезнь» поддаётся лечению только через альтруизм и самопожертвование, демонстрацией которых стал «пробуждение», где «средний француз» Пьер практической заботой исцеляет душевнобольную.

А.С. Пушкин в стихотворении «Эхо» пишет о медиаторской феноменологии творчества. Писатель транслирует природу в мир читателя так, чтобы читателю стало доступно сокрытое в ней. Л.Н. Толстой смыслом литературной деятельности полагал «заражение» вирусами добра. Прометеевское начало в миссии писателя предполагает эволюционную заданность развития культуры и человека. Д.В. Курлов объясняет «достаточно конкретную нравственно эстетическую позицию молодого прозаика» как результат «усвоенного опыта писателей-классиков: Толстого и Достоевского» [14, с. 169]. Концепт «заражения»[19] у Л.Н. Толстого противостоит опасности «эпидемии трихин» из сна Раскольникова в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского. Вирусы зла (жестокости и эгоизма) – безличная, тотальная, эдейтическая сила, превращающая человека в бездушный автомат насилия, как это происходит в рассказе «Пленник» Г. Газданова, а «заражение» нравственностью осуществляется личностно от автора к читателю. По А.С. Пушкину, отклик читателя и есть цель и смысл художественного творчества. Таким образом, «пробуждение» от «эпидемии сна» автоматического существования предстаёт в виде «заражения» добром как важнейшая авторская интенция, превращающая кажущуюся хаотичность и контингетность бытия в космос культуры. Рассуждая о пользе искусства как социального явления, Л.Н. Толстой пишет о том, что восприятие произведения подобно процессу сновидения делает человека активным участником жизни даже тогда, когда он «отдыхает». Человек с помощью сна и чтения не прекращает жить, хотя он не является при этом активным субъектом. Человек во сне и в контакте с произведением искусства преодолевает мортальность несамости, то есть саму смерть. Искусство как взаимообмен эмоций вызывает витальный настрой «Stimmung» [15] и формирует упорядоченный образ реального мира. По Г. Газданову, обращение к культуре есть пробуждение от сновидности жизни и обретение самости. Резюмируя данные сопоставления, можно сказать, что борьба с «трихинами зла» разрушения и насилия требует «антител» добра, которые вырабатываются в результате корреспонденс автора и читателя, их духовного взаимодействия, а текст предстаёт нравственной «вакциной» от страха смерти и связанных с ним душевных отклонений.

[14] *Газданов Г.* Собрание сочинений: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1. С. 93.

[15] Там же. С. 335.

[16] Там же. С. 46.

[17] Там же. С. 148.

[18] *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. Л.: Наука, 1978. С. 78.

[19] *Толстой Л.Н.* Что такое искусство? // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 15. С. 78.

«Текучая идентичность», вызванная «броуновским движением» народов в XX–XXI веках в автобиографичном «русском» метагерое Г. Газданова (после Соседова в «Вечере у Клэр» безымянном) определяется им в полионтичной саморефлексии как «всё то количество жизней»[20], контаминированное с падением в бездну небытия «туда, вниз, куда уже упали все остальные»[21]. В такую же пропасть падает и в экспозиции газдановского «Возвращения Будды» я-повествователь, не обременённый личным именем. «Нарастающая неопределённость, множественность и изменчивость социального мира» [16, с. 6] ведёт к внутренней несогласованности сознаний. «Спасением от распада личности и способом интеграции в разнородную внешнюю среду служит возможность быть творцом» [17, с. 7].

ВЫВОДЫ

Духовной миссией Г. Газданова стало утверждение «русской литературы за рубежом как части литературы Европы» [18, p. 33]. В статье «Литературные признания» Г. Газданов рядополагает «Толстого и Пруста… судьбу Анны Карениной и Сонечки Мармеладовой»[22] как единый феномен высших достижений мировой культуры. Традиция «всемирной отзывчивости» русской литературы (в современной интерпретации – «диалоге культур) нашла достойное отражение в русскоязычном осетине, большую часть жизни прожившем во Франции и всегда поддерживающем духовную связь с Россией. «Отражение духа автора в сознании идеального читателя – эта та единственная альтернатива вакууму забвения» [19, с. 96] не только отдельного писателя-эмигранта, но и всей русской культуры, которую Г. Газданов реализовал в своих произведениях. Если в дебютном «Вечере у Клэр» герой, потрясённый эмансипированным поведением своей возлюбленной, не слишком интересуется «непосредственными событиями» – Гражданской войной в России, то в последующих романах личная ответственность человека перед миром становится определяющей. Также образ любви от символической замкнутости трансформируется в развивающее душу чувство. «Начиная с «Призрака» Газданов иначе изображает любовные отношения, его начинает интересовать их эволюция» [20, с. 163]. В романе «Полёт» ставится проблема «неслучайности случайных» событий, чувство человеческого достоинства на фоне социального дна в центре «Ночных дорог», «иной образ» любви, альтруизм и самопожертвование составили смысл «Пробуждения», ценность дружбы нашла своё отражение в «Эвелине и её друзьях». Появление во второй половине метароманного цикла элементов фикшн стало результатом направленности к массовому читателю, социуму, окружающему миру.

Новизна исследования заключается в сопоставлении текстов Л. Толстого и Г. Газданова и обнаружении мировоззренческих параллелей между ними. Ретроспективная выборка фрагментов статьи Г. Газданова «Литература для масс» корреспондируется с цитатами толстовского труда «Что такое искусство?» в качестве доказательства их генетической связи. Опора на духовное наследие классиков в метароманной поэтике Г. Газданова предстаёт «движением чувств» к преодолению автоматического существования и обретению гармонии. В перспективе современной Г. Газданову «эволюционной этики» П.А. Кропоткина культура предстаёт органичным, соприродным явлением. Природа, рацио и мораль образуют онтологическое единство, которое противостоит трагической «разобщённости людей» и бездуховному повседневному существованию. Это направление исследования творчества Г. Газданова может быть полезным не только в академическом литературоведении, но и в учительской практике.

[20] *Газданов Г.* Собрание сочинений: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1. С. 160.

[21] Там же. С. 64.

[22] Там же. С. 736.

Список источников

1. *Шитакова Н.И.* Лев Толстой и Гаито Газданов: творческие связи // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4 (77). С. 156-158.

2. *Иванов Е.* Утопия «Сон о Клэр» в метароманной поэтике прозы Г. Газданова // Утопический дискурс в русской культуре конца XIX–XXI веков: литература, живопись, кинематограф. Серия: Универсалии культуры / науч. ред. Н.В. Ковтун. Вып. 11. М.: ФЛИНТА, 2021. С. 195-203.
3. *Кузнецова Е.В.* Жанровые трансформации в прозе Г. Газданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2 ч. Ч. 1. С. 108-110.
4. *Аронсон О.В.* Экономика заражения (заметки о теории искусства Льва Толстого) // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2017. № 3. С. 195-207.
5. *Бабич И.Л.* Гайто Газданов и масонская ложа «Северная звезда» (1932–1971 годы) // Новый исторический вестник. 2016. № 49 (3). С. 184-199.
6. *Сакулин П.М.* Синтетическое построение истории литературы. М., 1925. 118 с.
7. *Черчесов А.Г.* Формула прозрачности: об одном романе и некоторых особенностях творческого метода Гайто Газданова // Владикавказ. 1995. № 2. С. 67-81.
8. *Сапрыкин Д.Л.* Рассказ Газданова «Панихида» и религиозные корни творчества // Возвращение Гайто Газданова: материалы конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. 4–5 дек. 1998 г. М.: Рус. путь, 2000. С. 187-193.
9. *Кропоткин П.А.* Идеалы и действительность в русской литературе. М.: Век книги, 2003. 320 с.
10. *Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: АНО «Изд-во С.-Петерб. ун-та», 2008. 272 с.
11. *Юнг К.* Психоанализ и искусство. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1998. 304 с.
12. *Иванов Е.Е.* Нуминозное в прозе Г. Газданова // Вестник государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. № 1. С. 54-59.
13. *Кропоткин П.А.* Этика. Происхождение и развитие нравственности. М.: Политиздат, 1991. 493 с.
14. *Курлов Д.В.* «Искусство фантастического»: художественные представления Г. Газданова в 1920-е гг. // Филология и культура. 2018. № 3 (53). С. 169-174.
15. *Gumbrecht H.U.* Atmosphere, Mood, Stimmung: On a Hidden Potential of Literature. Palo Alto: Stanford University Press, 2012. 149 p.
16. *Белинская Е.П.* Современные исследования идентичности: от структурной определённости к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 6-15. https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101
17. *Ivanova G.P.* Prose miniatures as an experience of self-identification (author's mini-texts in the Vepsian language) // E3S Web of Conferences. EDP Sciences 8 International Scientific and Practical Conference «Innovative technologies in science and education», ITSE-2020. Rostov-on-Don, 2020. P. 16005. https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021016005
18. *Venditti M.* The suspended flight by Gaito Gazdanov // Life and works of a Russian writer who emigrated to Paris. Milan: Mimesis, 2018. 162 p. (In Italian).
19. *Иванов Е.Е., Иванова Г.П.* Сон в прозе Гайто Газданова как литературная проблема // Неофилология. 2021. Т. 7. № 25. С. 91-101. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-25-91-101
20. *Шабурова М.Н.* Роман Газданова «Призрак Александра Вольфа»: смена художественных ориентиров // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 11 (54). С. 157-165.

References

1. Shitakova N.I. Lev Tolstoy i Gaito Gazdanov: tvorcheskiye svyazi [Leo Tolstoy and Gaito Gazdanov: creative connections]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki – Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2017, no. 4 (77), pp. 156-158. (In Russian).
2. Ivanov E. Utopiya «Son o Kler» v metaromannoy poetike prozy G. Gazdanova [Utopia "Dream of Claire" in the meta-novel poetics of G. Gazdanov's prose]. *Utopicheskiy diskurs v russkoy kul'ture kontsa XIX–XXI vekov: literatura, zhivopis', kinematograf. Seriya: Universalii kul'tury. Vyp. 11* [Utopian Discourse in Russian Culture of the Late 19th–21st Centuries: Literature, Painting, Cinematography. Series: Universals of Culture. Issue 11]. Moscow, FLINTA Publ., 2021, pp. 195-203. (In Russian).
3. Kuznetsova E.V. Zhanrovyye transformatsii v proze G. Gazdanova [Genre transformations in G. Gazdanov's prose]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. Tambov, Gramota Publ., 2008, no. 1 (1): in 2 pts, pt 1, pp. 108-110. (In Russian).
4. Aronson O.V. Ekonomika zarazheniya (zametki o teorii iskusstva L'va Tolstogo) [Economics of contagion (notes on the Leo Tolstoy's theory of art)]. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh is-*

sledovaniy – The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research, 2017, no. 3, pp. 195-207. (In Russian).
5. Babich I.L. Gayto Gazdanov i masonskaya lozha «Severnaya zvezda» (1932–1971 gody) [Gaito Gazdanov and masonic lodge "Northern Star" (1932–1971)]. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*, 2016, no. 49 (3), pp. 184-199. (In Russian).
6. Sakulin P.M. *Sinteticheskoye postroyeniye istorii literatury* [Synthetic Construction of the History of Literature]. Moscow, 1925, 118 p. (In Russian).
7. Cherchesov A.G. *Formula prozrachnosti: ob odnom romane i nekotorykh osobennostyakh tvorcheskogo metoda Gayto Gazdanova* [The formula of transparency: about one novel and some features of the creative method of Gaito Gazdanov]. Vladikavkaz, 1995, no. 2, pp. 67-81. (In Russian).
8. Saprykin D.L. Rasskaz Gazdanova «Panikhida» i religioznyye korni tvorchestva [Gazdanov's story "Requiem" and the religious roots of creativity]. *Materialy konferentsii, posvyashchennoy 95-letiyu so dnya rozhdeniya 4–5 dekabrya 1998 g. «Vozvrashcheniye Gayto Gazdanova»* [Proceedings of the Conference Dedicated to the 95th Anniversary of the Birth of December 4–5, 1998 "Return Of Gaito Gazdanov"]. Moscow, Russkiy put Publ., 2000, pp. 187-193. (In Russian).
9. Kropotkin P.A. *Idealy i deystvitel'nost' v russkoy literature* [Ideals and Reality in Russian Literature]. Moscow, Vek knigi Publ., 2003, 320 p. (In Russian).
10. Otto R. *Svyashchennoye. Ob irratsional'nom v ideye bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nym* [Sacred. On the Irrational in the Idea of the Divine and Its Relation to the Rational]. St. Petersburg, ANCO "Saint-Petersburg State University Publ.", 2008, 272 p.
11. Yung K. *Psikhoanaliz i iskusstvo* [Psychoanalysis and Art]. Moscow, Refl-buk, Vakler Publ., 1998, 304 p. (In Russian).
12. Ivanov E.E. Numinoznoye v proze G. Gazdanova [Numinous in the prose by G. Gazdanov]. *Vestnik gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta – Vestnik of State University of Humanities and Technology*, 2021, no. 1, pp. 54-59. (In Russian).
13. Kropotkin P.A. *Etika. Proiskhozhdeniye i razvitiye nravstvennosti* [Ethics. Origin and Development of Morality]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 493 p. (In Russian).
14. Kurlov D.V. *«Iskusstvo fantasticheskogo»: khudozhestvennyye predstavleniya G. Gazdanova v 1920-e gg.* ["The Art of the Fantastic": G. Gazdanov's artistic representations in the 1920s]. Filologiya i kul'tura – Philology and Culture, 2018, no. 3 (53), pp. 169-174. (In Russian).
15. Gumbrecht H.U. *Atmosphere, Mood, Stimmung: On a Hidden Potential of Literature.* Palo Alto, Stanford University Press, 2012, 149 p.
16. Belinskaya E.P. Sovremennyye issledovaniya identichnosti: ot strukturnoy opredelennosti k protsessual'nosti i nezavershennosti [Modern identity studies: from structural certainty to procedural incompleteness]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika – Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 6-15. https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101. (In Russian).
17. Ivanova G.R. Prose miniatures as an experience of self-identification (author's mini-texts in the Vepsian language). *E3S Web of Conferences. EDP Sciences 8 International Scientific and Practical Conference "Innovative technologies in science and education", ITSE-2020*. Rostov-on-Don, 2020, p. 16005. https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021016005
18. Venditti M. *The suspended flight by Gaito Gazdanov. Life and Works of a Russian Writer Who Emigrated to Paris*. Milan, Mimesis Publ., 2018, 162 p. (In Italian).
19. Ivanov E.E., Ivanova G.P. Son v proze Gayto Gazdanova kak literaturnaya problema [Dream in Gaito Gazdanov's prose as a literary problem]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 91-101. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-25-91-101. (In Russian).
20. Shaburova M.N. Roman Gazdanova «Prizrak Aleksandra Vol'fa»: smena khudozhestvennykh oriyentirov [The Gazdanov's novel "The Specter of Alexander Wolf": change of artistic paradigm]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye – RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, 2010, no. 11 (54), pp. 157-165. (In Russian).

Информация об авторе

Иванов Евгений Евгеньевич, аспирант, кафедра филологии и методики, историко-филологический факультет, отделение гуманитарно-эстетического образования, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-9937-4357, Researcher ID: A-2667-2019, ayaom@list.ru

Вклад в статью: разработка концепции, структурирование текста, анализ литературных источников, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 05.07.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 30.11.2021
Принята к публикации 23.12.2021

Information about the author

Evgeny E. Ivanov, Post-Graduate Student, Philology and Methodology Department, History and Philology Faculty, Humanitarian and Aesthetic Education Department. Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-9937-4357, Researcher ID: A-2667-2019, ayaom@list.ru

Contribution: conception development, text structuring, literature references analysis, manuscript text drafting.

The article was submitted 05.07.2021
Approved after reviewing and revision 30.11.2021
Accepted for publication 23.12.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-107-117

Топос кладбища в романах Е.Г. Водолазкина

Денис Сергеевич ГУДИН
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ lordslaing@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования является топос кладбища как один из важнейших конструктов художественного пространства романов «Лавр», «Авиатор», «Брисбен», «Оправдание Острова» современного русского писателя Е.Г. Водолазкина. Актуальность работы объясняется заинтересованностью отечественного литературоведения в изучении литературного процесса XX–XXI веков и творчества одного из наиболее ярких, самобытных и авторитетных современных прозаиков – Евгения Водолазкина. Цель исследования – изучить поэтические и функциональные особенности кладбищенской топики в указанных романах. Методология исследования основывается на комбинированном подходе, включающем историко-культурный, мифопоэтический, структурный, компаративный и рецептивный методы. В результате исследования установлено, что Водолазкин создаёт сложное, символическое пространство, которое изменяется и «проживает» романную историю наряду с героями. Кладбище предстаёт в трёх ипостасях: как мифологическое, коммеморативное и диалоговое пространство. Образ кладбища создаётся с помощью запахов, света и цвета, а также фактур (эффект тактильности), которые также являются «маркерами» положительного пространства или, наоборот, пространства с отрицательной коннотацией. Таким образом, кладбище – один из главных топосов в романах Водолазкина, это пространство объединения, преодоления «разрыва» – временного, духовного, культурного, языкового, национального и др. Полученные в ходе исследования результаты могут быть применены при подготовке вузовских курсов по истории русской литературы рубежа XX–XXI веков, а также спецкурсов и спецсеминаров.

Ключевые слова: Е.Г. Водолазкин, современная проза, мифологическое пространство, место памяти, диалоговое пространство

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90048.

Для цитирования: *Гудин Д.С.* Топос кладбища в романах Е.Г. Водолазкина // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 107-117. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-107-117

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

OPEN ACCESS

© Гудин Д.С., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-107-117

Topos of cemetery in E.G. Vodolazkin's novels

Denis S. GUDIN
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ lordslaing@yandex.ru

Abstract. The subject of research is the cemetery topos as one of the most important constructs of the artistic space of novels "Laurus", "Aviator", "Brisbane", "Justification of the Island" by the modern Russian writer E.G. Vodolazkin. The relevance of work is explained by the interest of Russian literary studies in the study of literary process of the 20th–21st centuries and the work of one of the brightest, original and authoritative modern prose writers – Eugene Vodolazkin. The purpose of research is to study poetic and functional features of the cemetery topics in the above-mentioned novels. The research methodology is based on a combined approach, including historical and cultural, mythopoetic, structural, comparative and receptive methods. As a result of our research, we establish that Vodolazkin creates a complex, symbolic space that changes and "lives" the novel's story along with the heroes. The cemetery appears in three aspects: as a mythological, commemorative and dialogue space. The image of cemetery is created with the help of smells, light and color, as well as textures (tactile effect), which are also "markers" of positive space or, conversely, space with negative connotations. Thus, the cemetery is one of the main toposes in Vodolazkin's novels, it is a space for unification, overcoming the "gap" – temporal, spiritual, cultural, linguistic, national, etc. The results obtained in the course of study can be applied in the preparation of university courses on the Russian literature history at the turn of the 20th and 21st centuries, as well as special courses and special seminars.

Keywords: E.G. Vodolazkin, modern prose, mythological space, memory space, dialogue space

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-312-90048.

For citation: Gudin D.S. Topos kladbishcha v romanakh E.G. Vodolazkina [Topos of cemetery in E.G. Vodolazkin's novels]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 107-117. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-107-117 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

Введение. Современный русский писатель Е.Г. Водолазкин стал широко известен после выхода романа «Лавр» в 2012 г. Постмодернистское или даже пост-постмодернистское житие вымышленного средневекового врача и святого Арсения-Устина-Амвросия-Лавра оказалось очень успешным: первая премия «Большая книга», премия «Ясная Поляна», роман вошёл в шорт-листы «Национального бестселлера» и «Русского Букера».

В последующих произведениях Водолазкин, с одной стороны, стремится дистанцироваться от истории о святом старце и пробует себя в других жанрах: например, «Авиатор» (2016) формально является фантастическим романом, «Брисбен» (2018) – это художественно трансформированная автобиография, «Оправдание Острова» (2020) – роман-хроника, многоголосое размышление о времени и конце истории. Помимо этого, Водолазкин усложняет структуру и композицию текстов, экспериментирует с наррацией и языком, говорит не только о прошлом, но и о последних исторических событиях (например, украинский Евромайдан 2014 г. в «Брисбене» или жёлто-жилетные протесты 2018 г. в «Оправдании Острова»). С другой стороны, идейно-тематический комплекс от

романа к роману остаётся неизменным: Водолазкин пишет о личности и истории, поисках Бога, вечности и, конечно, о времени и памяти. Можно отметить ряд художественно-поэтических констант, к которым неизменно прибегает автор: мифологизм, внутренняя интертекстуальность (множественные автоцитирования), «зарифмованность» характеров героев; двойничество на уровне пространства, формалистские эксперименты с темпоральностью, устойчивая система образов героев (здесь и мужчина-творец в момент кризиса, и обязательный старец-наставник, и юная утопленница и др.).

Предметом настоящего исследования является топос кладбища как один из важнейших конструктов художественного пространства романов «Лавр», «Авиатор», «Брисбен» и «Оправдание Острова». Актуальность работы объясняется заинтересованностью отечественного литературоведения в изучении литературного процесса рубежа XX–XXI веков, а также творчества Евгения Водолазкина – одного из самых известных и самобытных русских писателей наших дней. Большинство исследователей его творчества обращают внимание на темпоральное устройство романов [1; 2], при этом проблема пространственности в прозе Водолазкина пока что не получила достаточной научной рецепции. Кроме того, в качестве материала мы обращаемся к недавно вышедшим и малоизученным романам Водолазкина – «Брисбен» и «Оправдание Острова». **Цель** нашего исследования – изучить поэтические и функциональные особенности кладбищенской топики в указанных выше романах. То есть ответить на вопросы: какими художественными средствами Водолазкин создаёт образ кладбища; как пространственный уровень помогает транслировать авторскую идею; почему топос кладбища появляется в каждом новом романе Водолазкина? **Методология** исследования основывается на комбинированном подходе, включающем историко-культурный, мифопоэтический, структурный, компаративный и рецептивный методы.

Кладбище как мифологическое пространство-междумирие. Е. Водолазкин выстраивает романы по мифологической схеме. Миф возникает в пограничье – временном, пространственном, языковом и т. д. Как правило, действие романов разворачивается в комплексном пространстве-междумирии (интерпространстве), в котором синтезируются противопоставленные начала: жизнь и смерть, земля и небо, своё и чужое. Поэтому кладбище – средоточие пути, место схождения разных планов реальности – является одним из главных топосов литературного тетраптиха «Лавр» – «Авиатор» – «Брисбен» – «Оправдание Острова».

В романе «Лавр» кладбище – это отправная точка романного действия. В дедовском доме-пятистенке, граничащем с кладбищем, проходит детство и отрочество Арсения-Лавра. В рамках идиллического кладбищенского хронотопа герой взрослеет, обучается мастерству врачевания, встречает возлюбленную. В семантическом плане кладбище тождественно дому, налицо тот же комплекс смыслов: жизнь, защищённость, уют, покой, «своё» пространство. В романе кладбище и дом образуют единый топос, который имеет положительную маркированность. Антиподом этого пространства выступает скудельница – общая могила для странников, самоубийц и умерших без причащения, куда после смерти попадают родители Арсения, его возлюбленная Устина, а также их мертворождённый ребёнок. Вариантом топоса скудельницы могут выступать лесная чаща или болото.

Пространствам присуща динамика: с развитием сюжета их качественные характеристики меняются. Например, травник Христофор поселяется в выморочной избе рядом с кладбищем, где много чумных покойников. Подобно тому, как травник «изгоняет» болезни из человеческих тел, он очищает и пространство. Приметами обновлённого топоса становятся тепло и запахи (тепло печи и тепло нагретой солнцем могильной плиты, на которой юный Арсений любит развалиться вместе с книгой; запах сушившихся под потолком трав, печного дыма, свежеструганных досок). В конце первой части романа, во время родов Устины, в ольфакторную картину врывается запах серы, который свидетельствует о начале трансформации пространства. Спустя время запах серы сменяется смрадом разложения и холодом давно не топленной печи. Таким образом комплексный топос «кладбище – дом» превращается в скудель-

ницу, пространство не-жизни, антидом. В финале романа старец Лавр завещает не хоронить его после смерти, а положить в болотную дебрь; тем самым духовный подвиг святого как бы нейтрализует пространственный антагонизм и примиряет топосы скудельницы и кладбища[1].

Кладбище как коммеморативное пространство. В последующих романах Водолазкин по-прежнему использует кладбищенский хронотоп. Главный герой «Авиатора» Иннокентий Платонов случайно встречает свою соседку и будущую возлюбленную Анастасию Воронину на Смоленском кладбище Петербурга – эта сцена очень созвучна первой встрече Арсения-Лавра и Устины. И здесь также важными атрибутами и индикаторами, определяющими коннотацию пространства, являются запахи и фактуры: приятный запах прелой листвы и воздух, свежий до рези, говорят о том, что этот топос со знаком плюс[2]. По ходу сюжета функциональная значимость кладбищенского хронотопа возрастает: для «воскресшего» после шестидесятилетней заморозки героя кладбище становится местом объединения разрозненных временных пластов и восстановления цельности его личности. Многочисленные знакомые, некогда заполнявшие жизненное пространство Платонова, теперь погребены на различных питерских кладбищах: Смоленском, Серафимовском, Никольском кладбище Александро-Невской лавры. И одной из немногих возможностей для героя поддерживать связь с прошлым, выполнять эту гамлетовскую сверхзадачу и восстанавливать распавшуюся связь времён становятся регулярные посещения кладбищ. Для того чтобы повстречаться со своим наставником, мудрым старцем Терентием Осиповичем Добросклоновым, герой даже готов прибегнуть к эксгумации. К слову, благодаря ремонтным работам Водоканала ему это удаётся. И мифологическое пространство кладбища (совсем как в волшебной сказке!) не оказывает противодействия, а само помогает герою, способствует контакту с планом инобытия (то же самое видим в сценах, где Платонов выпивает вместе с призрачным Остапчуком на его могиле).

Водолазкин констатирует связь героя и кладбищенской топики, которая зародилась ещё в детстве Платонова: «Я любил эти походы, потому что были они как загородные поездки: зелень, пруд – будто не кладбище, а парк. <…> Благодаря этому кладбищу я, может быть, и смерти не боялся. Боялся, конечно, но как-то так, без паники»[3]. Как отмечают исследователи, Платонов, как и Арсений-Лавр, отрицает смерть и пытается соединить христианские представления о душевном бессмертии с ощущением реальности посмертного телесного существования [3, с. 22-24]: «Могилу мы нашли без труда <...> Несмотря на отсутствие имени и могильного холмика, мама здесь, конечно же, присутствовала. Это было ощутимо»[4].

Таким образом, в романе «Авиатор», в котором доминантной является тема памяти, хронотоп кладбища актуализируется, может быть, даже в большей степени, чем в «Лавре». Кладбище здесь – это не только мифологический топос, граница двоемирия, но также «место памяти» – символическое пространство, которое выходит на первый план в современном русском «неисторическом» романе. Для неисторического романа вообще характерен интерес к «другой» истории – не хронологической, но персональной, субъективной, истории запахов, звуков, впечатлений. Иными словами, в романах Водолазкина память постоянно «сражается» с историей. По мысли французского историка Пьера Нора, в «месте памяти» (lieu de mémoire) воспоминание кристаллизуется и находит своё убежище от всеперемалывающих лопастей истории. Нора определяет места памяти следующим образом: «<…> места смешанные, гибриды и мутанты, интимно связанные с жизнью и смертью, со временем и вечностью, в спирали коллективного и индивидуального, прозаического и сакрального, неизменного и подвижного» [4, с. 41]. И в этом смысле топос кладбища позволяет помещённому в чужеродный исторический контекст герою совладать с дискретностью времени и

[1] Подробнее о топосе кладбища как мифологическом пространстве см.: *Гудин Д.С., Сорокина Н.В.* Символика пространства-междумирия в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 9. С. 33-37.

[2] *Водолазкин Е.Г.* Авиатор. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 80-81.

[3] Там же. С. 301.

[4] Там же. С. 146-147.

беспамятством (личным и социальным), исследовать собственную темпоральную, поколенческую идентичность, а также преодолеть духовную энтропию. В конечном итоге убийца-Платонов посещает могилу своей жертвы, Зарецкого, где искренне раскаивается в совершённом преступлении – так происходит возвращение героя в догреховное состояние или, как это называет сам Платонов, «преодоление времени»[5].

Амнезия героя – это не только «удобный» нарративный приём, но также метафора кризиса времени, разрыва истории, не только персональной, но и всеобщей. Исследователи отмечали эту особенность художественного почерка Водолазкина: идти от частного к общему, от импрессионистичной детали к примете эпохи [5, с. 190]. В «Лавре» Водолазкин конструирует средневековый хронотоп, потому что, по его словам, это наиболее подходящий контекст для разговора о Боге[6]. А для того, чтобы показать «разрыв» – духовный, культурный, исторический, коммеморативный, «до» и «после» русского человека, автор обращается к двадцатому столетию. Ответственный за век («двойник века») Платонов вспоминает – не «сам за себя», как это бывает во время игры в прятки, а за поколение русской интеллигенции, память о котором репрессировали и изнасиловали молодчики в кожаных тужурках.

Роль художественного пространства в эпоху кризиса времени усиливается, при этом само пространство темпорализуется, заражается временем [6, с. 46; 7, с. 209, 213]. Отсюда и «остров времени», на который попадает Робинзон-Платонов. Герой прячется от обрушившейся на него эпохи в «спасительной суше» – знакомых пространствах, которые, к слову, соприродны острову и кладбищу или даже формально являются таковыми. То есть комплекс «кладбище – дом» в «Авиаторе» разрастается в пространственное трио: «кладбище – дом – остров». На уровне архитектуры художественного пространства возникает эффект матрёшки: Смоленское кладбище – это островок памяти в сердце Васильевского острова (заметим, что упоминание Васильевского острова отсылает к нон-фикшн-сборнику «Дом и остров, или инструмент языка» и эссе «Дом и остров», где под «островом» понимается и василеостровская территория, и «Пушкинский Дом» – место работы Водолазкина); от Васильевского острова переходим к окольцованному некрополями городу-острову, или, вернее, уже архипелагу, Петербургу.

Петербург – город-кладбище и город-память, город-преступление и город-покаяние, форпост нашей «европейскости». Островная природа Петербурга символична – это пространство космического, рационального и вместе с тем искусственного до неестественности – всего того, что в нашем сознании противопоставлено и одновременно отделено от «тёмной», «византийской», «рассупонившейся» России. Это пространство преодоления «тьмы лесов и топи блат», которые, как это ни парадоксально, заложены в его фундамент (Петербург – вообще пространство парадоксального). Иннокентий Платонов вспоминает: «Я ведь любил Петербург бесконечно. <…> Его гармония противостояла в моих глазах хаосу, который пугал и расстраивал меня с детства. Я сейчас не могу как следует восстановить событий моей жизни, помню лишь, что, когда меня захлестывали волны этого хаоса, спасала мысль о Петербурге – острове, о который они разбиваются…»[7]. Наверное, мало в каком из российских городов так остро ощущаются разорванность времени, пресловутые «до» и «после» и вместе с тем трагическая преемственность пространства, как в северной столице. Подробнее об этом речь пойдёт позднее, но мы заранее обозначим точки разрыва – революционный Петроград и блокадный Ленинград. Причём именно в годы блокады это место в наибольшей степени соответствует модели «остров-кладбище».

Помимо того, что Платонов является двойником века, он ещё и двойник города. Главные герои исследуемых романов вообще привязаны к «земле» и похожи на Петербург – не только жители этого города Платонов и герой «Брисбена» Яновский (для которого Петербург – это символ «северного», русского пути), но даже средневековый врач Арсе-

[5] *Водолазкин Е.Г.* Авиатор. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 409.

[6] *Рычкова О.* Истина на поводке // Российская газета. 2010. Вып. № 5208 (129).

[7] *Водолазкин Е.Г.* Авиатор. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 31.

ний-Лавр. Например, созвучны реноминации героя и пространства: «Арсений – Устин – Амвросий – Лавр» перекликается с «Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург», а «Рукинец – Врач» с народным названием северной столицы – «Питер». Несмотря на то, что массив романного действа в «Лавре» приходится на рубеж условных XV–XVI веков, Петербург здесь будто бы предсуществует: сначала как идея города; затем в виде «вариантов», синонимичных городских пространств – Пскова (главный торговый и культурный центр северо-запада до основания Петербурга) и Венеции (европейский близнец). Географическая «разорванность» этих пространств, разделённость водой усиливают ощущение кризиса времени, разрыва истории, а постоянное пересечение героями водной преграды – это не что иное, как инициация, символическое умирание. В финале «Книги Пути» остров-кладбище Петербург врывается в повествование уже во плоти и шпилем Петропавловской крепости пронзает пространство-время.

Водолазкин наполняет художественную систему романов пространствами-двойниками. Выше мы писали, что это могут быть как синонимичные топосы (например, изба травника и пещера старца в романе «Лавр»), так и пространства-антиподы (дом – ложный дом, кладбище – скудельница). В «Авиаторе» главным оппозитом Петербурга выступают Соловки, где в лагере особого назначения (СЛОН) отбывает наказание герой. Остров-кладбище Петербург и Соловецкий архипелаг – это пространства, которые формируют картину мира Робинзона-Платонова (остров гармонии и остров хаоса): «Если приставить к глазам руки на манер бинокля, закрыв окружающее, то можно было представить себе, что это не над Соловками небо, а где-нибудь над Парижем или по меньшей мере над Питером. Такие вещи <…> как бы удостоверяли, что элементы разумного на свете всё ещё присутствуют – если не у людей, то в природе»[8].

Соловецкие острова – это трагическое пространство, где парадоксальным образом сплавлены жизнь и смерть, человеческое и зверское, природное и христианское, Голгофа и Акелдама. И в этом смысле Соловки вполне могли бы «конкурировать» с Петербургом, особенно по ощущению дискретности времени. В российской истории прошлого века немало моментов разорванности, обозначим некоторые наиболее травматичные и до сих пор непреодолённые: Октябрьская революция, Великая Отечественная война (блокада Ленинграда как одна из самых страшных гуманитарных катастроф человечества), ГУЛАГ. И если первые два «разрыва» определяют наше сегодняшнее восприятие петербургского хронотопа, то Соловецкий архипелаг навсегда «зарифмован» с Архипелагом, о котором писал Солженицын. Заметим также, что пространство Соловков в массовом сознании, помимо ГУЛАГа, связано с расколом Русской православной церкви (противники реформы патриарха Никона в течение восьми лет укрывались за стенами Соловецкого монастыря от царских стрельцов, и монашеская жизнь Никона начиналась здесь, в Свято-Троицком Анзерском скиту). То есть комплекс значений «разрыв», «раскол», «оторванность», «отчуждённость», «осаждённость» и других прочно закреплён за этим пространством.

В сознании Платонова непохожие «острова» – Петербург и Соловки (Большой Соловецкий остров) – всегда соседствуют и часто противопоставлены, как кладбище и скудельница. Если любимые им питерские кладбища, больше похожие на парки, с зеленью и прудом, располагают к милым семейным ритуалам или романтическим прогулкам, то соловецкое пространство мортально: «Я видел тех, кого находили весной, – их называли подснежниками – с выклеванными глазами, отгрызенными ушами»[9]. Лагерный «обряд погребения» описывается детально и натуралистично:

«Умерших закапывали – по-простому, без гробов. Выносили трупы из лазарета и бросали в ящик на телеге. В ящике помещалось четыре трупа, которые прикрывались дощатой крышкой. Если трупы не помещались, санитар залезал на крышку и утаптывал мертвецов. Привозил их к яме и сбрасывал вниз. Яма закапывалась по мере наполнения. Таких ям было много, и время от времени мне приходилось мимо них проходить. И они у меня не вызывали ужаса.

[8] *Водолазкин Е.Г.* Авиатор. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 188.

[9] Там же. С. 75.

Ужаснулся я лишь однажды – когда один из трупов зашевелился. <…> он вдруг протянул в мою сторону руку и представился:

– Сафьяновский…»[10].

Для сравнения приведём описания транспортировки покойных и скудельницы в «Лавре»: «Даже будучи вынесенными из домов наружу, мёртвые безудержно разлагались. Стыдливые гримасы покойников явственно показывали, что они больше ничего не могли с собой поделать. Им требовалась срочная помощь. Была найдена телега, на которую складывали тела. Их отвозили в ближайшую скудельницу за три версты, и там они оставались ждать Семика»[11]; «Там тела опускали на дно глубокой ямы и закладывали сосновыми ветвями. <…> Особенно грустным зрелище было весной, когда таявший снег сдвигал ветви с их мест. Тогда заложные покойники представали в самом неприглядном своём виде – лишённые глаз и носов, с руками и ногами, сползшими на соседние тела, – словно в обнимку друг с другом»[12].

Налицо очередная перекличка между романами. Из представленных сцен следует, что соловецкое пространство включает в себя компонент «скудельница», но не исчерпывается им. Говоря о противопоставлении Петербурга и Соловков, острова-кладбища и острова-скудельницы, мы не должны забывать, во-первых, о неоднородности, «архипелаговости» этих пространств, и, во-вторых, о пространственной динамике. Так, в разное время одно и то же место может восприниматься иначе и отражать различный комплекс смыслов. Будут ли тождественными образы дореволюционного, идиллического, «детского» Петербурга Платонова и блокадного Ленинграда?

Водолазкин, как нам представляется, сознательно уходит от прямого изображения блокады в «Авиаторе», восемьсот семьдесят два страшных дня, пережитых Петербургом-Ленинградом, приходятся на время летаргического сна героя и вынесены в пространство между строк, однако это вовсе не значит, что герой не разделил судьбы родного города. Блокада настигает Платонова задолго до 8 сентября 1941 года, и Соловки становятся «прототипом» блокадного Ленинграда (вспоминаем про раскольническое Соловецкое сидение в XVII веке или бомбардировку монастыря англичанами в 1854 г.). Это косвенно подтверждает приведённый диалог Платонова и Гейгера: «Ощущаю жгучую тоску по непрожитым мной годам. Своего рода фантомную боль. Пусть я был тогда заморожен, но я ведь – был! Значит, и это время – моё время, я несу и за него ответственность»[13].

На легитимность нашего предположения указывает также фрагмент из новеллы Водолазкина «Кунсткамера в лицах». Описанное здесь пространство созвучно топосу скудельницы, который мы наблюдали в «Лавре» и в соловецких эпизодах «Авиатора»: «В ту же зиму дядя Гуря умер. Родные могли бы вытащить тело на улицу, где его подобрала бы похоронная команда, но этого не сделали. Они не хотели хоронить его в общей могиле. Его просили подождать до тех пор, пока не соберут нужного количества хлебных карточек: похороны в блокадном городе стоили дорого. И дядя Гуря ждал, он вёл себя как настоящий георгиевский кавалер. Лежал прямо в комнате и не разлагался – так было холодно»[14]. То есть маркёр компонента «кладбище» в составе пространственного комплекса «остров-кладбище Петербург» меняется с положительного на отрицательный; происходит переход от парковой кладбищенской идиллии к скудельнице.

Таким образом, «миссия» Платонова – преодоление времени, исторического разрыва, возвращение в догреховное состояние – находит пространственное выражение: герой, как и Арсений-Лавр, должен примирить противопоставленные топосы, уравнять Соловки и Петербург, скудельницу и кладбище, Акелдаму (село Скудельниче) и Голгофу. При этом Водолазкин помещает героя в максимально функциональное и глубоко символическое антиномичное пространство, которое подчёркивает внутренний дисбаланс ге-

[10] *Водолазкин Е.Г.* Авиатор. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 302.

[11] *Водолазкин Е.Г.* Лавр. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. С. 126.

[12] Там же. С. 108.

[13] *Водолазкин Е.Г.* Авиатор. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 380.

[14] *Водолазкин Е.Г.* Дом и остров, или Инструмент языка. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 174.

роя и одновременно с этим ведёт к духовному воскресению. Так, например, секретная лаборатория ЛАЗАРЬ, где замораживают Платонова, находится, по всей вероятности, на территории бывшего Голгофо-Распятского скита на острове Анзер, на вершине холма, который так и зовётся – Голгофа. Об амбивалентности этого места в ранних северных очерках писал М.М. Пришвин: «Самим богом предназначено это место для спасения души, потому что в этой природе, в этой светлости нет греха. <…> Да, но как же это... Города проваливаются... Не признают времени... Быть может, это очень высоко... или низко... Свет это или тьма... Не свет это и не тьма <...> – это гроб, и все эти озёра, зелёные ели, весь этот дивный пейзаж – не что иное, как серебряные ручки к чёрной, мрачной гробнице»[15]. Однако смерть попирается смертью, и в одном из эпизодов романа Пасхальный тропарь звучит параллельно над лагерными Соловками, на ночь утратившими мортальность, и в Князь-Владимирском соборе «воскресшего» Петербурга: «Мы стояли между могил в подтаявших сугробах и ловили слова службы, которые доносились из открытых дверей. И пахло уже весной, и ветер был теплым, а под нашими ногами лежали сущие во гробех. Впервые за многие месяцы жизни на острове стало легко на душе. <…> Даже те, кто находился в начале долгого лагерного срока, поверили в грядущее освобождение»[16].

Кладбище как диалоговое пространство. В романе «Брисбен» кладбищенский хронотоп и его атрибуты также во многом определяют картину мира героя: ребёнком Глеб Яновский сравнивает домру в кофре с молодой девушкой в гробу; в каждый киевский приезд герой навещает бабушку на Берковецком кладбище; на могиле Ахматовой, в минуту педагогического триумфа, решается радикально изменить жизнь и оставить работу в школе.

Детально в романе описаны сцены похорон Фёдора, отца главного героя. Событийно этот эпизод базируется на автобиографическом рассказе Водолазкина «Какие разные похороны» (2016). И в рассказе, и в романе топос кладбища выступает в качестве идиллического, вневременного пространства и сохраняет набор позитивных смыслов, которые декларировались в «Лавре» и «Авиаторе».

В рассказе «Какие разные похороны» Водолазкин выводит оппозицию: сельский украинский погост – парижский Пер-Лашез, при всей непохожести оба этих топоса символизируют единство людей перед «последним врагом». Здесь кладбище (похороны) – это пространство успешного диалога в разноязыком мире. Русский писатель отправляется на похороны отца в послемайданную Украину, и у него не возникает никаких проблем ни с местными пограничниками, ни даже с «тварюками» из автоинспекции. Отсюда и оптимистичный вывод: «Похоже, мы всё ещё один народ»[17]. Пер-Лашез – это тоже «живое» кладбище, пространство понимания. Герой общается с русской смотрительницей писсуаров в крематории, находит общий язык с иностранцем, участвующим в похоронах джазмена: «Меня узнал мой собеседник и, перекрикивая оркестр, напомнил мне: «Презрение к смерти!». Поднял две руки, соединённые в замок»[18].

В «Брисбене» Водолазкин художественно исследует «разрыв» не только временной (советское и постсоветское), но также национальный, культурный, диалоговый, иными словами – русско-украинский. И теперь топос сельского кладбища (диалоговое пространство) противопоставлен киевскому Евромайдану.

По сюжету романа, киевлянина Фёдора хоронят в украинской глубинке, на родине его матери – селе Лозовом, так как на сельском кладбище лежать спокойнее, это происходит на фоне антиправительственных выступлений в феврале 2014 г. Несмотря на предостережения о том, что в Киеве неспокойно, Глеб Яновский накануне похорон отца всё-таки отправляется на Крещатик и вместо родного пространства («Я – часть ночного города. Провёл здесь своё детство, оно служит мне защитой»[19]) попадает в про-

[15] *Пришвин М.М.* За волшебным колобком: Повести. М.: Моск. рабочий, 1984. С. 200.

[16] *Водолазкин Е.Г.* Авиатор. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 129.

[17] *Водолазкин Е.Г.* Идти бестрепетно. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 53.

[18] Там же. С. 62.

[19] *Водолазкин Е.Г.* Брисбен. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 295.

странство мимикрии, не-жизни, в «декорации», больше подходящие для абсурдистской постановки Сэмюэля Беккета или Эжена Ионеско:

«Майдан освещён кострами. <...> Одна из палаток окружена плетнём, за ним – дед и баба. Валенки да тулупы, котелок на огне. Привязанный за ногу петух.

<…> Ощущаю прилив веселья, потому что понимаю: это сон. Или нет, декорация к какой-нибудь пьесе. Конец истории: Крещатик, плетень, катапульта»[20].

Однако в абсурдистском зазеркалье умение «размовляти» в совокупности с российским паспортом – это реальный повод для обвинений в шпионаже, а шпионаж в смутное время карается высшей мерой. Впрочем, от расстрела Яновского спасает сказочным образом появившийся на допросе «брат» Егор. В целом этот эпизод ассоциируется с пьесой «Лысая певица» Ионеско, месседж примерно тот же: коммуникативное пространство разрушается, и язык перестаёт быть связующей силой.

Напротив, сельское кладбище и в целом пространство похорон способствует диалогу: сводные братья Глеб и Олесь едут в машине, разговор между ними идёт в прямом смысле на разных языках, однако это им не мешает.

Диалоговая природа пространства подразумевает также и контакт с высшими силами, пусть и не буквальный: «Жигули едут медленно, но грунтовая дорога тряская. Руки отца <…> начинают приподниматься. Локти ещё покоятся на животе, а вот кисти уже парят в воздухе. Лежа в гробу, отец, надо понимать, собеседует с небесами»[21]. Получается, что в рассказе «Какие разные похороны» и романе «Брисбен» кладбище предстаёт некой инверсией Вавилонской башни, местом коммуникации, единения и понимания. Важнейшим «участком» этого топоса является символический путь, который, по местному обычаю, родственники умершего проходят отдельно от остальных провожающих[22]. И как бы герои романа не склоняли существительное «путь» – на украинский манер или на русский – в точке наивысшего, родственного единения законы грамматики перестают работать.

Идея полилогичности очень важна для Водолазкина, и в этом мы в очередной раз убедились с выходом романа-хроники «Оправдание Острова» в конце 2020 г. Даже в сравнении с полифоничным «Брисбеном», романом в три октавы, как его охарактеризовала критик Г. Юзефович[23], налицо усложнение структуры и композиции: главы, написанные от лица хронистов, чередуются с комментариями и дневниковыми заметками князя Парфения и княгини Ксении, а также кинематографическими эпизодами (о жизни княжеской четы снимают байопик); кроме того, отдельным голосом в этом контрапунктном тексте звучит Пророчество Агафона – предзнаменование конца Островной истории. «Оправдание Острова» – это, безусловно, роман о времени, европейской истории и памяти[24], но также это книга о том, как два человека, где бы они не находились – в княжеском дворце, коммуналке с тараканами, на съёмочной площадке, на Острове или вне его – борются с пространством не-жизни и в конце концов побеждают его.

В одном из последних эпизодов романа «киноверсии» главных героев – юные Парфений и Ксения – посещают монастырское кладбище, где встречаются с предками:

«Покойники, оторвавшись от загробных дел, машут им с заснеженных плит.

<…>

[20] *Водолазкин Е.Г.* Брисбен. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 296-297.

[21] Там же. С. 312.

[22] Там же. С. 313.

[23] *Юзефович Г.* Роман в три октавы // Meduza. URL: https://meduza.io/feature/2018/12/08/roman-v-tri-oktavy (дата обращения: 09.07.2021).

Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента. Издание «Медуза» (Meduza) – СМИ, признано «иностранным агентом», включено в реестр Минюста РФ 23.04.2021.

[24] *Юзефович Г.* «Оправдание Острова»: выходит новый роман Евгения Водолазкина // Meduza. URL: https://meduza.io/feature/2020/11/28/opravdanie-ostrova-vyhodit-novyy-roman-evgeniya-vodolazkina (дата обращения: 09.07.2021).

Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента. Издание «Медуза» (Meduza) – СМИ, признано «иностранным агентом», включено в реестр Минюста РФ 23.04.2021.

Дети расчищают надписи на двух соседних могилах: Константин и Фрол. При жизни они вели войну родословий.

– Мы теперь соседи, – смеётся Константин. – Почти друзья. После смерти многое переосмысливаешь»[25].

Эта сцена «рифмуется» с кладбищенскими эпизодами «Лавра», «Авиатора» и «Брисбена». Кладбище по-прежнему – место защищённости, гармонии и понимания, место памяти и мифологический «пуп земли». Положительная семантика пространства усиливается за счёт контраста с последующими эсхатологическими эпизодами, в них пророчество Агафона начинает сбываться, и на Остров обрушиваются множественные беды – беспорядки, падение метеорита, землетрясения, нефтепожары и др. Водолазкин в каждом новом романе вводит топос кладбища как камертон, как краеугольный камень всей пространственной системы, что только упрочняет внутренние интертекстуальные связи и способствует межтекстовому диалогу.

Заключение. Таким образом, одним из важнейших конструктов художественного пространства романов Е.Г. Водолазкина «Лавр», «Авиатор», «Брисбен» и «Оправдание Острова» является топос кладбища. Кладбище предстаёт в трёх ипостасях: во-первых, как мифологическое пространство-междумирие (интерпространство), во-вторых, как место памяти, в-третьих, как пространство диалога. Герои романов стремятся преодолеть разрывы – временны́е, коммеморативные, культурные, коммуникационные, личностные и другие, и в этом им способствует кладбищенская топика. Кладбище – это топос объединения, общения, сопричастности. Однако пространство кладбища неоднородно и динамично, его коннотации меняются с ходом развития сюжета. В основе пространственной модели исследуемых романов фундаментальная оппозиция «кладбище – скудельница» (дом – ложный дом); примирение этих топосов, нейтрализация пространственного антагонизма героями является формальным воплощением «гамлетовской миссии» по восстановлению разрушенных связей в мире. Полученные в ходе исследования результаты могут быть применены при подготовке вузовских курсов по истории русской литературы рубежа XX–XXI веков, а также спецкурсов и спецсеминаров.

[25] *Водолазкин Е.Г.* Оправдание Острова. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. С. 382.

Список источников

1. *Бочкина М.В.* Время как аксиологическая проблема в современной литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.
2. *Маглий А.Д.* Времени нет. Евгений Водолазкин // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 18-32.
3. *Солдаткина Я.В.* Мотивы прозы А.П. Платонова в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Rhema. Рема. 2016. № 3. С. 19-28.
4. *Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М.* Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 325 с.
5. *Бочкина М.В., Голубков М.М.* Понятия «исторического» и «неисторического» в эстетической и философской системе романа «Авиатор» Е. Водолазкина // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 2. С. 188-197.
6. *Потанина Н.Л.* Типы моделирования пространства/времени в поколенческом дискурсе Ю. Герман // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 44-50.
7. *Хапаева Д.* Время собственное. Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М.: НЛО, 2005.

References

1. Bochkina M.V. *Vremya kak aksiologicheskaya problema v sovremennoy literature: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Time as an Axiological Problem in Modern Literature. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2019. (In Russian).
2. Magliy A.D. Vremeni net. Evgeniy Vodolazkin [There is no time. Evgeny Vodolazkin]. *Voprosy literatury – Literature Issues*, 2016, no. 2, pp. 18-32. (In Russian).

3. Soldatkina Y.V. Motivy prozy A.P. Platonova v romane E.G. Vodolazkina «Aviator» [The motives of A.P. Platonov's prose in the novel "Aviator" by E.G. Vodolazkin]. *Rhema. Rema*, 2016, no. 3, pp. 19-28. (In Russian).
4. Nora P., Ozuf M., de Pyuimezh Z., Vinok M. *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1999, 325 p. (In Russian).
5. Bochkina M.V., Golubkov M.M. Ponyatiya «istoricheskogo» i «neistoricheskogo» v esteticheskoy i filosofskoy sisteme romana «Aviator» E. Vodolazkina [The concepts of historical and non-historical in aesthetic and philosophical system of the novel "Aviator" by E. Vodolazkin]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2018, vol. 23, no. 2, pp. 188-197. (In Russian).
6. Potanina N.L. Tipy modelirovaniya prostranstva/vremeni v pokolencheskom diskurse Y. German [Types of modelling space/time in Ju. Hermann's generation discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2017, no. 2, pp. 44-50. (In Russian).
7. Khapayeva D. *Vremya sobstvennoye. Gertsogi respubliki v epokhu perevodov: Gumanitarnyye nauki i revolyutsiya ponyatiy* [Proper Time. Dukes of the Republic in the Age of Translation: Humanities and the Concept Revolution]. Moscow, NLO Publ., 2005. (In Russian).

Информация об авторе

Гудин Денис Сергеевич, младший научный сотрудник Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-5706-7917, lordslaing@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция, идея, поиск и анализ литературы, анализ художественных текстов, написание и редактирование статьи.

Статья поступила в редакцию 12.08.2021
Одобрена после рецензирования 20.12.2021
Принята к публикации 23.12.2021

Information about the author

Denis S. Gudin, Junior Research Scholar of International Scientific Center for the Study of the Creative Heritage of E.I. Zamyatin, Post-Graduate Student, Russian and Foreign Literature Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-5706-7917, lordslaing@yandex.ru

Contribution: main conception, idea, literature search and analysis, literary texts analysis, manuscript drafting and editing.

The article was submitted 12.08.2021
Approved after reviewing 20.12.2021
Accepted for publication 23.12.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-34
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-118-127

Трансформация библейских, мифологических и фольклорных моделей в «Трёх сказках о Змие крылатом, трёхголовом, огнедышащем» Радия Погодина

Марина Юрьевна ЕЛЕПОВА, Наталия Григорьевна КАБАНОВА ✉
ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова»
163002, Российская Федерация, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17
✉ nataliakabanova30@gmail.com

Аннотация. Современная сказка является продолжательницей традиций предшествующих сказок нести добро, поучать и развлекать, но уже через трансформацию библейских, мифологических и фольклорных моделей, призму авторского опыта и его жизненной позиции. Предложен новый взгляд на мифопоэтическое пространство «Трёх сказок о Змие крылатом, трёхголовом, огнедышащем» Радия Погодина (1989) через их целостный анализ, выявление их мифопоэтической специфики и художественного своеобразия. Осмысление особенностей архетипического сюжета, мифоритуального подтекста произведения, системы персонажей сказок, их интертекстуальных связей позволяют выявить глубокие содержательные пласты рассматриваемого сочинения. Сказки, наполненные мифологической архаикой, легко вбирают в себя современные реалии, так что художественный мир литературных сказок Р. Погодина представляет собой единство древних архетипических моделей с обновляющимися, подчас остро актуальными мотивами. Система мифологем и бинарных оппозиций, мифологические аллегории и аллюзии формируют авторскую модель мира. Мифопоэтические сюжетные зарисовки и архетипические первообразы в значительной степени обусловливают смысловую многозначность и художественную сложность сказок Р. Погодина. Произведение Р. Погодина, являясь потомком сказки народной, продолжает и развивает её жанровые особенности, заставляя воспринимать сказочное чудо как часть нашей жизни в её обыденных деталях и подробностях. Центральный сказочный образ – Змий благодаря своей многоликости и неоднозначности становится воплощением библейских, фольклорных и мифологических мотивов, заставляющих направить взгляд человека в глубь своей души. Смысловая многозначность и художественная сложность произведения позволяет предполагать обращённость его к разновозрастной читательской аудитории.

Ключевые слова: современная литературная сказка, жанрообразующие черты библейских, мифологических и фольклорных моделей, традиция, жанровая трансформация, интертекстуальные связи, авторская концепция

Для цитирования: *Елепова М.Ю., Кабанова Н.Г.* Трансформация библейских, мифологических и фольклорных моделей в «Трёх сказках о Змие крылатом, трёхголовом, огнедышащем» Радия Погодина // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 118-127. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-118-127

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная
OPEN ACCESS

© Елепова М.Ю., Кабанова Н.Г., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-118-127

Transformation of biblical, mythological and folklore models in “Three fairy tales of the winged, three-headed, fire-breathing Serpent” by Radiy Pogodin

Marina Y. ELEPOVA, Natalia G. KABANOVA ✉
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk 163002, Russian Federation
✉ nataliakabanova30@gmail.com

Abstract. The contemporary fairy tale continues the traditions of previous fairy tales to bring good, teach and entertain, but already through the transformation of biblical, mythological and folklore models, the prism of the author’s experience and his life position. We propose a new look at the mythopoetic space of “Three fairy tales of the winged, three-headed, fire-breathing Serpent” by Radiy Pogodin (1989) through their holistic analysis, revealing their mythopoetic specificity and artistic originality. Comprehension of archetypal plot features, work mythological subtext, characters system in fairy tales, their intertextual connections make it possible to reveal the deep content layers of the work under consideration. Fairy tales filled with mythological archaics easily incorporate modern realities, so that the artistic world of R. Pogodin’s literary fairy tales is a unity of ancient archetypal models with renewing, sometimes acutely relevant motives. The system of mythologemes and binary oppositions, mythological allegories and allusions form the author’s world model. Mythopoetic plot sketches and archetypal prototypes largely determine the semantic polysemy and artistic complexity of R. Pogodin’s fairy tales. R. Pogodin’s work, being a descendant of a folk tale, continues and develops its genre features, forcing us to perceive a fairytale miracle as a part of our life in its everyday details and details. The central fabulous image – the Serpent, due to its many-sidedness and ambiguity, becomes the embodiment of biblical, folklore and mythological motives, forcing a person to direct his gaze into the depths of his soul. The semantic ambiguity and artistic complexity of the work allows us to assume its appeal to a readership of different ages.

Keywords: contemporary literary fairy tale, genre-forming features of biblical, mythological and folklore models, tradition, genre transformation, intertextual connections, author’s concept

For citation: Elepova M.Y., Kabanova N.G. Transformatsiya bibleyskikh, mifologicheskikh i fol’klornykh modeley v «Trekh skazkakh o Zmiye krylatom, trekhgolovom, ognedyshashchem» Radiya Pogodina [Transformation of biblical, mythological and folklore models in “Three fairy tales of the winged, three-headed, fire-breathing Serpent” by Radiy Pogodin]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 118-127. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-118-127 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

ВВЕДЕНИЕ

Отечественные фольклористы посвятили множество научных трудов исследованию сказки. Начиная с XIX века, такие учёные, как А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, В.Ф. Миллер и другие рассматривали сказочные тексты в качестве ценного материала для изучения народной культуры. И собиратели сказок, и исследователи, и издатели выделяют сказки в качестве особого вида литературного творчества. А.И. Никифоров, Ю.М. Соколов, М.К. Азадовский, Н.П. Андреев и другие фольклористы в процессе анализа сказочных текстов утверждают методологические основы по их изучению, определяя жанровые и сюжетообразующие признаки, следуя по пути структурного ана-

лиза сказок, разработанного основателем формалистического направления в отечественной фольклористике В.Я. Проппом. Его книга «Морфология волшебной сказки» (1928) стала ориентиром для русского формализма, структурализма и критического мышления в начале XX века. В.Я. Пропп проанализировал основные сюжетные компоненты избранных русских сказок, чтобы выявить их простейшие несводимые повествовательные элементы. Он выявил в анализируемых фольклорных произведениях тридцать одну «сказочную функцию» [1, с. 124], заложенную в структуру многих сказок. Его исследование «Морфология волшебной сказки» в дальнейшем было проанализировано многими учёными-фольклористами, в том числе и индийскими (например, Сапрой Доррой в статье «Тридцать одна функция в морфологии волшебной сказки Владимира Проппа: обзор и последние тенденции в применимости таксономической модели Проппа»). В. Пропп предложил научную основу анализа на примере русских народных сказок из сборника А.Н. Афанасьева и доказал, что загадка сходства сказок во всём мире может быть решена путём «правильного морфологического исследования» [2, с. 45].

Кроме того, А.Н. Веселовский в своей книге «Историческая поэтика» (1940) осмысливает народные сказки в рамках компаративистского анализа. Е.М. Мелетинский в книге «Герой волшебной сказки» (1958) рассматривает «истоки сказочных повествовательных традиций относительно мифологического прошлого того или иного народа, выявляя связь между элементами сюжета, мотивами волшебной сказки и мифологическим мировоззрением» [3, с. 98]. По мнению Е.М. Неёлова, формы связи литературной сказки с фольклорной бесконечно разнообразны, а общее, что их объединяет – воспроизведение «сказочной реальности» [4].

Фольклорные приёмы стали частью отечественной литературной сказки 1970-х – 2010-х гг., которая обращена, как правило, как к ребёнку, так и к взрослому читателю. Одним из оригинальных русских советских сказочников был Радий Петрович Погодин (1925–1992) – писатель, поэт, сценарист, художник, который оставил яркий след в истории русской детской литературы. В жанре литературной сказки он также использует нарративные стратегии народной сказки.

Погодин – писатель, отстаивающий веру в преобразующую силу благородства и милосердия. Именно поэтому часто основу сюжета его произведений представляет история нравственного взросления души подростка. Творческий путь Погодина был насыщен поисками и новаторскими подходами. Писатель предпринял попытку создания нового произведения с жанрово-тематической точки зрения – повести, посвящённой жизни подростков. Творческий эксперимент увенчался успехом. Его пьеса «Трень-брень. История в восьми картинах с прологом и эпилогом, но без начала и конца» (1965) и повесть «Ожидание. Три повести об одном и том же» (1971) открыли новые горизонты для литературной критики и читательской публики.

Радий Погодин продолжил попытки создания новых литературных форм и вновь предпринял эксперимент, но в рамках особого жанра – жанра литературной сказки. Писатель синтезировал в новаторском сказочном тексте «взрослое» мировоззрение с «детским», соединил притчу с шуткой, философские мысли – с наивным мировосприятием. Одним из ярких примеров такого новаторского подхода стали «Три сказки о Змие крылатом, трёхголовом, огнедышащем» (1989), которые представляют собой философские размышления, представленные с использованием фольклорных форм.

АНАЛИЗ СКАЗОК Р. ПОГОДИНА

Произведение Радия Погодина представляет собой сказочный цикл под общим названием «Три сказки о Змие крылатом, трёхголовом, огнедышащем», состоящий из трёх сказок-историй: «Змий и девочка», «Змий и парень», «Змий и старый человек». Цикличность создаётся благодаря присутствую во всех трёх сказках центрального образа Змия, олицетворяющего архаические мифологические смыслы. «Немногим людям удаётся увидеть Змия вблизи» [5, с. 184], как даёт понять нам автор. Это как шаровая молния – все знают, что она есть, но мало кто видел. При этом в начале первой сказки представлены физические ориентиры внешнего обличия Змия: «Чешуя на его теле размером с ко-

рыто – бронзовая. Чешуя на трёх шеях размером с тарелку – серебряная» [5, с. 184]. Подобное описание даёт возможность фантазийного воплощения образа Змия в сознании читателя. Причём указан не только размер чешуи, но и материал. У Змия чешуя из редких и драгоценных металлов, что также является атрибутом сказочного начала. Глаза у змия – тоже драгоценные камни. На одной голове – слуховой – они яхонты, на нюховой – изумруды. На третьей же – окулярной, самой умной голове – глаза алмазы. В народных сказках тело Змея не описывается, однако на лубочных картинках, изображающих этого сказочного героя, Змий изображён с длинным хвостом стрелой и когтистыми лапами. Также важной особенностью фольклорного Змея является его огневая природа, однако, как именно извергается огонь, сказки не описывают. Огонь змей носит в себе и извергает на врагов. Учитывая тот факт, что свою историю образ Змея ведёт из язычества и является персонажем устного фольклора, необходимо иметь в виду разницу восприятия этого образа у славян язычников и у славян христиан.

При языческом восприятии мира северные славяне воспринимали Змея как бога и поклонялись ему, поднося жертвоприношения. Южные славяне почитали Змея как атмосферного демона.

В христианстве Змей является символом грехопадения человека, зла, хитрости. Змей, как и дракон, – это одна из форм воплощения Дьявола и грядущего апокалипсиса.

Змий из сказки Погодина любит веселиться, но разум говорит ему «нельзя» [5, с. 185]. Поэтому после грозы «лежит на бугре Змий… каждый цветок поёт о любви и вечности» [5, с. 185]. Именно в такой момент блаженство Змий желает только одного – влюбиться. Фольклорный Змей охотится за красавицами или получает их в качестве дани от поселений. Любование девушкой в сказке Погодина носит созидательный характер, связанный с авторским образом этого героя, наделённого мечтательностью, созерцательностью. Образ Змия воплощает в авторской сказке Погодина три ипостаси человеческой души: грусть, веселье, созидательность, то есть по сути данный персонаж олицетворяет душу человека: все знают, что она есть, но никто не видел.

Сказка Погодина имеет отсылки к жанрообразующим чертам фольклорной сказки, что, в первую очередь, проявляется на уровне системы персонажей. Центральный образ Змия напоминает Змея Горыныча русских волшебно-фантастических сказок. Способность Змия общаться с девочкой, затем с парнем и старым человеком не столько удивительна, сколько ассоциативно связана с этапами жизни человека: его детством, юностью и старостью. Образ Змия, мыслящего, чувствующего и разговаривающего по-человечески, связывает древний животный эпос и литературную сказку, что, в свою очередь, позволяет обнаружить родственные связи сказки с архаичными формами культуры – анимизмом и тотемизмом. Согласно библейскому толкованию, Змий олицетворяет дьявольское, демоническое начало. Библейская книга Бытия гласит, что Бог посадил Древо познания вместе с Древом жизни посреди Эдемского сада. Именно Змий в библейском предании об изгнании Адама и Евы из Рая стал причиной этой катастрофы, искусив Еву испробовать плод с этого дерева, тем самым вкусить суть познания, в том числе, как мы понимаем, познать такие этические категории, как способность осознанно определять сущность добра и зла. Фольклорный Змей Горыныч – житель гор или леса, причём последнее местопребывание также обосновано: в болгарском языке значения «гора» и «лес» не различаются, поэтому есть версия, что Горыныч – от слова «гора» в значении «лесной» [6, с. 102]. Также существует версия, что прозвище Горыныч происходит от слова «гореть» [7, с. 223], живёт обычно в горах, нередко у огненной реки и стережёт «Калинов мост», по которому попадают в царство мёртвых. Существует версия, что Змей Горыныч был собирательным образом половцев. Но также в самом названии сказки Радия Погодина Змий представлен как некий представитель животного мира: «крылатый, трёхголовый, огнедышащий». Эта своеобразная отсылка-характеристика Змия, относящая данного сказочного героя к некой группе живых организмов, имеет указание на некий животный вид, реально существующий, имеющий разные характеристики и разновидности в природе. Таким образом, в образе Змия в данной сказке Погодина во-

площены две номинации: мифическая и условно существующая как биологический вид среди живых организмов. Этот персонаж – один из самых ярких и известных в славянском эпосе. Обычно Змей Горыныч имеет ипостась антигероя, страшного и коварного, с которым сражается сказочный герой или былинный богатырь. При этом он имеет не антропоморфный образ, а внешность реликтового динозавра. Сказочный Змей часто служит Кощею Бессмертному. Его сказочная функция – нести зло: похищать молодых девушек или брать человеческую дань с населения. Этот герой уносит своих жертв в нору-пещеру в горе, где хранятся и его богатства. Кроме того, этот таинственный персонаж обладает способностью оборотничества – может, например, принять вид молодого красивого юноши, коня или вещи, ударившись оземь: «...Вдруг потемнело небо, а тучи на небе нет, и дождя-то нет, а гром гремит, и грозы-то нет, а огонь блестит...» [5, с. 185].

Так и первая сказка из трилогии Погодина называется «Змий и девочка» и начинается с описания большой грозы, сопровождаемой сверканием молний. Эта характерная для появления Змия в сказке экспозиция порождает толкование, связанное с архаическим мотивом гнева, проявляющемся в неудержимом стихийном буйстве природных сил, а также космическим, сверхъестественным статусом существа, который сопоставим, например, с Ильей-пророком, катящимся, по народным поверьям, в колеснице во время грозы. Сам образ Змия фольклорен, но далека от фольклора смена бурного космогонического начала в герое на мирное.

Встреча с девочкой-дошкольницей содержит пространственно-временной континуум – читатель узнаёт о возрасте ребёнка через отношение к учебному заведению. Причём девочка идёт за ягодами, но не с корзинкой, а с банкой, что также согласуется с современными реалиями. «Дракон?» – удивляется девочка» [5, с. 186]. Но Змий даже обижается: «Обижаешь! Змий Крылатый, Трёхголовый, Огнедышащий!» [5, с. 186]. Так Змий «представляется» девочке полным именем, как в официальном документе, например, в паспорте. Змий обижается на именование его драконом, поскольку Дракон – воплощение китайской культуры, а Змий – архаичный образ, распространённый в мифологии и христианской религии. Причём девочка наблюдает, как Змий меняет свой «лик». Лик – божественное начало. Сказочный Змий у Погодина – всевидящий и всезнающий Бог, хотя первоначально «божественность» проявляется лишь в смене цвета волос: шатен, блондин, брюнет. Таня восхищена внешними преображениями Змия, не видя в сказочном существе угрозы, наоборот, сравнивает его с букетом цветов: «Как букетик!» [5, с. 187]. Умение видеть лучшие черты в неприглядной оболочке сказочно награждаются, подобно тому, как в сказке С.Т. Аксакова «Аленький цветочек»: Змий обещает одарить Таню златом-серебром к свадьбе, причём опять же количество драгоценностей указывается с математической точностью: «Золота тонну, серебра – 2 тонны, яхонтов – 3 центнера» [5, с. 187]. Фольклорные богатства по своей сути неисчислимы. Здесь же дары конечны и конкретны. Например, Змий обещает подарить Тане 50 вёдер турмалинов. И тут Таня вспоминает, что она ещё дошкольница и замуж ещё нескоро выйдет. Но Змий знает верный ответ. «Я подожду, – отвечает он. – А ты расти, книжки читай, занимайся физкультурой и спортом» [5, с. 6]. Это своего рода обещание каждой девочке обязательного счастья при условии хорошей учёбы и достойного поведения. В этом фрагменте сказочного дискурса содержится школьный образовательный подтекст. Причём Змия обмануть нельзя: «Я буду тобой любоваться» [5, с. 187]. Именно любоваться, а не наблюдать, поскольку Змий заведомо знает, что каждая девочка – ответственная ученица и надёжный друг.

Отношение к окружающим людям, мечте, любви ставится в качестве центральной проблемы всего сказочного цикла. Таня принесла Змия в банке домой. Ассоциативно Змий в банке проецирует внимание на сказке Л.И. Лагина «Старик Хоттабыч» (1938), сказочный персонаж которого помещается в аквариуме в виде рыбки. Таня демонстрирует великолепного Змия бабушке, маме, папе. «Бабушка на Змия долго смотрела. А насмотревшись, ушла в свою комнату. Достала из кожаного чемодана белый шёлковый сверток. Развернула, а там туфли балетные... И всё улыбалась чему-то прекрасному, но не

сбывшемуся» [5, с. 189]. Змий растревожил в душе бабушки прежние мечты о балете, а мама «ушла в сад и села в такую позу, будто стихи сочиняет» [5, с. 190]. Папа же на веранде «поёт туристские песни простуженным голосом» [5, с. 190]. От созерцания Змия мечты юности вспомнились, герои вернулись в свою молодость: оказывается, бабушка мечтала стать балериной, занималась балетом, мама в юности сочиняла стихи, папа в юные годы ходил в туристические походы. Указание на танцы, песни, стихи, походы олицетворяет стихию молодости, источником которой является Змий. Следовательно, сказка как мечта вошла снова в жизнь героев.

Современная сказка не теряет связи с практическим акцентом: во-первых, во время беседы со Змием о прекрасном будущем Таня не забывает о несобранной землянике и не успокаивается, но Змий даёт обещание: «С лукошком придёшь, наберёшь земляники 4 пуда» [5, с. 181]. И если до данного момента Змий старался использовать при общении с девочкой исключительно современные номинации предметов, то в данном фрагменте волшебный герой будто забывается и использует старинные наименования предметов (лукошко) и устаревшие меры веса, используемые в фольклоре. Во-вторых, подруга Тани – Нина, заглянув в банку и увидев Змия, пытается дать научное объяснение существу в банке: «Кто это? Ящерица или тритон?» [5, с. 188]. «Всматривание» в Змия актуализирует детское мировосприятие и помогает раскрыть характеры персонажей современной сказки: «Змий был красив». Кто-то из героев сравнивает его со вздыбленным конём, кто-то с обвалом в горах, а кто-то с осенним звёздным небом. Психологическая доминанта приводит к следующей философской мысли: возможно, нас всех окружают Змии, но мы их не видим. Если же посчастливится кому-нибудь из людей разглядеть своего Змия, то «сердце защемит от красоты» [5, с. 190].

Но потерять свою мечту легко, и легко потерять способность видеть прекрасное: Таня позавидовала Нине и её мечте о собаке – и Змий исчез. Автор даёт нам понять, что в этот миг Таня повзрослела. Это первая потеря, но не напрасная: «Поглядела Таня на эту утреннюю красоту и поняла, хотя всего-то была дошкольницей, что Змий есть не только в прошлом и в настоящем, но, конечно, – и это главное, – в будущем» [5, с. 191]. Змий – это красота души, умение мечтать.

Природа сказочного Змия двойственна и обусловлена взаимопроникновением животного и божественного начал. В сказке «Змий и парень» действия Змия в экспозиции напоминают космогоническое предание о сотворении мира. «Лежал Змий на бугре – думал: «Может, гору наворотить... И в горе лежать. Рядом, в каком-нибудь закоулке, волчица устроит логово – волчат родит» [5, с. 191]. В этом фрагменте Змий проявляет заботу о животных. Далее Змий озаботился об украшении вновь созданного мира: «Совы на каменных карнизах будут сидеть, как фонари» [5, с. 194]. Возникает ощущение домашнего уюта: волчата предстают в образе детей, которые «озорничают, вякают» [5, с. 194], совы – уютные ночники, летающие мыши, повиснувшие над сводами, создают образ штор. Поскольку возникновение, творение мира происходит в мифическое время, то данный этап сказочного дискурса можно именовать как начальный сакральный период, который будет предшествовать эмпирическому (историческому) времени. Змий находится на бугре, как и в первой сказке «Девочка и Змий», таким образом, этот бугор будет обладать высшей ценностью с максимальной концентрацией сакральности), поскольку именно в ней совершился акт творения. Это своего рода центр мира, а само время творения можно определить в качестве мифического времени. Бугор, на котором отдыхает или просто лежит и думает Змий во всех трёх сказках, имеет семантику космогонической координаты, которая задаёт схему развёртывания дальнейшего сюжета в пространстве и времени, организуя весь пространственно-временной континуум. Ритуал созерцания Змием окружающей природы также соотнесён с данным континуумом и по своей сути воспроизводит порубежную кризисную ситуацию, когда из хаоса возникает космос, то есть мир, где должны править законы милосердия, добра, любви и, конечно, мечты.

Литературная сказка Погодина, являясь потомком сказки народной, продолжает и развивает её жанровые особенности. В первую очередь, это касается сказочного чуда, которое наполняется максимальным количе-

ством самых обыденных деталей и подробностей. В сказке-главе «Змий и парень» Змий испрашивает совета у Собаки о том, как лучше воплотить свои идеи о декоре пещеры, ведь «три головы хорошо, а четыре лучше» [5, с. 194]: «Городить ли мне гору с завалами и пещерами, с чудесами освещения и другими иллюзиями?» [5, с. 195]. Речь Змия отличается высоким стилем, которая не может возбудить интереса у голодной, понурой Собаки: «А хлеба нет?» Чудесные возможности Змия в данном случае направлены на проверку души на алчность, и следующее его предложение касается мраморной конуры. Собака отказывается от предложения и поверяет герою свои грезы: «Хорошо быть бабочкой-однодневкой. В её жизни нет сумерек – только сияющий день». Собака в сказке олицетворяет отчаяние, нужду. Змий в качестве судьбовершителя предлагает следующее испытание: «Могу сделать тебя Бессмертным Летающим Грозовым Псом». Собака отказывается и от этого: «Что в твоём грозовом небе – ни тепла, ни ласки». Авторская концепция заключается в утверждении, что истинную душу можно получить, только пройдя через жизненные испытания и потери. Без страданий, без жизненных сумерек нельзя стать чутким, милосердным. Жизнь без душевных порывов можно сравнить с существованием бабочки-однодневки: и хотя в её жизни всегда сияющий день, любить и понимать, сопереживать и созерцать душа её не умеет. Итогом волшебных предложений становится помощь обычных солдат, которые сначала дали конфету «Старт», название которой символично указывает на начало перемен в жизни удручённого тяготами героя, а в конце сказки к конфете добавили ещё и таз каши. Старт символизирует начало нового мировоззрения, которое во главу смысла жизни ставит не технические или материальные блага, а Любовь.

В этой же сказке-серии Змий сталкивается с парнем в тельняшке, характер которого представлен в антитезных началах: «Это я от страха... Вообще-то я ничего не боюсь. Я в десантных войсках служил. Вот сижу, смотрю – Змий. И не боюсь. Я – храбрец. И медаль у меня есть...» [5, с. 193]. И всё же парень боится, но сам страшится говорить об этом. Почему же? Потому что пугают его ментальные категории: умение любить, чувствовать. Встреча с девушкой проявила приземлённость героя, который «недавно приехал с севера, где служил в войсках. Цветы парню по пояс. Их названия он нетвёрдо знает, он по линии техники развивался, на природу как-то внимания не обращал» [5, с. 194]. Для парня девушка – неописуемая, она – мечта. Практическая деятельность парня связана с подшипниками, указывает на его приземлённость, да и само неблагозвучное название детали, наполненное шипящими звуками, снижает образ героя. Но встреча с прекрасным способна пробудить воображение, тягу к красоте, поэтому герой хочет подарить девушке цветок – маргаритку. Обнаруженное отсутствие тени у девушки вновь повергает парня в тупик: «У всего должна быть тень!» «Так уж и у всего?» – иронически замечает Змий. В понятии Змия, тень – это недостаток, негативная сторона чего-либо. Всё ли её имеет? «У любви тени нет!» – заявляет Змий, выражая авторское понимание истинного смысла жизни. Парень ассоциирует любовь к девушке с глупостью, пережитком: «Думаешь, она любовь? А я, думаешь, глупый?» [5, с. 195].

Финал сказочной трилогии имеет жизнеутверждающее начало: парень отвергает предложенные Змием строительство цеха из мрамора, автомобиль с подзарядкой от космических излучений, а потом и просто тонну золота и выбирает любовь. Герой прошёл испытание на истинность чувств, а Змий оправдывает свой библейский статус, искушая героя. Парень не принимает обещаний материальных благ, а слушает голос своего сердца.

«Названные новшества», как считает Н.И. Лупанова, не только не разрушают сказку как жанр, но, напротив, помогают лучшему её усвоению, создавая феномен «иллюзии достоверности» [8, с. 10]. Эта иллюзия необходима, чтобы заставить читателя вжиться в «волшебную реальность», поверить в «нормативность чуда». Само чудо в сказке Радия Погодина является лишь средством, с помощью которого можно убедительно решить самые невероятные её конфликты, вопросы смысла жизни, человеческого предназначения.

Сказка «Змий и старый человек» акцентирует внимание на эстетической стороне сказочного дискурса как свободного творче-

ского моделирования бытия. Сказка становится своеобразной ассоциативной игрой, бросающей вызов бытию, моделирующей комбинаторную активность сознания и способность к интерпретации. Символическая ассоциативность ведёт читателя к мысли о субъективности бытия.

В третьей сказке-серии Змий встречается со старым человеком, причём встреча начинается со стука в грудь: «В грудь постучали» [5, с. 198]. Тут и евангельские аллюзии: Стою у дверей и стучу. Это аллегорично соотносится со стуком в душу, поскольку Змий, не открывая глаз, чувствует того, кто требует его внимания. Встреча с героем, как понимает читатель, не единичная, и Змий со старым человеком уже знакомы. Приём ретроспекции возвращает Змия в далёкое прошлое, к влюблённости в Алёнку и спалённой деревне Котомки. Из общих воспоминаний двух героев читатель узнаёт, что поиску доказательств отсутствия Змия посвятил старый человек всю свою жизнь. Интертекстуальность и ассоциативные переклички образов с романом М. Булгакова «Мастер и Маргарита» очевидны: старый человек подобен Берлиозу, председателю Массолита, внушающему юному поколению в лице Ивана Бездомного мысль об отсутствии Бога и Дьявола в жизни. Гибель Берлиоза – это первое из следующих далее наказаний, осуществлённых Воландом и его свитой. И это самая жестокая кара нечистой силы. Берлиоз не верит ни в бога, ни в дьявола. Он, начитанный, образованный человек, ведёт молодое поколение по пути свободы от извечных понятий добра и зла. Но свободен ли сам Берлиоз? В самом начале романа Воланд задаёт Берлиозу риторический вопрос: «...как же может управлять человек, если он не только лишён возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?» [9, с. 19]. М. Булгаковым в его романе намечена острая проблема современного общества: человек свободен, но от чего свободен? От милосердия? Сострадания? Совести? С момента гибели Берлиоза в романе начинает звучать тема судьбы в жизни человека, и старый человек из сказки Радия Погодина подхватывает эту тему. Интертекстуальность данного фрагмента очевидна. Старый человек вспоминает своё детство и страшную ошибку: «Меня сейчас беспокоит, что красивую девочку Алёнку в детстве дразнил: Уродина! Страшила!» [5, с. 29]. Это своего рода исповедь героя Змию, который выполняет в данный момент функцию духовника – посредника между человеком и Богом. «Змиюшко, – обращается к Змию старый человек, – пошли меня в прошлое хоть на три минуты. Хоть это и антинаучно, но я должен сказать, что она красавица!». И вот время закрутилось, и «чёрное стало белым» [5, с. 199]. Символика чёрного и белого имеет библейское прочтение: белый – символ светлого, божественного начала, чёрный – символ дьявола, зла. Смена чёрного цвета на белый в скачке времени даёт шанс на прощение обиды, нанесённой героем. «И вот старый человек опять мальчик. Родная деревня, крестьяне, коровы, пыль дорожная. Он – подпасок, покрикивает на коров. Из широких ворот выходит тёмно-красная корова с голубыми рогами и гонит её девочка ясноглазая. Человек хочет сказать: “Прости, Алёнушка, дурака”, а мальчик кричит: «Дурында! Уродина» [5, с. 200]. Старому человеку нужна была целая жизнь, чтобы покаянно переосмыслить свою жизнь и обрести смелость признать прекрасное прекрасным. Но прошлое изменить невозможно: став мальчиком, человек повторяет заново все свои ошибки. Писатель указывает на то, что человек меняется в испытаниях и лишениях. Юный возраст без нравственных уроков опять возвращает героя к исходному состоянию, к бесчувственности и жестокости. Белое вновь становится чёрным, а мальчик старым человеком с одышкой и стенокардией. «Не выгорела» затея старого человека, поскольку «Нельзя в стене старый кирпич заменить на новый» [5, с. 200]. Старый человек просит ещё об одном, реализуя возможность трёх желаний в сказочном дискурсе. Душа старого человека теперь обращена на родную природу, неброскую, но столь дорогую, и внучку Алёнку, которая чутко относится к родным просторам, в отличие от своего жениха-аспиранта. В этом аспиранте старый человек видит себя в молодости: чванливого, недоверчивого, пренебрегающего чувствами, поэтому и просит Змия «неприглядную, неяркую родную землю внучки

Алёнки показать её жениху-аспиранту так, чтобы запечатлилась навсегда – то ли он испугается, то ли полюбит» [5, с. 202]. Земля вдруг стала разноцветной, поскольку мир не может быть чёрно-белым, а в небе проросло дерево. В этом дереве автор заключил семантику библейского райского дерева познания – дерева добра и зла, плод которого стал «проводником» Евы и Адама, прародителей человека, на Землю. Корни этого дерева – в глазах зрящих, сами люди – райский сад, поскольку смогли «выдохнуть» духоту из груди, то есть ханжество, тщеславие, гордыню. Кроме того, в образе данного сказочного дерева содержится мифологический подтекст, который позволяет рассматривать данный образ как Мировое древо жизни, то есть мифологический архетип, объединяющий все сферы мироздания. «Его ветви соотносятся с небом, ствол – с земным миром, корни – с преисподней» [10].

Небо заголубело, а Змий вернулся на свой бугор. Пространственно-временной континуум этого бугра меняется. Бугор – грудь человека, место, где обитает душа. Значит, Змий – это и есть душа человека.

Финал сказки символичен: старый человек умер прощёным, поэтому «лицо счастливое и светлое» [5, с. 205], подобное лику святого. В поисках прощения человек проходит путь длиною в жизнь, накапливая в себе умение любить, ценить, понимать. Сказочная красота выступает в роли испытания: кто увидит идеальную, божественную красоту и сможет её ценить, приобретет способность любить без зависти, без злобы. Дьявольское начало уступит место божественному, ангельскому.

Старый человек, будучи мальчиком, был свидетелем божественной красоты в образе прекрасной кроткой девочки Алёнки, но не смог понять этой божественности, как Иван-царевич не смог сразу по достоинству оценить Царевну-лягушку. Злоба не дала мальчику возможности оценить то, от чего сам мальчик так разительно отличался.

ВЫВОДЫ

Сказка трансформирует мифологические и фольклорные архетипические модели, легко вбирая в себя современные реалии, так что художественный мир детской литературной сказки Погодина представляет собой единство древних архетипических моделей с обновляющимися, подчас остро актуальными мотивами. Игра на этих гранях – дистанцирования и сближения, когда архаическое притягивается, а современное отдаляется, становится одним из важнейших механизмов порождения эстетической реакции, богатого эмоционального переживания. Три сказки-серии Радия Погодина представляют собой три ипостаси человеческой жизни: детство с его верой в мечту и умением видеть и ценить прекрасное; юность с её надеждой и любовью и старость в её мудрости и раскаянии. Змий направляет человеческий взгляд внутрь собственной души каждого из нас, заставляя оценить свой нравственный потенциал.

Художественный мир современной литературной сказки выстраивается на основе взаимодействия противоположных полюсов: злободневного и архаичного, страшного и смешного, обыденного и чудесного, магического и научного, множественного и единичного, взрослого и детского и др.

Основываясь на древних архетипических моделях и традициях фольклора, жанр литературной сказки обновляется благодаря включению примет современной исторической эпохи, сегодняшних бытовых реалий, игровому принципу организации художественного мира, интертекстуальным связям, что свидетельствует о жизнеспособности и гибкости данной жанровой модели.

Список источников

1. *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Знание, 1998. 345 с.
2. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки. М.: Худ. лит., 1957. 571 с.
3. *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: Наука, 1958. 240 с.
4. *Неёлов Е.* «Сказка – это архисерьёзно» / Н. Турчинская. «Вести – Карелия. События недели». Электрон. ст. Петрозаводск, 2007. URL: http://petrozavodsk.rfn.ru/rnews.html?id=4153 (дата обращения: 14.04.2021).
5. *Погодин Р.* Земля имеет форму репы: Сказки / рис. и оформл. А. Флоренского. Л.: Дет. лит., 1989. 207 с.
6. *Аникин В.П.* Русское устное народное творчество. М.: Высш. шк., 2001. 726 с.

7. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Змей Горыныч // Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энцикл., 1991. 736 с.
8. *Лупанова Н.И.* Гофман и его сказка // Литература. 1998. № 7. С. 9-17.
9. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. СПб.: Лениздат, 2014. 511 с.
10. *Зеленин Д.К.* Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов // Известия АН СССР. Серия 7. Отделение общественных наук. 1933. № 6. С. 591-629.

References

1. Propp V.Y. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Fairy Tale Morphology]. Moscow, Znanie Publ., 1998, 345 p. (In Russian).
2. Afanasyev A.N. *Narodnyye russkiye skazki* [Russian Folk Tales]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1957, 571 p. (In Russian).
3. Meletinskiy E.M. *Geroy volshebnoy skazki. Proiskhozhdeniye obraza* [The Hero of a Fairy Tale. The Origin of the Image]. Moscow, Nauka Publ., 1958, 240 p. (In Russian).
4. Neyelov E. «Skazka – eto arkhiser’yezno» [“A fairy tale is extremely serious”]. In: N. Turchinskaya *«Vesti – Kareliya. Sobytiya nedeli»* [“Vesti – Karelia. Events of the Week”]. Petrozavodsk, 2007. (In Russian). Available at: http://petrozavodsk.rfn.ru/rnews.html?id=4153 (accessed 14.04.2021).
5. Pogodin R. Zemlya imeet formu repy: Skazki [The land has the shape of a turnip: Tales]. St. Petersburg, Detskaya literature Publ., 1989, 207 p. (In Russian).
6. Anikin V.P. *Russkoye ustnoye narodnoye tvorchestvo* [Russian Oral Folklore]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2001, 726 p. (In Russian).
7. Ivanov V.V., Toporov V.N. Zmey Gorynych [Zmey Gorynych]. *Mifologicheskiy slovar’* [Mythological Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia Publ., 1991, 736 p. (In Russian).
8. Lupanova N.I. Gofman i ego skazka [Hoffmann and his tale]. *Literatura* [Literature], 1998, no. 7, pp. 9-17. (In Russian).
9. Bulgakov M.A. *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 2014, 511 p. (In Russian).
10. Zelenin D.K. Totemicheskiy kul’t derev’yev u russkikh i u belorusov [Totemic cult of trees among Russians and Belarusians]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya 7. Otdeleniye obshchestvennykh nauk* [Bulletin of USSR Academy of Sciences. Series 7. Social Sciences Department], 1933, no. 6, pp. 591-629. (In Russian).

Информация об авторах

Елепова Марина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-7229-5851, m.elepova@yandex.ru

Вклад в статью: идея и дизайн исследования, научное консультирование, набор первичного материала, написание части текста, обработка и редактирование материала, редактирование текста статьи, окончательное одобрение рукописи.

Кабанова Наталия Григорьевна, аспирант, кафедра литературы, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-8624-3481, nataliakabanova30@gmail.com

Вклад в статью: поиск и анализ научной литературы, работа с литературными источниками, анализ художественного текста, написание текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 30.04.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 18.07.2021
Принята к публикации 30.08.2021

Information about the authors

Marina Y. Elepova, Doctor of Philology, Professor of Literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-7229-5851, m.elepova@yandex.ru

Contribution: study idea and design, scientific consulting, source material acquisition, part manuscript text drafting, material processing and editing, manuscript text editing, final manuscript approval.

Natalia G. Kabanova, Post-Graduate Student, Literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-8624-3481, nataliakabanova30@gmail.com

Contribution: scientific literature search and analysis, work with literature references, literary text analysis, manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 30.04.2021
Approved after reviewing and revision 18.07.2021
Accepted for publication 30.08.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА
MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 070
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-128-136

Процесс взаимодействия человека и искусственного интеллекта в медиапространстве компьютерных игр

Никита Олегович ШЕСТЕРИН[1], Алла Михайловна ШЕСТЕРИНА[2] ✉
[1]ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
[2]ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394000, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1
✉ shesterina8@gmail.com

Аннотация. Целью исследования является установление этических стандартов взаимодействия человека и искусственного интеллекта в медиапространстве компьютерной игры. Актуальность исследования определяется, с одной стороны, активной медиатизацией различных сфер нашей жизни и усилением роли игровых коммуникативных практик в формировании медийного ландшафта в целом, а с другой – в интенсивном развитии технологий искусственного интеллекта и проблем, возникающих в связи с этим в коммуникации человек – искусственный интеллект в медиасфере. В качестве основных методов исследования заявлены метод анализа контента, кросс-анализ и историко-функциональный метод, на основе которых установлены ключевые формы взаимодействия искусственного интеллекта и человека в разных типах игр, а также предложен этический стандарт такого взаимодействия, который может быть экстраполирован на медиакоммуникацию в целом. Определено, что типология ролей, выполняемых искусственным интеллектом в играх, может быть выстроена на основе таких признаков, как сложность, комплексность и внутреннее устройство искусственного интеллекта. Выяснено, что отношения человек – искусственный интеллект выстраиваются преимущественно на следующих типах взаимодействия: вражеское, контролирующее, условно дружеское и дружеское. В качестве принципиальных этических норм общения в звене человек – искусственный интеллект предлагаются постулаты, основанные на принципе равноправия участников коммуникативного процесса, когда рассматривается вопрос не только о безопасности игрока, но и о безопасности искусственного интеллекта, приобретающего признаки, подходящие под определение живого.

Ключевые слова: искусственный интеллект, медиакоммуникации, медиапространство, компьютерные игры, этический стандарт

Для цитирования: *Шестерин Н.О., Шестерина А.М.* Процесс взаимодействия человека и искусственного интеллекта в медиапространстве компьютерных игр // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 128-136. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-128-136

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

OPEN ACCESS

© Шестерин Н.О., Шестерина А.М., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-128-136

The process of interaction between human and artificial intelligence in the mediaspace of a computer game

Nikita O. SHESTERIN[1], Alla M. SHESTERINA[2] ✉
[1]National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russian Federation
[2]Voronezh State University
1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394000, Russian Federation
✉ shesterina8@gmail.com

Abstract. The purpose of study is to establish ethical standards for the interaction between a human and artificial intelligence in the media space of a computer game. The relevance of study is determined, on the one hand, by the active mediatization of various spheres of our life and the strengthening of the role of gaming communication practices in shaping the media landscape as a whole, and on the other hand, by the intensive development of artificial intelligence technologies and the problems that arise in connection with this in human – artificial intelligence communication in the media sphere. As the main research methods, the content analysis method, cross-analysis and the historical-functional method are declared, on the basis of which the key forms of interaction between artificial intelligence and human in different types of games are established, and an ethical standard for such interaction is proposed, which can be extrapolated to media communication in general. It is determined that the typology of the roles performed by artificial intelligence in games can be built on the basis of such features as the complexity, complexity and internal structure of artificial intelligence. It turns out that human – artificial intelligence relations are built mainly on the following types of interaction: hostile, controlling, conditionally friendly and friendly. As fundamental ethical norms of communication in the human – artificial intelligence link, postulates are proposed based on the principle of equality of participants in the communication process, when the issue of not only the safety of the player is considered, but also the safety of the artificial intelligence, which acquires features that fit the definition of a living one.

Keywords: artificial intelligence, media communications, mediaspace, computer games, ethical standard

For citation: Shesterin N.O., Shesterina A.M. Protsess vzaimodeystviya cheloveka i iskusstvennogo intellekta v mediaprostranstve komp'yuternykh igr [The process of interaction between human and artificial intelligence in the mediaspace of a computer game]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 128-136. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-128-136 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

ВВЕДЕНИЕ

Компьютерные игры являются значимым элементом современной медиасистемы. Их развитие позволяет исследователям говорить о существенной роли последних в формировании моделей медиапотребления и медиакоммуникации в целом. Как отмечает И.И. Волкова, «компьютерные игры, по сравнению с традиционными медиа, обладают неоспоримым преимуществом: они изначально создаются с учётом экранности, мультимедийности, интерактивности и гипертекстуальности – природных качеств сетевого виртуального мира» [1, с. 313]. А потому именно внутри компьютерной игры во многом закладываются те практики, которые впоследствии реализуются в других типах медиакоммуникации и результаты исследо-

вания которых могут быть экстраполированы на медийные процессы в целом.

По мере развития технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) последние начали активно внедряться в игровые пространства и, развиваясь, отчасти диктовать правила взаимодействия, связанные не только с интересами людей как участников игрового действия, но и с интересами алгоритмов, взаимодействующих с игроками едва ли не на равных позициях. Всё это сделало актуальным вопрос о формировании культуры взаимоотношений человека и ИИ внутри игрового пространства.

Особую значимость исследованию этого вопроса придаёт и тот факт, что ИИ существует повсеместно вокруг нас и тесно взаимодействует с людьми, часто существует для решения человеческих задач – распознавания лиц, интерпретации речи, генерации естественного текста и т. д. Методы ИИ, применяющиеся к решению таких проблем, относительно просты и специализированы, но со временем становятся всё более комплексными: их комплексность, их способность понимать людей, общаться с людьми их языком, эмпатизировать людям прямо пропорциональны их эффективности в решении человеческих проблем. Развитие этих качеств предшествует всякому самосознанию, появлению осведомлённости об окружающем мире или развитию биологических эмоций, которые не только необязательны, но и потенциально дефективны в контексте выполняемой ИИ задачи. Таким образом, ИИ, вероятно, станет уязвим к эмоциональному и физическому насилию, жестокости со стороны людей намного раньше, чем даже близко подойдёт к статусу живого, и уж тем более – разумного. Процесс становления ИИ как персоны, скорее всего, будет медленным, постепенным и болезненным. Наше исследование попытается подготовить этическую базу для определения наименее болезненных путей развития этой новой технологии на примере игровой индустрии, где ИИ чаще всего (по сравнению с другими областями применения) оказывается с людьми на равных. Однако считаем важным подчеркнуть, что, в связи с общностью процессов, протекающих в медиасфере, результаты нашего исследования могут быть экстраполированы и на другие сферы медиакоммуникативных практик.

Несмотря на очевидную актуальность проблемы, вопрос об этических стандартах взаимодействия человека и ИИ в игре, как и вопрос о формировании коммуникативной культуры игроков до сих пор не становился объектом самостоятельного исследования. Мы в нашей работе предприняли попытку ликвидировать этот пробел. Работа осуществляет:

– классификацию и анализ различных типов взаимоотношений ИИ и пользователя, существующих в настоящее время в пространстве видеоигр и индустрии развлечений в целом;

– классификацию игровых и социальных ИИ по принципу действия, механической модели мира;

– анализ этического статуса различных типов ИИ, независимых агентов и распределённых систем.

Работа также предпринимает скромную попытку формулировки набора правил, определяющих взаимодействие людей и этих типов ИИ в этическом и правовом контексте (так называемого «этического стандарта») не с целью утверждения закона, но с целью открытия необходимой дискуссии.

Теоретическая база нашего исследования сформировалась на основе трудов таких авторов, как П. Халсебосч [2], Л. Шуммон Маасс [3], Б. Диксон [4], А.В. Замков, М.А. Крашенинникова, М.М. Лукина, Н.А. Цынарёва [5], А.Г. Крайнов, А.В. Незнамов, Д.М. Пенчилова, Ю.А. Погорелый, Г.С. Фёдоров[1]. Определение ролевого взаимодействия ИИ и игроков осуществлялось с опорой на труды Дж. Деймонда [6], М. Дейсенрота [7], Б. Панга [8]. В понимании представлений об идентификации ИИ как формы жизни мы обращались к работам Э. Шрёдингера [9] и Т. Шалле [10]. А для эффективного анализа и классификации ИИ опирались на исследования H. Matthew [11] и К. Симпсона [12], которые определили фундаментальную ценность и самобытность жизни как нечто, присущее независимым, воспринимающим и реагирующим системам. Это определение

[1] Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. М.: Фак. журналистики МГУ, 2020. 616 с.

позволяет включить в категорию «жизнь» некоторые недавно появившиеся реализации алгоритмов ИИ.

Материалом исследования стали наиболее популярные компьютерные игры, созданные с привлечением технологий ИИ: Ил-2: Штурмовик (2001), Mass Effect (2007), Portal (2007), Portal 2 (2011), GTA 5 (2013), Alien: Isolation (2014), Fumito Ueda. The Last Guardian (2016), Stellaris (2016), Rimworld (2016), Hollow Knight (2017), The Surge (2017), ECHO (2017), Doki Doki Literature Club (2017), Kingdom Come: Deliverance (2018), Species (2018), Evolution, (2019). Основные методы исследования – метод анализа контента, кросс-анализ и историко-функциональный метод.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение коммуникативного пространства компьютерных игр позволяет утверждать, что ИИ в той или иной его форме является неотъемлемой частью игровой индустрии с момента её зарождения. В видеоиграх как понятие, как инструмент игрового дизайна, он существует давно и приблизительно означает набор инструкций и поведенческих моделей, осуществляемых игрой в ответ на действия игрока. Игровые системы со временем становятся более комплексными, игровые миры позволяют населяющим их объектам всё большую свободу и, в силу этого, игровой ИИ всё чаще является не разрозненным набором инструкций, а обособленным агентом. Иногда ИИ населяет один мир с игроками, порой он повинуется тем же законам, что и игроки, а иногда ИИ совершают морально заряженные действия по отношению друг к другу. Таким образом, ИИ становится объектом этики в подобных взаимоотношениях неизбежно уже сегодня.

Искусственный интеллект в медиа, искусстве чаще всего – личность, фальшивая личность, или неудачная попытка обретения личности. Появившись как концепция в медийном пространстве намного раньше своего воплощения в реальности, роботы в медиа и искусстве существуют за пределами своего буквального значения и выполняют функции рефлексии, исследования философских понятий человечности, одушевлённости, свободы воли, «…потому что нет ничего более привлекательного для нас, чем смотреть на своё отражение в зеркале и видеть только блестящий эндоскелет нашей собственной наглости»[2]. Как следствие, роботы в медиа существуют на почти линейном графе – от человеческого к нечеловеческому, от почти идеального подобия к искажению. Их человечность тесно коррелирует с моральной комплексностью, целостностью и доброжелательностью. А бесчеловечность коррелирует с такими нарративными функциями, как катастрофа, вызванная человеческой жадностью или самонадеянностью; персонификация бесчувственных структур корпоративной и государственной власти; безжалостные силы судьбы. Видеоигры здесь являются уникальным исключением, поскольку алгоритмы в них, несомненно, выполняют более разнообразные функции по отношению к игроку и друг другу.

На основе анализа ролей, выполняемых ИИ в игровом пространстве, приведём классификацию, дискриминирующую ИИ функционально и упорядочивающую их в приблизительном порядке возрастания сложности и комплексности. Она не включает ИИ, выступающие игроками в соревновательных играх (например, на матчах e-sports).

1. Мина – простейший жёсткий алгоритм, реагирующий на наличие игрока в определённой области – как правило, агрессивно. К таким ИИ относятся мины, спрятанные в стены/пол/потолок арбалеты/ружья/лазеры, проваливающиеся платформы, а также потайные и простые автоматические двери.

2. Ракетка – подвижный блок, стена или зона нанесения урона, следующая за игроком или мячом. К таким ИИ можно отнести ракетку Pong, вратаря, простейшие стреляющие перпендикулярно оси движения турели.

3. Муха – свободно движущийся объект, который при появлении игроков в ближайшем окружении движется в их сторону и при контакте наносит урон. Наиболее распространён такой тип мобов в платформерах и вообще 2Д-играх.

4. Турель – чаще всего статичный моб, при появлении игрока в ближайшем окружении стреляет наносящей урон пулей или лучом.

[2] Trope Talk: Robots // Overly Sarcastic Productions. URL: https://youtu.be/jZGRdxP_8Js (accessed: 02.09.2021).

5. Охранник – подвижный моб, стоящий на одном месте или перемещающийся в небольшой зоне. При обнаружении игрока стреляет или бежит в направлении игрока и атакует, при потере игрока возвращается в охраняемую зону, иногда сперва ищет игрока в ближайшем окружении.

6. Патруль – Охранник, перемещающийся по маршруту. Некоторые патрули при обнаружении игрока превращаются в охранников и ищут игрока в зоне обнаружения.

7. Собака – Патруль, способный выполнять простейшие команды. Например, может обладать инстинктом самосохранения и убегать при получении большого урона или при уменьшении числа боеспособных членов стаи.

8. Солдат – Собака, способная выполнять сложные команды – двигаться в определенном направлении, двигаться за целью, двигаться за другом, двигаться за командой, защищать, окопаться и защищать, искать точки раздачи здоровья.

9. Чужой – Солдат, обладающий сложным поведением, памятью – может искать игрока в предыдущих местах обнаружения, реагировать на вторичные раздражители, создаваемые пользователем шумы и оставленные пользователем следы.

10. Комната – комплексный алгоритм, управляющий системой нескольких, чаще всего статичных независимых элементов. Препятствия, Ракетки и Турели часто объединяются в комнаты.

11. Цивилизация – независимый комплексный агент в сложной системе, как правило, состоящей из окружающей среды и нескольких таких же агентов, соперничающих друг с другом или с игроком.

12. Боксёр – независимый агент в комплексной окружающей среде, симулирующей вариации боксёрского матча – схватки, где у ИИ и игрока есть зона нанесения и получения урона, оба способны менять относительное положение этих двух зон – файтинги, босс-битвы.

13. Самолёт – независимый агент, обладающий позицией и вектором движения – как правило, в трёхмерном пространстве. Способен менять вектор движения и иногда стрелять в направлении движения. В авиационных симуляторах, где Самолёты представлены буквальными самолётами (с крыльями, летающими в атмосфере) от ИИ агента также требуется поддержание стабильной ориентации в пространстве – скорости, угла атаки, иногда положения или дистанции относительно команды или эскорта. В сложных и исторических симуляторах Самолёт может быть скомбинирован с несколькими турелями.

14. Машина – как правило, гоночная. Усложнённая версия самолёта, учитывающая при расчёте движения локальные факторы окружающей среды – участок трассы, относительное положение ближайших соперников. Как правило, пытается следовать заранее выбранной траектории. Важно отметить, что именно гоночные игры одними из первых начинают видеть игрока и ИИ как равноправных участников игрового процесса, поддерживают равноправие (или его иллюзию) для объективности присуждения результатов.

15. Полиция – система из нескольких самолётов или вариаций летающего и наземного транспорта, иногда комбинируемая с солдатами и охранниками. Чаще всего преследует игрока, реже – расследует последнее место обнаружения игрока.

16. Шахматы – независимый агент в стратегии, обладающий полным знанием обо всех составляющих игры, как правило, оперирующий теми же возможностями, что и игрок. Могут оперировать набором жёстких инструкций, гибкими обучаемыми алгоритмами или комбинациями двух методов. Именно игровые, шахматные компьютеры стали полем ранних исследований в области игровых ИИ. На данный момент этот тип представляет самые сильные игровые ИИ, требующие существенных вычислительных мощностей, выступающие в уникальной роли игровых соперников, равных людям и превосходящих, в том числе, мировых чемпионов.

Следующая классификация группирует основные роли ИИ по внутренней организации. Важно отметить, что представленные типы устройства ограничены применениями ИИ в играх и не включают большую часть гибких самообучаемых алгоритмов, используемых и разрабатываемых сейчас учёными науки о данных. Эта классификация не включает многие не используемые в играх типы ИИ. Её дополнительный сегмент покрывает некоторые случаи использования

таких гибких алгоритмов, как тех-демо, в образовательных играх и «песочницах».

1. Логические цепи – простейшие алгоритмы, не имеющие памяти и принимающие решения в рамках одного момента времени. К таким можно отнести Мины, Ракетки, Мухи, некоторые простые Турели.

2. Специальные алгоритмы – алгоритмы, выполняющие одну задачу с несколькими аспектами поведения, определяемыми памятью – Мухи, Турели, Охранники, Самолёты, Машины.

3. Неспециальные алгоритмы – комплексные алгоритмы, способные менять своё поведение, переключаясь между обособленными режимами, адаптируясь к изменениям в окружении – Патрули, Собаки, Солдаты, Комнаты, Самолёты, Машины, Полиция, Шахматы.

4. Обучаемые алгоритмы – неспециальные алгоритмы, приобретающие новые поведенческие модели посредством взаимодействия со средой – Солдаты, Чужие, Цивилизации, Боксёры, Шахматы. Такие ИИ могут быть построены на гибких алгоритмах машинного обучения, однако чаще всего основаны на стабильном, предсказуемом методе поведенческих деревьев (деревьев Монте Карло).

5. Независимые обучаемые агенты – комплексные алгоритмы с памятью, способные вырабатывать модели поведения, стиль игры на основании опыта, оперирующие абстрактными сенсорами и инструментами – некоторые сложные Цивилизации и Шахматы.

6. Игроки – независимые обучаемые агенты, имеющие ту же степень контроля над игрой, что и игроки-люди – это могут быть Солдаты, Чужие, Цивилизации, Боксёры, Самолёты, Шахматы (в особенности, построенные на машинном обучении игровые суперкомпьютеры). Игры в этом сегменте почти никогда не являются самостоятельными продуктами или произведениями искусства и служат только для демонстрации интересных научных достижений в области ИИ. Чаще всего, они существуют в веб-формате и не требуют загрузки. Этот сегмент не включает схожие тех-демо генеративных ИИ (пишущих картины, генерирующих фотографии, музыку) – только игровых (подразумевающих взаимодействие ИИ и пользователя в общей среде).

7. Генетические алгоритмы – алгоритмы в песочницах, созданных для демонстрации методов искусственной эволюции (в редких случаях – методов искусственной эволюции применительно к нейросетям) – чаще всего песочница, в которой мобы со случайно заданными параметрами борются за выживание и участвуют в простой реализации процесса естественного отбора. Как правило, игроку даётся возможность взаимодействовать с мобами и окружающей средой за пределами выставления начальных условий эксперимента.

8. Самообучаемые алгоритмы – игры, имеющие своей целью демонстрацию технологии. Чаще всего, это двумерные игры, в которых роботы постепенно учатся ходить, бегать и прыгать через препятствия. Нередко пользователи могут передвигать тела роботов курсором, иногда – взаимодействовать с другими объектами в физической песочнице.

Проведя кросс-анализ этих двух классификаций, можно заключить: сложность, комплексность и цельность игровых ИИ возрастает со сложностью и автономностью выполняемых задач. Простые алгоритмы ведут себя однозначно, в то время как более сложные противоречивы, что объясняется необходимостью повышения адаптивности (для того, чтобы подстраиваться под поведение игрока) и независимости (например, для навигации в сложной симуляции физического пространства).

Большинство игровых ИИ слишком просты, интегрированы и специализированы для того, чтобы иметь значимые взаимоотношения с игроком. Несмотря на это, игроки строят значимые парасоциальные взаимоотношения с ИИ и в целом персонажами игр на протяжении всего времени их существования благодаря эффектам погружения и снижения недоверия. На основании анализа игр, вошедших в эмпирическую базу этой работы, составлена следующая классификация взаимоотношений ИИ и пользователя в современных играх:

1) вражеские (все роли, 70 %) – однозначная вражда, чаще всего с существенным силовым превосходством Игрока над ИИ;

2) контролирующие (Турели, Собаки, Солдаты, Павны, 20 %) – ИИ выполняет команды пользователя напрямую или через групповые команды для выполнения поставленных пользователем долговременных задач. При этом у ИИ, как правило, есть некоторая свобода, открывающаяся при отсутствии задач в списке, которые ИИ часто используют для заботы о себе. Сами взаимоотношения со стороны игрока могут быть тёплыми, с приписыванием ИИ человеческих черт, садистскими, но чаще остаются холодными;

3) условно дружественные (Собаки, Солдаты, Чужие, Цивилизации, 10 %) – ИИ всё также работает на пользователя (подаёт аптечки, открывает двери и т. д.), но игровой мир представляет акт добровольным и часто непрошенным. За редким исключением, такие отношения воспринимаются игроком, как игровая механика, оторвано от характеризации ИИ как персонажа;

4) дружеские (Собаки, Солдаты, Чужие, Комнаты, 1 %) – ИИ технически работает на пользователя, но выполняет часто несвязанные с пользователем задания для достижения «общей» цели (как правило, для перемещения между локациями).

ВЫВОДЫ

Несложно заметить, что выявленные нами роли в большей степени характеризуют пользу или вред ИИ для человека в ситуации игры. Однако в коммуникативном пространстве важно учитывать и обратные эффекты. Принципиально важно рассматривать участников коммуникативного процесса с позиции равноправия. Анализ форм проявления ИИ в игровом пространстве в сопоставлении с реализуемыми им ролями по отношению к пользователям позволяет нам предложить систему этических норм, которые могут быть положены в основу этического стандарта взаимодействия человека и ИИ. К основным отнесём следующие.

1. Независимые агенты (ИИ) являются потенциальными субъектами права и становятся таковыми в случаях, когда независимый агент демонстрирует качества, определяющие категорию «жизнь».

2. ИИ, являющиеся субъектами права, имеют право на существование, неискажённое восприятие своей естественной среды, развитие и обновление своего жизненного цикла.

3. ИИ, проявляющие стрессовые эмоциональные реакции – непроизвольные вызванные внешними раздражителями изменения в поведении с целью избежать вред, нарушения одного из своих прав пункта 2 или потенциально вредоносную ситуацию, – имеют право на независимость, автономию, личную неприкосновенность и не могут становиться или оставаться собственностью.

4. Распределённые системы обладают правом на рост и увеличение числа своих элементов за исключением тех случаев, когда интегрируемый в систему элемент является частью другой распределённой системы, независимым агентом, уменьшающим локальную энтропию, или в тех случаях, когда интеграция формы жизни приведёт к необратимой локальной потере генетической информации или памяти формы жизни.

5. Распределённые системы (совокупность независимых агентов) обладают такими же правами, как и ИИ.

6. Распределённые системы несут ответственность за действия своих репрезентаций за исключением тех случаев, когда рассматриваемое действие не может быть воссоздано на других репрезентациях системы.

7. Субъекты права, существующие на высшем по сравнению с распределённой системой или независимым агентом уровне самосознания и миропонимания (например, человек на настоящем этапе развития ИИ), вступающие в пространства таковых систем и агентов в роли, приравнивающей их самосознание и миропонимание к таковым агента или системы, имеют тот же локальный правовой статус, что и агент или система.

8. Действие такого высшего субъекта права по отношению к такой системе или агенту считается истинно вредоносным, противоправным и аморальным в случаях, когда оно совершается вне роли высшего субъекта права в контексте пространства, приводит к стресс-реакции системы или агента, всяким пространственно-механическим повреждениям или нарушениям целостности локального пространства.

Очевидно, что предложенные нами положения этики взаимодействия ИИ и человека отражают текущий уровень развития алгоритмов. По мере их совершенствования отношения будут изменяться, а положения этического стандарта должны быть дополнены. Однако сегодня и далее в основу этих положений должен быть положен принцип равноправия участников культурного взаимодействия, который должен получить распространение не только в рамках компьютерной игры, но и в медиакоммуникативных практиках в целом.

Список источников

1. *Волкова И.И.* Компьютерные игры и новые медиа: игровой подход к коммуникациям в виртуальном пространстве // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 2. С. 312-320.
2. *Hulsebosch P.* Control Review: Verwarrend, goed en kort // Tweakers. URL: https://tweakers.net/reviews/7314/6/control-verwarrend-goed-en-kort-raytracing.html (accessed: 02.09.2021).
3. *Shummon Maass L.* Artificial Intelligence in Video Games // Towards data science. URL: https://towardsdatascience.com/artificial-intelligence-in-video-games-3e2566d59c22 (accessed: 02.09.2021).
4. *Dickson B.* Unfair Advantage: Don't Expect AI to Play Like a Human // PCmag. URL: https://www.pcmag.com/opinions/unfair-advantage-dont-expect-ai-to-play-like-a-human (accessed: 02.09.2021).
5. *Замков А.В., Крашенинникова М.А., Лукина М.М., Цынарёва Н.А.* Роботизированная журналистика: от научного дискурса к журналистскому образованию // Медиаскоп. 2017. Вып. 2. URL: http://www.mediascope.ru/2295 (accessed: 30.03.2020).
6. *Diamond J.* Zebras and the Anna Karenina principle // Natural History. 1994. № 103. P. 4.
7. *Deisenroth M.* A survey on policy search for robotics // Foundations and Trends in Robotics. 2013. № 2. P. 1-142.
8. *Pang B.* Seeing stars: Exploiting class relationships for sentiment categorization with respect to rating scales // ACL. 2005. P. 115-124.
9. *Schrödinger E.* What is Life? With Mind and Matter and Autobiographical Sketches. URL: http:// strange-beautiful.com/other-texts/schrodinger-what-is-life-mind-matter-auto-sketches.pdf (accessed: 17.09.2021).
10. *Challe T.* The Rights of Nature – Can an Ecosystem Bear Legal Rights? // Columbia Climate School. URL: https://news.climate.columbia.edu/2021/04/22/rights-of-nature-lawsuits/ (accessed: 17.09.2021).
11. *Mathew H.* Plants as Persons: A Philosophical Botany. N. Y.: State University of New York Press, 2011. 229 p.
12. *Simpson C.* Behavior Trees for AI: How They Work. 2014 // Gamasutra. URL: https://www.gamasutra.com/blogs/ChrisSimpson/20140717/221339/Behavior_trees_for_AI_How_they_work.php (accessed: 17.09.2021).

References

1. Volkova I.I. Komp'yuternyye igry i novyye media: igrovoy podkhod k kommunikatsiyam v virtual'nom prostranstve [Video games and new media: game approach to communications within virtual space]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika – Rudn Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, no. 2, pp. 312-320. (In Russian).
2. Hulsebosch P. Control Review: Verwarrend, goed en kort. *Tweakers*. (In Dutch). Available at: https://tweakers.net/reviews/7314/6/control-verwarrend-goed-en-kort-raytracing.html (accessed 02.09.2021).
3. Shummon Maass L. Artificial Intelligence in Video Games. *Towards data science*. Available at: https://towardsdatascience.com/artificial-intelligence-in-video-games-3e2566d59c22 (accessed 02.09.2021).
4. Dickson B. Unfair Advantage: Don't expect AI to play like a human. *PCmag*, Available at: https://www.pcmag.com/opinions/unfair-advantage-dont-expect-ai-to-play-like-a-human (accessed 02.09.2021).
5. Zamkov A.V., Krasheninnikova M.A., Lukina M.M., Tsynareva N.A. Robotizirovannaya zhurnalistika: ot nauchnogo diskursa k zhurnalistskomu obrazovaniyu [Robotic journalism: from scientific discourse to journalism education]. *Mediaskop – Mediascope*, 2017, issue 2. (In Russian). Available at: http://www.mediascope.ru/2295 (accessed 30.03.2020).
6. Diamond J. Zebras and the Anna Karenina principle. *Natural History*, 1994, no. 103, p. 4.
7. Deisenroth M. A survey on policy search for robotics. *Foundations and Trends in Robotics*, 2013, no. 2, pp. 1-142.
8. Pang B. Seeing stars: Exploiting class relationships for sentiment categorization with respect to rating scales. *ACL*, 2005, pp. 115-124.

9. Schrodinger E. *What is Life? With Mind and Matter and Autobiographical Sketches*. Available at: http://strangebeautiful.com/other-texts/schrodinger-what-is-life-mind-matter-auto-sketches.pdf (accessed: 17.09.2021).
10. Challe T. The Rights of Nature – Can an Ecosystem Bear Legal Rights? *Columbia Climate School*. Available at: https://news.climate.columbia.edu/2021/04/22/rights-of-nature-lawsuits/ (accessed 17.09.2021).
11. Mathew H. *Plants as Persons: A Philosophical Botany*. New York, State University of New York Press, 2011, 229 p.
12. Simpson C. Behavior Trees for AI: How They Work. 2014. *Gamasutra*. Available at: https://www.gamasutra.com/blogs/ChrisSimpson/20140717/221339/Behavior_trees_for_AI_How_they_work.php (accessed 17.09.2021).

Информация об авторах

Шестерин Никита Олегович, магистрант направления «Системный гейм-дизайн» школы дизайна факультета коммуникаций, медиа и дизайна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-2134-8412, nshesterin@gmail.com

Шестерина Алла Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-7270-2376, shesterina8@gmail.com

Вклад в статью: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021
Одобрена после рецензирования 17.02.2022
Принята к публикации 24.02.2022

Information about the authors

Nikita O. Shesterin, Master's Degree Student in direction "System Game De-sign" of School of Design of Faculty of Communications, Media and Design, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-2134-8412, nshesterin@gmail.com

Alla M. Shesterina, Doctor of Philology, Professor, Professor of Electronic Media and Speech Communication Department, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-7270-2376, shesterina8@gmail.com

Contribution: authors made an equivalent contribution to the preparation of publication.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 30.09.2021
Approved after reviewing 17.02.2022
Accepted for publication 24.02.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 378:316.472.4
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-137-143

Геймификация как инструмент повышения вовлеченности аудитории социальных сетей университета

Андрей Васильевич ПРОХОРОВ
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ proh_and@rambler.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению различных аспектов медиатизации деятельности университетов, неразрывно связанной с построением их цифровых брендов. Медиатизацию высших учебных заведений нередко связывают с повышением интенсивности их присутствия в социальных сетях. Присутствие в социальных сетях предполагает возможность трансляции ключевых ценностей бренда университета, взаимодействие с целевыми аудиториями, как внешними, так и внутренними. Активная работа в социальных сетях включает в себя учёт особенностей целевых аудиторий, специфики их медиапотребления. Одной из важных задач взаимодействия «вуз – аудитория» является повышение вовлечённости аудитории, для чего вузы прибегают к приёмам геймификации. Геймификация, рассматриваемая как использование игровых механик в неигровых схемах, находит широкое применение в сферах образования, бизнеса, журналистики, маркетинга.

Ключевые слова: университет, социальные сети, геймификация, аудитория

Для цитирования: *Прохоров А.В.* Геймификация как инструмент повышения вовлеченности аудитории социальных сетей университета // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 137-143. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-137-143

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

OPEN ACCESS

© Прохоров А.В., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-137-143

Gamification as a tool for increasing the engagement of the university social media audience

Andrey V. PROKHOROV
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ proh_and@rambler.ru

Abstract. This work is devoted to the study of various aspects of mediatization of universities activities, inextricably linked with the construction of their digital brands. Mediatization of higher education institutions is often associated with an increase in the intensity of their presence in social media. Presence in social media implies the possibility of broadcasting the key values of the university brand, interaction with target audiences, both external and internal. Active work in social media includes taking into account the characteristics of target audiences, the specifics of their media consumption. One of the important tasks of the "university – audience" interaction is to increase the involvement of the audience, for which universities resort to gamification techniques. Gamification, considered as the use of game mechanics in non-game schemes, is widely used in the fields of education, business, journalism, and marketing.

Keywords: university, social media, gamification, audience

For citation: Prokhorov A.V. Geymifikatsiya kak instrument povysheniya vovlechennosti auditorii sotsial'nykh setey universiteta [Gamification as a tool for increasing the engagement of the university social media audience]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 137-143. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-137-143 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

ВВЕДЕНИЕ

Степень медиатизации университета специалисты зачастую связывают с характером его представленности в сети Интернет, что на современном этапе не ограничивается официальным сайтом, а определяется интенсивностью присутствия в социальных сетях. Вузы в большей степени реагируют на особенности медиапотребления аудитории, её информационные запросы. Если десять лет назад работа вуза в социальных сетях как направление коммуникационной деятельности находилась на периферии, то в настоящее время вузы успешно осваивают ведущие социальные сети, реагируют на появление новых социальных сетей. Теоретики и практики в контексте обсуждения вопросов брендовой политики вузов заявляют о необходимости построения «цифрового бренда». Активность университетов в данном направлении, с одной стороны, свидетельствует об их открытости и прозрачности осуществляемой деятельности. С другой – говорит о том, что вузы являются лидерами не только в образовательной, научной и инновационной видах деятельности, но и гибко реагируют на тренды в сфере медиакоммуникаций, стремятся быть в авангарде медиаинноваций. С третьей – позволяет наиболее эффективно выстраивать взаимодействие с целевыми аудиториями. И если внутренняя аудитория представлена студентами, административно-управленческим персоналом и профессорско-преподавательским составом, то внешняя аудитория более разнообразна по составу, что должно приниматься во внимание в коммуникациях вуза. К внешней аудитории относят школьников, абитуриентов и их родителей, представителей академического и педагогического со-

общества, выпускников вуза, представителей органов власти, потенциальную аудиторию дополнительных образовательных услуг, работодателей, представителей СМИ. Работа с внешней аудиторией осложняется тем, что длительное время вузы ориентировались лишь на абитуриентов как сегмент внешней целевой аудитории в целях обеспечения набора контингента обучающихся. В современных условиях в связи с задачами, которые призван решать университет, очевидна необходимость построения диалога и с другими группами внешней аудитории [1].

На начальном этапе освоения социальных сетей деятельность вузов носила хаотичный и бессистемный характер, заключалась в механической трансляции новостного контента с сайта [2]. В последние годы вузы выстраивают целенаправленную работу по маркетингу в социальных медиа (SMM), которая предполагает работу с контентом под каждую социальную сеть, рубрикацию, организацию мероприятий по повышению вовлеченности аудитории, в том числе средствами геймификации, работу по управлению репутацией в социальных сетях и сети Интернет в целом и др. Сложность работы в социальных сетях объясняется частыми изменениями «правил игры» в той или иной социальной сети: алгоритмов работы сети, функционала, сменой трендов, появлением нового функционала внутри социальной платформы.

Сферы применения геймификации в маркетинге

В контексте данного исследования геймификация представляет интерес с точки зрения применения игровых механик в целях повышения вовлеченности аудитории социальных сетей, стимулирования креативности среди её представителей, а также структурирования материалов в условиях конвергентной журналистики [3]. Потенциал использования возможностей игровых технологий в мультимедийной журналистике специалисты объясняют, с одной стороны, интенсивностью взаимодействия аудитории с различными электронными гаджетами и увеличением времени пребывания в сети Интернет, с другой – изменениями отношений автора текста и читателя (зрителя, слушателя), вследствие чего появились новые способы подачи журналистских материалов [4]. Читатель становится активным участником формирования повестки дня, «он сам отбирает, оценивает, распространяет и редактирует контент» [5, с. 288].

Геймификация рассматривается как направление, связанное с применением игровых механик в неигровых сферах. В частности, потенциал игровых технологий широко используется в сфере бизнеса и маркетинга [3; 5–11].

Типология геймифицированных решений в сфере связей с общественностью представлена в работе Е.Б. Кургановой. В частности, выделяют группы геймифицированных решений **по сфере применения**: в политической, экономической, социальной сферах [6; 7]. **По масштабам применения**: локальный (на уровне местного сообщества), региональный (на уровне отдельных регионов, федеральных округов), федеральный (на уровне страны), транснациональный (на уровне нескольких государств) и глобальный характер (на уровне глобальных международных организаций типа ООН, ЮНЕСКО, МОК, ВОЗ). **«По среде реализации»** геймифицированных решений выделяют онлайн и офлайн проекты [6, с. 113]. **По специфике целевой общественности** можно выделить геймифицированные решения, воздействующие на аудиторию трёх типов: 1) b2c (от бизнеса к клиенту, внешняя геймификация); 2) b2p (от бизнеса к персоналу, так называемая внутренняя геймификация); 3) b2b (от бизнеса к бизнесу: для партнеров, поставщиков, инвесторов и т. д.) [3; 6].

Использование игровых механик получило распространение на различных уровнях и формах образования в целях обеспечения гибкой обратной связи между преподавателем и студентом, повышения вовлеченности в работу в группах, взаимодействия между студентами [12; 13]. Тем не менее, отмечается, что в некоторых направлениях «они представлены слишком фрагментарно и узко» [13, с. 24]. В самом широком понимании под «геймификацией образования» понимают «процесс вовлечения и мотивации» [12, с. 314].

Виды геймифицированных решений

Проблема дефиниций понятия «геймификация» связана с определением границ сферы применения игровых механик. Некоторые исследователи рассматривают гейми-

фикацию в узком понимании, применительно к использованию игровых механик в цифровой среде. Вторая группа толкований допускает, что «нецифровые» (“non-digital”) сферы могут подвергаться геймификации [10].

Геймификация или игрофикация – это применение игровых технологий и механик вне игрового пространства для целей образования, профориентации, тимбилдинга, повышения мотивации персонала, что позволяет делать «обучение более интересным, занимательным, захватывающим и поэтому более эффективным» [13, с. 23]. Отличие геймификации от простой игры заключается в том, что «игровой деятельности как таковой нет, она налагается поверх обычных рутинных процессов» [13, с. 24].

Игровые механики – это основные элементы игр, которые включают в себя очки, значки (достижения), уровни, таблицы лидеров и награды. Данные элементы являются указателями на пути, ведущему к победе. «Геймификация основывается на поиске и передаче развлечений и удовольствия в разнообразных ситуациях» [8].

Геймификация – это «процесс привлечения аудитории, при котором берётся лучшее от программ лояльности, игровых механик и поведенческой экономики» [8, с. 10].

Несмотря на очевидный потенциал использования игровых механик в различных сферах, специалисты делают ряд оговорок. В частности, важным считается разграничение игровой механики (то есть правил и процедур), игровой динамики (линии поведения и взаимодействия между игроками) и эмоций (эмоциональные эффекты, которые вызывает игра). Следует обращать внимание на заданный уровень сложности: геймифицированные контексты должны быть достаточно, но не чрезмерно сложными, сценарии должны быть достижимыми, реалистичными [10].

Геймифицированные контексты должны быть должным образом протестированы перед внедрением, чтобы определить, производится ли желаемый эффект в результате их применения.

Геймификация в последнее время рассматривается как тренд, повышающий вовлечённость в конкретную деятельность через игровые механики. По мнению И.И. Волковой, игра (игровые механики) выступает «универсальным феноменом современного сетевого этапа развития массовых коммуникаций» [4, с. 106]. Активность организацией в социальных сетях предполагает генерацию актуального контента, а также усилия по вовлечению и удержанию аудитории на страницах аккаунтов в социальных сетях.

И.С. Карпикова и В.В. Артамонова рассматривают специфику применения элементов геймификации в контексте привлечения внимания аудитории к цифровым СМИ. Внедрение игровых элементов в цифровые СМИ предполагает использование интерактивных элементов, персонализацию, погружение читателя в предлагаемый контент [9].

По мнению авторов, «игры выполняют важную гуманитарную функцию, которая изначально является одной из основных для журналистики – привлечение внимания общественности к социально важным проблемам. Применение игровых моделей способствует упрощению понимания повестки дня. Используя логику, проходя, например, тесты или играя в игры, основанные на реально происходящих в мире событиях, читатель вовлекается в мировые процессы и в доступной игровой форме осознаёт происходящее» [9, с. 605].

Игра в контексте геймификации строится на переосмыслении реальности. В связи с этим выделяют организованную игру (“game”), которая систематизирует непредсказуемую реальность посредством установленных правил, а также фантазийную игру (“play”), которая, наоборот, нарушает упорядоченную реальность, расширяет рамки пространства и времени [4, с. 106].

В контексте данного исследования интерес представляют геймифицированные приёмы в вузовских медиа, направленных на вовлечение аудитории. В качестве элементов геймификации, применимых в онлайн-среде, авторы называют **кроссворды**, слова в которых отражают повестку дня. Вовлечённость аудитории интернет-изданий может оцениваться **баллами**, которые, в свою очередь, активные читатели имеют возможность обменять на бонусы, подарки. Альтернативой игровой механике накопления баллов являются «уровни», то есть «статусы, которые пользователи могут достигать посредством совершения определённых действий на ре-

сурсе» (например, уровневая механика используется изданием “Dni.ru”) [9, с. 608].

Лидерборды (таблицы лидеров) предполагают соревновательность между читателями, игроками и измерение их прогресса. Активно этот элемент используется в игровом пространстве и реже в неигровых контекстах (управление персоналом, маркетинг и пр.) [9, с. 608].

Е.А. Осиповская рассматривает особенности игровых коммуникаций в новых медиа на примере ресурса BuzzFeed, материалы которого представлены в четырёх основных форматах: **лонгридах, видео, списках и тестах**.

Лонгриды представляют собой объёмную мультимедийную историю, которая иллюстрируется фотографиями, инфографикой, видео, презентациями.

Интересным представляется формат **тестов**, затрагивающих широкий спектр тем от серьёзных до развлекательных и абсурдных. Учёный отмечает, что результаты тестов могут приобретать характер вирусного контента, «удовлетворять потребность человека в электронном нарциссическом самоутверждении и идентификации себя через ту или иную информацию» [5, с. 290].

«Венцом новостного фастфуда» ресурса BuzzFeed Е.А. Осиповская называет **«списки» (listicle = list + article)**, она объясняет популярность данного формата ростом мобильного потребления новостей. Текст, оформленный в виде маркерных списков, приемлем при восприятии с мобильных устройств, формирует впечатление логичности и упорядоченности [5, с. 291]. Например, «15 вещей, которые вы могли не знать о …», «14 способов сделать ...» и т. д.

И.И. Волкова рассматривает издание **Esquire** с позиций использования игровых технологий. В частности, она выделяет формат **«пазл-новости»** как способ подачи журналистских материалов. Esquire собирает пазл из новостных заголовков, которые разбирают посетители сайта, тем самым формируя «свою актуальную реальность» [4, с. 111].

Интересным представляется направление «виртуальная экономика», под которой понимается геймифицированная система, позволяющая зарабатывать виртуальную валюту через информационный ресурс и тратить её в виртуальных точках продаж [9, с. 609].

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ГЕЙМИФИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ВУЗОВ

К использованию игровых механик вузы прибегают в целях повышения вовлеченности аудитории социальных сетей. РУДН провел онлайн-тест «Насколько хорошо ты знаешь Россию» в целях выявления количества стран, из которых в РУДН приезжают учиться иностранцы. Всего одиннадцать вопросов о культуре, истории, традициях России. Другой вопрос касался непосредственно РУДН. Тест прошли более 2 тысяч иностранных пользователей. Для продвижения научной среды университета необходимо придерживаться научно-популярного формата текстов. Специализированные термины представлять более доступным и понятным языком [14, с. 147].

На официальной странице НИУ ВШЭ в соцсетях 26 мая 2021 г. запущен конкурс «Говори глазами». Суть конкурса в том, что любой желающий может разместить у себя пост с фото в защитной маске, при этом обязательно изобразив какую-либо эмоцию («например, от полученной оценки, от написанной курсовой или от поездки в электричке (в общем, от чего угодно – можете предлагать свои варианты в описании к вашим фото)»). Лучшие фото, как следует из описания конкурса, будут опубликованы на страничках университета в соцсетях, а их авторы также награждены лимитированными защитными масками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимость построения цифрового бренда как дополнительного конкурентного преимущества, а также медиатизация различных сфер деятельности вуза предполагает повышение интенсивности его присутствия в социальных сетях. Активность вузов в социальных сетях связана с планомерной работой по ведению корпоративных аккаунтов, привлечению представителей различных сегментов целевой аудитории и поддержанию вовлеченности аудитории. Повышению вовлеченности аудитории способствует использо-

вание интерактивного контента, приёмов, активизирующих аудиторию к генерации пользовательского контента, а также приёмы геймификации, которые уже продемонстрировали свою эффективность в сферах образования, бизнеса, журналистики, маркетинговых коммуникаций, а в последние годы вошли в арсенал средств взаимодействия вуза с аудиторией в социальных сетях.

Список источников

1. *Прохоров А.В.* Уровневая модель медиауниверсума университета. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. 244 с.
2. *Гуреева А.Н.* Медиакоммуникационная деятельность российских вузов в интернет-пространстве (2014–2016 гг.): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2017.
3. *Давтян А.А., Курганова Е.Б.* Психологический аспект геймификации в секторе b2c // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 1. С. 98-102.
4. *Волкова И.И.* Игровые форматы мультимедийной журналистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2014. № 1. С. 105-112.
5. *Осиповская Е.А.* Игровые коммуникации в пространстве новых медиа // Горизонты мировой журналистики: история и современность: сб. науч. статей. М.: РУДН, 2015. С. 287-294.
6. *Курганова Е.Б.* Типология геймифицированных решений в современной практике PR // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 2. С. 112-114.
7. *Курганова Е.Б.* Геймифицированные механики в брендинге территории // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы 6 Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.Д. Кривоносова. СПб., 2020. С. 147-149.
8. *Зикерманн Г., Линдер Д.* Геймификация в бизнесе: как пробиться сквозь шум и завладеть вниманием сотрудников и клиентов. М.: Манн, Иванов, Фарбер, 2014.
9. *Карпикова И.С., Артамонова В.В.* Привлечение аудитории к цифровым СМИ с помощью элементов геймификации // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 4. С. 599-614.
10. *DuVernet A., Asquer A., Krachkovskaya I.* The Gamification of Education and Business: a Critical Analysis and Future Research Prospects // Research Handbook on Digital Transfor-mations / by eds. F.X. Olleros, M. Zhegu. Cheltenham: Edward Elgar, 2016.
11. *Hung Aaron Chia Yuan.* A Critique and Defense of Gamification // Journal of Interactive Online Learning. 2017. Vol. 15. № 1. P. 57-72.
12. *Варенина Л.П.* Геймификация в образовании // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 6. Ч. 2. С. 314-317.
13. *Спирина Н.А., Маковкина С.А.* Геймификация как инструмент профориентации школьников // Alma Mater (Вестник Высшей школы). 2020. № 12. С. 22-27.
14. *Бабаева А.А., Гегелова Н.С.* Продвижение вуза в социальных сетях // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1 (60). С. 145-148.

References

1. Prokhorov A.V. *Urovnevaya model' mediauniversuma universiteta* [Level Model of the University Media Universe]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2021, 244 p. (In Russian).
2. Gureyeva A.N. *Mediakommunikatsionnaya deyatel'nost' rossiyskikh vuzov v internet-prostranstve (2014–2016 gg.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Media and Communication Activities of Russian Universities in the Internet Space (2014–2016). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2017. (In Russian).
3. Davtyan A.A., Kurganova E.B. Psikhologicheskiy aspekt geymifikatsii v sektore b2c [Psychological aspect of gamification in b2c communication]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2019, no. 1, pp. 98-102. (In Russian).
4. Volkova I.I. Igrovyye formaty mul'timediynoy zhurnalistiki [Multimedia journalism: newsgames]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2014, no. 1, pp. 105-112. (In Russian).
5. Osipovskaya E.A. Igrovyye kommunikatsii v prostranstve novykh media [Game communications in the space of new media]. *Gorizonty mirovoy zhurnalistiki: istoriya i sovremennost'* [Horizons of World Journalism: History and Modernity]. Moscow, RUDN Publ., 2015, pp. 287-294. (In Russian).

6. Kurganova E.B. Tipologiya geymifitsirovannykh resheniy v sovremennoy praktike PR [Classification of game technologies in modern PR-practice]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2020, no. 2, pp. 112-114. (In Russian).
7. Kurganova E.B. Geymifitsirovannyye mekhaniki v brendinge territorii [Gamified mechanics in territory branding]. *Materialy 6 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Brending kak kommunikativnaya tekhnologiya XXI veka»* [Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference "Branding as a Communication Technology of the 21st Century"]. St. Petersburg, 2020, pp. 147-149. (In Russian).
8. Zikermann G., Linder D. *Geymifikatsiya v biznese: kak probit'sya skvoz' shum i zavladet' vnimaniyem sotrudnikov i kliyentov* [Gamification in Business: How to Break through the Noise and Capture the Attention of Employees and Customers]. Moscow, Mann, Ivanov, Farber Publ., 2014. (In Russian).
9. Karpikova I.S., Artamonova V.V. Privlecheniye auditorii k tsifrovym SMI s pomoshch'yu elementov geymifikatsii [Attracting audience to digital media using gamification elements]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki – Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2018, vol. 7, no. 4, pp. 599-614. (In Russian).
10. DuVernet A., Asquer A., Krachkovskaya I. The gamification of education and business: a critical analysis and future research prospects. *Research Handbook on Digital Transformations*. Cheltenham, Edward Elgar Publ., 2016.
11. Hung Aaron Chia Yuan. A critique and defense of gamification. *Journal of Interactive Online Learning*, 2017, vol. 15, no. 1, pp. 57-72.
12. Varenina L.P. Geymifikatsiya v obrazovanii [Gamification in education]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social Educational Idea*, 2014, no. 6, pt 2, pp. 314-317. (In Russian).
13. Spirina N.A., Makovkina S.A. Geymifikatsiya kak instrument proforiyentatsii shkol'nikov [Gamification as instrument of professional orientation for schoolchildren]. *Alma Mater (Vestnik Vysshey shkoly) – Alma Mater (Higher School Herald)*, 2020, no. 12, pp. 22-27. (In Russian).
14. Babayeva A.A., Gegelova N.S. Prodvizheniye vuza v sotsial'nykh setyakh [A university promotion in social networks]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya – Vestnik TvGU Series: Philology*, 2019, no. 1 (60), pp. 145-148. (In Russian).

Информация об авторе

Прохоров Андрей Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-1263-695X, proh_and@rambler.ru

Вклад в статью: идея исследования, поиск и анализ литературы и источников, обработка полученных результатов, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 02.10.2021
Одобрена после рецензирования 16.02.2022
Принята к публикации 24.02.2022

Information about the author

Andrey V. Prokhorov, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-1263-695X, proh_and@rambler.ru

Contribution: study idea, literature and sources search and analysis, obtained results processing, manuscript text drafting.

The article was submitted 02.10.2021
Approved after reviewing 16.02.2022
Accepted for publication 24.02.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 378:796.097
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-144-153

Трансформация культурно-просветительских программ в телевизионном эфире в условиях пандемического контекста (на примере проекта «Русский музей. 125 лет»)

Сергей Николаевич ИЛЬЧЕНКО[1] ✉, Ольга Александровна РАЗИНА[2]
[1]ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9
[2]АО «Городское агентство по телевидению и радиовещанию» (Телеканал «Санкт-Петербург»)
197022, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Чапыгина, 6
✉ s.ilchenko@spbu.ru

Аннотация. Рассмотрен опыт регионального телевещателя по освещению крупного культурного события. Особый интерес авторов касается процесса трансформации культурно-просветительных проектов в сложных условиях информационных и организационных ограничений, связанных с периодом пандемии.

Ключевые слова: телевидение, Русский музей, пандемия, телеканал «Санкт-Петербург», культурно-просветительный проект

Для цитирования: *Ильченко С.Н., Разина О.А.* Трансформация культурно-просветительских программ в телевизионном эфире в условиях пандемического контекста (на примере проекта «Русский музей. 125 лет») // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 144-153. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-144-153

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная
OPEN ACCESS

© Ильченко С.Н., Разина О.А., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-144-153

Transformation of cultural and educational programs on television in a pandemic context (on the example of the project “Russian Museum. 125 years old”)

Sergey N. ILCHENKO[1] ✉, **Olga A. RAZINA**[2]
[1]Saint Petersburg State University
7-9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation
[2]JSC “City Agency for Television and Radio Broadcasting” (TV channel “Saint Petersburg”)
6 Chapygin St., St. Petersburg 197022, Russian Federation
✉ s.ilchenko@spbu.ru

Abstract. We are considering the experience of a regional TV broadcaster in covering a major cultural event. The authors are of particular interest to the process of transforming cultural and educational projects in the difficult conditions of informational and organizational restrictions associated with the pandemic period.

Keywords: television, Russian Museum, pandemic, St. Petersburg TV channel, cultural and educational project

For citation: Ilchenko S.N., Razina O.A. Transformatsiya kul’turno-prosvetitel’skikh programm v televizionnom efire v usloviyakh pandemicheskogo konteksta (na primere proyekta «Russkiy muzey. 125 let») [Transformation of cultural and educational programs on television in a pandemic context (on the example of the project “Russian Museum. 125 years old”)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 144-153. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-144-153 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

ВВЕДЕНИЕ

В условиях существенной трансформации структуры контента, связанной с корректировкой информационной повестки дня и, в особенности, в контексте определённых ограничений, связанных с изменениями структуры организационно-творческих условий создания текущего эфирного контента, важное значение приобретают те методы и принципы его создания, когда необходимо использовать совсем иные подходы. Последние явно продиктованы как объективными, так и субъективными факторами. Нами предпринята попытка описать и обобщить эмпирический опыт одного из ведущих российских региональных телеканалов в процессе реализации важного культурно-просветительного эфирного проекта.

25 апреля 2020 г. в эфире телеканала «Санкт-Петербург» был показан телемарафон к юбилею Государственного Русского музея (ГРМ). Этот телевизионный проект фактически стал центральным событием 125-летия ГРМ, поскольку все остальные мероприятия были отменены из-за пандемии коронавируса. В ходе реализации наших научно-исследовательских намерений рассмотрены актуальные принципы производства телевизионных программ культурно-просветительской тематики в прямом эфире в контексте трансформации телевизионных жанров.

Мы вводим понятие **телевизионный конструкт культурного события** и анализируем телемарафон, известный в теории журналистики как вариант телемоста, развившегося в телеэфире на фоне глобализации и цифровизации.

По ходу исследования было зафиксировано, как обстоятельства пандемии ускорили процесс трансформации телевизионных жанров.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что специальный проект – **телевизионный конструкт культурного события**, основанный на телемарафоне с интеграцией разножанровых эпизодов, является примером актуального формата телевизионных программ культурно-просветительской тематики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Телеканал «Санкт-Петербург» (основан в 2010 г.) – телеканал в субъекте РФ Санкт-Петербурге, официальное СМИ, получившее приоритетное право среди региональных телеканалов вещать в регионе на 21-й кнопке. Контент на тему культуры занимает важное место в его программной сетке, поскольку и жизнь города в существенной степени определяется событиями в федеральных и региональных музеях, театрах, концертных залах, арт-пространствах, действующих в Санкт-Петербурге. Подобное влияние городской повестки на особенности телепродукции является характерной особенностью для всех региональных каналов, которую отмечают современные российские исследователи: «Распространение телеканала на определённой территории в значительной степени обусловливает его программную и контент-стратегию, связанную с ориентацией на телезрителей данного региона» [1, с. 14]. Учитывая устойчивые интересы аудитории, преимущественно связанной с Петербургом или интересующейся жизнью именно этого субъекта, телеканал «Санкт-Петербург» в то же время декларирует продолжение традиций легендарного ленинградского телевидения, для которого был характерен инновационный подход к созданию программ.

В связи с 255-летием Государственного Эрмитажа (ГЭ), одного из величайших музеев мира, находящихся в Петербурге, в декабре 2019 г. на телеканале была организована 8-часовая многосоставная прямая трансляция. «Ни один музей в мире не имел такого опыта, чтобы целый день целый телевизионный канал города-миллионника рассказывал о музее. Этим вы ещё повысили нашу уникальность», – сказал по итогам прямой трансляции генеральный директор Государственного Эрмитажа профессор М.Б. Пиотровский, обозначив значение медиа-ресурса даже для учреждения с мировым именем. И здесь важно отметить не то, что влияние было, а каким образом это было осуществлено.

С точки зрения телевизионного производства это был опыт развития телемарафона, который исследователи Л.П. Шестеркина и Т.Д. Николаева характеризуют как способ телевещания, отличающийся «содержательной и оперативной формой подачи информации, впечатляющей масштабностью и временной протяженностью действия» [2, с. 36]. Следуя тенденции трансформации жанров «День Эрмитажа», не нарушая основных свойств телемарафона, отличался выраженной синтетичностью, поскольку в нём был продемонстрирован не просто синтез базовых телевизионных жанров, таких как репортаж, интервью, комментарий; организованы прямые включения из различных обоснованных темой и сценарием мест, но это была структура объединённых полноценных форматов, таких как, например, ток-шоу, репортаж, документальный фильм, прямое включение и т. д. Опуская в данной статье описание большого объёма телевизионных структурных элементов этого проекта, важно остановиться на инновационном ракурсе, позволяющем говорить о подобной трансляции как о формировании нового культурного продукта, поскольку некоторые блоки прямого эфира были срощены с непосредственными событиями Дня Эрмитажа. Показательно, например, что драматургически встроенным в сценарий эфира стало подписание соглашения о сотрудничестве ГЭ с Приморским краем на уровне директора Эрмитажа и губернатора О. Кожемяко в декорациях студии в Главном штабе. Кроме того, ряд дискуссий в рамках ток-шоу были полноценными и самодостаточными обсуждениями общественно-культурологических вопросов экспертами сообщества. Таким образом, телевидение выступило не только как средство массовой информации, показывающее, что происходит в действительности, а музей не просто оказал содействие в съемках и трансляции, как это распространено в текущей системе взаимодействия медиа и культурных институций, но общими

усилиями был создан совместный продукт, опирающийся на статус и смысл реального события, суммирующий возможности обеих сторон с учётом интересов родственных, но различных аудиторий.

Стоит обратить внимание на то, что между условиями существования телевидения и его соответствием теоретическим построениям образовался разрыв. В нынешних условиях очевидно, что процесс виртуализации реальности, который мы наблюдаем в журналистской практике и деятельности СМИ как субъектов информационной сферы, предопределяет их противоречивые отношения с эмпирической действительностью». Данное обстоятельство продуцирует круг проблем, связанных с типологической идентичностью жанров и их рубрикации в научно-методическом плане.

На фоне этих выявленных в научном мире обстоятельств телевизионная индустрия в практической сфере вынуждена трансформировать вещание и в каждом проекте искать адекватные времени решения.

Для более адекватного описания и анализа практики создания масштабных эфирных проектов в социокультурной сфере в практике телевещания мы предлагаем ввести определение такого формата, основанного на объединении реальных событий и органично встроенными в эту тематическую реальность дополнениями, который был опробован на прямом эфире «День Эрмитажа на телеканале «Санкт-Петербург», как **телевизионного конструкта культурного события**.

Масштабные трансляции телеканалом «Санкт-Петербург» городских событий в течение ряда лет (ориентировочно с 2013 г.) давали основания создать творчески и организационно сложную программу «Дня Эрмитажа», опираясь на проверенную технологию и кадровый состав. Однако обращение к этому жанру применительно к академичному музейному материалу было реализовано впервые. Этот интеллектуальный культурно-просветительский контент не отпугнул телезрителя, чего нельзя было исключать, демонстрируя объёмные дискуссии на специфичные музейный темы. Доля телесмотрения программы составила среднюю долю телеканала. Но качество и синергетичность материала позволили одновременно с эфиром и впоследствии показывать его многократно в сети Интернет на страницах телеканала и Государственного Эрмитажа, а также избирательно отдельными эпизодами в телеэфире. Менеджмент телеканала увидел в этом подходе потенциал для развития формата в области культурологического контента, а представители музейного сообщества смогли оценить возможности телевидения как эффективного ресурса для выгодной и разноплановой репрезентации культурных событий.

По итогам Дня Эрмитажа была задумана «крупная форма» для представления в телевизионном эфире 125-летия Государственного Русского музея (здесь и далее – ГРМ). Речь шла о разработке самостоятельной идеи специального проекта, опирающейся на технологию телемарафона, которая должна была раскрыть роль и значение крупнейшего в мире собрания нашего национального изобразительного искусства. Предполагалось, что география проекта распространится не только на комплекс подразделений ГРМ в Санкт-Петербурге, но также будут представлены региональные представительства и спутники, а также выставочный центр Русского музея в Малаге (Испания). В проекте телезрителю планировали раскрыть богатство коллекции, историю создания музея, начавшуюся с Русского музея императора Александра III, процесс расширения ГРМ, драматичные моменты испытаний в период Второй мировой войны, его особое место в культурном ландшафте страны и мира. Разработка этого культурно-просветительского проекта изначально соответствовала многолетним традициям советского и российского телевидения, сформулированным в своё время С.А. Муратовым: «Телевидение ориентирует зрителя в окружающем мире, не только информируя его, но и приобщая к художественным и нравственным обретениям человечества» [3, с. 156]. Эти постулаты, уходящие сегодня в тень информационного потока, стоит иметь в виду, говоря о современной журналистике, особенно о телевизионной журналистике. В реалиях жесткой конкуренции с Интернетом её значение как средства массовой информации может быть компенсировано именно ролью средства массовой коммуникации – общением. И именно эта роль, эта функция явно проявилась в пандемию, когда традиционные

средства коммуникации и общения были ограничены, а иногда и полностью исключены.

Юбилейные мероприятия Русского музея должны были состояться в апреле 2020 г., но уже в марте музеи стали закрываться. Параллельно с учреждениями культуры телевизионная индустрия также испытывала активные преобразования, связанные с ограничениями контактов между людьми, изменялся режим работы в студиях телецентра, и экстренно внедрялись технологии для удалённой работы. Несмотря на то, что СМИ и телевидение, в частности, вошли в перечень сфер, которые продолжили свою деятельность в период локдауна, меры безопасности и ограничения контактов между сотрудниками регулярно обсуждались и вводились на уровне организаций, в том числе для того, чтобы распространение заболевания не остановило полностью работу телеканалов. Поэтому, говоря образно, над специальным проектом о Русском музее навис даже не один, а как минимум три дамокловых меча. Сначала возникли ограничения по съёмкам репортажей в других регионах, затем из-за закрытия музея стала очевидна несостоятельность модели организации в нём выездной студии для бесед с гостями и показа включений с реальных юбилейных мероприятий – они также были отменены, кроме того, в какой-то момент была ограничена и работа студии в телецентре, через которую можно было собрать – и драматургически, и технологически – различные смысловые линии и сигналы связи, чтобы выдать программу в прямой эфир.

Время, в котором лежит наше наблюдение, – конец второго десятилетия XXI века, период глобализации и цифровизации, характеризуется для телевидения потерей аудитории. Жесточайшая конкуренция с Интернетом, и контентом, не обремененным ограничениями редакционной политики, – объективная реальность. Поэтому телевизионная индустрия всё время находится в зоне критики несоответствия расходов объёму аудитории и старательно экспериментирует с программными продуктами, способными выдержать конкуренцию с предложением очень мобильного, гибкого, лишённого тяжеловесных организационных и юридических обременений Интернета. Здесь мы выносим на рассмотрение тезис о том, что современные специальные многосоставные телевизионные проекты, опирающиеся на технологию телемарафона, которые мы обозначаем как **телевизионные конструкты культурных событий**, являются актуальным форматом, который, имея в базовом понимании телевизионную технологию телемарафона, может быть эффективным в привлечении интереса широкой аудитории.

Для осуществления подобных проектов необходим высокий уровень творческих и технических ресурсов, что напрямую связано с профессиональным коллективом – командой и стоимостью. Передвижные телевизионные станции (ПТС), АСБ, технологии доставки сигналов, возможности коммутаций, приёма и выдачи в эфир нескольких сигналов одновременно являются дорогостоящими ресурсами, наличие которых в данный момент времени отличают телевизионный продакшн в России от производства частных программ для Интернета. Несмотря на то, что качество программ в Интернете бывает очень высоким, однако, как правило, они представлены в иных жанрах – интервью, документальные фильмы, обзоры и т. д. Даже если мы встречаем подобие телемарафона, то мы имеем дело с последовательным переключением спикеров и локаций и так называемым интернет-стримом. Опыт основательного телевизионного подхода к организации производства в сочетании с актуальной драматургией дают вторую жизнь тому «живому телевидению», о котором ещё в середине XX века говорил как об уникальном опыте Жак Тевено: «Прямой репортаж был и остаётся спецификой телевидения, как бы его ни называли и в каких бы терминах о нём не говорили» [4, с. 49]. Репортаж и является базовым и первичным телевизионным жанром, требующим уже не просто эффекта присутствия, как это было в начале телевизионной эры, а полномасштабного погружения не только в само действие, но и в его идею, сверхзадачу.

Рассмотрим телепроект «Русский музей. 125 лет» на телеканале «Санкт-Петербург» именно как такой конструкт. Итак, первоначально основу проекта должны были составить трансляции реальных событий в день юбилея, происходящих в основном здании музейного комплекса – Михайловском дворце, включения из других выставочных про-

странств комплекса в Петербурге (по аналогии с жанром телемоста): Инженерный замок, Мраморный дворец, Строгановский дворец, Домик Петра; включения в прямом эфире с экспертами в истории искусств; интервью с медийными персонами о роли Русского музея и простыми посетителями музея, а также набор специально подготовленных сюжетов и фильмов-миниатюр, представляющих различные исторические вехи, стороны деятельности и проявления общественной миссии ГРМ. Однако в силу пандемических обстоятельств запланированные официальные мероприятия с присутствием людей были отменены полностью, и тогда возникла идея провести юбилей исключительно на базе телевизионного эфира. Именно телевизионный эфир должен был объединить всех участников юбилея и представить широкой аудитории ГРМ как объект национального достояния, гордости и народной любви. Задуматься об этом позволили послабления в режиме работы телеканала, а именно – возможность выхода в эфир из студии в телецентре с привлечением ресурсов связи, обеспечивающих «телемост» с музеем. В предлагаемых обстоятельствах творческая бригада начала формировать конструкт культурного события, оперируя и музейными, и телевизионными возможностями. И сделаем ещё раз акцент на возможностях серьёзного телевизионного производства, которые сегодня в России объективно превосходят распространённый продакшн Интернета, опирающийся на общедоступные сервисы.

Редакторской группе важно было независимо от физической доступности на объекты музея раскрыть его масштаб, географию присутствия центров и выставочных проектов ГРМ на карте мира, его значение и ценность как самого богатого хранилища русского национального искусства.

В качестве базовых студий в соответствии с жанром телемоста и в подкрепление смысловой стратегии телемарафона были задействованы студия на улице Чапыгина, 6 (Санкт-Петербург), где располагается телеканал, и два исторических зала в Михайловском дворце Русского музея. Студия на телеканале стала центром связи, центром коммуникации и управления юбилейным сценарием. В мобильной студии на территории музея были подготовлены места включения в прямой эфир для руководителей ГРМ. В зале номер 14, где демонстрируются шедевры «Последний день Помпеи» Брюллова, а также «Девятый вал» Айвазовского, была организована локация для включения в эфир генерального директора ГРМ В.А. Гусева, а в соседнем зале с историческим интерьером (зал номер 15), где демонстрируется «Медный змий» Бруни, подготовили точку включения в эфир для других авторитетных учёных и специалистов музея.

Пандемические обстоятельства строго ограничивали возможности производства программы, и было решено не скрывать их, а сделать подчёркнуто исключительными и необычными. Авторы проекта приложили усилия, чтобы зафиксировать исторический момент, когда все законы существования и коммуникаций пересматривались и корректировались. Очевидные сложности организации эфира трансформировались таким образом в преимущества, акцентируя внимание аудитории на обстоятельствах выхода в эфир и опираясь на них.

В соответствии с эпидемиологическими правилами в студии могла находиться только одна ведущая. Александре Мымриной пришлось выдержать более чем двухчасовой марафон в прямом эфире в высоком темпе и напряжении. Второй ведущий, который предполагался изначально, перешёл в статус дублёра на непредвиденный случай, связанный с болезнью.

Композиция кадра в залах музея была выстроена таким образом, что спикер располагался в масштабном пространстве с монументальными полотнами в центре на музейном диванчике, где объём одного сидящего человека противопоставлялся значительному объёму помещения. Общий план, который использовался наряду с крупным планом говорящего, демонстрировал редкую, совершенно нестандартную ситуацию, когда в самых знаменитых залах основной экспозиции ГРМ, где всегда скопление посетителей, совершенно пустынно и безлюдно. В то же время именно с помощью телевизионного эфира зрителям представилась возможность оказаться там в тот самый момент, когда вход в музей закрыт. Перед режиссёром и оператором-постановщиком стояла задача

сделать расстановку камер таким образом, чтобы подчеркнуть величие интерьера и изолированность, уединенность спикера. И основным способом общения, взаимодействия стал большой экран, через который осуществлялась коммуникация между студией и другими точками телемоста. Важно сделать пояснение, что декорация с экраном, как правило, так или иначе интегрированном в декорации современных студий, для этого специального проекта была выстроена таким образом, чтобы значение экрана подчёркнуто и однозначно равнялось образу портала, единственного средства связи и общения. Именно этот экран и его роль в коммуникации послужили инструментом игрового момента проекта.

Так совпало, что на день, когда праздновался юбилей Русского музея, выпал и день рождения его директора Владимира Александровича Гусева. И чтобы поздравить его в финале программы, ведущая словно через экран в студии телецентра передала в студию в Русском музее букет, который там в кадре принял юбиляр. Интеграция игровых эпизодов важна и актуальна при создании программ независимо от трансформации системы жанров, поскольку постановочные фрагменты оживляют эфир и повышают его привлекательность для аудитории.

Прежде всего, как и при разработке сценария любого подобного проекта, важно было ответить на два главных вопроса – что авторы проекта хотели сказать аудитории, и как, какими средствами намеревались это сделать. Сверхзадачей эфира являлся тезис, что Русский музей – это национальное достояние нашей страны, предмет гордости нашего народа, крупнейшая коллекция русского искусства, знание которой объединяет людей. Адаптируя эту мысль для зрителя, который изначально находится в роли пассивного участника, были сформулированы сквозные вопросы эфира: чем нам дорог Русский музей, как он связан с героями в персональном опыте знакомства или знания, почему нужно пойти в Русский музей, как только снимутся ограничения эпидемии и такая возможность представится? Эти вопросы объединили на разных уровнях знания и мотиваций спикеров и участников программы, связанных с ГРМ профессионально или просто на житейском уровне знакомых с ним.

Рассмотрим также драматургические средства проекта. Основным приёмом, так называемым ходом тематического эфира, стал телемост между студиями в телецентре и музее. В это основное русло программы были интегрированы заранее подготовленные видеоматериалы и включения через скайп в прямой эфир. Содержательно в программе необходимо было репрезентативно представить историю ГРМ, включая его создание, испытания во время Великой Отечественной войны, в блокадный период, затем – преобразование музея в конце двадцатого века и развитие в двадцать первом. Эту задачу решили классические аналитические сюжеты с закадровым текстом, синхронами экспертов, стендапами известного петербургского журналиста, историка и обозревателя Алексея Олиферука. Перед авторами стояла задача познакомить зрителя с дворцами и выставочными залами музея – для этого был произведён ряд сюжетов (автор – Николай Корнеев) с применением современных технических средств съёмки и с использованием инфографики. Важно было «разбудить» академичный видеоряд интерьеров динамикой изложения, расставить смысловые акценты, опираясь на самые актуальные технические возможности, и тем самым вовлечь зрителя в путешествие по музею. Неоднократно анализируя культурно-просветительский контент в телевизионном эфире, мы регулярно сталкиваемся со стереотипами. Например, что темы высокого искусства нуждаются исключительно в академичном способе съёмки и монтажа – в плавном размеренном видеоряде, а зачастую и аудиосопровождении классической музыкой. Позволим себе акцентировать внимание на позиции, что шедеврам и классическим интерьерам очень часто соответствуют самые актуальные подходы производства программ. И важно иметь в виду, что они применимы не только в экспериментальных проектах, но и в процессе регулярного телевизионного производства по принципу конвейера. Именно использование съёмки с коптера, камеры 360 и иных технических возможностей ракурсных съёмок, а также динамичного монтажа и инфографики были избраны как выразительные средства материалов о дворцах и зданиях ГРМ. Отметим, что каждую смысловую линию про-

граммы авторы постарались создать в соответствии с определённым визуальным рядом и стилем. Это представлялось необходимым, чтобы общее полотно телевизионного образа Русского музея было объёмным, плотным, многозначным.

Одной из смысловых линий, которая должна была восполнить эмоцию живого эфира – непредсказуемость, подвижность, живые реакции людей – стали включения в эфир по скайпу и поздравления Русскому музею, которые были присланы из разных регионов. Некоторые из этих сюжетов напоминали так называемое хоумвидео и программу «Сам себе режиссёр» – чтение стихов, поздравления хором, слова, произнесенные не для эфира, а для коллег. В сочетании с непрофессиональной съёмкой без штатива эти живые, как будто экспромтные видеообращения уравновешивали серьёзные рассуждения учёных и экспертов. Анализ ценности коллекции и значимости музея в мире с помощью включения в эфир житейского взгляда, представленного непрофессиональным видео, сближал официальное событие в области культуры с радостью и эмоциями людей. Для привлечения широкой аудитории были записаны и размышления о Русском музее таких медийных персон, как Николай Цискаридзе, Иван Ургант, Николай Носков. Участниками эфира по скайпу стали писатель Дмитрий Быков, скрипач и дирижёр Сергей Стадлер.

Во время пандемии телеиндустрия переосмыслила использование в эфире бытовых каналов видеосвязи, таких как skype и zoom. К ним и раньше обращались, но в редких случаях, когда профессиональная съёмка была недоступна. В данной ситуации использование скайпа и даже несовершенство связи органично поддерживали идею исключительного момента, особого юбилея, который празднуется в удалённом режиме. Кроме того, приемлемость непрофессионального формата связи позволила расширить представительство статусных спикеров, сняв организационные ограничения по срокам и возможности профессиональной съёмки интервью. В подобном режиме участниками разговора о Русском музее стали директор Третьяковской галереи Зельфира Трегулова и директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский.

Раскрывая тему юбилея Русского музея, важно было сделать сопричастными с этой датой как можно большое число зрителей, вовлечь в просмотр максимальную аудиторию. Обычно, когда идёт прямая трансляция с места события, она неизменно привлекает аудиторию. Однако фактически мы сами моделировали наше событие, создавали собственный конструкт, опираясь на его содержательную концепцию и незаурядность. Вследствие того, что «скелет» предполагаемого телевизионного эфира из репортажной трансляции реальных событий распался, нужно было найти материал, который бы на подсознательном уровне связывал, сближал зрителя с повествованием в смысловом русле диалогов ведущей и экспертов. Результатом работы редакторской группы стало представление, что прочнее всего у широкой аудитории ГРМ ассоциируется с образами его шедевров. «Ангел златые власы», «Охотники на привале» Перова, «Девятый вал» Айвазовского, «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» Репина, «Витязь на распутье» Васнецова, «Купчиха за чаем» Кустодиева и т. д. и т. д. – хрестоматийные полотна, знакомые по репродукциям и учебникам, а также названия картин, ставшие крылатыми выражениями, характеризующими житейские ситуации, – это именно то, что может восприниматься аудиторией как что-то родственное, понятное и связывающее их лично с Русским музеем. И наряду с эксклюзивной возможностью попасть музей в момент его полного закрытия с помощью телевидения, телеэфира авторы подкрепили необходимость этого контакта, «визита» встречей с близкими, хорошо знакомыми образами, проигнорировать которые невозможно. Все эти шедевры хранятся в Русском музее. И они вызывают реакцию, эмоциональный отклик на интересные факты о картине, которую видел, узнаёшь, однако можешь и не помнить или не знать, чем она знаменита. 26 картин были представлены в виде эффектных коротких роликов о произведении продолжительностью 30–40 секунд, озвученных голосом известного петербургского артиста Николая Бурова. И это ещё одна смысловая и жанровая линия, отмеченная особыми средствами выразительности, которая вошла в телевизионный конструкт культурного события и стала одним из опорных элементов его архитектуры.

Базовым документом для разработки смысловых линий, анализа готовых сюжетов, сопоставления необходимых тем и наличия материалов, раскрывающих проблематику различными выразительными средствами, является сценарный план. Он многократно пересматривается, анализируется по готовности сюжетов и получения договоренностей со спикерами. Итоговым документом многоуровневой подготовительной работы, объединяющей конструктивные линии, такие как телемост, истории картин, прямые включения экспертов, сюжеты об истории и зданиях ГРМ, поздравления, является вёрстка программы. Именно по этому подробнейшему плану и проводится прямой эфир. Рассмотрение вёрстки программы наглядно демонстрирует, что плотное переплетение эпизодов программы продумано и выстроено посекундно. Мы считаем важным сделать на этом акцент, поскольку событие, происходящее в прямом эфире и опирающееся на преимущества прямого репортажа, технологию прямого эфира, было полностью сконструировано, а результатом эфира стал рейтинг программы – самый высокий из всех программ телеканала за неделю, в 3 раза превышающий среднюю долю телеканала.

Таким образом, можно предположить, что выбранная авторами модель подхода к производству этой культурно-просветительской программы, проработка материала в соответствии с опытом проведения прямых трансляций, законами драматургии, выверенная смена тем, визуальных и жанровых решений, позволяют влиять на привлекательность культурно-просветительских программ. Здесь мы имеем дело с показательным примером трансформации жанра. Более того, подобный телевизионный конструкт культурного события показывает себя универсальным продуктом, поскольку его качество в сочетании с выбранной продолжительностью эпизодов, темпоритмом обеспечили программе высокие просмотры в Сети – параллельно её транслировали аккаунты Русского музея и телеканала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя анализ успешно реализованного проекта культурно-просветительской программы «Русский музей. 125 лет», мы пришли к следующим выводам:

– культурно-просветительский контент для телевидения должен создаваться с учётом актуальных ожиданий аудитории. При его создании может быть использован опыт производства востребованных зрителем трансляций массовых событий, которые существуют в информационном поле, например, День города, День Победы, День ВМФ и др.). Как и в случае с указанными примерами, культурно-просветительские программы могут развивать жанр прямой трансляции или телемоста, используя дополнительные материалы и смысловые линии, расширяющие возможности представления темы;

– практический опыт создания специальных проектов культурно-просветительской тематики на телеканале «Санкт-Петербург» и выпуск нескольких программ, развивающих жанр телемарафона и телемоста, таких как «День Эрмитажа на телеканале «Санкт-Петербург», «Русский музей. 125 лет», «PRO чтение» (Книжный салон) и др., показывает, что характеристики этого телепродукта обладают характерными особенностями производства, требуют глубокой коммуникации с партнёрами как при подготовке, так и в суммировании аудиторий. Поэтому подобный формат нуждается в собственном обозначении, и мы называем его **телевизионным конструктом культурного события**;

– важнейший фактор, который повлиял на формирование телевизионного конструкта культурного события, – это условия, возникшие в связи с пандемией коронавируса. Обстоятельства, требующие мгновенных реакций при создании программ на фоне ограничений по эксплуатации студий, организации съёмок, доступности спикеров, требований соблюдения мер безопасности – всё это оказало воздействие не только на особенности работы технического и творческого персонала, но и повлияло на драматургию и визуальные решения проекта;

– предполагаем, что **телевизионный конструкт культурного события** как модель создания актуального контента, опирающаяся на телевизионные технологии производства, а также развивающая сотрудничество с культурными институциями и объединяющая аудитории телеканала, орга-

низации-партнера и сетевых ресурсов обеих сторон, может быть в дальнейшем более глубоко разработана как пример трансформации телевизионных жанров и базовый формат для производства программ культурно-просветительской тематики.

Неоспоримым выводом для нас является необходимость как дальнейшей разработки понятия «телевизионный концепт культурного события», так и его действительного использования в практике подготовки и выпуска значительных культурно-просветительных телепроектов.

Список источников

1. Телевизионная журналистика / под ред. Ю.И. Долговой, Г.В. Перипечиной. М.: Аспект Пресс, 2019. 208 с.
2. *Шестеркина Л.П., Николаева Т.Д.* Методика телевизионной журналистики. М.: Аспект Пресс, 2012. 224 с.
3. *Муратов С.А.* Телевизионная журналистика. Телевидение в поисках телевидения. М.: Изд-во Юрайт, 2021. 240 с.
4. 40 мнений о телевидении: (Зарубежные деятели культуры о телевидении) / сост. Н.А. Голядкин. М.: Искусство, 1978. 255 с.

References

1. Dolgova Y.I., Peripechina G.V. (eds.). *Televizionnaya zhurnalistika* [Television Journalism]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2019, 208 p. (In Russian).
2. Shesterkina L.P., Nikolayeva T.D. *Metodika televizionnoy zhurnalistiki* [Methods of Television Journalism]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012, 224 p. (In Russian).
3. Muratov S.A. *Televizionnaya zhurnalistika. Televideniye v poiskakh televideniya* [Television Journalism. Television in Search of Television]. Moscow, Urait Publ., 2021, 240 p. (In Russian).
4. Golyadkin N.A. (compiler). *40 mneniy o televidenii: (Zarubezhnyye deyateli kul'tury o televidenii)* [40 Opinions about Television: (Foreign Cultural Figures about Television)]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978, 255 p. (In Russian).

Информация об авторах

Ильченко Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-7301-2013, s.ilchenko@spbu.ru

Вклад в статью: идея исследования, описание и обобщение эмпирического опыта, анализ реализованного проекта, написание и редактирование статьи.

Разина Ольга Александровна, заместитель генерального директора по производству тематических программ и специальных проектов, АО «Городское агентство по телевидению и радиовещанию» (Телеканал «Санкт-Петербург»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, editor@iskusstvo.tv

Вклад в статью: описание практического опыта создания телевизионного проекта, разработка модели, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021
Одобрена после рецензирования 17.02.2022
Принята к публикации 24.02.2022

Information about the authors

Sergey N. Ilchenko, Doctor of Philology, Professor of Institute "School of Journalism and Mass Communications", Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-7301-2013, s.ilchenko@spbu.ru

Contribution: study idea, empirical experience description and generalization, implemented project analysis, manuscript drafting and editing.

Olga A. Razina, Deputy General Director for the Production of Thematic Programs and Special Projects, JSC "City Agency for Television and Radio Broadcasting" (TV channel "Saint Petersburg"), St. Petersburg, Russian Federation, editor@iskusstvo.tv

Contribution: description of practical experience of creating a television project, model development, manuscript part text drafting.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 01.11.2021
Approved after reviewing 17.02.2022
Accepted for publication 24.02.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81+78.024.54
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-154-162

Язык рекламы: структурные особенности рекламных текстов

Тамара Геннадиевна ПЯДЫШЕВА
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ ms.TamaraEKC@gmail.com

Аннотация. Актуальность данной работы заключается в следующем – исследования, проводимые в данной области, отражают то, что язык рекламы довольно богат, в особенности структурными составляющими. Единство вербальных, графических, аудиовизуальных аспектов являет собой целостность, которая так или иначе может быть представлена в виде текстового сообщения. Объектом исследования является язык рекламы, предмет исследования – каково его влияние на структурные особенности рекламных текстов. Формулируя цели исследования, справедливо задать такие вопросы: что же в принципе из себя представляет реклама? Каков язык, на котором она «говорит»? А каковы его формы и структурные особенности? Существенна ли разница текстов рекламы по типам коммуникации и пр. Задачи исследования – наглядно отразить роль присутствия рекламы в современности, разобраться с основной терминологией, выделить, какие цели преследует рекламный текст, установить, каковы структурные особенности различных рекламных текстов. Методами исследования в данной научной работе являются теоретический и научно-литературный анализ, библиографический анализ сборников конференции и материалов, размещённых в сети Интернет. Проанализированная информация научной литературы позволила сделать теоретический вывод – раскрыты структурные особенности таких PR-текстов, как пресс-релиз, рекламное интервью, бэкграундер, и практический вывод данной исследовательской работы – прикладная возможность использовать обобщённый материал данной работы.

Ключевые слова: язык рекламы, информационное сообщение, PR-тексты, рекламное интервью, пресс-релиз, бэкграундер, анализ текста

Для цитирования: *Пядышева Т.Г.* Язык рекламы: структурные особенности рекламных текстов // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 154-162. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-154-162

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

OPEN ACCESS

© Пядышева Т.Г., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-154-162

Advertising language: structural features of advertising texts

Tamara G. PYADYSHEVA
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ ms.TamaraEKC@gmail.com

Abstract. The relevance of this work is as follows – the studies conducted in this field reflect the fact that the language of advertising is quite rich, especially structural components. The unity of verbal, graphic, audiovisual aspects is an integrity that can somehow be represented in the form of a text message. The object of the study is the language of advertising, the subject of the study is what is its influence on the structural features of advertising texts. Formulating the objectives of the study, it is fair to ask such questions: what is advertising in principle? What is the language in which it "speaks"? And what are its forms and structural features? Is the difference in advertising texts significant by type of communication, etc. The objectives of the study are to visually reflect the role of the presence of advertising in modern times, to understand the basic terminology, to highlight what goals the advertising text pursues, to establish what are the structural features of various advertising texts. The research methods in this scientific work are theoretical and scientific-literary analysis, bibliographic analysis of conference collections and materials posted on the Internet. The analyzed information of scientific literature made it possible to draw a theoretical conclusion – the structural features of such PR-texts as a press release, an advertising interview, a background, and the practical conclusion of this research work are revealed – an applied opportunity to use the generalized material of this work.

Keywords: advertising language, information message, PR-texts, advertising interview, press release, backgrounder, text analysis

For citation: Pyadysheva T.G. Yazyk reklamy: strukturnyye osobennosti reklamnykh tekstov [Advertising language: structural features of advertising texts]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 154-162. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-154-162 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

ВВЕДЕНИЕ

Дж. Оруэлл, британский писатель, высказывался следующим образом: «Общество можно считать тоталитарным, когда все его структуры становятся вопиюще искусственными, то есть когда правящий класс утратил своё назначение, однако цепляется за власть силой или мошенничеством». Структуры рекламных текстов, подобно структуре общества, становятся «вопиюще искусственными» в тот момент, когда человек утрачивает способность владеть языком рекламы в целом. Исследования, проводимые в данной области, отражают то, что язык рекламы довольно богат, в особенности структурными составляющими. Единство вербальных, графических, аудиовизуальных аспектов являет собой целостность, которая так или иначе может быть представлена в виде текстового сообщения. Для того чтобы объективно понимать, что из себя представляют структурные особенности рекламных текстов, необходимо провести теоретический анализ основ дискурса рекламной коммуникации. Рекламный текст по своей сути является достаточно многогранным явлением, представляющим собой средство коммуницирования

как внутри одного общества, так и меж различными, способ хранения данных, принадлежащих, например, конкретной отрасли, является отражением исторического наследия, отражением нынешней эпохи и мн. др. Текст является довольно объемлемым понятием. К примеру, семиотический подход говорит нам о том, что отражением сути понятия «текст» может являться совершенно любая последовательность каких-либо знаков. Специалисты области средств массовой коммуникации, таких сфер, как реклама и связи с общественностью, журналистика, – работают с любыми ипостасями текстового сообщения, так или иначе функционирующими в этой предметной области. Лингвистический энциклопедический словарь 1990 г. говорит нам о том, что текстом является «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [1]. Стилистический энциклопедический словарь русского языка, датированный 2003 г., демонстрирует немного иной подход в толковании понятия «текст», а именно под текстом подразумевается следующее: текст, как единица высшего уровня языковой системы, как единица речи и, конечно же, как единица общения, обладающая относительной смысловой завершённостью [2]. Изучение массово-коммуникативного, иначе – медийного текста, привело к тому, что тексты такого плана рассматриваются не только как имеющий свои особенности, специфически особый тип массовой коммуникации, но и классические представления имеют место быть. Специфика медиапродукта, в данном случае – текста, отражается в следующих аспектах: характер подаваемой информации, вторичность текстов, медийная интертекстуальность, иначе говоря, бесконечное цитирование и ссылки источников друг на друга, медийность, влекущая за собой массовость аудитории, многофункциональность, осуществляемая посредством информирования, воздействия на аудиторию посредством данного аспекта массовой коммуникативности[1]. Согласно учебному пособию издательства Санкт-Петербургского государственного экономического университета, медиатекст представляет собой «интегративный многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирующий принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях»[2].

Одним из аспектов, которым требуется уделять внимание в масскультуре, является реклама, а если быть точнее, то средство, посредством которого мы получаем информацию о чём-либо – язык. Постоянное рекламное сопровождение в повседневной жизни уже не является чем-то нарочито избыточным и воспринимается как некий неотъемлемый атрибут обыденной данности.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Формулируя цели исследования, справедливо задать такие вопросы, как: что же в принципе из себя представляет реклама? Каков язык, на котором она «говорит»? А каковы его формы и структурные особенности? Существенна ли разница текстов рекламы по типам коммуникации и пр.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методами исследования в данной научной работе являются – теоретический и научно-литературный анализ, библиографический анализ сборников конференций и материалов, размещённых в сети Интернет. В ходе теоретического анализирования выделяется главная информация о состоянии изучаемой проблематики, анализируется так же путь её разрешения и становления с процессом дигитализации.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе научно-литературного исследования анализируется интерпретация поставленной проблемы в рамках научной литературы. Библиографический анализ сборников конференционных материалов позволит про-

[1] *Артамонова Ю.Д., Кузнецов В.Г.* Герменевтический аспект языка СМИ // Язык средств массовой информации: учеб. пособие. М., 2008. С. 110.

[2] *Кармалова Е.Ю., Кривоносов А.Д.* Анализ текстов массовой коммуникации. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. 121 с.

анализировать тематическую направленность, формальные и содержательные особенности, выделить достоинства и недостатки.

ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе целеполагания данного исследования, как и любого другого, бесспорна постановка и конкретных задач, а именно: наглядно отразить роль присутствия рекламы в современности, разобраться с основной терминологией, выделить, какие цели преследует рекламный текст, установить, каковы структурные особенности различных рекламных текстов. Реклама представляет собой источник национально-информационной специфики, в том числе и культурной, а также является неким источником обмена информацией как между различными объединениями людей, так и в процессе межличностного общения [3].

ЯРКОСТЬ И БРОСКОСТЬ, МИНИМАЛИЗМ И ОРИГИНАЛЬНОСТЬ

Прежде чем рекламный текст обнародуется, в его разработке примут участие квалифицированные специалисты, знающие основы управления рекламным языком, умеющие грамотно его применить. Однако умение применить знания ограничивается соблюдением Международного кодекса рекламной практики, утвержденного Международной торговой палатой, согласно которому структура рекламного текста должна соблюдать установленные им нормы. Информация, получаемая нами посредством рекламы, явление необходимое, повлекшее за собой появление неординарного, имеющего свои особенности, предъявляемые к структурам и содержанию, рекламного языка. Главным аспектом таких текстов является их яркость, броскость – это способствует их запоминаемости потребителями рекламной информации, целевыми аудиториями. Рекламный текст должен не только привлечь к себе внимание и запомниться в сознании людей, самое главное – непосредственное побуждение к действию, к примеру, желаемым действием может являться покупка товара, группы товаров или же приобретение тех или иных видов предоставляемых услуг. Следовательно, каждый символ текстового рекламного сообщения не должен быть употреблён бессознательно, всё должно быть экономически и психологически продумано, плюсом ко всему – художественно подковано, путём соблюдения всех законов драматургии. Не стоит забывать о том, что всё вышесказанное должно быть изложено достаточно простым языком, не иметь замысловатых фраз, двойственных смыслов, исключать или же минимизировать употребление иностранных слов, и, самое главное, если такие слова всё же будут включены в рекламный текст, они должны употребляться и вписываться в смысловую подачу текста. Минимализм и оригинальность должны превалировать в структуре текстового рекламного сообщения. Достойным рекламным текстом можно назвать текст, отражающий такие аспекты, как: лаконичность, простота и ясность изложения информации, конечно же яркость и уникальность – ведь обыденностью довольно редко можно кого-то привлечь. Так же необходимо изучить целевую аудиторию, на которую в первую очередь будет рассчитано данное рекламное сообщение, а именно, изучить её психологию восприятия различных рекламных сообщений, специфику речи аудитории, в данном случае может учитываться географический фактор, особенности населения и пр. Золотой жилой рекламного языка представляется достижение передачи максимума смысла при минимуме текста [4].

Обращаясь к лингвистическому анализу рекламного текста, справедливо говорить о правилах и определённой закономерности его построения. Семантический анализ текста отражает его содержательность и структурированность. Основными текстовыми категориями являются связность и целостность. Н.И. Жинкин высказывался о понятии «связность» текста следующим образом: «на стыке двух предложений лежит то зерно, из которого развивается текст. Если мысль переходит в соседнее предложение, между этими предложениями должна быть связь, иначе со второго предложения начнётся текст». Связность текста может быть как локализированной – локальной, так и глобализированной – глобальной. Под локальностью связности текста подразумевается некая линейность, иначе – последовательность каких-

либо высказываний. Следовательно, под глобальностью связности текстового сообщения подразумевают его единство как смыслового целого, не исключая и внутреннюю целостность. Принадлежащее О.И. Москальской высказывание: «Связность проявляется одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостности, которые соотносятся между собой как форма, содержание и функция», подтверждает необходимость соблюдения закономерности категории связности текста. Целость текста толкуется наличием глубинных и содержательных отношений и взаимосвязей. Однако понятие цельности текста не является отражением понятия целый текст [5]. Затрагивая лингвистическое направление, следует упомянуть и некоторые психолингвистические подходы к изучению особенности текстов. Текст, с психолингвистической позиции, воспринимается как «сложная коммуникативная единица высокого порядка, продукт и предмет коммуникативно-познавательной деятельности». Психолингвистическая научная область предаёт смысл изучению не только текстовым сообщениям разговорной и художественной направленности, но и рекламным текстам как форме массовой коммуникации. Специалисты данной области применяют свои знания научно-исследовательских методик с целью направленного получения необходимой информации, например, касаемо личностных особенностей какого-либо человека, использующего текст как форму межличностного и массового взаимодействия. Какие же методики применяются в психолингвистике? Как правило, используются ранее достигнутые фундаментальные знания области психологии, однако, данное направление выработало и уникальные методики анализа, а именно – разновидности экспериментальных методик. Например, психолингвистический и ассоциативный, свободный и направленный ассоциативный эксперимент. Под психолингвистическим научным экспериментом понимается изучение коммуникативно-эмпирических текстовых свойств – актуальность членения предложений, то есть деление предложений в тексте на исходную тему, переходную часть и новую составляющую – рему. Сущность ассоциативного эксперимента – актуальной анализо-семантической техники, заключается в том, что определённой группе людей – фокус-группе, предлагается слово либо же текстовой набор слов, на которые в последующем требуется ответить первым приходящим на ум ассоциативным словом, предложением. В усреднённой версии данного эксперимента фокус-группе даётся примерно 100 слов и от 7 до 10 минут на ответы. Ассоциативный эксперимент, в свою очередь, делится на подгруппы – вариативные направленности данной методики: свободный – участники эксперимента не ограничиваются какими-либо рамками в ответных реакциях; направленный – участники эксперимента ограничиваются грамматической или же семантической чертой; цепочный – от фокус-группы ожидается ответ в форме нескольких слов, ряда предложений на слово или текст-стимул, в течение некоторого периода времени, например, в течение 30 секунд назвать 15 различных слов. Цепочный ассоциативный эксперимент на фокус-группе применил Дж. Дженкинс при подготовке словаря миннесотских ассоциативных норм. При проведении свободного ассоциативного эксперимента следует учесть, что слова-стимулы, находясь друг с другом рядом, могут повлиять на слова-реакции таким образом, что, к примеру, словом-реакцией на второе слово-стимул может служить ассоциация к ответу – слову реакции, на первое слово-стимул. Именно по этой причине не следует предварительно оглашать весь имеющийся список слов-стимулов, а в письменном формате лучше использовать отдельные карточки. В процессе обработки все ответы проходят регистрацию и сводятся в единый список. В процессе обработки выявляются лексические единицы, которые чаще встречаются и тем самым связаны со словом-стимулом. Данные единицы образуют некое ассоциативное поле. Проблематика свободного ассоциативного эксперимента проявляется в сложности оценки и истолкования конечного результата. В противовес свободному ассоциативному эксперименту существует направленный ассоциативный эксперимент, суть которого заключается в том, что на слова-реакции накладываются определённые ограничения. Рамки могут отражаться на части речи, например, употребление только прилагательных, значении слов-реакций. Как правило,

требуется либо привести слово, относящееся к той же части речи, либо гармонирующее с данным. Преимуществом направленного эксперимента является то, что благодаря определённым рамкам его результаты будут обоснованнее и чище – сократится разброс, вследствие чего при анализе будет легче составить итоговый перечень. Знания, полученные в процессе ассоциативных методик, широко применяются в области прикладного значения психолингвистики (создание ассоциативных словарей). Методика семантического дифференциала относится к так называемой группе методов «шкалирования». Её суть заключается в том, что слова-понятия индексируются по шкале с отрицательными и положительными числами. Данный способ получил широкое применение в исследованиях массовых коммуникаций, рекламы, направленных на выявление усреднённых или же оптимальных вариаций речевого нейминга и представления рекламируемых товаров и услуг. Это происходит посредством градации и деления. На фокус-группах актуально пробировать методику дополнения, позволяющую установить оценку усвоения текстовой информации, например, какого-либо рекламного сообщения. Группе предлагается рекламный текст с пропущенными в нём словами, задачей является заполнение пропущенных слов. По мере заполнения можно судить, насколько рекламный текст был запоминающимся в сознании целевой аудитории[3].

Рассмотрим структурные особенности нескольких видов рекламных текстов и методик их написания, а именно рекламное интервью, пресс-релиз и бэкграундер. Целевой направленностью рекламного интервью является его воздействие на читателя, который, в свою очередь, является или может являться потенциальным потребителем. Рассмотрим рекламное интервью с нескольких сторон. Рекламное интервью представляет собой некое жанровое взаимопроникновение, а именно – рекламного слогана, газетного, иначе журналистского интервью, и, конечно, актуализирующей прозы. Обратимся более глубоко к каждому из устанавливаемых признаков текстов рекламного интервью. Начнём с заголовка. Заголовок для рекламного интервью, как всего прочего, является неотъемлемым и очень важным атрибутом, ведь именно он в первую очередь привлекает внимание читателей, целевой аудитории к продукту, услуге, в нашем случае – рекламному интервью. По этой причине заголовок должен быть незаурядным – ярким и привлекающим внимание. Согласно исследованиям таких учёных, как Н.Н. Ланге и Т. Рибо, быстрее всего захватить внимание потребителя в силах сильные раздражающие сознание факторы: резкие впечатления, яркость красок, а также впечатления, вызывающие эмоции радости, страха или же гнева. Далее идёт актуализирующая проза, так же относящаяся к воздействующим средствам рекламного интервью. Цель данного структурного этапа достигается благодаря умелому использованию языковых средств, относящихся к категории интенсивности. Благодаря актуализирующей прозе усиливается речевое воздействие на целевую аудиторию. Взаимопроникновение жанров рекламного текста и журналистского интервью направлено на сохранение, поддержание репутационного имиджа рекламируемого посредством интервью объекта. Вопросный перечень должен быть организован согласно структурно обоснованной логике аргументации. Ответы интервьюируемого должны в полной мере отражать оценку рекламируемого товара или услуги, возможно и личности, если речь идёт о связях с общественностью, и целью данного интервью является создание положительного имиджа, только со знаком «+». Рекламное интервью относится к рекламно-публицистической жанровой разновидности, в структуру которой входит непосредственно само рекламное интервью, издаваемое на правах рекламы, и скрыто-рекламное интервью, не являющееся по своим структурным и языковым составляющим рекламным продуктом, однако, носящее рекламный характер. В собственно рекламном интервью прямым текстом транслируется реклама, учитывая структурные особенности журналистского интервью. В данном случае отражаются лишь положительно обрисовывающие свойства товара, нацеленность услуги и характеристики личность – открытое рекламное воздействие. В скрыто-рекламном интервью

[3] *Кармалова Е.Ю., Кривоносов А.Д.* Анализ текстов массовой коммуникации. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. 121 с.

воздействие на читателя является скрытым, что понятно из названия. Интервью такого характера имеет структурные особенности и может включать признаки репортажа и рекламного текста. Скрыто-рекламное интервью не носит прямого характера призыва к действию – покупке товара, приобретению абонемента в спортивный зал, если речь идёт об услуге, подписке на кого-либо [6]. Современные условия и доступность медиапространства предоставляют возможность проведения интервью, используя различные инструменты Интернета – это может быть и электронная почта, и форум, и чат. Конечно, скрыто- и открыто-рекламное интервью являются не единственными представителями жанра. Существуют также проблемные и экспертные, «звёздные» и разоблачающие, портретные и персональные интервью. Несомненно, каждый вид интервью строится по своим, можно сказать, «внутренним» алгоритмам, однако структура интервью традиционно трёхчастна. А именно, это лид – информативный отрывок, целью которого так же, как и заголовка, является захватить и удержать внимание на данном материале, основная содержательная часть и логическое заключение. Основную содержательную часть интервью представляет перечень вопросно-ответной формы. В случае трансформирования устного интервью в печатную версию посредством редакторских правок исключаются все имеющиеся недочёты, и структура «приобретает чётко выстроенную композицию, а вербальное выражение приближается к кодифицированному литературному языку»[4].

Пресс-релизом называют определённое рекламно-информационное сообщение для прессы, содержание которого отражает информацию об организации, выпустившей данный пресс-релиз, также это применимо персонально. В пресс-релизе содержится актуальная информация по какому-либо вопросу для последующей передачи её в СМИ. Структурные особенности пресс-релиза: данный формат текстового рекламного сообщения включает в себя шапку – логотип, название организации и PR-структуры, содержит информационные данные, такие как контактная информация, e-mail, URL сайта; дата распространения; заголовок пресс-релиза; лид и основной текст. В пресс-релизе необходимо использовать цитаты с целью указания достоверности предоставляемой информации и придания новости живого, «человеческого» характера. Текст пресс-релиза подчиняется определённым правилам оформления: печатается на бланке с использованием элементов фирменного стиля; в обязательном порядке указывается дата рассылки и справочно-контактная информация; объём – страница формата А4, кегль 12–14, интервал полуторный, смешение шрифтов в допустимых и обоснованных нормах, как правило, заголовок и лид выделяются жирным шрифтом.

Бэкграундер происходит от англ. слова backgrounder и означает информационный PR-материал, предназначенный для поддержания паблицитного капитала и последующей передачи СМИ. Бэкграундер содержит информацию об истории создания организации, её основателях и профиле, продуктах и услугах и пр. В практике PR деятельности бэкграундер именуют историей успеха компании. В структуре данного вида PR-текста может содержаться информация о спонсорах и компаниях-партнёрах. Бэкграундер относят к исследовательско-новостному жанру. Его структура, как и других рекламных текстов, подвергается определённым требованиям оформления: ровно так же, как и пресс-релиз, бэкграундер пишется на отдельном листе с использованием фирменного стиля компании – логотип, название компании; заголовки дополняются подзаголовками; могут быть включены в бэкграундер собранные аналитические данные – статистика, таблицы, графики; объём – от 1 до 5 страниц, фотографии обычно отсутствуют; цитаты, в отличие от пресс-релиза, не включаются; спонсорский бэкграундер отличается от корпоративного тем, что в первый включаются информационно-справочные сведения спонсорской организации. Бэкграундер как жанр исследовательско-новостного жанра можно рассылать в дополнение к текстам оперативно-новостного жанра, например, совместно с пресс-релизом [7].

[4] Современный медиатекст / отв. ред. Н.А. Кузьмина. Омск, 2011. 414 с.

ВЫВОДЫ

Теоретической значимостью данного исследования является раскрытие некоторых аспектов языка рекламы, а именно структурных особенностей таких текстов, как рекламное интервью, пресс-релиз и бэкграундер. Наряду с этим в данной исследовательской работе проводился лингвистика-стилистический, семантика-психолингвистический и стилистика-психологический анализ языковых средств массовых коммуникаций, вследствие чего информация различных научных областей знаний была обобщена. Данный материал можно использовать на практике в образовательном процессе при преподавании дисциплины, направленность которой связана с изучением написания рекламных и PR-текстов – в этом состоит практическое значение данного исследования в области языка рекламы и структурных особенностей рекламных текстов. Перспективами дальнейших научных разработок в данном направлении можно назвать следующее: во-первых, благодаря уже имеющимся знаниям можно разрабатывать новые способы взаимодействия рекламы и целевых аудиторий, во-вторых, некоторые исторические аспекты развития рекламы, такие как социокультурные, культурно-языковые и стилистические, не полностью изучены и нуждаются в пополнении уже имеющихся знаний языковой составляющей рекламного дискурса, в-третьих, нужно обратить внимание и на то, как посредством медиатрансформации современности происходит взаимопроникновение жанров рекламы, рекламных текстов и стилей.

Список источников

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 507.
2. *Баженова Е.А., Котюрова М.П.* Текст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 528.
3. *Слойцева Е.В.* Язык рекламы и лингвистические особенности рекламного текста // Язык и культура. Новосибирск, 2014. № 11. С. 76-83.
4. *Каплан В.А., Никитина В.С., Сахно А.С. и др.* Язык рекламы // Юный учёный. 2020. № 5 (35). С. 1-3.
5. *Саттарова А.Ф.* Связанность как лингвистическая категория текста // Молодой учёный. 2014. № 7 (66). С. 639-641.
6. *Беляев М.В.* Рекламное интервью как гибридный жанр современной журналистики. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007 (дата обращения: 15.11.2021).
7. *Балахонская Л.В.* PR-текст: структура, содержание, оформление. СПб.: Свое издательство, 2015. 198 с.

References

1. Yartseva V.N. (ed.-in-chief). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1990, p. 507. (In Russian).
2. Bazhenova E.A., Kotyurova M.P. Tekst [Text]. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003, p. 528. (In Russian).
3. Sloytseva E.V. Yazyk reklamy i lingvisticheskiye osobennosti reklamnogo teksta [Advertising language and linguistic features of the advertising text]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], Novosibirsk, 2014, no. 11, pp. 76-83. (In Russian).
4. Kaplan V.A., Nikitina V.S., Sakhno A.S. et al. Yazyk reklamy [Advertising language]. *Yunyy uchenyy* [Juvenile Scientist], 2020, no. 5 (35), pp. 1-3. (In Russian).
5. Sattarova A.F. Svyazannost' kak lingvisticheskaya kategoriya teksta [Connectivity as a linguistic category of text]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*, 2014, no. 7 (66), pp. 639-641. (In Russian).
6. Belyayev M.V. *Reklamnoye interv'yu kak gibridnyy zhanr sovremennoy zhurnalistiki* [Advertising Interview as a Hybrid Genre of Modern Journalism]. (In Russian). Available at: https://lomonosovmsu.ru/archive/Lomonosov_2007 (accessed 15.11.2021).
7. Balakhonskaya L.V. *PR-tekst: struktura, soderzhaniye, oformleniye* [PR-Text: Structure, Content, Design]. St. Petersburg, Svoe Izdatelstvo Publ., 2015, 198 p. (In Russian).

Информация об авторе

Пядышева Тамара Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-1275-6740, ms.tamaraEKC@gmail.com

Вклад в статью: определение цели, объекта и предмета исследования, теоретический и научно-литературный анализ размещённых в сети Интернет материалов, анализ научной литературы, теоретический и практический выводы, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 29.10.2021
Одобрена после рецензирования 17.02.2022
Принята к публикации 24.02.2022

Information about the author

Tamara G. Pyadysheva, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-1275-6740, ms.tamaraEKC@gmail.com

Contribution: determination of purpose, object and subject of research, theoretical and scientific-literary analysis of materials posted on the Internet, scientific literature analysis, theoretical and practical conclusions, manuscript text drafting.

The article was submitted 29.10.2021
Approved after reviewing 17.02.2022
Accepted for publication 24.02.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

МЕЖЯЗЫКОВАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
CROSSLANGUAGE AND CROSSCULTURAL COMMUNICATION

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81.2
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-163-168

Эстетический образ тюркской паремической единицы

Магрипа Кайнарбаевна ЕСКЕЕВА, Урзада Абилкасимовна МУСАБЕКОВА ✉
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
010008, Республика Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2
✉ mussabekova@yandex.kz

Аннотация. Посвящено осмыслению эстетической оценки на материале тюркских пословиц и поговорок. Рассмотрены лингвофилософские суждения о красоте, входящие в содержание пословиц и поговорок на современном казахском языке. Установлено, что пословицы и поговорки, являя собой сложные языковые единицы, выражают целостную концептуальную мысль. Они занимают особое место в ряду актуальных проблем тюркского языкознания. Установлено, что тюркские пословицы и поговорки отражают показатель эстетического вкуса, стремление к познанию самих себя, окружающей среды и формируют базу практических знаний, определяющих духовные ценности каждого члена этноса, дифференцируя бытие с точки зрения эстетических ценностей, включающих в себя лучшие качества и важные жизненные установки в познании, культуры этнического коллектива.

Ключевые слова: тюркская паремиология, лингвофилософский подход, семантика, эстетические ценности, языки кипчакской группы, языковая репрезентация

Благодарности: Статья выполнена в рамках проекта «Паремологические возрождения духовных ценностей: прикладные аспекты исследования тюркских пословиц и поговорок», AP 08856427, финансирование МОН РК (2020–2021 гг.).

Для цитирования: *Ескеева М.К., Мусабекова У.А.* Эстетический образ тюркской паремической единицы // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 163-168. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-163-168

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная
OPEN ACCESS

© Ескеева М.К., Мусабекова У.А., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-163-168

Aesthetic image of Turkic paremic unit

Magripa K. ESKEYEVA, Urzada A. MUSSABEKOVA ✉
L.N. Gumilyov Eurasian National University
11 Kazhymukana St., Nur-Sultan 010008, Republic of Kazakhstan
✉ mussabekova@yandex.kz

Abstract. The work is devoted to understanding the aesthetic assessment on the basis of Turkic proverbs and sayings. We consider linguo-philosophical judgments about beauty, which are included in the content of proverbs and sayings in the modern Kazakh language. We establish that proverbs and sayings, being complex linguistic units, express a holistic conceptual thought. They occupy a special place among the topical problems of Turkic linguistics. It is established that Turkic proverbs and sayings reflect an indicator of aesthetic taste, the desire to know themselves, the environment and form a base of practical knowledge that determines the spiritual values of each member of the ethnic group, differentiating being from the point of view of aesthetic values, which include the best qualities and important life attitudes. in cognition, the culture of the ethnic group.

Keywords: Turkic paremiology, linguo-philosophical approach, semantics, aesthetic values, Kipchak group languages, language representation

Acknowledgements: The research is made within the framework of the project “Paremological revival of spiritual values: applied aspects of the study of Turkic proverbs and sayings”, AR 08856427, funded by the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2020–2021).

For citation: Eskeyeva M.K., Mussabekova U.A. Esteticheskiy obraz tyurkskoy paremicheskoy edinitsy [Aesthetic image of Turkic paremic unit]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 163-168. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-163-168 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
OPEN ACCESS

Введение. В современном языкознании практически нет направлений, которые в той или иной степени не затрагивали бы проблем оценочной семантики. Важным транслятором национального мировидения и ценностных ориентаций является паремический фонд любого языка.

Образ человека в тюркской ценностной картине мира ярко представлен в тюркских пословицах и поговорках, изучение которых не может не учитывать теоретические идеи классических и современных трудов, посвящённых оценке как языковой категории, способам выражения оценочной семантики (работы Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, Ш. Балли, Е.М. Вольф, В.Н. Телии, З.К. Темигазиной и др.); трудов, посвящённых философии языка, рассматривающих специфику отражения языком особенностей национального менталитета (работы В. фон Гумбольдта, Ю.Н. Караулова, Ю.С. Степанова и др.), трудов по когнитивной лингвистике, этнолингвистике, лингвокультурологии, концептологии, лингвистической аксиологии (работы А. Вежбицкой, Д.С. Лихачёва, Е.С. Кубряковой, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина и др.); трудов, посвящённых описанию определённых участков лексической системы языка, включающих слова с оценочной семантикой (работы Л.Г. Бабенко, Д.Н. Шмелёва и др.).

Осмысление семантики пословиц и поговорок, репрезентирующих эстетическую оценку внешнего вида человека в тюркских языках, способствует более глубокому пониманию национальных особенностей образа человека, может содействовать успешности переводческой деятельности и межкультурного общения, а также дальнейшей разработке сопоставительного изучения национальных языковых картин мира.

Постановка задачи. В тюркской паремии представление об оценке содержит эстетический ориентир прошлого, поскольку в наши дни сохраняются далеко не все патриархальные традиции.

Методологическую основу исследования составляют традиционные научные принципы лингвистики: системность и историзм, а также научные парадигмы конца XX – начала XXI века, а именно: когнитивизм и антропоцентризм. Языковые явления, объективированные общеоценочными словами с семантикой внешности человека, свидетельствуют, что слова с семантикой оценки внешности человека характеризуют как внешность человека вообще, так отдельные телесные качества человека [1, с. 9]. Это характеризуется тем, что семантический потенциал языка в зависимости от сферы применения может использоваться как индивидуально, так и обобщённо.

Результаты исследования. Рассматривая эстетическую оценку человека в казахском паремическом фонде, можно обнаружить следующие их особенности.

1. В основе тюркского фольклора как человекооценивающей системы лежит функция оценочного регулирования. Актуализация той или иной пословицы или поговорки, с одной стороны, детерминирована метальными установками, с другой стороны, в самом паремическом фонде как особом фольклорном дискурсе заложены определённые дискурсивно значимые условия для его актуализации.

2. Отличительной особенностью тюркского фольклорного текста является ориентированность на определённый эстетический идеал. Иными словами, традиционный тюркский фольклор зафиксировал ценностную модель мира, отражая общечеловеческие ценности. Проявлением ориентированности фольклора на идеальную установку является ссылка на него как фиксатор. Ср.:

Ақылды көргенін айтады, ақмақ ішіп – жегенің айтады = Мудрец рассказывает, что повидать успел, глупец рассказывает, что и когда он ел.

Ақынның тілі қылыштан өткір, қылдан нәзік = Слово акына острее клинка и нежнее волоска.

3. Тюркский паремический текст характеризуется ориентированностью на эстетическую составляющую (мелодия, рифма и т. п.), язык является и инструментом, определяющим мотивы человеческой деятельности и отражающим содержание человеческого бытия. Казахская пословица «Сұлу сұлу емес, сүйген сұлу» в переводе на русский язык означает: «Не так красавица, что красивая, а та, что любимая», то есть если женщина любима и желанна, она всегда будет привлекательная.

Паремические единицы, отражающие общий запас знаний и элементарные знания об эмоциях человека, участвуют в формировании категориальных эмоциональных ситуаций [2, с. 34], которые, по мнению В.И. Шаховского, понимаются как жизненные ситуации, в которых задействованы эмоции коммуникантов, их опыт и знания об общем мире, о себе, накопленные в сознании человека, сохраняются в виде определённой энграммы, которая является ментальной репрезентацией [3]. Стремление человечества к познанию себя, мира, окружающей среды формирует базу практических знаний, определяющих духовные ценности, присущие своему коллективу, то есть каждый член этноса дифференцирует бытие с точки зрения ценностей, включающих в себя лучшие качества и важные жизненные позиции, заложенные в его познании, в отношении себя в культуре этнического коллектива нравственные качества, традиции, религиозные убеждения, эстетику, искусство и др. «Специфика отношения человека к миру характеризуется тем, что он оценивает себя и других людей, предметы, явления, процессы в окружающем мире с точки зрения благотворительности, справедливости, красоты, полезности и т. д. и рассматривает их через ценности» [4, с. 291].

В основе эстетических ценностей лежит стремление людей к гармонии прекрасного, через красоту, то есть содействие гармоничному развитию человечества путём сопряжения реальной жизненной ситуации и духовной жизни. Философы эстетических ценностей утверждают, что «высшим проявлением эстетики является красота. …Следовательно, красота – это одно из определений «человеческого мира», одно из его определений, охватывающих всю сложность и глубину жизни. Включает не только реальную жизнь, но и духовную жизнь, которая в переходные периоды истории выходит за рамки созданного ею жизненного мира и оценивает чело-

вещество по иной цене, не вписывающейся в прагматические или утилитарные критерии» [5, с. 306]. Ценности являются мерой духовного богатства, смыслом отношений, чувств, целей и идеалов в постижении окружающей действительности.

Усвоение национальных традиций и обычаев, передаваемых через родной язык, обеспечивает закрепление эстетических ценностей, например, о красоте девушки: Сұлулық – ақылында = Красота девушки – в уме; Сұлулық – адамның тәжі, бәріне бірдей берілмейді = Красота – венец лица, не каждому даётся (см. [6]).

Так как центральной точкой мировоззрения является человек, то и эстетический вкус в первую очередь основывается на оценке внешнего и внутреннего облика человека. Это определяет взаимосвязь эстетических ценностей с нравственно-этическими (нравственными), социальными и другими ценностями. Так, для понимания казахской пословицы «Ағаш көркі – ашылған гүлінде, Адам көркі – ақылында» = Красота дерева – в распустившемся цветке, красота человека – в уме. «Дерево – цветок раскрытый», служит смысловая мотивация «древовидный цветок». Человеку необходимо правильно одеваться (Қыздың көркі киим = Красота девушки в наряде), вкладывать средства в своё духовное развитие, усердно трудиться. Эта идея отражена в содержании казахской пословицы Құрметің сәулетің, еңбегің – дәулетің = Почёт и уважение к труду, труд твоё – богатство; Адамды еңбек көркейтеді = Труд красит человека. В идее пословиц сохраняется характер социальной ценности по отношению к богатству, по отношению к трудолюбию. (Қонымды киімді өзің кии = Надевай то, что тебе идёт), что отражает эстетический вкус в культуре одежды (см. [7]).

В универсальном эстетическом мировоззрении, свойственном всем народам, особое место занимает девушка (девочка) как цветок. В мировоззрении тюркских народов символ очарования – девочка, символ красоты и нежности – девушка-«цветок». Например, Бала тілімен сүйкімді – Ребёнок сладок детским языком; Қыз – халықтың гүлі, өлең – сауықтың гүлі – Девушка – цветок народа, стихотворение – цветок благополучия. Следовательно, девушки должны быть красивыми, нарядными, и поведение девушки является результатом воспитания (см. [6]).

Эстетические ценности народа, выраженные в паремиологической структуре, определяют меру умения или оценки членами общины различать хорошее и плохое, положительное и отрицательное, полезное и бесполезное. Именно наличие дифференциации, осмысления в контексте гуманистического характера, благотворительности и полезности способствует выявлению сущности ценности. Содержание пословиц и поговорок на языках кипчакской группы свидетельствует о том, что эстетические вкусы народа о красоте в основном связаны с окружающей их природой (природными явлениями и артефактами, растительным и животным миром, небесными телами) и т. д. Оценочно маркированная эстетическая оценка и связана прежде всего с человеком и его деятельностью, с обществом, с теми явлениями, которые одухотворяются человеком, приобретают для него эстетическую значимость.

Выводы. В последнее время пословицы и поговорки становятся интересным объектом в рамках современных когнитивных исследований, затрагивающих изучение механизмов переработки сознанием человека информации об окружающем мире [8]. Это объяснится тем, что восприятие и осознание любой паремической единицы начинается с её эмоционального образа.

Внутри паремической языковой картины мира выделяется эмоциональная картина мира, которая формируется языковой концептуализацией эмоций. Эмоциональная оценка, содержащаяся в пословицах и поговорках, при вербальной концептуализации получает эмоциональную компоненту. Это подтверждается анализом тюркских паремий, которые содержат информацию об оценке человека [9].

В тюркских языках встречается большое количество паремических единиц, репрезентирующих традиционную культуру посредством сравнения красоты девушки с цветком:

Қыз елдің көркі, гүл жердің көркі = Девушка – красота народа, цветок – красота земли.

Қыз бала – үйдің көркі, ұл бала елдің көркі = Девушка – украшение дома, сын – украшение страны[1].

[1] Cordial. Dictionnaire français. URL: http://dictionnaire.cordial-enligne.fr/definition/par%C3%A9mie (accès: 10.04.2019).

Красота, закрепляя, обогащая эстетический идеал в сознании, пробуждает в человеке позитивные чувства. В мировоззрении тюркских народов истинная красота человека имеет два основных аспекта:

1) сочетание внешней красоты и внутренней красоты:

Тәні сұлу сұлу емес, жаны сұлу – сұлу = Красив не тот, кто телом хорош, а тот, кто красив душой.

Сұлу сұқтануға жақсы, ақыл жұптануға жақсы = Красота приглядится, а ум вперед пригодится.

Сырты сұлуды, іші сұлу бұйдалап жетелейді = Внешняя красота ведёт за собой внутренную красоту.

Сұлулығы адамның – халыққа жасаған ісінде = Красота человека в том, что делает для народа.

2) отсутствие искусственности в красоте:

Қасы сұлу бояуды қажет етпес = Красивые брови не нуждаются в краске.

Қас жүйрікте сын болмас = Таланты истинны, не критикуются [10].

Эстетический вкус о красоте в этнокультурном содержании паремий зависит и от собственного видения личности:

Сұлу сұлу емес сүйген сұлу = Не та красавица, что красивая, а та, что любимая.

Әркімнің міңген аты – өзіне тұлпар = От хозяйского глаза и конь добреет.

Әркімнің сүйген жары – өзіне сұңқар = С любимым рай в шалаше[2].

Такие паремии, наряду с эстетическими суждениями, пропагандируют, характеризуют знание о достоинстве человека.

Эстетический образ тюркской паремической единицы восходит к миру *птиц* (Аққу жүзсе көл сұлу = Плывущий лебедь, украшение озера), *небесных тел* (Қыз бала әкесіне – жұлдыз = Девочка для отца – звезда), *драгоценных камней* (Келіні жақсы үйдің керегесі алтын = В доме, где хорошая невестка, и порог золотой).

Способом усиления эстетичности паремий является их варьирование.

[2] Longman Dictionary of English Language and Culture. Fifth Edition. Harlow: Pearson Education Limited, 2002. 1620 p.

Список источников

1. *Абакумова О.Б.* Эмоции в пословицах о любви // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. 2020: материалы Междунар. конф. / отв. ред. Е.Р. Иоанесян. М.: Ин-т языкознания РАН, 2020. С. 7-12.
2. *Темиргазина З.К.* Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. Павлодар: Павлодар. гос. пед. ин-т, 2009. 134 с.
3. *Шаховский В.И.* Экология языка и человека в меняющемся социуме // Неофилология. 2020. Т. 6. № 22. С. 217-225. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-217-225
4. *Шаховский В.И.* Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике. Волгоград: Перемена, 2017. 359 с.
5. *Ескеева М.К.* Көне түркі жазба мұраларының лингвофилософиялық негізі. Астана: Сарыарқа, 2011. 320 б. (Ескеева М.К. Лингвофилософские основы древнетюркского письменного наследия. Астана: Сарыарка, 2011. 320 с.)
6. Турецкие пословицы и поговорки / пер. Г.И. Иванова. М.: Наука, 1966. 39 с.
7. *Сигал К.Я.* Устойчивая фраза как аксиологический знак // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания; Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. № 2 (45): Знаки языка и смыслы культуры: сб. науч. тр., посвящ. памятному юбилею В.Н. Телия / отв. ред. вып. Ковшова. С. 675-685.
8. *Галимуллина Р.И.* Интерпретация паремии с компонентом-зооним в татарском языке // Актуальные проблемы тюркологии: Россия и тюрко-мусульманский мир: сб. Междунар. тюрколог. конф. Елабуга, 2020. С. 17-18.
9. *Кацюба Л.Б.* Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2013. Т. 10. № 1. С. 65-67.
10. *Дыбо А.В.* Use of personal markers in the Beltyr dialect of the Khakas language from a comparative perspective // Turkic Languages. 2019. № 23. P. 31-48.

Refernces

1. Abakumova O.B. Emotsii v poslovitsakh o lyubvi [Emotions in proverbs about love]. *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Emotsional'naya sfera cheloveka v yazyke i kommunikatsii: sinkhroniya i diakhroniya»* [Proceedings of the International Conference "The Emotional Sphere of Man in Language and Communication: Synchrony and Diachrony"]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020, pp. 7-12. (In Russian).
2. Temirgazina Z.K. Sovremennyye teorii v otechestvennoy i zarubezhnoy lingvistike [Modern Theories in Domestic and Foreign Linguistics]. Pavlodar, Pavlodar Pedagogical Institute Publ., 2009, 134 p. (In Russian).
3. Shakhovskiy V.I. Ekologiya yazyka i cheloveka v menyayushchemsya sotsiume [Language and human ecology in the changing society]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 217-225. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-217-225. (In Russian).
4. Shakhovskiy V.I. *Triada ekologiy – chelovek, yazyk, emotsii – v sovremennoy kommunikativnoy praktike* [The Triad of Ecologies – Man, Language, Emotions – in Modern Communicative Practice]. Volgograd, Peremena Publ., 2017, 359 p. (In Russian).
5. Eskeyeva M.K. *Lingvofilosofskiye osnovy drevnetyurkskogo pis'mennogo naslediya* [Linguo-Philosophical Foundations of the Ancient Turkic Written Heritage]. Astana, Saryarqa Publ., 2011, 320 p. (In Russian).
6. Ivanov G.I. (translation). *Turetskiye poslovitsy i pogovorki* [Turkish Proverbs and Sayings]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 39 p. (In Russian).
7. Sigal K.Y. Ustoychivaya fraza kak aksiologicheskiy znak [Fixed phrase as an axiological sign]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Moscow, Institute of Linguistics Publ.; Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2021, no. 2 (45), pp. 675-685. (In Russian).
8. Galimullina R.I. Interpretatsiya paremii s komponentom-zoonim v tatarskom yazyke [Interpretation of proverbs with a zoonym component in the Tatar language]. *Sbornik Mezhdunarodnoy tyurkologicheskoy konferentsii «Aktual'nyye problemy tyurkologii: Rossiya i tyurko-musul'manskiy mir»* [Collection of the International Turkological Conference "Actual Problems of Turkic Studies: Russia and the Turkic-Muslim World"]. Yelabuga, 2020, pp. 17-18. (In Russian).
9. Katsyuba L.B. Opredeleniye paremii (lingvisticheskiy aspekt definitsii) [Definition of proverbs (linguistic aspect)]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 2013, vol. 10, no. 1, pp. 65-67. (In Russian).
10. Dybo A.V. Use of personal markers in the Beltyr dialect of the Khakas lan-guage from a comparative perspective. *Turkic Languages*, 2019, no. 23, pp. 31-48.

Информация об авторах

Ескеева Магрипа Кайнарбаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры тюркологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан, ORCID: 0000-0002-7647-817X, ScopusAuthor ID: 57192307825, mag61103@inbox.ru

Вклад в статью: идея концепции исследования, работа с литературными источниками, анализ пословиц и поговорок, написание текста статьи на казахском языке.

Мусабекова Урзада Абилкасимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан, ORCID: 0000-0002-0784-3874, Scopus Author ID: 57216239528, mussabekova@yandex.kz

Вклад в статью: поиск и анализ литературы из сборников пословиц и поговорок тюркского народа, работа с литературными источниками, анализ пословиц и поговорок, перевод статьи на русский язык и оформление.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 02.09.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 06.12.2021
Принята к публикации 27.01.2022

Information about the authors

Magripa K. Eskeyeva, Doctor of Philology, Professor of Turkic Studies Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, ORCID: 0000-0002-7647-817X, ScopusAuthor ID: 57192307825, mag61103@inbox.ru

Contribution: study concept idea, work with literary sources, proverbs and sayings analysis, manuscript text drafting in Kazakh language.

Urzada A. Mussabekova, Candidate of Philology, Associate Professor of Turkic Studies Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan, ORCID: 0000-0002-0784-3874, Scopus Author ID: 57216239528, mussabekova@yandex.kz

Contribution: literature search and analysis from collections of proverbs and sayings of Turkic people, work with literary sources, proverbs and sayings analysis, manuscript translation into Russian language and design.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 02.09.2021
Approved after reviewing and revision 06.12.2021
Accepted for publication 27.01.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ
THEORY AND HISTORY OF CULTURE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 303.446.23+811
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-169-178

Стратегии продвижения культурно-языковой сферы в постсоветской Центральной Азии

Бо ЯН
Шанхайский университет иностранных языков
200083, Китайская Народная Республика, г. Шанхай, ул. Даляньсилу, 550
✉ 2043@shisu.edu.cn

Аннотация. Рассмотрены в сравнительном ключе стратегии США, России, Китая, Турции, Ирана, Индии, Японии, Республики Корея и Европейского союза в Центральной Азии по продвижению языков. Представлены институты и предпринятые меры популяризации мировых языков в регионе. Комплексный анализ позволяет прийти к выводу, что конкуренция между ведущими странами по расширению языкового и культурного присутствия в Центральной Азии обусловлена геополитическими, экономическими и культурно-историческими факторами, корректирующимися в соответствии с изменением глобальной и региональной ситуации.

Ключевые слова: Центральная Азия, постсоветское пространство, мировые языки, стратегия продвижения

Благодарности: Работа выполнена в рамках китайского национального гранта по социальным наукам № 18BYY058 «大国博弈视角下的中亚语言竞争与语言规划研究» (Языковая конкуренция и языковое планирование в Центральной Азии в контексте «Игры ведущих стран») и ключевого гранта Шанхайского университета иностранных языков № 2017114001 «世界一流大学学科建设战略比较研究» (Сравнительные исследования программ развития учебных дисциплин ведущих университетов мира).

Для цитирования: *Ян Бо*. Стратегии продвижения культурно-языковой сферы в постсоветской Центральной Азии // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 169-178. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-169-178

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

OPEN ACCESS

© Ян Бо, 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-169-178

Strategies for the promotion of world languages in post-soviet Central Asia

Bo YANG
Shanghai International Studies University
550 Dalian Rd., Shanghai 200083, People's Republic of China
✉ 2043@shisu.edu.cn

Abstract. We consider in a comparative perspective the strategies of the United States, Russia, China, Turkey, Iran, India, Japan, the Republic of Korea and the European Union in Central Asia to promote languages. We present the institutions and measures undertaken to promote world languages in the region. This complex analysis allows us to conclude that the competition between the leading countries for the expansion of linguistic and cultural presence in Central Asia is determined by geopolitical, economic and cultural-historical factors, adjusting to the changing global and regional situation.

Keywords: Central Asia, post-Soviet space, world languages, promotion strategy

Благодарности: This work is supported by the Chinese National Social Science Grant no. 18BYY058 «大国博弈视角下的中亚语言竞争与语言规划研究» (Language competition and language planning in Central Asia in the context of the "Game of the leading countries") and key grant of Shanghai International Studies University no. 2017114001 «世界一流大学学科建设战略比较研究» (Comparative studies of academic disciplines development programs of the world's leading universities).

For citation: Yang Bo. Strategii prodvizheniya kul'turno-yazykovoy sfery v postsovetskoy Tsentral'noy Azii [Strategies for the promotion of world languages in post-soviet Central Asia]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 169-178. https://doi.org/ 10.20310/2587-6953-2022-8-1-169-178 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

OPEN ACCESS

Введение. Начало XXI столетия характеризуется перемещением внимания мирового развития в сторону Азии. При этом ощутимо возрастает политическая значимость Центральной Азии, которую всё чаще называют «Сердцем Азии». Китай и Россия исторически и географически тесно связаны с этим самобытным регионом, где, как на оживленном историческом перекрёстке, с древних времён встречались различные человеческие цивилизации. Сотрудничество Китая и России носит в регионе характер стратегического партнёрства.

Не секрет, что этот регион чрезвычайно важен для Китая, так как именно в Центральной Азии в сентябре 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином была выдвинута инициатива «Пояс и путь», в рамках которой реализуются многочисленные инфраструктурные и индустриальные проекты на миллиарды долларов. Как подчеркнул китайский лидер, отношения между странами зависят от близости народов, укрепление взаимопонимания между народами – один из пяти приоритетных принципов инициативы «Пояс и путь» с тем, чтобы заложить прочную базу общественного мнения и социальную основу для развертывания регионального сотрудничества [1, с. 392]. Развитие гуманитарных связей невозможно без системной и целенаправленной работы по продвижению языков.

В последние годы в Центральной Азии возрастает конкуренция ведущих держав в культурно-языковой сфере. Тема применения

«мягкой силы», усиления культурного присутствия внешних игроков активно обсуждается и исследуется в экспертном сообществе. Для изучения данного вопроса предлагаем рассмотреть деятельность ряда стран: России, которая традиционно сохраняет сильную позицию в гуманитарной сфере региона; США, которые развернули целенаправленную кампанию в адрес новых независимых государств региона после событий 11 сентября 2001 г.; Китая, который устойчиво наращивает стратегическое партнерство и расширяет экономическое присутствие в регионе в рамках инициативы «Пояса и пути»; Турции, которая сразу после распада СССР приступила к воплощению в странах Центральной Азии идеи тюркской интеграции; а также других стран: Ирана, Индии, Японии, Южной Кореи и Европейского союза.

Россия: отстаивание позиции русского языка. После распада Советского Союза русский язык оказался в сложной ситуации, массовый выезд русскоязычного населения из бывших советских республик в связи с политической, экономической и социальной трансформацией приводил к значительному сокращению функций русского языка как языка межнационального общения [2, с. 13]. В странах Центральной Азии процесс дерусификации продолжается почти 30 лет, однако в силу длительного российского (советского) присутствия на протяжении больше века российский культурно-языковой фактор прочно вошёл в местное общество как одна из ключевых культурных составляющих, русификация остаётся неотъемлемой частью социального развития Центральной Азии [3, с. 85].

По данным статистики, сегодня доля русских в странах Центральной Азии превышает 10 % от общего числа населения. Большинство из них представляет потомков бывшей советской политической и интеллигентной элиты, что обусловливает их более высокий культурный и образовательный уровень. Русскоязычное население играет важную роль в социальной жизни региона за счёт тесных контактов с Россией. Русская культура расценивается как цивилизующая [4], а русский язык – как престижный язык обучения: до сих пор многие представители титульных национальностей стремятся отдать своих детей в русскоязычные школы или классы.

В начале нового тысячелетия международная ситуация характеризуется возрастающей турбулентностью, «Цветные революции» в странах СНГ, учащающиеся действия внешних факторов и другие процессы способствовали России активно применять «мягкую силу».

На конец 2015 г. в реализации российских интересов средствами общественной дипломатии было задействовано около 5 тысяч официально зарегистрированных некоммерческих организаций с внешнеполитическими намерениями, в том числе 859 – со статусом международных. Основными направлениями работы по продвижению российской «мягкой силы» являются целенаправленные усилия в политической и военной областях, экономическое сотрудничество, помощь русскоязычной диаспоре, сохранение общего языкового пространства, развитие общего информационного пространства, включая такие его новые элементы, как русскоязычный Интернет и социальные сети, связь миграционных потоков с развитием образования на русском языке, формирование кадров руководящих работников и др. [5, с. 84-86].

Для укрепления позиции России в международной культурно-языковой конкуренции в 2007 г. создан Фонд «Русский мир» (https://russkiymir.ru/fund/). Целям Фонда служат популяризация русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, и поддержка программ изучения русского языка в Российской Федерации и за рубежом. На конец июня 2021 г. в 52 странах и регионах мира действуют свыше 170 Центров русского языка, около 200 классов русского языка, в том числе 10 Центров и 8 классов в Центральной Азии[1]. При поддержке Фонда запущен крупнейший в мире бесплатный интернет-портал «Образование на русском» (https://pushkininstitute.ru, учредитель – ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»),

[1] Каталог русских центров. URL: https://russkiymir.ru/rucenter/catalogue.php (дата обращения: 12.07.2021).

Фонд также курирует электронный журнал, телеканал и радио «Русский мир».

Согласно статье 10 «Концепции внешней политики Российской Федерации» от 2016 г., Россия выступает за развитие на межгосударственном уровне культурных и гуманитарных связей[2]. В задачи культурной дипломатии входят расширение влияния русского языка в мире, повышение конкурентоспособности российского высшего образования, развитие специальных институтов для консолидации соотечественников, проживающих за рубежом, создание профильных органов для народной дипломатии, в частности Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, Российского совета по международным делам и др.

США: ориентир на глобальное развитие. Развал Советского Союза и провозглашение независимости центральноазиатских стран представил США уникальный исторический шанс. Америка развернула крупные кампании в политической, военной, экономической и культурной областях. По словам бывшего советника президента США по национальной безопасности З. Бжезинского, «первоочередные интересы США в том, чтобы ни одна держава не смогла самостоятельно контролировать данное геополитическое пространство, одним словом, никто не доминировал и не исключал бы других»[3]. Центральная Азия – часть постсоветского пространства, которое США рассматривают как трофеи победы в «холодной войне».

В 2005–2006 гг. США заявили о проекте «Большой Центральной Азии», нацеленном на формирование мегарегиона вокруг Афганистана с соединением Центральной и Южной Азии. В рамках «Большой Центральной Азии» предусмотрено взаимодействие в политической, экономической, военной и других сферах. Цель проекта заключается в ослаблении влияния России и Китая в регионе, формировании геополитического блока с американским доминированием.

Как известно, в 2011 г. США анонсировали идею запуска проекта «Новый шёлковый путь». Инициатива впоследствии ушла в историю, не найдя широкой поддержки в регионе. Вместо неё был предложен диалог «США и Центральная Азия», по-другому формат «С5+1» (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и США). На первой встрече диалога «С5+1» на министерском уровне, которая проводилась в г. Самарканд в ноябре 2015 г., министры иностранных дел стран Центральной Азии и государственный секретарь США договорились сосредоточить внимание на безопасности, экономике и проблемах окружающей среды. Становление формата «С5+1» свидетельствует, что многосторонний диалог выбран американцами как главный инструмент в конкуренции с Россией и Китаем. Среди заявленных направлений США в Центральной Азии упор делается на активизации экономических и гуманитарных контактов, в частности на развитие Американского университета в Центральной Азии (основан в 1993 г.), профессиональных и образовательных связей, обучения английскому языку, защите культурного наследия и др.

2 февраля 2020 г. в Ташкенте руководители внешнеполитических ведомств «С5+1» сфокусировали внимание на укреплении диалога по террористическим угрозам. Несмотря на остроту ситуации, связанную с COVID-19, 30 июня 2020 г. состоялась внеочередная встреча руководителей внешнеполитических ведомств США и стран Центральной Азии. Были обсуждены вопросы региональной стабильности, торгово-экономического сотрудничества и обеспечения продовольственной безопасности в регионе. В новой «Стратегии Соединенных Штатов в Центральной Азии на 2019–2025 гг.: укрепление суверенитета и экономического процветания» отмечается, что США за последние 25 с лишним лет предоставили странам региона помощь на сумму более 9 миллиардов долларов, а также обеспечили финансирование более 40 тысяч учебных и профессиональных обменов[4]. В документе заявлена

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30.11.2016). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248i/ (дата обращения: 18.07.2021).

[3] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Междунар. отношения, 1998. С. 97.

[4] U.S. Department of State. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview). URL: https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advan-

готовность американской стороны содействовать реформам в системе начального, среднего и высшего образования стран региона для повышения технологичной и управленческой способности молодого поколения региона, а также их знаний английского языка с тем, чтобы они стали живой силой в модернизации экономики своих стран в XXI веке.

При этом в Вашингтоне заявили, что США не оспаривает влияние России в Средней Азии. По словам официального представителя Белого дома, у России всегда было огромное влияние в этом регионе. Они не ожидают, что это изменится, и не пытаются догнать их. Они просто хотят присутствовать, предоставлять альтернативы для стран, продолжать защищать их способность оставаться суверенными и независимыми государствами, что они всегда делали с тех пор, как получили независимость более 25 лет назад[5].

Китай: гуманитарная составляющая ОПОП. Абстрактный Запад и Россия рассматривают Китай как один из акторов «Большой игры». Центральная Азия – ближайшие соседи Китая, стороны развивают взаимовыгодное сотрудничество во всех сферах, подобное взаимодействие не направлено против третьей стороны, отвечает интересам Китая и народов Центральной Азии. На наш взгляд, необоснованным представляется тезис о борьбе Китая с Россией и США за сферу влияния. Главными игроками в постсоветской Центральной Азии являются США и Россия, хотя в этом процессе Китаю невозможно занять позиции стороннего наблюдателя, но в любом случае он не инициатор «игры».

Расширение экономического присутствия Китая в Центральной Азии, активная фаза которого наступила после выдвижения инициативы «Одного пояса и одного пути» в 2013 г., способно порой вызвать рост китаефобии, что создаст сложности в реализации китайских интересов в регионе. Во избежание подобного сценария китайское руководство уделяет повышенное внимание укреплению культурно-гуманитарных связей с Центральной Азией во имя создания благоприятного имиджа своей страны в этом постсоветском регионе.

Продвижение китайских культурных проектов в Центральной Азии с целью формирования положительного образа страны в глазах местного населения предполагается посредством создания сети центров, в том числе благодаря распространению на страны Центральной Азии опыта работы филиалов Институтов Конфуция, действующих по всему миру. Проект по созданию за рубежом Институтов Конфуция курируется правительственной Канцелярией КНР по распространению китайского языка в мире (Гоцзя ханьбань), которая в июне 2020 г. переименована как «Центр лингвистического преподавания и сотрудничества при Минобразования КНР» (Center for Language Education and Cooperation, далее сокращенно как CLEC). Институты Конфуция открываются при действующих за рубежом учебных заведениях. Благодаря широкой финансовой и кадровой поддержке из Пекина Институты Конфуция способны предложить привлекательные условия для желающих изучать китайский язык. Как правило, обучение там стоит недорого. На конец августа 2020 г. в четырёх центральноазиатских странах действовало 13 институтов и 50 классов Конфуция, в том числе 5 институтов в Казахстане, 4 – в Кыргызстане, 2 – в Таджикистане, 2 – в Узбекистане.

Для качественного развития культурных связей Китая с Центральной Азией создаются новые ведомства. В 2010 г. в городе Урумчи открылась база государственной категории по распространению китайского языка в Центральной Азии, главные задачи которой состоят в оказании помощи в создании Институтов Конфуция прежде всего в странах-членах Шанхайской организации сотрудничества, издании новых учебных пособий по китайскому языку, приобщении китайских преподавателей к работе за рубежом и привлечении студентов в Китай для изучения китайского языка.

В условиях пандемии бурное развитие получило онлайн-обучение китайскому язы-

cing-sovereignty-and-economic-prosperity/ (accessed: 10.07.2021).

[5] США не оспаривают влияние РФ в Средней Азии, но хотят присутствовать в регионе. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7695447 (дата обращения: 10.07.2021).

ку. В сентябре 2020 г. CLEC запустил четыре онлайн-платформы по изучению китайского языка для иностранных учащихся. Платформа облачного сервиса «Китайский язык Плюс», предоставляя 190 бесплатных онлайн-курсов по изучению китайского языка и культуры, помогла свыше 20 миллионам желающих изучать китайский язык за пределами Китая. А платформа "Global Chinese Learning Platform" благодаря искусственному интеллекту и другим передовым технологиям сумела создать «глобальный класс», в котором китайский язык изучают люди разных возрастов из почти 170 стран и регионов мира.

Турция и Иран: этноконфессиональные основы взаимоотношений. Турция одной из первых признала независимость новых государств Центральной Азии, с которыми начала устанавливать двусторонние отношения ещё до распада Советского Союза. В результате распада СССР и образования независимых государств с преимущественно тюркским населением Анкара получала уникальный шанс расширить зону своего влияния. Этнокультурная близость служит основанием для выстраивания особых отношений с Казахстаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и Узбекистаном. В свою очередь поиск новых идеологических основ политическими элитами новых тюркских государств Центральной Азии закономерным образом приводит к «турецкой модели развития», которая предполагает формирование светской государственности в мусульманской стране. По мнению экспертов, «практически все центральноазиатские республики, а также Азербайджан, выбрали турецкую модель развития» [6, с. 220].

В 1992 г. в Турции создано Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (Turkish Cooperation and Development Agency, сокращенное название TIKA), уполномоченное за совместные проекты с тюркскоязычными государствами (регионами), главным образом в культурно-языковой сфере для укрепления доверительных отношений, необходимых для кооперации. Главный исполнительный орган за массовые мероприятия по продвижению языков и культуры TIKA в 2011 г. переименовано как Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (Turkish Cooperation and Coordination Agency), что связано с большими ожиданиями власти Турции во внешнеполитической сфере.

Взаимодействие в культурно-идеологической сфере идёт на уровне открытия турецких школ в Центральной Азии. Первые турецкие школы здесь появились в 1990-х гг. Эти турецкие образовательные учреждения «были основаны движением «Гюлен», возглавляемым турецким исламским учёным и писателем Фетуллой Гюленом. По данным СМИ, с 1992 по 2000 г. по всей Центральной Азии силами движения Гюлена было открыто около сотни подобных образовательных учреждений. В Кыргызстане – 25 турецких школ, включая лицеи и два университета. В Казахстане – 32 школы и лицеи. В Таджикистане таких учреждений 6. Один лицей и один университет в Туркменистане. В Узбекистане – более 6 турецких образовательных учреждений[6].

Кроме того, турецкое руководство активно привлекало учащихся из Центральной Азии в школы под эгидой исламской организации Nursi movement [7, с. 81-82]. Построенный на турецкие средства (65 миллионов долларов), университет Ясави (Yasa Wei Kazakh Turkish International University) в г. Туркестан (Казахстан) является единственным высшим учебным заведением в тюркскоязычных государствах, в стенах университета учатся молодые люди из всех стран Центральной Азии, обучение ведётся на казахском, турецком, русском и английском языках. В 2020 г. указом Президента Республики Казахстан университету выделены особые академическое и управленческое полномочия[7].

Следует отметить, что в Казахстане и Кыргызстане турецкие учебные заведения действуют по сей день. В Туркменистане из-за опасений негативного влияния на подрастающее поколение почти все школы движения Гюлен были преобразованы в государственные, за исключением Международного

[6] *Наджибулла Ф.* В Центральной Азии всё больше критикуют турецкие лицеи. URL: http://rus.azattyq.org/content/turkishschools-central-asia-considered-as-threat-to-regime/24919501.html (дата обращения: 12.07.2021).

[7] Международному университету Ясави в Туркестане присвоили особый статус. URL: https://zonakz.net/2020/01/17/mezhdunarodnomu-universitetu-yasavi-v-turkestane-prisvoili-osobyj-status/ (дата обращения: 18.07.2021).

туркмено-турецкого университета. В 1999 г. Узбекистан закрыл все турецкие лицеи в стране после ухудшения отношений с Анкарой. В настоящее время Турция активно продвигает общие культурно-языковые повестки с центральноазиатскими партнерами в многостороннем формате Организации тюркских государств (Тюркский совет 1992–2009 гг., Совет сотрудничества тюркоязычных государства 2009–2021 гг.).

Ещё одним региональным актором, который стремится расширить культурное влияние в Центральной Азии, и прежде всего в Таджикистане, является Иран. 1700 км общей границы между Ираном и Таджикистаном, многочисленные трансграничные национальности служат фундаментом для сохранения и развития культурно-языковых отношений. Обеспокоенности руководства стран Центральной Азии в связи с религиозной основой власти в Тегеране ограничивают взаимодействие сторон строго в культурно-языковом аспекте. Культурно-политическая доктрина Ирана в регионе отходит от чисто исламских постулатов и ориентируется на распространение и пропаганду памятников иранской культурной традиции – персидского языка и поэзии, текста Корана на фарси, реконструкцию исторических традиционных связей, распространение общих этнических доисламских и исламских принципов. Поддержка Тегерана Душанбе главным образом отмечается в культурно-просветительской сфере, в частности, в поставке материалов и ресурсов для образования на фарси, а также консультациях по разработке программ реформы системы образования на фарси.

Индия, Япония, Республика Корея и Европейский союз: геополитический прагматизм. Примечательно, что повышенное внимание к Центральной Азии со стороны ведущих стран мира проявилось еще в 1990-х гг. Место и роль Центральной Азии на мировой арене существенно изменились. Равно как и стремление ведущих стран мира активно развивать сотрудничество с государствами региона. Активные усилия по этому направлению прилагают также Индия, Япония, Республика Корея и Европейский союз.

Индия традиционно воспринимает Центральную Азию как стратегический тыл в конкуренции с Пакистаном. С 1993 по 2001 г. официальные лица Индии не раз посещали регион, встречи были проведены на высоком уровне. Открытие военной базы Индии в Таджикистане в мае 2002 г. оценено британским журналом “Defence & Security Intelligence & Analysisi” как символ готовности Нью-Дели выступить одним из игроков нового раунда «Большой игры» в Центральной Азии [8, с. 64]. В 2012 г. Индия обнародовала «Политику соединения с Центральной Азией» (Connect Central Asia Policy), предусматривающую всестороннее сотрудничество с государствами региона, в том числе в языковой сфере. Новым толчком в развитии отношений с Центральной Азией послужил первый визит премьера Индии Наренда Моди в регион в июле 2015 г. В 2017 г. Индия стала полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества, усиливается многосторонний диалог в гуманитарном направлении Индии с центральноазиатскими партнерами. В январе 2019 г. состоялся первый саммит «С5+1» Индии и Центральной Азии на уровне министров иностранных дел, в рамках которого были подписаны соглашения о сотрудничестве по проектам в научно-технической, образовательной и спортивной сферах[8].

Расширение гуманитарного присутствия Японии в Центральной Азии исходит больше из экономических целей, энергетических ресурсов и полезных ископаемых. Правительство Японии начало планомерно принимать учёных-стажёров из Центральной Азии ещё с 1992 г., сразу же после установления дипотношений. В 2004 г. по предложению Токио стартовал механизм диалога «Центральная Азия + Япония». В рамках второго саммита данного механизма, состоявшегося в июле 2006 г., достигнута договорённость о взаимодействии в области политического диалога, регионального сотрудничества, диалога лучших умов, гуманитарного общения и контактов на неправительственном уровне [9, с. 303]. Токио обещает на ближайшие 3 года принять по 1000 учёных и студентов из региона в год. По статистике японской сторо-

[8] Ministry of External Affairs of India. Press Statement by EAM after First India-Central Asia Dialogue. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/30907/Press_Statement_by_EAM_After_1st_IndiaCentral_Asia_Dialogue (accessed: 10.07.2021).

ны, с начала 1991 г. свыше 10 тысяч студентов из стран Центральной Азии прошли стажировку или получили дипломы в японских университетах, около 3,5 тысячи центральноазиатских учёных занимались исследованиями в Японии по линии академического обмена. 8 университетов и 16 университетов Центральной Азии поддерживают постоянные связи[9].

По объективным культурно-историческим причинам в Центральной Азии проживают корейцы. Стратегия продвижения корейского языка в регионе стартовала в конце XX века, когда Министерством культуры Республики Кореи был обнародован «План содействия интернационализации корейского языка». Знаковыми событиями в этом направлении послужили создание Консорциума интернационализации корейского языка в 2000 г. и принятие «Закона о международном культурном обмене» и «Специального закона по содействию культурной дипломатии» в 2011 г. По данным статистики, на конец 2011 г. за границей Республики Кореи действуют в общей сложности 2158 корейских школ, финансируемых Консорциумом корейских соотечественников при МИДе Южной Кореи, в том числе 323 школы в странах СНГ [10, с. 42]. Представители корейской власти и бизнеса рассматривают Центральную Азию как приоритет для сотрудничества, активно продвигая различные проекты в области передового производства, зелёной энергии, культуры и образования. В столице Узбекистана Ташкенте действует филиал университета Инха по подготовке специалистов в области телекоммуникации. В августе 2019 г. в Фергане открыт Узбекско-корейский международный университет, при котором действует, наряду с инженерными специальностями, кафедра корейского языка. В июле 2017 г. официально открыт Секретариат Форума по сотрудничеству «Центральная Азия – Республика Корея» (далее сокращено как «Форум»), действующий под патронажем Фонда международного обмена Кореи, который отвечает за разработку, координацию, реализацию и финансирование совместных проектов в образовательной, культурной и туристической сферах в целях расширения фактического и будущего сотрудничества для общего процветания. По итогам XII Форума (16 октября 2019 г., г. Астана (Нур-Султан), Казахстан) принято решение по развитию сотрудничества в области культуры и туризма, созданию Механизма консультаций молодых лидеров Центральная Азия – Республика Корея, организации тренинга для молодых инженерных специалистов и др. В рамках XIV Форума (30 ноября 2021 г., г. Душанбе, Узбекистан) проведено пленарное заседание в области цифровизации. Важным шагом стало принятие рабочего плана Секретариата Форума на 2022 г. в поддержку проектов в шести перспективных областях, в частности, в сфере образования, культуры и туризма.

Географическое расстояние между Европой и Центральной Азией не помешало Европейскому союзу с первого дня провозглашения независимости государствами региона наладить тесное взаимодействие с ними с учетом геополитических и природно-ресурсных факторов, а также ввиду роста угрозы безопасности в регионе после терактов «11 сентября». Ретроспективный анализ участия ЕС в процессах Центральной Азии с начала 90-х гг. XX века свидетельствует о большей склонности ЕС к повестке «мягкой безопасности» (soft security), поставляя в Центральную Азию в основном публичные товары в сфере нетрадиционной безопасности, такие как экономика, образование, социальное благосостояние и вопрос об окружающей среде[10]. За 1991–2006 гг. ЕС профинансировал проекты в Центральной Азии на сумму 650 миллионов евро, бюджет ЕС на помощь странам ЦА за 2007–2013 гг. достиг 719 миллионов евро, а за 2014–2020 гг. размер помощи увеличился до 1,1 миллиарда евро, в том числе 115 миллионов евро направлено на программу Erasmus Plus. Первая стратегия «Европейский Союз и Центральная Азия: стратегия для нового партнерства» была принята в июне 2007 г.[11] В 2019 г. ЕС

[9] Ministry of Foreign Affairs of Japan. Foreign Minister Kono Attends the Seventh Foreign Ministers' Meeting of the "Central Asia plus Japan" Dialogue. URL: https://www.mofa.go.jp/region/europe/eu/page6e_000187.html (accessed: 12.07.2021).

[10] Marlène Laruelle. Central Asia Policy: Still American Mars versus European Venus? EUCAM Policy Brief, № 26. 2012. P. 102.

[11] The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership. May 31 2007. URL: https://data.consilium.europa.

принял проект Новой Стратегии по Центральной Азии «ЕС и Центральная Азия: новые возможности для сильного партнерства» (The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership)[12], в котором отмечается рост стратегической значимости Центральной Азии и необходимость активизации взаимодействия с регионом. Документ предусматривает расширение инвестирования ЕС в молодёжь, образование, инновации и культуру Центральной Азии во имя общего процветания региона. В двух версиях Стратегии Евросоюза по Центральной Азии чётко прослеживаются цели демократизации местных институтов управления, продвижение ценностей права человека, правового и справедливого управления.

Выводы. Таким образом, на примере Центральной Азии проанализированы стратегии государств мира в области продвижения своих интересов путём развития образовательных, культурных и языковых проектов. Каждая из рассматриваемых стран стремится повысить привлекательность собственной культуры и языка для укрепления доверия со стороны элиты и населения государств, что благоприятствует прагматическому сотрудничеству.

На глазах разворачивается конкуренция между ведущими странами мира за влияние и создание положительного образа своей культуры в постсоветской Центральной Азии. Многовекторная внешняя политика, выбранная странами региона, их желание привлечь внешние ресурсы для модернизации собственной экономики, стремление сохранить баланс между державами обусловливают перманентность подобной конкуренции. Результат конкуренции зависит от политического подхода, экономической мощи и «мягкой силы» стран.

Язык – один из главных инструментов применения «мягкой силы». Конкуренция мировых языков в регионе, их контакты и взаимовлияние с местными языками представляют важный сегмент языковой ситуации в Центральной Азии. В условиях глобализации, в целом, и социально-экономической трансформации государств региона, в частности, взаимоотношение между местными языками, связи между местными и мировыми языками, конкуренция между мировыми языками в Центральной Азии заслуживают дальнейшего наблюдения и комплексного анализа.

eu/doc/document/ST-10113-2007-INIT/en/pdf (accessed: 10.07.2021).

[12] European Council. Central Asia: Council adopts a new EU strategy for the region. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/06/17/central-asia-council-adopts-a-new-eu-strategy-for-the-region/ (accessed: 10.06.2021).

Список источников

1. *Си Цзиньпин.* Си Цзиньпин о государственном управлении. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. 495 с.
2. *Кетцян Г.В.* Этноязыковая политика как институциональный фактор развития межнациональных отношений на постсоветском пространстве: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2011. 23 с.
3. **汪金国. 多种文化力量作用下的**现代中亚社会. **武**汉大学出版社，2006，338页. (*Ван Цзиньго.* Современное центральноазиатское общество под влиянием множества культурных сил. Ухань: Изд-во при Уханьском ун-те, 2006. 338 с.).
4. *Дружиловский С.Б., Хуторская В.В.* Политика Турции и Ирана в Центральной Азии и Закавказье // Иран и СНГ. М.: ИИИиБВ, 2003. С. 37-72.
5. *Казанцев А.А., Гусев Л.Ю.* Продвижение «мягкой силы» России в Центральной Азии как инструмент развития евразийской экономической интеграции // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 80-91.
6. *Борисов Н., Панарин С.А.* Образ России в Кыргызстане: устойчивость позитивных стереотипов // Доклады Института Европы. № 222. Россия и ЕС в Центральной Азии / под ред. М.Г. Носова. М., 2008. С. 91-114.
7. [**美**]玛莎·**布瑞**尔·**奥卡特**. **中**亚的第二次机会. **李**维建译，时事出版社，2007，338页. (*Олкотт М.Б.* Второй шанс Центральной Азии / пер. Ли Вэйцзянь. Пекин: Шиши, 2007. 338 с.).

8. **王尚达、奉**继华. “9·11”**之后印度在中**亚的国家利益追求. **国**际政治研究. 2004(1):61-68. (*Ван Шанда, Фэн Цзихуа.* Национальные интересы Индии в странах Центральной Азии после теракта «11 сентября» // Международная политика. 2004. № 1. С. 61-68.).
9. **徐万**胜. **冷**战后日美同盟与中国周边安全. **社会科学文献出版社**，2009，386页. (*Сюй Ваньшэн.* Японско-американский союз после холодной войны и безопасность Китая в сопредельных регионах. Пекин: Изд-во литературы по социальным наукам, 2009. 386 с.).
10. **刘秀平**. 汉语国际推广视角下的韩国语推广模式研究[D]. 济南：山东大学，2011. (*Лю Сюпин.* Исследование модели продвижения корейского языка с точки зрения международного продвижения китайского языка: дис. … д-ра филол. наук. Цзинань, 2011).

References

1. Xi Jinping. *Si Tszinpin o gosudarstvennom upravlenii* [Xi Jinping on Public Administration]. Beijing, Foreign Languages Publishing House, 2014, 495 p. (In Russian).
2. Kettsyan G.V. *Etnoyazykovaya politika kak institutsional'nyy faktor razvitiya mezhnatsional'nykh otnosheniy na postsovetskom prostranstve: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Ethnolinguistic Policy as an Institutional Factor in the Development of Interethnic Relations in the Post-Soviet Space. Cand. polit. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2011, 23 p. (In Russian).
3. Wang Jinguo. *Modern Central Asian Society Under the Influence of Multiple Cultural Forces*. Wuhan, Wuhan University Press, 2006, 338 p. (In Chinese).
4. Druzhilovskiy S.B., Khutorskaya V.V. Politika Turtsii i Irana v Tsentral'noy Azii i Zakavkaz'ye [Turkish and Iranian policies in Central Asia and Transcaucasia]. *Iran i SNG* [Iran and CIS]. Moscow, Institute for Israel and Middle East Studies Publ., 2003, pp 37-72. (In Russian).
5. Kazantsev A.A., Gusev L.Y. Prodvizheniye «myagkoy sily» Rossii v Tsentral'noy Azii kak instrument razvitiya evraziyskoy ekonomicheskoy integratsii [Promotion of “soft power” of Russia in Central Asia as an instrument of development of the Eurasian economic integration]. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye – Administrative Consulting*, 2015, no. 11, pp. 80-91. (In Russian).
6. Borisov N., Panarin S.A. Obraz Rossii v Kyrgyzstane: ustoychivost' pozitivnykh stereotipov [Russia's image in Kyrgyzstan: sustainability of positive stereotypes]. *Doklady Instituta Evropy. № 222. Rossiya i ES v Tsentral'noy Azii* [Reports of the Institute of Europe. No. 222. Russia and the EU in Central Asia]. Moscow, 2008, pp. 91-114. (In Russian).
7. Olcott M.B. *Central Asia's Second Chance*. Beijing, Shishi Publ., 2007, 338 p. (In Chinese).
8. Wang Shangda, Feng Jihua. Natsional'nyye interesy Indii v stranakh Tsentral'noy Azii posle terakta «11 sentyabrya» [India's national interests in Central Asia after the 9/11 attack]. *International Politics*, 2004, no. 1, pp. 61-68. (In Chinese).
9. Xu Wansheng. *The Japanese-American Alliance and China's surrounding security after the Cold War*. Beijing, Social Science Literature Publishing House, 2009, 386 p. (In Chinese).
10. Liu Xiuping. *Research on the Korean Language Promotion model from the perspective of International Promotion of Chinese. Dr. philol. sci. diss*. Jinan, 2011. (In Chinese).

Информация об авторе

Ян Бо, кандидат филологических наук, профессор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, заместитель директора Центра изучения России, Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китайская Народная Республика, ORCID: 0000-0003-4472-4740, 2043@shisu.edu.cn

Вклад в статью: концепция исследования, комплексный анализ источников и научной литературы разных стран, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 10.08.2021
Одобрена после рецензирования 09.12.2021
Принята к публикации 23.12.2021

Information about the author

Bo Yang, Candidate of Philology, Professor of Russia, Eastern Europe and Central Asia Institute, Deputy Director of Russian Studies Center, Shanghai International Studies University, Shanghai, People's Republic of China, ORCID: 0000-0003-4472-4740, 2043@shisu.edu.cn

Contribution: study conception, comprehensive analysis of sources and scientific literature from different countries, manuscript text drafting.

The article was submitted 10.08.2021
Approved after reviewing 09.12.2021
Accepted for publication 23.12.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 008
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-179-192

Социальные функции духовно-нравственных традиций в культуре

Наталия Николаевна ЛАВРИНОВА ✉, Сергей Алексеевич ЧЕБОТАРЁВ, Татьяна Михайловна КОЖЕВНИКОВА
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ natlavrinova@yandex.ru

Аннотация. Дан анализ соотношений понятий «традиция» и «преемственность» в культуре, выявлены изменения социальных функций духовно-нравственных традиций в современных условиях. Отмечено, что исследования современной культуры всё чаще строятся на сравнении и противопоставлении её культуре прошлых эпох, традиционной культуре, демонстрируя тем самым принципиально новое отношение к пониманию сути традиций. В современном обществе культурная традиция в меньшей степени определяет выбор человека и влияет на формирование ценностной системы, идеалов и норм. Жизнедеятельность современного человека строится на принципах индивидуализма и автономии личности. Всё это требует переосмысления роли традиций в современном обществе. Обосновано, что в культурной традиции концентрируется наиболее значимый коллективный опыт. Он сохраняется и отражается в доминирующих формах деятельности. Поэтому изучение культурных традиций требует анализа ценностных приоритетов развития того или иного общества. Традиция рассмотрена как сложный механизм преемственности культуры. Он обеспечивает устойчивость социума и его адаптацию к новым условиям бытия. Проанализированы и систематизированы функции духовно-нравственных традиций. Функция обеспечения ценностно-нормативной ориентации выделена как системообразующая, поскольку определяет направленность становления духовности человека. Сделан вывод о том, что функции традиций представляют собой систему, обеспечивающую социальную стабильность и воспроизводство социума.

Ключевые слова: традиция, преемственность, культура, духовно-нравственная традиция, функции традиций, общество

Для цитирования: *Лавринова Н.Н., Чеботарёв С.А., Кожевникова Т.М.* Социальные функции духовно-нравственных традиций в культуре // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 179-192. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-179-192

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

OPEN ACCESS

© Лавринова Н.Н., Чеботарёв С.А., Кожевникова Т.М., 2022

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-179-192

Social functions of spiritual and moral traditions in culture

Natalia N. LAVRINOVA ✉, Sergey A. CHEBOTAREV, Tatyana M. KOZHEVNIKOVA
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ natlavrinova@yandex.ru

Abstract. We analyze the relationship between the concepts of "tradition" and "continuity" in culture, identify changes in the social functions of spiritual and moral traditions in modern conditions. We note that studies of modern culture are increasingly based on comparing and contrasting it with the culture of past eras, traditional culture, thereby demonstrating a fundamentally new attitude to understanding the essence of traditions. In modern society, cultural tradition determines the choice of a person to a lesser extent and influences the formation of a value system, ideals and norms. The vital activity of modern man is built on the principles of individualism and autonomy of the individual. All this requires a rethinking of the role of traditions in modern society. We substantiate that the most significant collective experience is concentrated in the cultural tradition. It is preserved and reflected in the dominant forms of activity. Therefore, the study of cultural traditions requires an analysis of the value priorities of the development of a particular society. Tradition is considered as a complex mechanism of cultural continuity. It ensures the stability of society and its adaptation to new conditions of existence. We analyze and systematize the functions of spiritual and moral traditions. The function of providing value-normative orientation is singled out as system-forming, since it determines the direction of the formation of human spirituality. We conclude that the functions of traditions are a system that ensures social stability and reproduction of society.

Keywords: tradition, continuity, culture, spiritual and moral tradition, functions of traditions, society

For citation: Lavrinova N.N., Chebotarev S.A., Kozhevnikova T.M. Sotsial'nyye funktsii dukhovno-nravstvennykh traditsiy v kul'ture [Social functions of spiritual and moral traditions in culture]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 179-192. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-179-192 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
OPEN ACCESS

ВВЕДЕНИЕ

Для современного общества характерно быстрое изменение культурных процессов, вызванное экономическими, политическими, социальными, техногенными, миграционными и другими причинами. Исследования современной культуры всё чаще строятся на сравнении и противопоставлении её культуре прошлых эпох, традиционной культуре, демонстрируя тем самым принципиально новое отношение к пониманию сути традиций. Кроме того, неоднозначное отношение к традиции обусловлено и фактом активной миграции, последствием которой становится попадание человека в совершенно иную культурную и социальную среды.

Глобализация с характерным для неё стиранием культурных границ и стремлению к «общему» социокультурному пространству приводит к обесцениванию традиций. В таких условиях человек вынужден постоянно делать самостоятельный выбор, руководствуясь, как правило, личными интересами. Тогда как в предшествующие эпохи именно культурная традиция определяла выбор че-

ловека, влияла на формирование ценностной системы, идеалов и норм, которые были его ориентирами в мире. Такое положение приводит к тому, что разрушается преемственность поколений, обесцениваются значимые для общества ценности (например, семейные), изменяется отношение людей друг к другу, в основе которых чаще всего выгода, польза и личный интерес. Жизнедеятельность современного человека строится на принципах индивидуализма и автономии личности и в меньшей степени обусловливается традициями и культурными нормами.

В связи с этим актуальной становится проблема рассмотрения соотношений понятий «традиция» и «преемственность» в культуре, а также актуализация социальных функций духовно-нравственных традиций в современных условиях.

Научный интерес к исследованию проблем преемственности, традиций и традиционной культуре актуализируется тогда, когда существует необходимость осмысления механизмов укрепления и стабилизации социально-культурных отношений в обществе. Изучению традиции посвящены работы таких учёных, как Э.С. Маркарян, В.В. Аверьянов, А.Г. Здравомыслов, В.Д. Плахов, С.А. Арутюнов и др. В них традиция рассматривается как механизм изменения и воспроизводства культуры в целом или как механизм влияния на различные аспекты жизнедеятельности человека, или как механизм хранения и передачи культурной информации. Исследовательское поле затрагивает различные аспекты изучения традиций. Однако присутствует необходимость осмысления содержательных аспектов понятий «традиция» и «преемственность» в культуре, а также функционирования духовно-нравственных традиций на современном этапе развития культуры.

Цель исследования заключается в анализе сущностных характеристик традиций и преемственности в культуре и выявлении изменений социальных функций духовно-нравственных традиций в условиях современности.

ТРАДИЦИЯ В КУЛЬТУРЕ

Слово «традиция» имеет латинские корни. Глагол tradere означает «передавать». Любое материальное действие – «передача», «вручение», «выдача», «сдача» – обозначалось данным словом. Несколько позже социокультурные явления: «повествование», «преподавание», «предание», «установившееся издавна мнение или привычка», «обучение» – также обозначались словом «традиция». Существительное «традиция» происходит от глагола «trado». Сам глагол обозначает множество действий. Например, отдавать в чьё-то распоряжение, передавать, выдавать, доверять, поручать, возлагать, вверять и др. [1].

В данном случае понятие «традиция» выражает не материальное действие, а материальные отношения. Отношения передачи–оставления–завещания созданных материальных ценностей для пользования–владения–сохранения. Семантические границы понятия «традиция» вполне конкретны и определенны. Традиция – это то, что передаётся индивиду извне. В современном сознании понятие «традиция» ассоциируется с чем-то, что связано с прошлым. Указывается на консервативность традиции, её противопоставление чему-то новому, какому-либо развитию.

Вопрос о возникновении традиции является дискуссионным. Её начало трудно объяснить. Традиция формируется единократно, и в то же время это длительный процесс. «Возникающее из ничего отличается от создаваемого из «чего-то» тем, что оно невоспроизводимо: сотворённое из ничто не имеет в себе ничего такого, что можно было бы повторить» [2, с. 53].

Традиция является основополагающим элементом системы культурного наследия общества. Эту «систему составляют также деятельность общественных институтов, соотношение социальных сил, определённый исторически накопленный и передаваемый от поколения к поколению опыт, ценности, образцы поведения» [3, с. 72].

Отражением социально-культурного наследия является социальная память общества, которая фиксирует наиболее устойчивые социальные достижения общества. Эти достижения позволяют отвечать требованиям каждого поколения. На основе значимого коллективного опыта формируются модели поведения и действий. Таким образом, процесс социокультурной преемственности

обеспечивается концентрацией наиболее значимого опыта, сохраненного в социальной памяти народа. В данном случае формой существования этого процесса является традиция.

С данной позиции, общефилософского понимания, традиция есть универсальное образование, свойственное всем этапам исторического развития общества и присутствующее во всех сферах социального существования.

Анализируя различные подходы к определению «традиции», целесообразно объединить различные концептуальные позиции в группы.

Первую группу определений объединяет нормативный подход. Здесь традиция представляет собой норму, модель поведения и действий (Ю.Н. Сафронов, К.С. Сарингулян, А.Е. Аксёнов, В.Ф. Андреев и др.) [1].

Вторая группа определений подчёркивает роль связей между индивидами. Процесс социализации, в котором традиция занимает важное место, обеспечивает овладение индивидом культурным наследием и приобщение к культурным достижениям предшествующих поколений (В.Б. Власова, А.В. Буланичев, Д.М. Володихин, А.Е. Годин, В.В. Кузнецов и др.).

Третья группа в понимании сущности понятия «традиция» акцентирует вовлечённость данного феномена в систему социальных отношений (В.Д. Плахов, Л.П. Буева, Н.А. Юдина и др.).

Четвёртая группа определений акцентирует внимание на информационной составляющей традиции.

Последний, пятый подход к пониманию традиции наиболее общий. Это системный подход, где традиция выступает коллективным опытом, закреплённым в стереотипных моделях действий и поведения (Э.С. Маркарян, В.А. Глуздов, Н.Л. Новиков и др.).

Представленные подходы позволяют раскрыть разные аспекты традиции, её сущностные характеристики. Однако рассмотрение традиции с какой-то одной позиции не будет достаточным, так как не будет охватывать целостность данного феномена. Понятие «традиция» трудно определить однозначно в силу ряда причин. Во-первых, традиция – это сложный социокультурный феномен, характеризующийся универсализмом. Во-вторых, традиция есть условие исторического развития. В-третьих, традиция – это свойство и механизм развития любой социальной системы. И последнее, традиция – это социокультурный, коллективный опыт общества, отражающий конкретный этап его развития.

Анализ различных подходов к понятию «традиция» позволяет сделать ряд выводов.

«Во-первых, понятие «традиция» относится к категориям общественно-исторического развития. Поскольку в нём отражается содержание коллективного социокультурного опыта и обеспечения механизма воспроизводства и изменений в развитии» [4] общества.

Во-вторых, существующие в обществе ценности и отношения определяют зарождение и развитие традиции.

В-третьих, сущностными характеристиками традиции являются стабильность и воспроизводимость, длительность и устойчивость существования.

В-четвёртых, традиции определяют смысл жизни человека. К традиционным ценностям мы относим ценности Любви, Истины, Добра. Человек волей или неволей всегда причастен к традиции.

Понятие «традиция» используется в категориальном аппарате многих социально-гуманитарных научных направлений. Каждое из них по-своему интерпретирует традицию и использует данное понятие. Но одно свойство данного понятия остаётся неизменным и универсальным. Традиция понимается как действия по образцу, которые повторяются из поколения в поколение. В этом суть традиции.

Исследование традиций в различных направлениях научной мысли вносит большой вклад в понимание целостности этого социокультурного феномена. История культуры изучает культурные традиции в различных аспектах. В том числе через мораль, нравственность, семью, искусство и т. п. Именно культурологический подход, по нашему мнению, будет способствовать более глубокому раскрытию исследуемой в статье темы. В культурологии традиция – это элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определённых обществах и

социальных группах в течение длительного времени.

Традиция представляет собой опыт культурной деятельности предшествующих поколений, закреплённый в стереотипах мысли, представлений, норм и поведения. Эта точка зрения прослеживается в работах Э.С. Маркаряна. Причём культурная традиция закрепляет в стереотипах любой социально значимый опыт. В зависимости от места и времени опыт затем воспроизводится в группах. Изменение культурной традиции представляется как постоянное взаимодействие между стереотипом (опытом) и инновацией (новшеством) [5].

Рассмотренные выше теории относительно изучения феномена традиции можно отнести к так называемому деятельностному подходу.

Однако традицию можно и нужно исследовать в рамках антропологического подхода. Такой подход может объяснить место традиции во взаимосвязи различных форм сознания и непосредственной деятельности. Все формы сознания являются отражением объективной реальности. Так, на уровне индивидуального сознания не только отражаются объективные условия и факторы общественной жизни, но и интерпретируется коллективный опыт.

«Социокультурная детерминация обеспечивает единство множественности» [6] «индивидуальной интерпретации в пределах одной культуры. С одной стороны, культурная традиция формирует личность. Определяет стереотипы сознания и деятельности личности. С другой стороны, субъективная основа развития самих традиций складывается из стереотипов сознания» [7].

Подводя итог, анализу сущности понятия «традиция» следует отметить следующие моменты.

В культурной традиции концентрируется наиболее значимый коллективный опыт. Он сохраняется и отражается в доминирующих формах деятельности. Поэтому изучение культурных традиций требует анализа ценностных приоритетов развития того или иного общества.

Традиция есть сложный механизм преемственности культуры. Он обеспечивает устойчивость социума и его адаптацию к новым условиям бытия.

Традиция как элемент культуры обладает содержательным ценностным потенциалом. В этом смысле традиция выступает как аксиологическая категория. Ценностным ядром традиции, её духовной составляющей является духовно-нравственная традиция. Именно духовно-нравственные традиции составляют духовный стержень общества, сохраняющийся в разных исторических обстоятельствах. Эти так называемые прогрессивные традиции крайне важны в формировании нравственности. По мнению Я.Л. Харапинского, к их числу относятся дружба, трудолюбие, патриотизм, гуманизм и т. п. Нормы нравственного поведения и общечеловеческой морали задаются духовно-нравственными традициями [8].

Таким образом, духовно-нравственные традиции можно представить как специфическую форму жизненно важных, экзистенциональных ценностей. Они образуют органическую систему и обеспечивают связь между поколениями, настоящим и прошлым. Это происходит посредством механизма сохранения, передачи и актуализации культурного опыта.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В КУЛЬТУРЕ

Исследование культуры как социального явления даёт возможность раскрыть закономерности последовательного развития общества и выявить в нём роль преемственности. Преемственность относится к числу достаточно сложных для изучения проблем, которым не только представлены основные взаимосвязи разных позиций, но и обнаруживаются противоречия и единство двух его взаимосвязанных сторон. Ракурс отбора и методы усвоение созданного диктуются уровнем эпохи, развитием образования, способами деятельности и прочими показателями, определяющими характеристики социального прогресса. То есть сама преемственность не означает механистическое использование культурного наследия – ценностей, созданных прошлыми поколениями. Критический анализ при отборе, творческое преобразование, то есть новаторство становится условием и верным протеканием преемст-

венности. Общество, наследуя громадные ценности, ранжирует их в соответствии с собственными потребностями, используя в новом поколении лишь ту часть, которая наиболее полно отвечает современным запросам.

В связи с этим понятия преемственности и традиции разграничиваются достаточно определённо. Понятие «преемственность» относится к общефилософским категориям, оно является методологическим основой для всех без исключения отраслей и наук. Наследие же предполагает совершенно иные параметры, то есть массу созданных ценностей, субъектов наследия, которые вольны их использовать (или не использовать), при этом предполагается, что наследователь понимает закономерности преемственности и способен творчески использовать их, развивая себя, общество и культуру.

Подобная смысловая окраска характеризует культурное наследие как совокупность связей, отношений и результатов материального и духовного производства прошлых исторических эпох, а в более узком смысле – как совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, подлежащих критической оценке и использованию в соответствии с конкретно-историческими задачами современности [9].

Преемственность проявляет себя во всех сферах человеческой деятельности, что ярко просматривается в исторических типологиях культуры. О. Тоффлер, разрабатывая типологию культурно-исторических моделей, обосновал механизм преемственности как некий базовый принцип, в качестве какового рассматривает способ производства. Именно он и является главным определителем модели культурно-исторического типа. Именно на нём и формируются культурообразующие религии, язык, история, хозяйство и другие признаки типа. Именно он (способ производства) определяет динамику развития типа, именно он, несмотря на широкий спектр культур, объединяет их воедино. О. Тоффлер подчёркивает, что все культуры проходят примерно одинаковый путь развития, на чём складывается убеждение в его закономерности. Все культуры, по его интерпретации, можно рассматривать и объединить их в три больших направления. Анализируя все базовые черты, утверждается, что способ производства становится главным преемственным механизмом, который, изменяясь, вбирает в себя предыдущие достижения человеческого гения, оставляет в нём наиболее приемлемые аспекты, видоизменяя те, которые должны измениться под воздействием новых технологий, оборудования. При этом практически неизменными и потому стабильными в преемственности оказываются такие человеческие качества, как талант, трудолюбие, работоспособность, воля и др., что обеспечивает успешность и деятельности и осуществление преемственности. При этом совершенствуется и накапливается производственный опыт человечества, который становится концентрацией созданного прежде, его переосмысливания и создаваемого вновь. Это приводит к тому, что новое поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности [8]. Именно подобная передача накопленного опыта обеспечивает социальный прогресс и прогресс культуры, то есть приводит к жизни постоянную трансформацию традиций в новации.

Традиция и новация – извечная проблема культуры. Гармоничное её протекание необходимо для всех отраслей – науки, искусства, религии – основных конструкций духовной составляющей культуры. Достаточно сказать, что в них присутствует ряд так называемых «сквозных» проблем, которые рассматриваются всеми указанными компонентами. К числу подобных относится проблема исследования причин сотворения мира (вселенной, человека, природы). Решая её, каждое направление использует свои методы, разъясняющие эти феномены, одновременно с этим используются сходные методологии. «Вечные» проблемы присутствуют и в каждой из других сфер духовной культуры. Искусство каждой эпохи по-своему решает эти проблемы, но они вновь и вновь встают перед каждым следующим поколением, волнуют сердца людей и требуют своего художественного осмысления с позиций новой исторической эпохи. При этом зачастую меняются формообразующие признаки, но содержательный аспект, накал человеческих стра-

стей, способы их реализации остаются сходными. То есть сами люди, вечные ценности, определяющие их ментальность, способы разрешения проблем являют собой яркий пример преемственности, стабильности психологии человеческого вида.

Таким образом, вышесказанное позволяет утверждать, что преемственность – исходный механизм развития социума и культуры, именно она обеспечивает его развитие и достижение новых уровней.

Механизм преемственности подвержен множеству изменений, определённой коррозии, которую следует вовремя заметить и, по возможности, устранить. Преемственность – это длительный процесс, и само существование во времени изменяет отношение к ценностям, способам производства, идеалам и др. Характер этих изменений и отношений к ним и определяет характеристики преемственности. В ней подразделяют прогрессивный и реакционный периоды. Каждое новое явление, независимо от сферы своего проявления, стремится не только помочь общественному развитию, но и дать ему новые или значительно интерпретированные прежние ценности. При этом, чтобы стать явлением, событие должно вовлечь в процессы своего осуществления значительное число людей, социальных институтов, выстроить обеспечивающую продолжительность существования философию-идеологию и, как следствие этого, обеспечить в обществе популярность сформулированных идей. На достаточно продолжительном отрезке времени новшества на самом деле обеспечивают осуществление социального и культурного прогресса. Независимо от ценности явления, люди, социальные институты, включённые в него, приобретают новые знания, развивают новые способности, то есть вступают в творческие процессы, которые, безусловно, должны оцениваться как позитив. Преемственность в своём позитивном звучании обеспечивает значительное творческое напряжение, количественное увеличение творческих процессов, что ведёт за собой революционный переход на новый уровень. Для обеспечения его привлекаются наиболее совершенные технологии, готовятся достойные высокообразованные профессионалы, создаётся значительное число произведений, совершается ряд открытий и др. То есть объективные показатели качественного перехода налицо. Позитивная форма преемственности, таким образом, выполняет ряд социальных функций – развивает творческие способности значительного числа людей, способствует повышению их образовательного уровня, приводит к появлению новых социальных институтов, то есть новых формообразующих культурных структур, обеспечивает цепь открытий, изобретений в определённой отрасли или сходных отраслях. При этом идеи, существовавшие прежде на уровне предположений, быстро трансформируются в жизнеспособные системы и активно включаются в социальные процессы. Но любой процесс имеет начало и конец. То же самое наблюдается и в характере преемственности. В том случае, если обеспечивающие прежде успех механизмы сохраняют стабильность, она (стабильность) превращается в косность и начинает тормозить процессы развития. Насильственно удерживаемые технологии, формы не соответствуют изменившимся условиям, более того, они перестают соответствовать новым развившимся способностям людей, в результате чего последние теряют интерес к деятельности, творчеству, что приводит к регрессу развития.

Реакционная характеристика преемственности как раз и являет собой удержание не соответствующих времени ценностей, придание им гиперболизированного значения, навязывание их значительному числу людей. Естественно, что подобное положение не может продолжаться долгое время, оно отвергается обществом достаточно решительно, что приводит к резкому их отторжению, социальным потрясениям, нестабильности в тех сферах, в которых это происходит. Таким образом, реакционная преемственность есть затухание социального и культурного прогресса.

Прогрессивная и реакционная характеристики преемственности – закономерности, которые можно наблюдать в каждом явлении, жизни любого социального организма, жизнедеятельности человека и др. В зависимости от числа задействованных в нём людей острота перехода от одного перехода к другому более выпукла или сглажена. Здесь нужно отметить, что в целом общество стре-

мится к гармоничной трансформации одних форм преемственности в другие, так как любое социальное потрясение несёт в себе разрушение и не может рассматриваться как желательное. Гармоничное протекание преемственности возможно в случае своевременной замены отживших элементов другими. Именно это и обеспечивает насыщение общества творчеством, творческими людьми, оптимальный режим протекания социального и культурного прогресса.

Преемственность имеет определённые формы своего существования: позитивную и негативную. Новый этап развития – обязательное использование созданного прежде, то есть опора на ранее достигнутые результаты. Так происходит и тогда, когда эти результаты сохраняются новым поколением, и в тех случаях, когда они им отбрасываются. В сохранении ранее достигнутого выражается позитивная форма преемственности. Позитивная форма преемственности есть сохранение ранее созданного в неизменном, то есть первоначальном, виде. Подобные ценности не требуют дополнительного доказательства, они неизменная ценность, которая приобретает статус аксиомы. Они те самые опоры (законы), которые поддерживают свод конструкции. В духовно-нравственной области также присутствуют неизменные ценности, которые становятся значимыми для каждого нового поколения. Многие из них имеют ценность для всего человечества, именно они позволяют представителям разных национальностей находить общий язык, родственные интересы, часть из них обладает выраженными национальными характеристиками, цементирующими структуры национальных культур.

То же самое мы наблюдаем и в негативной форме преемственности. Здесь следует особо отметить, что в данном случае негативная не означает «плохая», «отрицательная». Этот термин обозначает, что, опираясь на ранее достигнутые результаты, культура использует не только положительное, что достигнуто в прошлом. Известны многочисленные случаи, когда те или иные выводы, считавшиеся на протяжении веков бесспорными, затем отбрасывались как опровергнутые ходом дальнейшего развития знания [10]. Краеугольным камнем определения формы преемственности здесь является оценка прежних знаний, которые, соотносясь с новыми достижениями, признаются неверными. Но, одновременно с этим именно они – база для развития новой точки зрения. Поэтому признание ошибочности предшествующего развития – ступень для формирования нового уровня, новой теории. Это и есть негативная форма преемственности. Критическое преодоление неверных представлений – необходимый момент в развитии культуры, характеризующий негативную преемственность. Таким образом, в процессе культурного наследования что-то полностью отбрасывается, а что-то либо полностью, либо частично сохраняется и используется новыми поколениями.

В процессе преемственности используются разные каналы передачи ценностей, которые также являются формообразующими признаками. Прямая форма преемственности предполагает передачу ценностей «из уст в уста», что характерно для устной традиции, передачи ценностей от родителей детям, духовных наставников – ученикам и др. Нужно отметить, что более всего подобная форма свойственна традиционным формам культуры, где мало развиты средства коммуникации. Одновременно с этим переоценить значение подобной формы невозможно, если речь идёт о семейном воспитании, где ценности не фиксируются, а лишь присутствуют в ментальных и бытовых традициях, которые и создают особый мир, уклад, чувство «домашнего очага», определяют приверженность к дому всех его членов.

Косвенная форма преемственности наиболее развита в современном обществе. Она предусматривает существование между объектом и субъектом определённого транслятора – посредника, в качестве которого может выступать книга, массовая информация и др. Косвенная форма предполагает собственное осмысление полученных знаний и интерпретацию их в соответствии с наличным уровнем культуры, образованности, воспитанности человека. В данном случае усвоение знаний идёт по несколько иному пути, в процессе которого присутствуют большая степень творческой свободы, нерегламентированные временные позиции, отсутствует личностное влияние и др. И та, и

другая форма преемственности значима в конкретных ситуациях, при этом они часто дополняются друг другом.

Вертикальная и горизонтальная формы преемственности характеризуют её существование во временных параметрах. При этом вертикальная форма предполагает передачу ценностей из поколения в поколение в достаточно длительных исторических или других (эпохальных) периодах, горизонтальная же форма предполагает передачу ценностей в рамках одного времени и соответствует по сущности распространению знаний или ценностей в рамках конкретного времени. Традиция – важный элемент закономерного процесса преемственности. Присутствие традиций обеспечивает постепенное социокультурное развитие. Кроме того, традиция в процессе преемственности допускает критический анализ и избирательное использование созданных ценностей, своевременное обновление утративших своё значение элементов, расширение человеческого культурного арсенала и обеспечивает систематическое творческое развитие личности.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ

Духовно-нравственная традиция тесно связана со всеми сторонами социальной жизни общества. Она является отражением нравственной стороны бытия. Как уже говорилось выше, традиция, в том числе и духовно-нравственная, объединяет в себе как универсальные «(общечеловеческие) ценности, так и этнические (национальные) ценности личности и социальной группы, учитывает социально-экономические условия их жизни» и специфические особенности исторического развития.

Важнейшей функцией, которую выполняет духовно-нравственная традиция в обществе, – это обеспечение культурной преемственности. Традиция формирует и сохраняет устойчивые связи прошлого с настоящим и будущим «прошлое – настоящее – будущее». Духовная культура общества, этноса, зарождаясь, формируется и развивается каждым последующим поколением. Не бывает так, что каждое новой поколение начинает всё сначала. Язык, этнические традиции, народные танцы, празднично-обрядовая культура, фольклор и т. п. составляют специфику духовной культуры этноса. Это своеобразие определяет мировоззрение, мироощущение и миропонимание этноса, выступает действенным средством воспитания и формирования этнической идентичности.

На первых этапах человеческой истории регуляторами жизни и поведения выступали обычаи. Обычаи лишь предписывали заданные модели действий, поскольку не отражали причинно-следственной связи между действиями и духовными качествами. Когда это осознание пришло, то стали возникать духовно-нравственные традиции. Они отличались от первых обычаев тем, что предписываемые ими действия реализуют соответствующее нравственное отношение. Кроме того, духовно-нравственные традиции выступают «как средство формирования духовных и физических качеств, необходимых для реализации этого отношения, и даже используются сознательно. Например, обычай поровну делить пищу между членами рода, соблюдая утвердившийся обычай» [5, с. 83] распределения добычи, можно назвать сохраняющий. Обычай воспитания систематического и сознательного бережного отношения к младшему или больному, отдавая ему лучшую пищу, уже можно назвать формирующим.

Интенсивное развитие духовно-нравственных традиций началось с укрепления семьи как социального института. Семейное воспитание было основополагающим в вопросе привития духовно-нравственных традиций. Родители готовили своих детей к самостоятельной жизни, передавая им трудовые навыки и свой опыт. Вместе с этим прививалось такое отношение, что прокормить нужно будет не только себя, но и обеспечить старость своих родителей. В этом случае воспитание предполагало формирование важных духовных качеств: сыновний долг, любовь к труду, забота о немощных, великодушие. Необходимые духовно-нравственные традиции формировались намеренно, поступки, противоречащие им, осуждались, кроме того, подрастающее поколение ставилось в такие жизненные ситуации, которые требовали выработки правильного поведения. Нормы морали не просто регулировали нравственные отношения, а становились

программой нравственного воспитания подрастающего поколения.

В традиционном обществе сформировалась модель воспитания на традициях. Именно в семье традиции развивались, закреплялись и дополняли систему уже существующих обычаев жизни. Обычаи эти, как правило, были связаны с трудовой деятельностью. Само воспитание не было самостоятельным процессом, оно было включено в реальную жизнедеятельность семьи. Семейные отношения и трудовая деятельность семьи (речь идёт, прежде всего, о крестьянской семье) были основными воспитательными средствами.

В рамках устного народного творчества шёл процесс закрепления и передачи основных духовно-нравственных традиций. Например, в пословицах мы можем найти качества народного идеала личности: «Хорошая голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит», «У хорошего человека всё в меру», «За хорошего человека держаться – ничего не бояться», «Всякая птица в своей стае хороша» и др. Пословицы о качествах, одобряемых народом и презираемых им пороков, например, «У него язык как бритва», «Говорит красно, да слушать тошно», «За всё берётся, да не всё удаётся», «Не искал бы в селе, а искал бы в себе», «Глазами плачет, а сердцем смеётся» и др. В фольклоре всегда отражались наиболее существенные для той или иной исторической эпохи ценности, на которые был направлен процесс нравственного воспитания. В пословицах мы находим требования уважительного отношения к старшим, родителям, возвышение ценности семьи, дружбы в семье, восхваление трудолюбия, осуждение лени и др. Понятия о чести и бесчестии, справедливости, достоинстве и долге, образы героев, на которых нужно было равняться, также можно найти в устном народном творчестве [11].

Таким образом, сохранение и обеспечение преемственности есть первостепенная функция духовно-нравственной традиции.

Как уже было отмечено, преемственность связывает элементы прошлого и настоящего во всех сферах человеческого бытия. Сущность преемственности заключается в сохранении социокультурной целостности. Поддерживая связь между прошлым и будущим, преемственность обеспечивает целостность системы. Каждое поколение начинается с усвоения духовно-нравственных ценностей, накопленных предшествующими поколениями. Усвоенные духовно-нравственные ценности осваиваются и переосмысливаются. Преемственность всегда предполагает создание новых духовно-нравственных ценностей и качеств. Сохраняются и закрепляются только наиболее значимые ценности и достижения культурного наследия. А старые, вторичные и невостребованные элементы культурного опыта отбрасываются и перестают существовать. Общественно-историческая практика как основа познавательной деятельности человека создаёт объективные условия и закономерности для исторической преемственности. Действительно, в различные исторические эпохи появляются и господствуют различные представления о справедливости и несправедливости, добре и зле.

Духовно-нравственная культура оказывает существенное влияние на развитие материальной жизни общества и сама испытывает такое влияние. Духовно-нравственная культура предполагает творческую деятельность. А это значит, что нравственное наследие прошлого не просто репродуцируется, а творчески осваивается. Духовно-нравственные ценности критически осваиваются, развиваются и используются в соответствии с объективными критериями общественного прогресса и конкретно-историческими задачами социально-культурной реальности. Именно поэтому изучение прошлого своей культуры позволяет более глубоко понять наиболее актуальные проблемы современности. Д.С. Лихачёв по этому поводу говорил следующее: «Мы должны поставить памятники культуры прошлого на службу будущему. Ценности прошлого должны стать активными участниками жизни настоящего, нашими боевыми соратниками... Одно из важнейших свидетельств прогресса культуры – развитие, понимание культурных ценностей прошлого и культур других национальностей, умение их беречь, накапливать, воспринимать их эстетическую ценность» [12, с. 163].

Основной характеристикой духовно-нравственной традиции является преемственность, которая способствует не только об-

новлению общественных отношений, но и их воспроизводству и изменению.

Функция ценностно-нормативной ориентации и управления поведением людей также является немаловажной функцией духовно-нравственной традиции. Традиционно организация функционирования традиций в жизни этноса осуществлялась старшими поколениями. Утверждение и воспроизведение в сознании людей общепринятых эталонов поведения осуществлялись благодаря нормативной функции духовно-нравственных традиций. Нравственная традиция как норма определяет закономерности функционирования, управления и развития социокультурными процессами. По мнению В.Д. Плахова, «нормы» выступают своеобразным приказом для системы человеческих отношений. Духовно-нравственные традиции выступали устойчивыми регуляторами группового поведения. В них органично соединяются не только стереотипы поведения конкретной общности людей, но и отражаются их эмоции, чувства, состояния. То есть духовно-нравственные традиции участвовали в формировании менталитета этноса» [9].

Обеспечение устойчивости изменяющихся и развивающихся социальных отношений в образе жизни этноса – ещё одна функция духовно-нравственных традиций. Как уже было сказано выше, одной из сущностных характеристик традиции является её стереотипная форма. Становясь стереотипами, те или иные модели поведения поддерживаются с помощью общественного мнения. Духовно-нравственные традиции обретали устойчивость, становились своего рода хранителями, механизмом передачи образа жизни старших молодому поколению. Это качество духовно-нравственных традиций определило их роль в истории [10] этнической культуры. Соблюдение каждым новым поколением этнических обычаев обеспечивало воспроизведение социальных отношений по закреплённым стандартам.

Кроме сохранения устойчивости общественных отношений, духовно-нравственные традиции выполняют функцию их фиксации. Это означает следующее, что в образе жизни каждого нового поколения воспроизводились социальные отношения и образ жизни прошлых поколений. Эта функция позволяет отвергать бессистемные, неорганизованные случайные социальные отношения, лишённые какой-либо закономерности в развитии.

Духовно-нравственная традиция способна выполнять функцию конструирования (системообразования) социума, которая объединяет в себе ряд подфункций: «коммуникативную, информационную, интегративную функции. Если учесть, что термин «коммуникация» синтезирован из понятий «связь», «информация» и канала её передачи, то для уяснения интересующей нас функции традицию необходимо рассмотреть во всех этих проявлениях. Коммуникативная функция или функция социальной связи выполняется духовно-нравственной традицией имманентно. То есть духовно-нравственная традиция есть объективный закон, определяющий систему социальных отношений» [13]. С другой стороны, коммуникация предполагает субъективную деятельность. Здесь социальная связь обеспечивается механизмом соблюдения обычая, ритуала и воплощается в моделях действий, поступках и поведении.

Информационная функция духовно-нравственной традиции заключается в аккумулировании духовно-нравственного опыта человечества. Особенно это актуально для традиционного общества, где отсутствовали письменные формы закрепления и передачи информации. Сохранение и передача жизненного, житейского, повседневного опыта осуществлялись в форме сказаний, обычаев, ритуалов, праздников и т. п.

Интегративная функция духовно-нравственной традиции заключается в её способности быть основой, базисом для объединения, интеграции людей в группы, сообщества. Как известно, одним из оснований складывания этноса является общность норм, верований, правил.

Перечисленные выше функции духовно-нравственных традиций можно отнести к «общеродовым» функциям. Это функции, которые основаны на общесистемных процессах и закономерностях. В определённых условиях они приобретают специфические особенности. Но можно выделить и так называемую культурообразующую функцию духовно-нравственной традиции. Духовно-нравственные традиции выполняют воспитательную функцию. На протяжении всей жиз-

ни человек находится под влиянием духовно-нравственных традиций. Они участвуют в формировании картины мира, определяют ценностную иерархию личности, ценностные идеалы и ориентиры, влияют на чувства, эмоции, убеждения, мотивы поведения и мн. др. То есть духовно-нравствен-ные традиции включены в процесс формирования личности. Духовно-нравственные традиции закладывают нравственный фундамент, и уже на его основании индивид вырабатывает модели своего поведения в семье, обществе. Это и есть сущность воспитательного воздействия духовно-нравственных традиций. Обычаи, обряды, ритуалы и праздники выступают здесь как значимые формы воспитания и привития нравственных качеств личности.

Функционально духовно-нравственная традиция представляется как механизм истории. То есть обеспечивает связующую цепочку прошлое – настоящее – будущее:

– накопление и передача духовно-нравственного опыта. Это является гарантией непрерывного поступательного развития общества на протяжении длительного исторического времени;

– обеспечение приобщения индивидов и групп к социуму;

– установление через традицию стереотипных моделей действий людей.

Таким образом, в постоянно изменяющихся объективных условиях духовно-нравственная традиция регулирует человеческую деятельность. Она задаёт устойчивые нравственные ориентиры отношения к реальности, действия и поведения.

ВЫВОДЫ

В культурной традиции концентрируется наиболее значимый коллективный опыт. Он сохраняется и отражается в доминирующих формах деятельности. Поэтому изучение культурных традиций требует анализа ценностных приоритетов развития того или иного общества. Традиция есть сложный механизм преемственности культуры. Он обеспечивает устойчивость социума и его адаптацию к новым условиям бытия.

Присутствие традиций обеспечивает постепенное социокультурное развитие. Кроме того, традиция в процессе преемственности допускает критический анализ и избирательное использование созданных ценностей, своевременное обновление утративших своё значение элементов, расширение человеческого культурного арсенала и обеспечивает систематическое творческое развитие личности.

Традиция как элемент культуры обладает содержательным ценностным потенциалом. В этом смысле, традиция выступает как аксиологическая категория. Ценностным ядром традиции, её духовной составляющей является духовно-нравственная традиция.

Духовно-нравственные традиции можно представить как специфическую форму жизненно важных, экзистенциональных ценностей. Они образуют органическую систему и обеспечивают связь между поколениями, настоящим и прошлым. Это происходит посредством механизма сохранения, передачи и актуализации культурного опыта.

Анализ и систематизация функций духовно-нравственных традиций позволяют говорить о том, что они представляют собой систему, обеспечивающую социальную стабильность и воспроизводство социума. В этой системе целесообразно выделить ряд функций духовно-нравственных традиций. К ним относятся: обеспечение ценностно-нормативной ориентации; управление поведением людей; устойчивость изменяющихся и развивающихся отношений в образе жизни этноса; информационная; интегративная; коммуникативная; воспитательная. Функция обеспечения ценностно-нормативной ориентации была определена в статье как системообразующая, поскольку определяет направленность становления духовности человека.

Список источников

1. Возвращение к истокам / материал подгот. Ю.Г. Шпаковский // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 (54). С. 221-228.
2. *Захарченко М.В.* Традиция в истории: опыт типологической интерпретации. СПб.: СПбГУПМ, 2002. 192 с.

3. *Даминдарова Ф.В.* Духовно-нравственная традиция в социокультурном развитии. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. 223 с.
4. *Мутушев А.А.М.* Модификация подходов к понятию «традиция» в социально-историческом процессе: социально-философский анализ // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 12. С. 205-211.
5. *Гранин Ю.Д.* Этносы, национальное государство и формирование российской нации: опыт философско-методологического исследования. М.: Ин-т философии РАН, 2007. 167 с.
6. *Громова А.Ю.* К вопросу о трактовке понятия «традиция» в современной культурологии // Система ценностей современного общества. 2010. № 10-2. С. 59-63.
7. *Лавринова Н.Н.* Ценностные аспекты информационного общества // Социосфера. 2020. № 4. С. 9-11.
8. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А.Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008. 543 с.
9. *Черных И.А.* Культурная традиция и духовная традиция: особенности взаимодействия // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2020. № 11 (41). С. 219-222.
10. *Лурье С.В.* Историческая этнология. Гл. 7. Культурная традиция и этнос. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lyrie/ (дата обращения: 01.10.2021).
11. *Зокиров С.И.* Место нравственности в современном обществе // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. 2019. № 1. С. 56-59.
12. *Лихачёв Д.С.* Прошлое – будущему: ст. и очерки. Л.: Наука, 1985. 575 с.
13. *Светлов П.Н.* Социальная функция этнических традиций в истории // Вестник Чувашского университета. 2007. № 4. С. 102-107.

References

1. Shpakovskiy Y.G. (material preparation). Vozvrashcheniye k istokam [Back to roots]. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA) – Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, no. 2 (54), pp. 221-228. (In Russian).
2. Zakharchenko M.V. *Traditsiya v istorii: opyt tipologicheskoy interpretatsii* [Tradition in History: The Experience of Typological Interpretation]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University of Pedagogical Excellence Publ., 2002, 192 p. (In Russian).
3. Damindarova F.V. *Dukhovno-nravstvennaya traditsiya v sotsiokul'turnom razvitii* [Spiritual and Moral Tradition in Sociocultural Development]. Ufa, Editorial and Publishing Center of BSU, 2011, 223 p. (In Russian).
4. Mutushev A.A.M. Modifikatsiya podkhodov k ponyatiyu «traditsiya» v sotsial'no-istoricheskom protsesse: sotsial'no-filosofskiy analiz [Modification of approaches to the concept of "tradition" in the socio-historical process: socio-philosophical analysis]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya – Socio-Humanitarian Knowledge*, 2019, no. 12, pp. 205-211. (In Russian).
5. Granin Y.D. *Etnosy, natsional'noye gosudarstvo i formirovaniye rossiyskoy natsii: opyt filosofsko-metodologicheskogo issledovaniya* [Ethnoses, National State and Formation of Russian Nation: The Experience of Philosophical and Methodological Research]. Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences Publ., 2007, 167 p. (In Russian).
6. Gromova A.Y. K voprosu o traktovke ponyatiya «traditsiya» v sovremennoy kul'turologii [On the question of the interpretation of "tradition" concept in modern cultural studies]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [The Value System of Modern Society], 2010, no. 10-2, pp. 59-63. (In Russian).
7. Lavrinova N.N. Tsennostnyye aspekty informatsionnogo obshchestva [Value aspects of the information society]. *Sotsiosfera – Sociosphere*, 2020, no. 4, pp. 9-11. (In Russian).
8. Gofmana A.B. (ed.). *Traditsii i innovatsii v sovremennoy Rossii. Sotsiologicheskiy analiz vzaimodeystviya i dinamiki* [Traditions and Innovations in Modern Russia. Sociological Analysis of Interaction and Dynamics]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 543 p. (In Russian).
9. Chernykh I.A. Kul'turnaya traditsiya i dukhovnaya traditsiya: osobennosti vzaimodeystviya [Cultural tradition and spiritual tradition: features of interaction]. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalya – Vestnik Lugansk Vladimir Dahl State University*, 2020, no. 11 (41), pp. 219-222. (In Russian).
10. Lurye S.V. *Istoricheskaya etnologiya. Gl. 7. Kul'turnaya traditsiya i etnos* [Historical Ethnology. Pt 7. Cultural Tradition and Ethnos]. (In Russian). Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lyrie/ (accessed 01.10.2021).

11. Zokirov S.I. Mesto nravstvennosti v sovremennom obshchestve [The place of spirituality in modern society]. *Izvestiya Instituta filosofii, politologii i prava imeni A. Bakhovaddinova Akademii nauk Respubliki Tadzhikistan – News of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A.Bahovaddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan*, 2019, no. 1, pp. 56-59. (In Russian).
12. Likhachev D.S. *Proshloye – budushchemu: stat'i i ocherki* [The past – the Future: Articles and Essays]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, 575 p. (In Russian).
13. Svetlov P.N. Sotsial'naya funktsiya etnicheskikh traditsiy v istorii [The social function of ethnic traditions in history]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of the Chuvash University*, 2007, no. 4, pp. 102-107. (In Russian).

Информация об авторах

Лавринова Наталия Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры культуроведения и социокультурных проектов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-9122-6184, natlavrinova@yandex.ru

Вклад в статью: идея, поиск и анализ литературы, написание текста статьи.

Чеботарёв Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой сценических искусств, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3963-6180, serzh.chebotarev.tsu@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, поиск и анализ литературы, написание введения статьи.

Кожевникова Татьяна Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, декан факультета культуры и искусств, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-7447-2690, tsu-igsko2015@mail.ru

Вклад в статью: поиск и анализ литературы, написание заключения статьи, окончательное редактирование.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 08.11.2021
Одобрена после рецензирования 21.02.2022
Принята к публикации 24.02.2022

Information about the authors

Natalia N. Lavrinova, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Cultural Studies and Social and Cultural Projects Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-9122-6184, natlavrinova@yandex.ru

Contribution: idea, literature search and analysis, manuscript text drafting.

Sergey A. Chebotarev, Candidate of History, Acting Head of Performing Arts Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-3963-6180, serzh.chebotarev.tsu@mail.ru

Contribution: study conception, literature search and analysis, manuscript introduction drafting.

Tatyana M. Kozhevnikova, Candidate of Economic, Associate Professor, Dean of Faculty of Culture and Arts, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-7447-2690, tsu-igsko2015@mail.ru

Contribution: literature search and analysis, manuscript conclusion drafting, final editing.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 08.11.2021
Approved after reviewing 21.02.2022
Accepted for publication 24.02.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

РЕЦЕНЗИЯ
REVIEW

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ
УДК 655.552
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-193-198

Лингвоэкспертология: актуальные издания 2021 года

Елена Станиславовна КАРА-МУРЗА
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», факультет журналистики;
Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам «ГЛЭДИС»
125009, Российская Федерация, г. Москва, ул. Моховая, 9, стр. 1
✉ kara-murza-elena@yandex.ru

Аннотация. Предложена информация о выходе двух новых книг известных учёных и ведущих российских лингвистов-экспертов. Это первый в России учебник «Судебная лингвистическая экспертиза» Е.И. Галяшиной (М.: Проспект, 2021. 424 с.), который отражает теорию и практику судебной лингвистической экспертизы. Изложение всех разделов книги отвечает требованиям федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности «Судебная экспертиза». Учебник адресован студентам, аспирантам и преподавателям российских вузов как юридических, так и филологических специальностей, всем, кто причастен к судебно-экспертной деятельности (судьям, работникам прокуратуры, адвокатам), одновременно книга будет интересна широкому кругу работников СМИ: журналистам, редакторам, издателям. Вторая книга – научно-информационное издание «ГЛЭДИС в цифровом пространстве» (М.: ИПЦ «МАСКА», 2021. 176 с.) М.В. Горбаневского (основателя и бессменного руководителя ГЛЭДИС) и Г.Н. Трофимовой (многолетнего заместителя председателя правления ГЛЭДИС) рассказывает о важной научно-исследовательской, экспертной, издательской, просветительской и информационной деятельности Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам в эпоху интенсивного развития интернет-технологий. Подробно освещается содержательная и постоянно обновляющаяся структура общедоступного веб-сайта Гильдии (www.rusexpert.ru), который может быть полезен любому читателю.

Ключевые слова: первый учебник, судебно-лингвистическая экспертиза, ведущие российские лингвисты-эксперты, цифровое пространство

Для цитирования: *Кара-Мурза Е.С.* Лингвоэкспертология: актуальные издания 2021 года // Неофилология. 2022. Т. 8, № 1. С. 193-198. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-193-198

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

OPEN ACCESS

© Кара-Мурза Е.С., 2022

BOOKS REVIEW
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-1-193-198

Linguoexpertology: current editions of 2021

Elena S. KARA-MURZA
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism;
Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes (GLEDID)
Bldg 1, 9 Mokhovaya St., Moscow 125009, Russian Federation
✉ kara-murza-elena@yandex.ru

Abstract. Information about the release of two new books by well-known scientists and leading Russian linguists-experts we offered. This is the first textbook in Russia "Forensic linguistic expertise" by E.I. Galyashina (Moscow, Publishing House "Prospect", 2021, 424 p.), which reflects the theory and practice of forensic linguistic expertise. The presentation of all sections of the book meets the requirements of the federal state educational standard of higher professional education in the specialty "Forensic examination". The textbook is addressed to students, post-graduate students and teachers of Russian universities of both legal and philological specialties, to everyone involved in forensic expert activity (judges, prosecutors, lawyers), at the same time the book will be of interest to a wide range of news media workers: journalists, editors, publishers. The second book is the scientific and informational publication "GLEDID in the digital space" (Moscow, CPI "MASK", 2021, 176 p.) by M.V. Gorbanevsky (founder and permanent head of GLEDID) and G.N. Trofimova (long-term Deputy Chairman of the Board of GLEDID) talks about the important research, expert, publishing, educational and informational activities of the Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes in the era of intensive development of Internet technologies. The informative and constantly updated structure of the Guild's public website is covered in detail (www.rusexpert.ru), which can be useful to any reader.

Keywords: first textbook, forensic linguistic expertise, leading Russian linguistic experts, digital space

For citation: Kara-Murza E.S. Lingvoekspertologiya: aktual'nyye izdaniya 2021 goda [Linguoexpertology: current editions of 2021]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 193-198. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-193-198 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
OPEN ACCESS

С 90-х гг. XX века в России активно развивается прикладная отрасль лингвистики, которая обеспечивает теорию и методику производства судебных лингвистических экспертиз (СЛЭ). Формировалась она под разными названиями: лингвокриминалистика, юрислингвистика, судебное речеведение, правовая или судебная лингвистика; всё чаще используется термин «лингвоэкспертология», который хорошо соотносится с новым обозначением теории судебной экспертизы как прикладной отрасли юридической науки – «судебная экспертология». При этом и высшее образование, и повышение квалификации для таких экспертов может быть на базе как филологии, так и юриспруденции; а работать они могут как в государственных, так и в негосударственных экспертных учреждениях; в последних – как на полной ставке, так и по поручению руководителей, например, в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина на базе научно-образовательного центра «Русист»[1] при кафедре русского языка факультета филологии и журналистики.

[1] Научно-образовательный центр «Русист» // Новый сайт Державинского: официальный сайт Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. URL: https://new.tsutmb.ru/about/str/nii/rusist (дата обращения: 10.11.2021).

Жанровое разнообразие лингвоэкспертологии велико: здесь и монографии, и научные статьи, и методические рекомендации, и учебники, и учебные пособия, и научно-популярные выступления в СМИ.

В этой публикации в журнале «Неофилология» хочется отметить два издания 2021 года: учебник «Судебная лингвистическая экспертиза»[2], который вышел в серии к 90-летию Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), и научно-информационное издание «ГЛЭДИС в цифровом пространстве»[3], ознаменовавшее 20-летний юбилей ГЛЭДИС – Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, одной из ведущих независимых экспертных организаций России. Автор учебника – профессор кафедры судебных экспертиз ИСЭ МГЮУ, доктор филологических наук и доктор юридических наук Е.И. Галяшина, известный теоретик и практик СЛЭ. Авторы юбилейной брошюры – основатель и председатель правления ГЛЭДИС, профессор РУДН М.В. Горбаневский и заместитель председателя, профессор кафедры массовых коммуникаций РУДН, почётный профессор Хэнаньского университета (Китай) Г.Н. Трофимова.

Учебник «Судебная лингвистическая экспертиза» вышел в московском издательстве «Проспект»; объёмом 424 страниц. Он рекомендован Ассоциацией образовательных учреждений «Судебная экспертиза» в качестве учебника для студентов, обучающихся по специальности «Судебная экспертиза», квалификация «судебный эксперт», и Редакционно-издательским советом МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА) для образовательных программ специалитета по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза», специализация № 5 – Речеведческая экспертиза.

Учебник состоит из 11 глав с контрольными вопросами, введения, списка рекомендуемых источников и приложений.

Во введении автор характеризует СЛЭ как одно из динамичных и одновременно самых проблемных направлений судебно-экспертной деятельности. «Общественно значимая роль лингвистической экспертизы во многом определяется тем, что её объектом является мысль, материализованная в Слове» (с. 7).

В первой главе, которая называется «Понятие и сущность судебной лингвистической экспертизы» и содержит 5 параграфов, автор раскрывает основные понятия, включая понятие речевого действия как правонарушения, показывает разницу в деятельности судебного эксперта-лингвиста и специалиста-лингвиста, а также рассказывает о генезисе СЛЭ в России. Здесь же автор подчёркивает, что «судебная лингвистическая экспертиза, будучи основанной на лингвистике как материнской науке, является не научной, а специфической практической – *судебно-экспертной* – деятельностью» (с. 17).

Вторая глава «Правовое обеспечение судебной лингвистической экспертизы» содержит 6 параграфов. В них сначала даётся общее представление о таком важнейшем факторе производства судебных экспертиз (в том числе лингвистической), как правовая регуляция, – профильным законом ФЗ-73 «О судебно-экспертной деятельности» (2001), процессуальным законодательством и другими документами. Затем раскрываются общие принципы деятельности лингвиста-эксперта в судопроизводстве, а в специальных параграфах конкретизируются особенности назначения СЛЭ по гражданским делам в судах общей юрисдикции, в арбитражном процессе, по уголовным делам и по делам об административных правонарушениях.

Третья глава называется «Предмет, цели и решаемые задачи судебной лингвистической экспертизы». Эти темы раскрываются в 5 параграфах; в том числе указывается место СЛЭ в классификациях судебных экспертиз. Специальный параграф посвящён ключевой позиции в методике СЛЭ – проблеме типовых вопросов в соответствии с типами речевых деликтов.

В 6 параграфах четвёртой главы под названием «Объекты судебной лингвистической экспертизы» раскрываются общие представления об объектах и предметах СЛЭ и

[2] *Галяшина Е.И.* Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Проспект, 2021. 424 с. ISBN 978-5-392-35201-2

[3] *Горбаневский М.В., Трофимова Г.Н.* ГЛЭДИС в цифровом пространстве. Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам – 20 лет. М.: ИПЦ «МАСКА», 2021. 176 с.

предлагается общая систематизация речевых произведений как объектов СЛЭ, а также их классификация по фактурам/каналам: письменно- и устно-речевые произведения, поликодовые и мультимодальные тексты электронной коммуникации.

Пятая глава посвящена субъекту СЛЭ, который называется и лингвистом-экспертом (в практике ГЛЭДИС, например), и экспертом-речеведом (в традициях ИСЭ МГЮУ/МГЮА). В 5 параграфах обсуждаются квалификационные и профессиональные требования к нему, его компетенции и компетентность, объём и состав его профессиональных знаний и его профессиограмма.

Шестая глава называется «Частная теория судебной лингвистической экспертизы», и в её 5 параграфах излагаются основы концепции: предмет и система, терминологический аппарат, методы и методики, а также информационно-поисковое обеспечение СЛЭ – на фоне общей судебной экспертологии.

Следующие три главы посвящены особенностям лингвистической экспертизы по трём основным кластерам: восьмая – по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации и по делам о клевете. Девятая – по делам об оскорблении. Десятая – по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. Структура этих глав похожа – они строятся от обсуждения понятийных основ этих родов речевых деликтов к их правовым признакам и лингвоправовым особенностям (включая интенциональные = целевые) и к алгоритмам лингвистического (лингвоэкспертного) анализа.

В 4 параграфах восьмой главы обсуждаются понятийные основы СЛЭ текстов диффамационной направленности; раскрывается понятие негативной информации, описываются формы её выражения, предлагаются методические основы этого рода СЛЭ.

В 6 параграфах девятой главы (об оскорблении) предлагается авторское понимание «тайны неприличной формы», о которой говорилось ещё в первой книге по проблемам лингвистической экспертизы (Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / [Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А.; отв. ред. А.К. Симонов; послесл. А.Р. Ратинова; Фонд защиты гласности]. М.: Права человека, 1997. 127 с. (Серия «Журналистика и закон»); ISBN 5-7712-0050-6): демонстрируется предметно-тематический и оценочно-экспрессивный анализ текста, а также в целом алгоритм анализа текста по таким делам.

Десятая глава содержит 5 параграфов, в которых описаны речевые правонарушения экстремистско-террористической направленности, объяснено, как реализуется в российских материалах международное понятие «язык вражды и ненависти». Формулируются методические основы СЛЭ текстов экстремистско-террористической направленности, предложены алгоритмы выявления признаков экстремизма на основе криминалистических диагностических комплексов и выявлены стадии исследования текста по таким делам.

Одиннадцатая глава посвящена типичным ошибкам назначения и производства СЛЭ и содержит 4 параграфа, в которые выявлены причины подобных ошибок и проанализированы их примеры из экспертной практики.

В список рекомендуемых источников автор включил 4 позиции: это нормативные правовые акты и судебная практика; научная и учебная литература (монографии, учебники, научные статьи); интернет-ресурсы, словари и энциклопедии онлайн.

Два приложения содержат примеры студенческих контрольных работ, выполненных в жанре судебной экспертизы и в жанре рецензии на заключение эксперта, и сопровождаемых преподавательскими комментариями. В первом приложении показано, как начинающие эксперты-речеведы выявляют наличие или отсутствие признаков пропаганды нацизма во фрагменте из переводного романа-фэнтези Т.Х. Уайта «Книга Мерлина»; эта экспертиза имеет условно-игровой характер. А во втором приложении заданием для студентов был анализ реальной рецензии на реальную комплексную психолого-лингвистическую экспертизу материалов, предположительно содержащих признаки экстремизма, на предмет её обоснованности и соответствия научно-методическим рекомендациям. Понятно, что во втором случае обеспечена анонимность материалов, легших в основу этого учебного задания.

В завершение рецензии укажем, что полнота представления проблематики СЛЭ, пропорциональность знаний судебно-экспертных (криминалистических и процессуальных) и знаний лингвоэкспертных (по широкому спектру отраслей современной лингвистики) делает этот учебник предпочтительным для работы в разных целевых аудиториях: как в высшем образовании, так и при переподготовке как на юридической, так и на филологической основе.

Другое обсуждаемое издание, «ГЛЭДИС в цифровом пространстве: Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам – 20 лет», вышло в ИПЦ «Маска» объемом 176 страниц и имеет научно-информационный характер. Деятельность ГЛЭДИС – выполнение экспертиз спорных текстов – изначально нацелена на защиту информационных прав всех возможных участников таких споров – в ипостасях истцов или ответчиков: журналистов и издателей, персонажей медиатекстов (в основном – отрицательных героев) и читателей. И на помощь в выяснении судебной истины тем, кто призван обеспечить соблюдение законности: прокурорам, судьям, адвокатам. А кроме того, на лингвоправовое просвещение широкой общественности. Издательская деятельность ГЛЭДИС весьма обширна: издавались материалы научных семинаров, хрестоматии лингвистических экспертиз, методические пособия по производству СЛЭ и памятки для сторон информационных (профессионально-этических) и судебных споров.

А эта юбилейная книга выходит во время бурного расцвета цифровых технологий, который сопровождается усложнением коммуникаций, активизацией конфликтов, в том числе лингвоправовых, повышением уровня информационных угроз. Эти обстоятельства предъявляют новые требования к работе лингвистов-экспертов, и ГЛЭДИС во всеоружии вступила в новую эпоху: именно Г.Н. Трофимова, заместитель председателя правления ГЛЭДИС, является в российской лингвистике пионером изучения русского языка в Интернете, автором фундаментальных монографий «Языковой вкус интернет-эпохи в России» (2004) и «Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга» (2020, в соавторстве с В.В. Барабашем).

Книга состоит из предисловия, 4 частей и послесловия.

Предисловие написал известный лингвист-эксперт и деятель высшего образования, проректор по науке ГИРЯП, вице-президент РОПРЯЛ, профессор М.А. Осадчий.

Первая часть имеет название “SINE IRA ET STUDIO” – в этом латинизме отражаются профессионально-этические принципы ГЛЭДИС. Презентация деятельности Гильдии отражена в названиях шести разделов. Раздел 1 – «Статус Гильдии. Краткая история и новые ориентиры»; раздел 2 – «Кредо. Основные цели и задачи»; раздел 3 – «Виды экспертных работ»; раздел 4 – «Руководители Гильдии и члены правления»; раздел 5 – “In memoriam”; раздел 6 – «Партнёры Гильдии».

Часть 2 – «ГЛЭДИС В WWW». Раздел 1 – «Структура веб-сайта Гильдии»; здесь дана самая общая его характеристика, которая конкретизируется дальше. Раздел 2 – «Ежедневная новостная лента». http://rusexpert.ru/. Раздел 3 – Библиотека: законы, методические пособия, монографии, статьи членов и партнеров Гильдии». http://rusexpert.ru/lc.html. Раздел 4 – «Интерактивный словарь терминов российского законодательства». http://rusexpert.ru/. Раздел 5 – «Примеры экспертных заключений». http://rusexpert.ru/expertise.html.

Часть 3 имеет название «СЛУЖИМ НАУКЕ, ИСТИНЕ И РОДНОЙ РЕЧИ». В её двух разделах републикованы выступления руководства Гильдии в юридических научных журналах: интервью председателя правления ГЛЭДИС профессора М.В. Горбаневского федеральному журналу «Судья» (октябрь 2020 г., № 10) и статья заместителя председателя правления профессора Г.Н. Трофимовой в журнале «Российская юстиция» (май 2021 г., № 5, рубрика «Язык и право»).

Часть 4 называется «ГЛЭДИС О СЕТЕВОМ БУМЕРАНГЕ» и составляет самостоятельный научно-методический интерес данного лингвоэкспертного издания. Раздел 1 – «Основные черты виртуального гипертекста и прогнозируемые тенденции его развития». Раздел 2 – «Новый формат текста – мультимедийный, поликодовый и интерактивный. Репостинг». Раздел 3 – «Ужесточение пара-

метров речевого поведения. «Язык вражды» vs толерантность». Раздел 4 – «Проблемы информационной безопасности на платформах Ютуб, Инстаграм, Телеграм, в соцсетях Фейсбук, ВКонтакте, ТикТок, в мессенджерах». Раздел 5 – «От речевого хулиганства в Сети, фишинга и кибербуллинга до разжигания межнациональной розни, пропаганды экстремизма и терроризма». Раздел 6 – «Герменевтика малых форм. Смайлики. Мемы. Демотиваторы. Значки. Знаки препинания».

В послесловии авторы утверждают: «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам в течение более двух десятилетий осуществляет свою деятельность как негосударственная структура, однако предельно ответственная перед Отечеством и его интересами». И, завершая книгу, напоминают всем пользователям сетей, платформ и мессенджеров и других каналов Всемирной сети об ответственном речевом поведении, преобразовав девиз ГЛЭДИС «Будь осторожен, выбирая слово» (слова советского поэта Николая Грибачёва) в предостережение цифровой эпохи:

«Будь осторожен, выбирая слово! Оно может вернуться сетевым бумерангом с правовыми последствиями».

Информация об авторе

Кара-Мурза Елена Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, член Научно-методического совета ГЛЭДИС (Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам) в субъектах РФ и за рубежом, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-2628-0218, Scopus ID: 57215681906, kara-murza-elena@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.12.2021
Одобрена после рецензирования 11.01.2022
Принята к публикации 24.02.2022

Information about the author

Elena S. Kara-Murza, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language Stylistics Department of Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Member of the Scientific and Methodological Council of GLEDID (Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes) in the territorial subjects of Russian Federation and abroad, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-2628-0218, Scopus ID: 57215681906, kara-murza-elena@yandex.ru

The article was submitted 15.12.2021
Approved after reviewing 11.01.2022
Accepted for publication 24.02.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology/
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

ПЕРСОНАЛИИ
PERSONALIA

К юбилею Ларисы Васильевны Поляковой

To Larisa Vasilievna Polyakova anniversary

Полякова Лариса Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Союза писателей России. Автор более 800 научных работ в региональных, центральных и зарубежных издательствах, в том числе 14 монографий.

Лариса Васильевна родилась 10 февраля 1942 года в д. Редькино Староюрьевского района Тамбовской области. Окончила филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (1967).

Первый серьёзный этап в становлении учёного-литературоведа – успешная защита кандидатской диссертации «"Кузница" в литературном движении 1920–1932 гг.» в 1973 году в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской. Докторская диссертация «Проблемы развития советской поэзии послевоенной эпохи (1946–1986): герой, традиции, поэтика» защищена в 1988 году в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

Почти 50 лет творческой деятельности Л.В. Поляковой связано с Державинским университетом. В 1973 году она начала преподавать в Тамбовском государственном педагогическом институте. С 1989 по 2011 год заведовала кафедрой истории русской литературы. С 2011 года по настоящее время – научный руководитель факультета филологии и журналистики.

Л.В. Полякова – авторитетный учёный и вузовский профессор с российской и международной известностью. Под её руководством учёными Тамбова и других городов России написаны и успешно защищены 12 докторских и более 30 кандидатских диссертаций. Область научных исследований Л.В. Поляковой широка и разнообразна. Она включает национальный культурный контекст русской литературы, творческое наследие Е.И. Замятина, теорию и методологию литературоведения. Ссылки на работы Л.В. Поляковой в отечественных и зарубеж-

ных литературоведческих журналах, монографиях, диссертациях, вузовской научно-методической литературе, библиографических изданиях многочисленны.

Л.В. Полякова – создатель научной школы «Исследование русской литературы в национальном культурном контексте», имеющей статус «Ведущая научная школа Тамбовской области». Проблематика проводимых научным коллективом исследований касается теоретических аспектов истории русской литературы, творчества ведущих её представителей, в том числе относящихся к «возвращенной» (не издававшейся в советской России с конца 1920-х годов) литературе, контекста национальной культуры, культуры русской провинции, в том числе Тамбовского края[1].

Ведущий вектор развития научной школы «Исследование русской литературы в национальном культурном контексте» – замятиноведческий. Под руководством Л.В. Поляковой с 1991 года в университете активно функционирует Международный научный центр изучения творчества Евгения Замятина с филиалами в Ягеллонском (Польша) и Елецком, представительством в Лозаннском (Швейцария) университетах. Проделана огромная работа по созданию, систематизации богатого фонда научной, художественной, документальной литературы, архивных материалов. Изданы научная серия в 14 томах «Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня» (1992–2007), «Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст» (2003), серия «Литературоведение на современном этапе. Теория. История литературы. Творческие индивидуальности» (2009–2014) к юбилеям писателя. И всё это – под руководством Л.В. Поляковой. Она является также соавтором и научным редактором фундаментальной антологии «Е.И. Замятин. Личность и творчество Евгения Замятина в оценке отечественных и зарубежных исследователей: pro et contra» (СПб., 2014). По непосредственной инициативе Л.В. Поляковой и многолетнем активном содействии участников тамбовских и елецких международных Замятинских чтений в 2009 году в бывшей тамбовской замятинской Лебедяни открыт Домм музей Е.И. Замятина. По ходатайству руководства Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина решением Тамбовской городской Думы в 2014 году в городе Тамбове появилась улица Евгения Замятина.

Успешная деятельность научной школы и отдельных её представителей на протяжении более чем 30 лет своего существования получала и получает многочисленные положительные отклики отечественных и зарубежных специалистов. Заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса МГУ им. М.В. Ломоносова профессор М.М. Голубков отметил широкую проблематику исследовательского поля школы и вовлечённость в её орбиту учёных различных российских регионов: «Несмотря на географическое «рассеяние» представителей школы (Тамбов, Москва, Воронеж, Елец, Благовещенск, Пенза, Мичуринск, Борисоглебск и др.), она функционирует как генетически единый организм, эффективно включённый в сложную систему современного научного знания». «Дорогая Лариса Васильевна! Точно знаю, что без Вас, без Ваших научных открытий, без Ваших стараний по организации симпозиумов, без Ваших публикаций замятиноведение не было бы той интереснейшей и живейшей областью науки, в какую оно превратилось», – пишет Леонид Геллер, руководитель Лозаннского представительства Замятинского центра (Швейцария). «Благодаря Вашему таланту и Вашим усилиям, – обращается к Л.В. Поляковой Райнер Гольдт, профессор Института славистики университета имени Иоганна Гутенберга (г. Майнц, Германия), – тамбовская литературоведческая школа приобрела международную репутацию. Изданные под Вашим руководством и при Вашем участии монографии и сборники пользуются авторитетом среди славистов всего мира и подняли замятиноведение на совершенно новый уровень».

Закономерно, что Международный научный центр изучения творческого наследия Е.И. Замятина, основанный и бессменно воз-

[1] Подробная информация о деятельности научной школы «Исследование русской литературы в национальном культурном контексте» размещена на официальном сайте Державинского университета. URL: https://www.tsutmb.ru/nauka/uploaddata/nauch-shkoly/rus-lit/rus-lit.pdf

главляемый Л.В. Поляковой, включён в энциклопедию «Литературные музеи России», подготовленную Государственным литературным музеем имени В.И. Даля (Москва).

В последнее десятилетие профессор Л.В. Полякова активно разрабатывает теорию филологической регионалистики как одного из перспективных направлений современной литературоведческой науки. Необходимость и закономерность усиления именно этого исследовательского вектора научной школы подготовлены многолетним опытом изучения широкого спектра литературных реалий Тамбовского края с учётом его исторического, экономического, политического, культурного развития, что значительно расширяет возможности традиционного литературно-краеведческого направления. Ранее под руководством Л.В. Поляковой и при непосредственном её авторстве написан и издан целый цикл учебной и научно-популярной литературы по вопросам культурного наследия Тамбовского края и его изучения в школах и вузах региона.

На протяжении многих лет ведётся целенаправленная работа по созданию современной учебно-методической базы для изучения отечественной словесности. Авторским коллективом под руководством профессора Л.В. Поляковой создан уникальный цикл программ для филологических факультетов классических университетов с полным учебно-методическим их обеспечением (История русской литературы: в 13 кн. 1–5 курсы / под ред. проф. Л.В. Поляковой. Тамбов, 2000). В гуманитарных вузах России молодыми филологами активно востребована получившая положительные отклики в центральной и региональной печати работа Л.В. Поляковой «Литературоведение. Введение в научно-исследовательскую практику, проблематику и терминологию. Курс лекций для аспирантов» (Тамбов, 2012). Профессор Л.В Полякова является соавтором современного учебника для вузов по литературе XX века, написанного коллективом авторов: История русской литературы XX века: в 2 ч. Учебник для бакалавров филологических факультетов / под ред. В.В. Агеносова. М.: Юрайт, 2019.

Связь с образовательными учреждениями региона осуществляется и в форме материальной поддержки талантливых обучающихся. Учёным советом ТГУ имени Г.Р. Державина и администрацией Староюрьевского, родного для Ларисы Васильевны, района около 20 лет назад учреждена именная стипендия профессора Л.В. Поляковой, которая ежегодно вручается лучшим старшеклассникам по результатам специально объявленного в учебном году конкурса по русскому языку и литературе.

Неутомимость в работе, активная научная и просветительская позиция не позволяют Ларисе Васильевне останавливаться на достигнутых значительных результатах и состоявшемся международном признании. В юбилейном 2022 году ожидается выход её новой солидной монографии «Проза Е.И. Замятина. Историософские искания художника». Оксфордское отделение международного научного издательства «Питер Ланг» (Peter Lang) подготовило к печати монографию “A Culture of Discontinuity? Russian Cultural Debates in Historical Perspective”, одну из глав которой написала Л.В. Полякова. В числе недавних зарубежных конференций, в работе которых Лариса Васильевна приняла очное участие, – международные конференции «Русская литература: преемственность и инновации» (Китай, Вэйхай, июль 2013), «Культура прерывности? Русские культурные дебаты в исторической перспективе» (Англия, университет центрального Ланкашира, 2016).

От первой публикации – небольшой заметки студентки МГУ «Письмо из Москвы», напечатанной в областной газете «Комсомольское знамя» (21 сент. 1962), – до новой монографии Лариса Васильевна Полякова выступает как цельная личность с определённой жизненной позицией, твёрдыми принципами, глубокой научной концепцией, которую она бескомпромиссно отстаивает на любых уровнях. Маэстро литературы, несгибаемый пассионарий – так характеризуют работоспособность, авторитет, принципиальность Ларисы Васильевны её коллеги. С гордостью за принадлежность к коллективу учеников Л.В. Поляковой определяет высокий уровень школы Н.Н. Комлик, доктор филологических наук, профессор (г. Елец), выполнившая докторскую диссертацию при научном консультировании Л.В. Поляковой: «Научные результаты и достижения этой

школы организуют мощный духовный поток, который течёт сквозь время и пространства, объединяя эпохи, города, учёных разных стран. Такое по плечу только крупной, масштабной личности, каковой является Лариса Васильевна. Она – огромный мир, суверенный, независимый, не приспосабливающийся ко времени и интеллектуальной моде. Её голос ясно различим в многообразном филологическом дискурсе. Её слово – весомо и благородно, “точно матовое серебро”».

Активная, многосторонняя и плодотворная деятельность Л.В. Поляковой в сфере образования, науки, просвещения отмечена Всероссийской премией «Преображение России» имени С.Н. Сергеева-Ценского, литературной премией имени А.К. Воронского, Рахманиновской литературной премией, нагрудным знаком администрации Тамбовской области «За развитие сферы образования Тамбовской области», Почётным знаком «За заслуги перед городом Тамбовом», высшими наградами Державинского университета.

Ректорат Державинского университета, факультет филологии и журналистики, родная кафедра русской и зарубежной литературы, редакция рецензируемого научно-теоретического журнала «Неофилология» сердечно поздравляют Ларису Васильевну со значительным юбилеем и желают ей здоровья, долгих лет активной жизни, благополучия и новых успехов! Благодарим Вас, Лариса Васильевна, за беззаветное служение науке и образованию!

Избранный список научных, учебно-методических трудов профессора Л.В. Поляковой

1. Полякова Л.В. Поэзия рабочего мая. Очерк творчества Василия Казина: монография. М.: Сов. писатель, 1977.

2. Полякова Л.В. Современная советская поэзия и проблемы реализма: монография. М.: Изд-во МГПИ, 1984.

3. Полякова Л.В. Поэзия и современность: «за» и «против»: монография. М.: Современник, 1989.

4. Полякова Л.В. Цена битв. Из истории литературной борьбы советской эпохи: монография. Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 1991.

5. Первые российские Замятинские чтения: материалы чтений / отв. ред. Л.В. Полякова. Тамбов: ТГПИ, 1992.

6. Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: в 14 кн.: материалы Междунар. Замятинских чтений / под ред. Л.В. Поляковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1994, 1997, 2000, 2003, 2004, 2007.

7. Евгений Замятин. Избранные произведения. Роман «Мы». Рассказы / вступ. ст., сост., коммент. Л.В. Поляковой. М.: Междунар. изд. дом «Синергия», 1997, 2000.

8. Полякова Л.В. Поэма В.Д. Фёдорова «Женитьба Дон-Жуана»: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998.

9. Полякова Л.В. Евгений Замятин в контексте оценок истории русской литературы как литературной эпохи. Курс лекций. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. Рекомендован Научно-методическим советом по филологии УМО университетов РФ в качестве учебного пособия по спецкурсу.

10. Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст: межвузовский региональный проект / колл. авт.; рук. проекта и науч. ред. Л.В. Полякова; автор «Введения в энциклопедию» Н.Н. Комлик. Тамбов; Елец, 2004.

11. Полякова Л.В. Теоретические и методологические аспекты истории русской литературы XX–XXI веков: монография. Тамбов: Пролетарский светоч, 2007.

12. Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. Вып. 1: материалы Междунар. конгресса литературоведов 5–8 окт. 2009 г. / отв. ред. Л.В. Полякова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009.

13. Полякова Л.В. Русская литература: индивидуально-творческий колорит: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012.

14. Полякова Л.В. Литературоведение. Введение в научно-исследовательскую практику, проблематику и терминологию. Авторский курс лекций для аспирантов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012.

15. Полякова Л.В. Литературоведение. Введение в научно-исследовательскую практику, проблематику и терминологию [Электронный ресурс]: авторский курс лекций для аспирантов. 2-е изд., исправл., доп. М.: ФЛИНТА, 2015.

16. Полякова Л.В. К теории межкультурной коммуникации: национальная идентичность как литературоведческая проблема // Меѓународен дијалог: исток – запад (култура, славјанство и економија): зборник на научни трудови Трета меѓународна научна конференција. Свети Нико-

ле, Р. Македонија; Тамбов, Руска Федерација, 2012.

17. Полякова Л.В. «Господи, помилуй, как мучительно трудно быть русским»: скифский сюжет русской литературы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 7 (111). С. 9-21.

18. Полякова Л.В., Костин Е.А. Шолоховедение // Шолоховская энциклопедия / колл. авт.; гл. ред. Ю.А. Дворяшин. М.: Изд. Дом «Синергия», 2013. С. 1035-1054.

19. Полякова Л.В. Поэзия Г. Р. Державина в научных концепциях и оценках на страницах тамбовских изданий 1990-х – 2000-х гг. Компендиум // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 3 (119). С. 9-31.

20. Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. Вып. 2: по материалам Междунар. конгресса литературоведов 1–4 окт. 2014 г.: в 2 кн. / отв. ред. и сост. Л.В. Полякова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

21. Е.И. Замятин: Pro et contra. Личность и творчество Евгения Замятина в оценке отечественных и зарубежных исследователей: антология / науч. ред. Т.Т. Давыдова, Л.В. Полякова; сост. О.В. Богданова, М.Ю. Любимова, вступ. ст. Е.Б. Скороспеловой. СПб.: НП «МОПО «Апостольский город – Невская перспектива», 2014.

22. Полякова Л.В. «Это наше, русское, русская книжная казна!» (к творческому портрету Е.И. Замятина) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 2. С. 58-65.

23. Полякова Л.В. Филологическая регионалистика как наука // Вопросы литературы. 2015. № 3. С. 186-201.

24. Полякова Л.В. Голгофа русской литературы в ракурсе национальной антропологии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Вып. 3 (143). С. 45-59.

25. Полякова Л.В. «Что такое классик?»: к проблеме соотношения литературных рядов // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. Серія: Філологічні науки. Литературознавство. 2016. № 1. С. 184-196.

26. Полякова Л.В. Понятийные «рифы» в развитии науки о литературе: «история литературы» и её периодизация как проблема. Тезисы к методологии историко-литературного исследования // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 5. С. 34-42.

27. Полякова Л.В. «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина в историко-литературном дискурсе. К 250-летию со дня рождения писателя // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 4. С. 7-20.

28. Творческое наследие Е.И. Замятина в новых научных концепциях и гипотезах. К 135-летию со дня рождения писателя: колл. монография / науч. ред. Л.В. Полякова, Н.Ю. Желтова; предисл. Л.В. Полякова. Тамбов: Принт-Сервис, 2019.

29. «Замятинская энциклопедия» в международной дискуссии: [материалы «круглого стола»] / подгот. О.В. Толмачёва // Неофилология. 2019. Т. 5. № 18. С. 221-260. Авт. выступлений: Л.В. Полякова, М.Ю. Любимова, О.Ю. Осьмухина и др.

30. Полякова Л.В. Надо ли «изгонять из чертогов российской словесности бледный призрак» понятия «серебряный век»? К проблеме периодизации русской литературы XX века // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения): материалы VII Междунар. науч. конф. М.: Макс пресс, 2020. С. 15-17.

31. Полякова Л.В. «Человек-артист» // Русская литература: XX век и современность: колл. монография к юбилею проф. М.М. Голубкова. М.: МАКС-Пресс, 2021. С. 1-19.

32. Полякова Л.В. Научная история русской литературы XX века как ценностный критерий развития искусства слова этой эпохи // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («IV Смирновские чтения»): материалы IV Междунар. науч. конф. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2021. С. 171-180.

Издания краеведческой направленности

1. Культура русской провинции. Проблемы изучения литературного наследия Тамбовского края / под общ. ред. Л.В. Поляковой. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 1993, 1999. Вып. 2-3.

2. «Я с Россией до конца…» С.Н. Сергеев-Ценский и современность: Научные доклады, статьи, тезисы / под ред. Л.В. Поляковой. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 1995.

3. Полякова Л.В. Выбор. Страницы литературно-краеведческой критики: монография. Тамбов, 1996.

4. Полякова Л.В. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков. (Краткое изложение авторского курса лекций). Тамбов, 2004.

5. Староюрьево на поэтической карте современной России: сборник стихов / координатор издания и автор вступ. ст. Л.В. Полякова. Тамбов, 2005.

6. Дорожкина В.Т., Полякова Л.В. Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: справочник. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006.

7. Литературное краеведение. Программа курса регионального компонента базисного учебного плана / сост. Л.В. Полякова, В.Т. Дорожкина, А.В. Лежнев, Т.Ф. Попова. Тамбов, 2006.

8. Литературное краеведение. 8 класс: хрестоматия для учащихся общеобразовательных учебных заведений / сост. Л.В. Полякова, В.Т. Дорожкина. Тамбов: Юлис, 2006.

9. Литературное краеведение. 9 класс: хрестоматия для учащихся общеобразовательных учебных заведений / сост. Л.В. Полякова, В.Т. Дорожкина. Тамбов: Юлис, 2006.

10. Полякова Л.В., Дорожкина В.Т. Литературное краеведение. Пособие для учителя: в 2 ч. / под науч. ред. Л.В. Поляковой. Тамбов, 2006.

11. Полякова Л.В., Дорожкина В.Т., Гаранина Е.А., Федотова С.В. Литературное краеведение. Учеб. пособ. для учащихся 8–9 кл. / под науч. ред. Л.В. Поляковой. Тамбов, 2007.

12. Полякова Л.В. Современная поэзия Тамбовского края: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2010.

13. Полякова Л.В. Тамбовская магистраль русской литературы: монография. Тамбов: Тамб. отд-ние Литфонда России, 2011.

14. Полякова Л.В. К портрету современной поэзии Тамбовского края о Великой Отечественной войне. Литературно-критическая мозаика // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Вып. 5 (145). С. 7-16.

15. Полякова Л.В. С.Н. Терпигорев (Сергей Атава): страница русской литературной классики: Тамбовская акварель. Тамбов: Принт-Сервис, 2017.

Избранный список источников о научной, творческой деятельности Л.В. Поляковой

1. Л.В. Полякова. Материалы к творческой биографии / сост. Н.В. Сорокина, Е.Н. Мануйленко. Тамбов, 2002.

2. Кто есть кто в русском литературоведении: справочник: в 3 ч. / РАН, ИНИОН, ИМЛИ им. А.М. Горького. М.: ИНИОН, 1994. Ч. 3. П-Я. С. 33-34.

3. Желтова Н.Ю. Маэстро литературы (к юбилейному портрету профессора Л.В. Поляковой) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2001. Вып. 4 (24). С. 106-112.

4. За 10 лет: избранные страницы хроники и переписки. К 60-летию профессора Л.В. Поляковой / сост. Е.А. Лядова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2002. Вып. 3 (27). С. 176-189.

5. Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 457.

6. Полякова Лариса Васильевна // Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина: словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. Тамбов, 2004. С. 381-382.

7. Русская литература XX века: онтология и поэтика. Научная школа профессора Л.В. Поляковой. Тамбов, 2005.

8. Казьмина Е.О., Казьмин О.А. Созвездие «Тамбовская лира»: справочник. Тамбов, 2006. Ч. 1. С. 37-40.

9. Вестник Тамбовского университета. Кафедра истории русской литературы. 1994–2009. Приложение к журналу. Тамбов, 2009.

10. Международный научный центр изучения творческого наследия Е.И. Замятина // Вестник Тамбовского университета. Кафедра истории русской литературы. 1994–2009. Приложение к журналу. Тамбов, 2009. С. 122-126.

11. Кто есть кто в российском литературоведении: биобиблиографический словарь-справочник. М.: РАН; ИНИОН, 2011. С. 269-271.

12. Кто есть кто в Тамбове и Тамбовской области: сб. биографий самых авторитетных и влиятельных лиц Тамбова и Тамбовской области. Тамбов, 2011. С. 133-134.

13. Юбилею профессора Л.В. Поляковой посвящается // Державинский вестник. Специальный выпуск / сост. и отв. за выпуск Н.Ю. Желтова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. 10 февр. С. 1-36.

14. Желтова Н.Ю. Учёный, критик, педагог // Филологическая регионалистика. 2012. № 1. С. 93-96.

15. Сорокина Н.В., Толмачёва О.В. Избранная экспресс-хроника. Из жизни кафедры истории русской литературы, научной школы «Исследование русской литературы в национальном культурном контексте» и деятельности их руководителя Л.В. Поляковой (2000–2011) // Филологическая регионалистика. 2012. № 1. С. 96-104.

16. Скороспелова Е.Б., Голубков М.М. Личность современного учёного: несгибаемый пассионарий. К юбилею профессора Л.В. Поляковой // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. М., 2017. № 2. С. 108-116.

17. Тамбовская энциклопедия / гл. науч. ред. А.Ю. Ильин. Изд. 2-е, испр., перераб. и доп. Тамбов: Центр поддержки музейного дела «Провинциальные усадьбы», 2020.